

AMICEL

Серия "HORROR"
Сборник рассказов ужасов

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редактор
Молчанова И.Д.

Корректоры
Зубина К.И.
Мещерякова Г.А.

Технический редактор
Решетова А.Е.

Компьютерный набор
Володарская Т.В.
Рожкова В.Б.

Это очень увлекательная и очень страшная книга! Это первое в нашей стране столь богатое собрание переведенных с английского рассказов самого популярного сегодня жанра, представленного здесь во всем разнообразии тем и авторских стилей. Каждый читатель найдет на этих страницах чего бояться. И лишь одного может не бояться никто: скучно не будет!

Д ~~4703040100-002~~ без объявл.
070219-92

ISBN 5-87012-004-2

- © РИПОЛ, Джокер, 1992
- © Молэксимп, 1992
- © Перевод Н. Куликовой, 1992
- © Перевод В. Полищук, 1992
- © Оформление С. Атрошенко, 1992
- © Составление К. Андронкина, 1992

О ПОЛЬЗЕ СТРАХА

О, ужас!

Идет вторая половина 1992 года, а в нашей стране издано совсем немного подобных книг. Точнее, подобных этой вы вообще не найдете. Потому что «Дом ужасов», открывающий нашу серию «Ноггог» — это первое на русском языке собрание лучших англо-американских образцов жанра. Да, читать эти рассказы можно по-разному: и с дрожью, с трепетом душевным; и спокойно, вдумчиво, аналитически; и даже с иронией, со скептической улыбкой на губах. Но не прочесть их нельзя, раз уж вы открыли нашу книгу.

Убеждены: каждый найдет в ней что-то свое. И никто не сможет сказать, что это скучотища, тягомотина, тоска зеленая. И неудивительно, поскольку собрать необычные, интригующие, но обязательно интересные рассказы было нашей целью или, если хотите, «сверхзадачей». Ну, а то, что они частенько пугающие, жутковатые, а то и просто страшные...

А почему бы и нет? Если разобраться, то так ли уж страшно, что многие писатели пишут о вещах, которые заставляют нас с замиранием сердца, забыв обо всем творящемся вокруг, следить за развитием жутковатого сюжета, ввергают человека в состояние, когда и оторваться невозможно, и на темную кухню выйти одному боязно?

Тяга к литературному «самоистязанию» зародилась в глубокой древности и имеет долгую и весьма почтенную традицию. Фольклор любого народа изобилует историями о призраках, восставших из гроба мертвецах, оборотнях и прочей нечисти. Сочинение «страшных» историй процветало во всех странах и, что особенно показательно, во все времена. Как ни странно, тяготы, лишения, гнетущая бесперспективность реального повседневного бытия никогда не ослабляли интереса к такого рода литературе. Почему? Что находили в ней массы людей, зачитывающихся леденящими кровь историями?

Некоторые известные писатели — признанные авторитеты жанра «ужасов» — считают, что «с помощью таких рассказов читатель обретает нечто вроде катарсиса — очищение от своих страхов и рефлексий» (Д.Сэйерс); другие полагают, что люди просто «чувствуют бессилие собственных попыток установить контроль над окружающими их предметами и явлениями и, читая такие рассказы, могут хотя бы отчасти отыскать причину своих тревог во внешних обстоятельствах» (С.Кинг); третьи как бы вопрошают: «А разве не была вся литература о сверхъестественных ужасах всего лишь попыткой сделать саму смерть возбуждающей — чудом и странностью, которая будет волновать нас вплоть до тех пор, пока не постучит в наши двери?» (Ф.Лейбер).

Один из столпов жанра, покойный ныне Х.Ф.Лавкрафт, объяснял тягу людей к таинственным историям тем, что «они всегда несут в себе нечто большее, нежели просто загадочное убийство — в них присутствует атмосфера напряженности, необъяснимого страха перед внешними, неведомыми нам силами», а общепризнанный корифей «психологической жути» А.Хичкок и вовсе наделял подобные произведения силой терапевтического снадобья, утверждая, что они «очищают разум человека от темных, нередко убийственных влечений и подсознательных греховных импульсов и позволяют насладиться видением крамольных деяний, на совершение которых у них самих никогда не хватало духа, хотя, возможно, и очень хотелось». Если же кому-то этот перечень высказываний признанных знатоков жанра покажется недостаточно

убедительным, сошлемся на... Аристотеля, который утверждал, что «страх так же освежает и обновляет дух, как и сострадание».

Скажите откровенно, с вами никогда не случается такого, чтобы, столкнувшись с чем-то неизвестным, вы, в первые мгновения ощутив страх, начинаете вдруг испытывать неумолимое влечение к окутавшей вас тайне, потрясшему вас явлению, трепещете перед его смутной, мрачноватой неопределенностью и отказываетесь повернуться и уйти прочь, оставив загадку неразрешенной? Почему в душе респектабельного джентльмена затаилась глубокая, неискоренимая неприязнь к английским дамам, и вообще, при чем здесь «Казнь Дэмьена»? Какая сила заставляет молодого мужчину ночью бродить по подземным туннелям современного города, тогда как в глазах окружающих последствия столь необычного увлечения могут показаться всего лишь заурядным «Случаем в метро»? Легко ли на душе у женщины, в безоглядном ужасе мечущейся по пустому дому, за окном которого промелькнуло незнакомое лицо и бушует «Гроза»? Что может испытывать человек, которого ждет жестокое испытание «Медной чашей»? Что занимает все помыслы и согревает душу одинокого «Бледного мальчика» — да и есть ли у него вообще душа?..

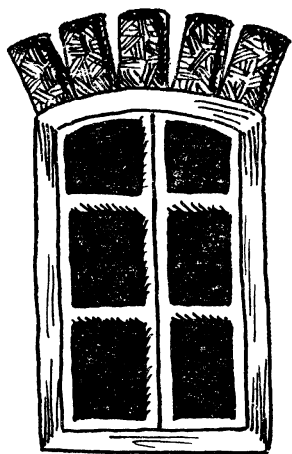
Да, в этих рассказах есть страх, но, как правило, это страх-загадка, страх-ожидание, страх-предвкушение, страх-интерес, и потому он не воспринимается, как угроза нашему собственному существованию. Ведь любые жуткие образы — это, в конечном счете, плод воображения самого читателя, которого автор словно берет за руку и ведет в мир своих фантазий, угрюмых грез и мрачных видений.

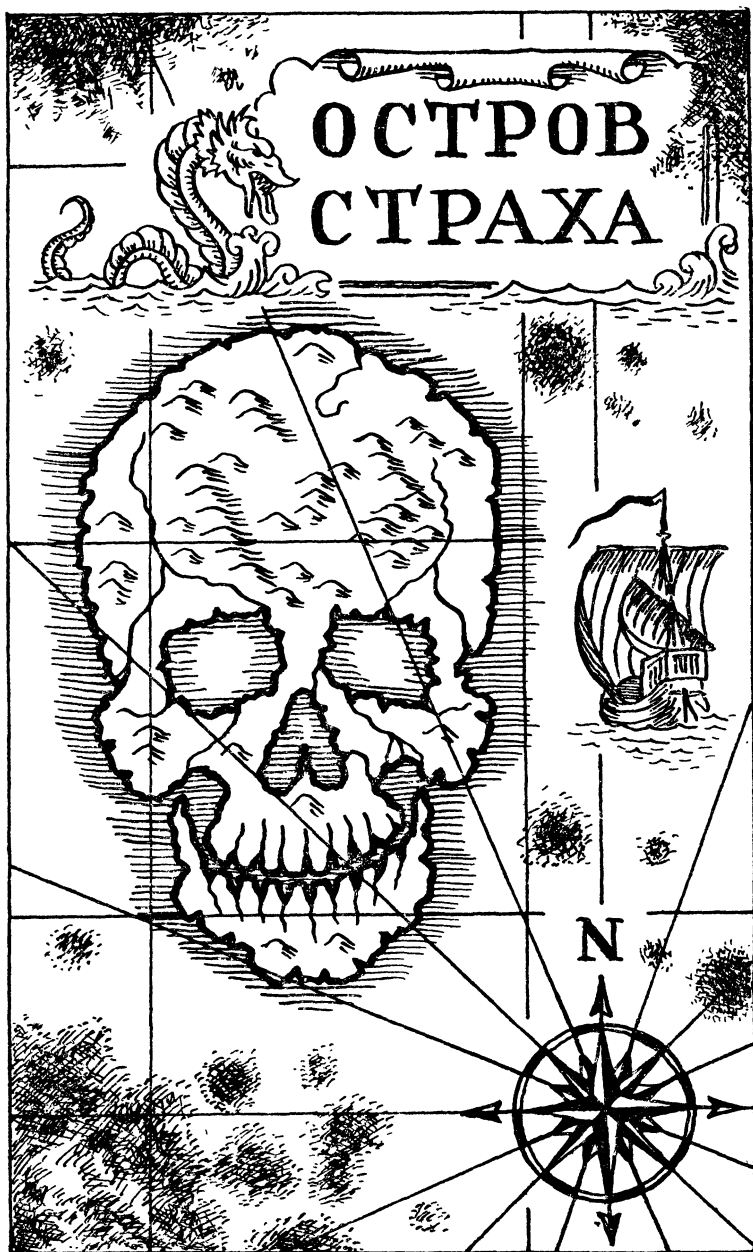
Итак, уважаемый читатель, если вы все же добрались до конца этого предисловия, советуем вам: постарайтесь хоть ненадолго отвлечься от проблем и волнений минувшего дня, выключите в квартире весь ненужный свет и уединитесь с этой книгой в удобном кресле.

Побродите по нашему «Дому ужасов», по его зловещим коридорам и комнатам, вздрагивая от скрипа медленно открывающихся дверей, замирая от внезапного воя ветра в ды-

моходе, исследуйте каждый уголок этого дома, рискните спуститься в мрачный, едва освещенный подвал, где у самой дальней стенки шевельнется вдруг... Бойтесь? Бояться можно, даже нужно, Но, главное, — помните, повсюду с вами будет незримо присутствовать надежный и опытный проводник —

Издательство «Джокер»

КАЛИ

Джон Кифовер

Я знаю, когда начался этот кошмар, и почему. Я знаю его прошлое и настоящее. Знаю и то, что ждет меня завтра. И конца этому не будет.

Я уже смирился с этой мыслью, склонил перед ней голову. Этот крест мне суждено нести до самой своей смерти.

Но я не могу, и, наверное, никогда не смогу смириться с неестественностью происходящего. Вид крови создает у меня ощущение тепла, острее хорошо наточенного и многократно испытанного в деле ножа приносит облегчение, смерть кажется такой приятной.

А весь ужас заключается в том, что кошмарные вещи делают меня счастливым.

Все так странно, так чудовищно странно: я, всегда испытывавший отвращение при виде крови; я, всегда так любивший животных; я, добрый человек, работавший школьным учителем. И вот кем я стал. Готов поклясться. И все же в течение нескольких последних недель, а может и месяцев — время давно утеряло для меня свое бывшее значение, — я пришел к мысли, что в основе моего кошмара, если, конечно, очистить его от оккультизма и мистических индуистских наслоений, лежит самая обыкновенная жестокость.

Ну и, конечно, та девушка. Женщина, спокойное, могущественное создание, загадочная, смуглолицая индуска с масляными глазами. Она появилась подобно цветку, возросшему на бедной, чахлой почве нищеты, и ввергла меня в мир ужаса, зверства и крови. Так что свой кошмар я во многом считаю его даром.

Пожалуй, как только она сказала мне, что ее зовут Кали, я должен был что-то заподозрить или хотя бы испытать определенную нерешительность. Я знал, Кали у индусов является богиней смерти и разрушения, но одновременно и материнства. Однако в тот момент я был настолько очарован ее красотой и кротостью — да-да, именно кротостью, — что не стал утруждать себя размышлениями по поводу смысла ее имени и лишь наслаждался его благородным, почти музыкальным звучанием.

Кали я повстречал в Калькутте в жаркое летнее утро. Было это примерно два месяца назад. Обычный школьный учитель из Сан-Франциско, я много месяцев скапливал день-

ги, чтобы провести свой отпуск в Индии. Меня с детства привлекали к себе мистицизм, античность, религия и спокойная, на первый взгляд малоподвижная энергия индусов, так что я задался целью посетить эту страну. В Калькутту я прилетел поздним июньским вечером, и уже на следующее утро повстречал Кали — она стояла у дверей государственного туристического агентства, располагавшегося на старой Корт-хауз стрит.

Я почему-то сразу же почувствовал, чем занимается эта девушка. По сути дела, она была самым обычным экскурсоводом-любителем, работавшим без лицензии и старавшимся подцепить клиента еще до того, как он вступит под воды правительственного учреждения. Разумеется, меня уже тогда могло бы насторожить, что официально она никем не числилась, однако, повторяю, она была так прекрасна в своем ослепительно-ярком сари. Черные как смоль волосы, поблескивающие зубы, глаза, излучающие мерцание теплых озер. Короче говоря, она была красивой молодой женщиной, а я — молодым мужчиной, весьма изголодавшимся холостяком, вполне симпатичным и достаточно интеллигентным, чтобы продемонстрировать некоторую разборчивость.

Своей улыбчивой фразой «Доброе утро, сэр», она буквально пригвоздила меня к месту, после чего спросила:

— Не могу ли я показать вам Калькутту?

Ее правильное английское произношение странным образом сочеталось с индийской национальной одеждой.

— Почему бы и нет? — с легкостью ответил я и тоже улыбнулся. Она понравилась мне сразу — на мою же беду.

Довольно быстро мы прошлись по всем пунктам программы осмотра городских достопримечательностей и, надо сказать, она просто мастерски обращала мое внимание на заслуживавшие особого внимания детали.

— Я тоже небогата, — проговорила она со смехом, который взорвался во мне фонтаном брызг шампанского, и именно в этот момент, да, в тот самый момент между нами возникло взаимопонимание, эмпатия, словно электрическая цепь замкнулась — назовите это как вам будет угодно. Это было нечто, возникавшее во все времена и у всех народов между мужчиной и женщиной, когда его или ее ключи точно подходят к замку партнера. Мне захотелось прикоснуться к ней.

Постепенно ее профессионализм, столь поразивший меня в начале нашей экскурсии, начал угасать — и именно тогда у меня появилось желание посетить храм Кали. Оглядываясь назад — а я помногу раз мысленно возвращался к тем дням, перебирая в мозгу каждую мельчайшую деталь нашей первой встречи и последовавших за этим перемен во мне, — я вспо-

минаю, что из всех туристских достопримечательностей, которые упоминала девушка, лишь одно название она повторяла по нескольку раз, явно уделяя ему не только больше внимания, чем всем остальным, но и выказывая гораздо большее почтение. Это был храм Кали. Нетрудно было догадаться, что в ее сердце он занимал самое почетное место. Да, теперь я понимаю, к сожалению, слишком поздно, что ей самой очень хотелось сходить туда вместе со мной.

И когда я согласился — отчасти чтобы доставить ей радость, а отчасти и потому, что я много читал об этом святилище, где в присутствии посетителей совершается процедура умерщвления жертвенного козла, — мне сразу же бросилось в глаза, как расцвело, оживилось ее и без того прекрасное лицо, с которого слетели последние остатки профессиональной сдержанности. Одним словом, весело болтая, мы отправились в храм Кали.

Если бы у меня тогда оставались хотя бы жалкие крупички моей осторожности (а следует признать, что до встречи с Кали я всегда считал себя человеком, руководствующимся скорее рассудком, нежели зовом эмоций), то я бы уже тогда проявил определенные колебания, прежде чем отправился в подобное путешествие. Тому было несколько причин, хотя вполне достаточно и одной: приставание индийской женщины к незнакомому мужчине, да к тому же иностранцу, пусть даже по каким-то деловым вопросам, считалось в этой стране явно ненормальным и даже подозрительным. Я также практически оставил без внимания предостерегающий жест служащего туристского бюро, когда он, глядя на меня и Кали, медленно покачал головой — а ведь я заметил его движение, но попросту отмахнулся от него.

Сейчас я уже не помню названия улицы, на которой стоит этот храм, хотя месторасположение его никакого значения не имеет. Помню только то, что это было на некотором удалении от Дэлхаузи-сквер, являющейся своеобразным нервным центром Калькутты; кроме того в памяти остались несколько бесцельно бродивших по грязным, узким улицам священных коров, бесчисленные скрипучие повозки, белые чалмы на головах мужчин и одетые в сари женщины. Перед входом в храм расположилась целая толпы одетых в лохмотья, ободранных попрошайек, и я обратил внимание, сколь разителен был контраст между всей этой нищетой и стоявшим прямо по центру ее храмом — сияющим, украшенным резными орнаментами зданием, стены которого были украшены сверкающими кусочками позолоченного и посеребренного стекла. Когда все это отребье увидело выходящего из такси иностранца, то есть меня, они тут же бросились вперед и

обступили меня со всех сторон. Однако, заметил Кали, тут же отпрянули назад, опустили глаза и, как мне показалось, даже испугались. Меня это поразило. Она ничего им не сделала, не сказала ни слова, не изменилось даже выражение ее лица. Похоже, нищих испугало само ее присутствие. Тогда это произвело на меня сильное впечатление, но позже — уже сейчас — я проклиная себя за то, что не распознал в ней носителя зла. Нищие распознали, но это было и естественно — они знали ее; а я не знал.

Снова и снова оглядываясь на минувшие события, я понимаю, что в те минуты даже почти ни о чем не думал, наблюдая повсюду, как собравшиеся внутри сверкающего храма верующие демонстрируют по отношению к этой молодой женщине благоговейное почтение, смешанное со страхом. Когда вся эта бедная публика расступалась перед ней, быстро отводя взгляды и образуя живой коридор в толпе, я подумал, что причиной тому является весьма простое обстоятельство: экскурсовод привела в храм богатого иностранца. Молящиеся быстро клали перед статуей богини купленные тут же у входа в храм гирлянды цветов, и уходили, в результате чего довольно скоро мы остались почти в полном одиночестве. Именно тогда я впервые заметил выражение лица моей спутницы при виде божественной скульптуры, обратил внимание на его преданное, подчеркнуто напряженное выражение, благодаря которому она и сама стала чем-то походить на богиню. Да, пожалуй именно тогда меня впервые посетила мысль о том, что было в моей спутнице что-то необычное, чувствовалась в ней какая-то противоестественная неловкость.

А сама богиня, супруга Шивы-Разрушителя, одного из богов, входящих в священную индуистскую троицу, представляла из себя поистине чудовищное творение. Трехглазая, четверорукая, покрытая золотой краской, почти полутораметровая статуя с зияющим ртом и торчащим из него языком; тело ее обвивали кольца металлических змей, а сама она танцевала на предмете, отдаленно напоминавшем труп человека. Ее серьги изображали мертвецов, ожерелье представляло собой нить с нанизанными черепами; лицо и груди были покрыты чем-то кроваво-красным. Две из ее четырех рук сжимали соответственно меч и отрубленную голову, тогда как две другие были причудливо изогнуты как бы в мольбе и желании защититься. Как ни странно, но Кали в самом деле являлась богиней материнства, и одновременно разрушения и смерти.

Увидев этот странный образ, я испытал смесь различных чувств: отвращения, любопытства, возбуждения и, пожалуй,

страха. Переведя взгляд на свою спутницу, я заметил: что бы она ни чувствовала тогда в глубине своей души, лицо ее выражало все ту же подчеркнутую, выраженную напряженность. Взгляд ее, который она устремила на загадочную богиню, отличала сильнейшая сконцентрированность, словно в данный момент для нее не существовало ни меня, ни молящихся, ни всего остального мира. Могло сложиться впечатление, что Кали-женщина словно породнилась, слилась с Кали-богиней, сплавилась с ней в единое целое, воплощенное в этом роскошном и сияющем храме, окруженном миазмами, грязью, лохмотьями и нищетой.

Полагаю, что мы так и стояли бы там вплоть до сегодняшнего дня, не сделай я движения по направлению к выходу. При первых же моих словах она очнулась от транса — по крайней мере отчасти, — пробормотала что-то на хинди, обращаясь к богине, после чего неохотно повела меня наружу.

— Как она прекрасна, — сквозь зубы тихо произнесла женщина, даже не глядя на меня. Даже ее голос сейчас звучал как-то отрешенно, словно она говорила сама с собой. — И как могущественна.

— Хотя это и выражается в довольно-таки странной форме, — не удержался я.

Лицо Кали хранило все то же странное, отрешенное (а может, божественное?) выражение.

— А сейчас мы посмотрим процедуру жертвоприношения, — сказала она.

Произнеся эти слова, она словно забыла про мое существование и пошла через территорию храма к окружающей его стене. Я шел следом и уже подумывал о том, что сама она приходит сюда ежедневно, вне зависимости от того, есть ли у нее турист, которого надо сопровождать, или нет.

В тот момент я искренне считал, что мой интерес к процедуре ритуального заклания козла носит сугубо интеллектуальный, так сказать, академический, но отнюдь не эмоциональный характер, и уж конечно в нем не было даже намека на какое-то патологическое, болезненное влечение — разве что меня охватил тот же интерес, который толкает массы людей к месту автомобильной катастрофы. Но получилось так, что даже сейчас, спустя несколько недель, тот же кошмар продолжает изводить меня. Как ни странно, но из всех достопримечательностей Калькутты, которые я мог в то утро осмотреть в обществе Кали, я выбрал именно жертвенное убийство пяти козлов, совершенное во имя богини Кали.

Палач привел из расположенного неподалеку небольшого загона пятерых молодых, отчаянно блеющих и вращающих от страха глазами животных, которые шли друг за другом.

На мужчине была забрызганная кровью туника; даже его небритое лицо хранило на себе следы алых пятен, напомнивших мне о пурпурных отпечатках бетеля, оставленных на калькуттских улицах плевыми любителями жевать этот орех. Козлов придерживали специально предназначенные для этого священнослужители, и в то солнечное утро я увидел, как животных расположили в особых деревянных загончиках — по одному в каждом, — так, что наружу торчали лишь их головы, которым предназначалось вскоре пасть под ударами кинжала или сабли. Ноги животных были туго связаны. Священнослужители начали читать каждому из них молитвы на хинди.

Взмах кинжала — и голова животного падает на землю, вырывается фонтан крови. Наклонившись, палач поднял ее и поднес к маленьким медным чашам, позволяя крови стечь в каждую из них. Люди, освящавшие животное, выдвинулись вперед, окунули кончики пальцев в чаши с кровью, после этого нанесли ими себе на лоб красные кружочки и снова принялись читать молитвы — теперь уже над мертвым телом. После этого козлиную тушу подвесили на крюк на стену храма, освежевали, и мясо распределили среди прихожан.

— Пищу в Индии никогда не выбрасывают, — пояснила мне Кали.

Над территорией двора крижили полчища мух; каждые несколько секунд откуда-то появлялись собаки, жадно слизывавшие с земли остатки крови. Прежде, чем приступить к очередной казни, палач старательно отгонял собак прочь.

Зрелище одновременно зачаровало меня и вызвало отвращение. Однако мои чувства не шли ни в какое сравнение с тем, что переживала Кали. Выражение ее лица, напряженность ее фигуры во время всей процедуры жертвоприношения свидетельствовали о полной отрешенности, погруженности в происходящее. Мне показалось, что она всем телом подалась в сторону места, где происходило это кровавое действо. При этом она не была лишь пассивной наблюдательницей, нет — она буквально слилась с происходящим, была поглощена им. Создавалось впечатление, что именно она была палачом, осуществлявшим жертвоприношение, хотя позже я понял, что она скорее напоминала другую Кали — богиню, во имя которой все это совершалось.

Словно она сама принимала все эти освященные кровью подношения. Если бы только я мог в тот момент осознать все это. Если бы я хоть наполовину смог тогда все это понять. Если бы хоть заподозрил что-то...

И снова я был первым, кто подал знак, что пора уходить.

Девушка молчала, пока мы шли от храма по тротуару и высматривали свободное такси. Двигалась она очень плавно, грациозно, ее сари едва колыхалось, взгляд сияющих глаз был абсолютно пустым, а выражение лица наводило на мысль о том, что она словно пребывает во сне.

— Вы почувствовали отвращение? — наконец спросила она.

— Пожалуй. Немного. Но в большей степени я был поражен происходившим.

Несмотря на то, что, как и полагалось воспитанному туристу, оказавшемуся в чужой стране, я во многом старался скрыть охватившее меня омерзение от вида совершаемого убийства, на самом деле, как показали дальнейшие события, в моих словах было больше правды, чем мне самому казалось.

— В самом деле? А обычно иностранцев все это шокирует.

— Я — особый иностранец, — с улыбкой проговорил я.

При этих моих словах, выразивших кажущееся удовлетворение от увиденного, она сделала нечто такое, что мне никогда не забыть. Она прикоснулась ко мне. Это было совсем легкое прикосновение к запястью, быстрое, нежное скольжение кончиков пальцев: товарищество, эмпатия, снова та же связь, то же чувство, которое я испытал в самом начале нашей встречи. Но, взглянув на нее, я понял, что она хотела сказать этим жестом: то, что мы были с ней — да простит меня Господь, — похожи друг на друга.

Легкая улыбка тронула ее губы.

— В старину, — произнесла она, — богине Кали приносили в жертву не козлов, а людей.

Я кивнул и почувствовал, что она ждет от меня чего-то большего. Чтобы я осудил жертвоприношение людей? Я продолжал молчать, а когда снова взглянул на нее, то заметил, что улыбка ее стала шире и, внимательно вглядевшись в это лицо, я разглядел неясный блеск в глазах, выражавший какое-то новое, доселе отсутствовавшее качество, а именно — голод. Глаза ее, как если бы она в действительности была всемогущей богиней, готовы были проглотить меня.

И — о, Боже Праведный, прости меня! — я действительно хотел, чтобы это произошло.

— Я рада... что вы это почувствовали, — пробормотала она. — Очень рада.

Мы продолжали идти молча. Однажды ее бедро скользнуло по моему, и словно что-то обожгло мне душу.

— Я бы хотела, чтобы вы увидели другую Кали, — сказала она, когда мимо нас проезжало такси, но она даже не попыталась остановить его. — Ведь меня тоже так зовут.

— Кали?

Она кивнула.

— Я взяла себе это имя в честь богини, — девушка улыбнулась совсем мягко. — Я же сказала вам, что богиня очень любила людей, а точнее — мужчин. Эта Кали тоже их любит.

— Не хотите ли зайти ко мне домой? — спросила она после некоторой паузы.

Даже сейчас у меня нет уверенности, действительно ли я услышал козлиное блеяние, когда вошел в комнату Кали, или же это был плод моего воображения, остаток воспоминания о голосах обреченных животных в храме. Как бы то ни было, после того как мы вышли из такси и очутились в невероятно грязных, поистине нищенских трущобах (улицы там чем-то напоминали канализационные трубы), и она повела меня по переулку, настолько узкому, что когда навстречу нам откуда-то вышла священная корова, мы были вынуждены снова вернуться назад, чтобы пропустить это громоздкое животное — для нас места попросту не оставалось. Кали жила в маленькой комнатухе, располагавшейся в, а точнее будет сказать под неким нагромождением деревянных построек, совершенно непокрашенных и, на первый взгляд, сколоченных каким-то пьяным плотником. В комнате не было ни одного окра, а из обстановки в ней находилось лишь самое необходимое: продавленная кушетка, диван на деревянных ножках, несколько стульев, стол, поцарапанная тумбочка и лампа, которую девушка зажгла при входе. Часть комнаты оставалась скрытой за занавеской.

— Пожалуйста, садитесь, — предложила она. — Я принесу вам попить.

Она вышла в дверь и буквально тут же вернулась, держа в руках стакан с чуть теплой темной жидкостью. За какое-то мгновение до этого я снова, на сей раз со всей отчетливостью, расслышал блеяние козла. Создавалось впечатление, что животное находится где-то совсем рядом, хотя, с учетом обстановки, вполне могло быть так, что оно принадлежало соседу. Признаюсь, этот звук немало беспокоил меня, поскольку, конечно же, напомнил мне кровавую процедуру, свидетелем которой я явился в храме.

— Пейте, — сказала она.

— А вы?

— Потом.

Напиток был довольно странный: пряный, но с неожиданным привкусом мела, густой как сироп, солоноватый и явно безалкогольный.

— Что это?

Она пожала плечами и мягко улыбнулась.

— Это для вас. Пейте. Это очень полезно.

Она села рядом со мной на диван и внимательно наблюдала за тем, как я отпил половину стакана. Когда я опустил стакан, она пододвинулась чуть ближе и посмотрела на меня медовыми глазами; я почувствовал, как ее щека прикоснулась к моей, дыхание стало теплым и учащенным. Очень ласково она прикоснулась к моей шее.

— Выпейте до конца, — проговорила она, позволив сари чуть приподняться, отчего стал виден краешек ее золотистых ног.

Это была самая малость, просто намек, но отнюдь не процесс раздевания и даже не его начало. Потом девушка снова проговорила:

— Пейте быстрее, потому что я хочу показать вам... Кали. Ее улыбка... Черт бы побрал эту ее улыбку!

Я выпил, залпом оглушив весь остаток. Меня била дрожь. Она была так прекрасна... а ее улыбка, ее намеки, ее призывы. В общем, я выпил все до дна, как самый последний дурак.

Дурак! Как только я поставил стакан, она встала с дивана и прошла в дальнюю часть комнаты, за занавеску.

— Подождите, — сказала она, — я недолго.

Недолго? Час? Не знаю. Действие напитка начало сказываться почти мгновенно. Едва она скрылась за занавеской, как я почувствовал, словно — как бы получше это выразить — засыпаю, все видя и слыша вокруг себя. Комната, все предметы в ней перестали казаться мне грубыми и неуклюжими. Я словно сливался с ними. Тело мое как будто лишилось веса; когда я шевельнул рукой, она взлетела, поплыла вверх и в сторону. По телу растеклось сладостное тепло — особенно приятно было в области желудка. Мне еще никогда не было так хорошо, просто божественно: я словно нашел верный, так нужный мне и единственный язык для связи с внешним миром. Я ощущал свое могущество; я мог позволить себе буквально все. Я был самым Богом. Мое обоняние словно взбесилось: нос стал объектом яростных нападок очень странных запахов, которых я доселе никогда не ощущал. Кроме одного: в этой комнате я чувствовал тот же запах, который всего лишь час назад вдыхал, находясь в храме Кали — это был запах козла. Козел находился в этой самой комнате.

Меня отнюдь не встревожило присутствие в помещении постороннего животного. Более того, это показалось мне вполне нормальным; я был Богом (Шивой?), и ко мне, самому возвышенному и могущественному, тянулись все творения природы. Приди ко мне, козел, позволь мне благословить тебя; приди ко мне и во мне ты найдешь свое спасение.

Чушь какая-то? Возможно — сейчас и лишь для вас.

Ничто — повторяю вам, ничто не выпадало из как бы привычной схемы, все находилось на своих местах, располагалось где-то за пределами того, что подпадает под категорию нормального или ненормального. Клянусь вам в этом! В том моем состоянии я попросту не мог совершать неправильных поступков! Клянусь!

И поэтому, когда Кали вышла из-за занавески, одетая по образу чудовищной богини Кали, когда я увидел, что она ведет за собой молодого черного козлика, когда она подвела его ко мне и дала тесак для рубки мяса и, наконец, когда она сказала, что я должен принести эту жертву во имя ее, я не увидел ничего необычного. Ведь я был богом и находился в прекрасных отношениях со всем миром. Кровь это тепло. Кровь это мир. Кровь это молоко.

Поверьте мне!

Женщина по имени Кали попыталась придать своей внешности максимальное сходство с обликом Кали-богини. Я много раз пытался стереть в своей памяти это видение, но так и не смог, так же как не в состоянии до сих пор понять, зачем она все это проделала, почему она захотела все это сделать? Она дала мне какое-то объяснение (как вы увидите ниже), но подлинная причина ее поведения остается одной из загадок Индии. Если хотите, можете посчитать все это проявлением безумия. Да и кто на самом деле знает, в чем заключалась эта причина? Она приделала к своей фигуре несколько рук — они очень походили на руки манекена, — каким-то образом закрепив их на лопатках; лоб обвязала широкой лентой, на которой поблескивал стеклянный глаз, приоткрыла рот и высунула наружу язык. Руки ее обвивали, как показалось, гибкие чучела змей, а серьги и ожерелье производили впечатление сделанных из человеческих костей. Одной из своих настоящих рук она сжимала нож, а в другой держала человеческий череп (которые, как мне было известно, найти в Индии довольно нетрудно), тогда как остальные, искусственные две пары рук были сложены таким образом, что можно было подумать, будто она ищет защиты и одновременно молит о чем-то. Не считая этих «украшений», она была абсолютно нагая и ее золотисто-коричневое тело поблескивало и переливалось в слабом свете лампы. Она явно смазала свое тело каким-то маслом.

О, Боже, как я жаждал это существо!

Я помню тепло крохотного козленка, которого сжимал в своих руках, его подрагивающее жалобное блеяние — почти человеческие звуки, — попытки сопротивляться, вырваться; однако я был богом и потому испытывал к этому «ребенку» одну лишь любовь за то, что он пришел ко мне и добровольно

согласился пожертвовать своей жизнью из любви ко мне, своему богу, из любви к Кали, своей богине. О, я испытывал невероятную силу и чувствовал, что люблю все человечество. Поверьте мне!

Верьте мне, как я верил Кали, когда она отдернула занавеску и вступила на небольшое возвышение, сантиметров тридцать в высоту, после чего глухим, мрачным голосом, словно вещала откуда-то издалека, произнесла:

— Я — Кали, богиня материнства, невеста смерти и разрушения, — при этом глаза ее возделись к небу, а прекрасные груди чуть приподнялись.

Я верил! И был очень, очень счастлив.

— Я, Кали, принимаю эту жертву. Именем сына своего я ее принимаю. Я, Кали, богиня материнства, невеста смерти и разрушения, принимаю жизнь этого козленка, подобно тому как приняла жизнь своего единственного сына, отданного на заклание.

Я верил! Я воспринял ее слова о пожертвованном сыне. Мне (тогда!) все это казалось таким естественным и возвышенным. Пожертвованный сын. Ну конечно! Сто лет назад богиня Кали принимала в качестве жертвований жизни людей, а не животных. Естественно, Кали не могла не пожертвовать своим сыном. Может ли на свете существовать большая слава, чем эта? Какая иная благодать может...

Она опустила глаза, вперила свой взор в меня и сказала: — Сейчас.

Ни секунды не колеблясь, почти в спешке, чувствуя небывалый прилив счастья, я резко провел лезвием ножа по горлу козленка.

Но это еще не тот кошмар, о котором я говорил; это лишь начало, путь к настоящему, истинному кошмару. Именно в тот момент начались страдания и муки, постепенно приведшие меня к грани безумия, и заставившие теперь написать это... признание. Пожалуй, именно так можно все это назвать. Но, повторяю, сам кошмар тогда лишь зарождался.

Мучения — чувство вины, потрясение, отвращение — начались сразу же после убийства козленка. Едва его кровь заструилась по моим ладоням, закапала мне на одежду, все это похожее на сон, полугипнотическое состояние мгновенно улетучилось, словно взмах ножа в сочетании с тем, что я увидел и почувствовал руками, одновременно рассек и мою одурманенную душу, впустив в нее порыв свежего воздуха реальности. Я как будто проснулся и неожиданно обнаружил, что держу мертвого козленка перед безнадежно обезумевшей женщиной.

С той минуты и вплоть до момента, когда я наконец добрался до гостиницы, в мозгу моем словно висела некая пелена. Шок от осознания того, что я совершил, видимо, оглушил меня — как мне кажется, к моему счастью. Я смутно помню, как опустил все еще теплое тело животного (даже сейчас в ушах слышатся звук глухого его удара об пол), в ужасе взглянул на свои окровавленные руки, после чего повернулся и как безумный бросился прочь из комнаты. Каким-то образом — я даже не знаю, как именно, — я все же добрался до гостиницы. Следующее, что осталось в памяти, это отчаяние, яростное отмывание, соскабливание крови с ладоней, которое продолжалось, как мне чудилось, несколько часов, даже после того как на руках не осталось ни малейших следов — а я все наливал и сливал, наливал и сливал из раковины воду, пытаясь оттереть весь этот ужас, отвращение, вину.

Мне не удалось этого сделать. Ужас, отвращение, вина — они остались, они и сейчас во мне, хотя я уже в Сан-Франциско. Я оставил работу в школе — мыслимо ли было мне теперь общаться с невинными душами, держать их в своих руках — окровавленных руках! Я уже давно практически ничем не занимаюсь, просто сижу в своей комнате и пью, в ужасе ожидая того момента, когда наступит ночь и я наконец усну. Я сижу в своей комнате и слушаю — слушаю голос того козленка.

Дурные сны, кошмары начались почти сразу же (я имею в виду обычные, всем известные кошмары, которые наступают во сне и в общем-то не особенно сильно терзают человека). Ту первую ночь — сразу же после дня, проведенного с Кали, — мне никогда не забыть. Это была ночь бессонного ужаса. Мне никак не удавалось заставить себя отвлечься от мыслей о содеянном, о том безумном деянии, которому я предавался после того как переступил порог ее комнаты и вплоть до того, как бросился из нее прочь. Во сне ли, наяву ли, я постоянно думаю об этом, чувствую все это. А та ночь была лишь первой из многих, следовавшей за ней.

Разумеется, я прервал свой отпуск в Индии и сразу же вернулся в Америку. Кошмар продолжал преследовать меня. Я стал принимать снотворное. Кошмар не прекращался. Я обратился к психиатру. Кошмар оставался со мной. Каждую ночь. Каждую ночь. Я видел кровь на своих руках, на одежде, хотя в первый же день выбросил все, что было на мне при встрече с Кали.

Ничего не помогало — кошмар продолжал существовать.

Тогда я, наконец, нашел некоторого рода облегчение своим страданиям. Впрочем, если мне действительно в какой-то

степени удалось избавиться от кошмара в привычном, общепринятом смысле этого слова, на его место пришел новый — именно тот, который сейчас ежедневно сводит меня с ума. Он медленно, но неуклонно превращает меня в сумасшедшего, потому что я нахожу счастье в ужасе.

Я уже некоторое время догадывался о том, каким способом могу облегчить свои страдания, хотя поначалу и не отдавал себе в этом отчета. Разумеется, я с самого начала боролся с искушением совершить... это, однако мучения мои не только не прекращались, но еще более усиливались, так что я невольно приближался к критической черте. В конце концов, после серии тщательных и всесторонних психиатрических обследований, которые, кстати, не выявили видимых признаков заболевания, я наконец решился, и мой лечащий врач поддержал меня в этом решении, отважиться на последнее средство, которое еще могло как-то спасти меня.

Но и оно не спасло. Оно лишь заменило один ужас другим, гораздо более страшным — от которого я начал испытывать счастье. Второй, если можно так выразиться, этап начался не сразу. Поначалу я испытал даже некоторое облегчение оттого, что былые муки стали ослабевать. В первую ночь после того как я совершил «это», мне удалось крепко заснуть — впервые после моей встречи с Кали. Следующей ночью откуда-то стали всплывать остатки прежних страданий, а на третьи сутки они не только восстановились, но и еще более усилились. Когда я заснул в четвертый раз, все было как раньше — я снова оказался в объятиях тех же ужасов.

Тогда я повторно совершил тот же акт — то самое «это», — и снова в гостиничном номере. Реакция была аналогичной: сначала некоторое облегчение, все дурные сны куда-то улетучились, после чего начали нарастать с новой силой и в конце концов вернулись в полном объеме.

Я снова и снова повторял один и тот же акт — результат оставался неизменным. Мне стало ясно, что ради хотя бы временного облегчения своих мук я должен повторять этот чудовищный акт всю свою жизнь, каждую ночь — до последнего своего часа.

Осознав это, поняв всю глубину своей порочности, я лишился последней надежды.

У меня больше нет выхода. Я сижу на краю своей ванны, опустив в нее босые ступни ног. Козлик — черный, разумеется, — плотно зажат между коленями, все его четыре ноги туго связаны. Я беру нож (а что еще мне остается делать?), наклоняюсь над животным, прикасаюсь лезвием к его горлу.

И режу.

МЕДНАЯ ЧАША

Джордж Филдинг Элиот

Мандарин Юн Ли откинулся на спинку стула, сделанного из розового дерева.

— Известно, — мягким голосом проговорил он, — что хороший слуга — подарок богов, тогда как плохой слуга...

Высокий, атлетически сложенный человек, почтительно застывший перед разодетой фигурой властелина, трижды поклонился — излишне поспешно, излишне покорно.

Страх промелькнул в его глазах, хотя он был вооружен и слыл смелым солдатом. Он мог без труда поставить этого гладколицего мандарина на колени, и все же...

— Десять тысяч извинений, милостивый повелитель, — сказал он. — Я сделал все в соответствии с вашим достопочтенным приказанием — мы взяли в плен того человека и при этом не причинили ему серьезных увечий. Я сделал все, что было в моих силах. Но..

— Но он продолжает молчать, — медленно проговорил мандарин. — И ты пришел ко мне, чтобы рассказать о своей неудаче? А я не люблю слушать про неудачи, капитан Ван.

Мандарин поигрывал маленьким ножом для разрезания бумаги. Лежавшим на низком столике рядом с ним. Ван вздрогнул.

— Впрочем, не будем об этом сейчас, — сказал мандарин после небольшой паузы. Ван с искренним облегчением перевел дух, тень улыбки скользнула по лицу мандарина. — И все же мы должны достичь поставленной цели, — продолжал он. — Мы взяли человека, он располагает необходимой для нас информацией; уверен, что существует способ добиться от него ответа. Слуга потерпел неудачу, теперь в самый раз хозяину предпринять попытку. Приведите его ко мне.

Ван поклонился и с завидной поспешностью вышел.

Мандарин молча сидел и смотрел в дальний угол просторной, залитой солнцем комнаты, где у окна в плетеной, подвешенной к потолку клетке пели, заливаясь, две птички. И словно найдя ответ на какой-то очень важный для него вопрос, он кивнул — коротко и удовлетворенно. Потом быстро протянул руку и позвонил в маленький серебряный колокольчик, стоявший на изящно инкрустированном столике.

Тотчас же в комнату бесшумно вошел одетый в белое слуга

и в безмолвном почтении склонил голову перед хозяином. Юн Ли отдал ему несколько четких, кратких приказаний.

Едва слуга скрылся из виду, как в изысканно обставленной комнате вновь появился капитан Ван.

— Пленник, милостивый повелитель! — объявил он.

Мандарин мягко взмахнул своей узкой рукой; Ван что-то прокричал, и в комнату вошли двое крепко сложенных, обнаженных по пояс стражников, державших за руки невысокого, коренастого босого мужчину, одетого в изодранную рубашку и брюки цвета хаки. Его голубые глаза бесстрашно смотрели из-под спутанных прядей белокурых волос прямо на Юн Ли.

Белый человек!

— А! Великолепный лейтенант Фурне! — в свойственной ему спокойной манере проговорил на безупречном французском Юн Ли. — Значит, все еще упорствуете?

Фурне грубо выругался в адрес своего захватчика, причем сделал это как по-французски, так и на трех китайских диалектах.

— Ты заплатишь за все, Юн Ли! — воскликнул француз. — Не думай, что твои мерзкие ублюдки могут безнаказанно глумиться и пытаться офицера французской армии!

Юн Ли с улыбкой продолжал поигрывать маленьким ножом.

— Вы угрожаете мне, лейтенант Фурне, — мягко проговорил он, — хотя все ваши угрозы — это лишь нежные розовые лепестки, которые уносит дуновение утреннего ветерка. Разве что вам удастся вернуться к себе в полук и доложить обо всем начальству...

— Будьте вы прокляты! — прокричал в ответ пленник. — У вас ничего не выйдет, и вы сами знаете это не хуже меня! Мой командир полностью осведомлен обо всех моих передвижениях. Если завтра к утру я не окажусь в части, он через несколько часов появится здесь с отрядом легионеров!

Юн Ли снова улыбнулся.

— Несомненно. И все же у нас еще остается лучшая часть суток. Так много можно сделать за день и вечер.

Фурне снова обрушил на него поток ругани.

— Можете пытаться меня, будьте все вы прокляты. И я, и вы знаем, что вы не можете ни убить меня, ни изувечить настолько, чтобы я был не в состоянии вернуться в себе в Форт-Дешамп. Что же до остального, то давай, действуй, желтомордая тварь!

— Вызов! — воскликнул мандарин. — Но я принимаю его, лейтенант! Все, что мне требуется от вас, это информация

о дислокации и вооружении вашего сторожевого отряда на реке Мефонг. Так, чтобы...

— Так, чтобы твои Богом проклятые бандиты, за счет убийств и грабежей снабжающие тебя всей этой роскошью, смогли однажды ночью напасть на наш отряд и открыть русло реки для своих лодок, — перебил его Фурне. — Я знаю тебя, Юн Ли, и я знаю твой промысел, мандарин воров! Военный губернатор Тонкина послал сюда батальон Иностранного легиона для того, чтобы он разобрался с тобой и восстановил на границе мир и порядок, а не для того, чтобы мы поддавались твоим детским угрозам! Легион никогда так не поступит, и ты должен знать об этом. Лучшее, что ты можешь сделать, это немедленно сдаться, в противном случае, уверяю тебя, меньше чем через две недели твоя голова будет гнить над Северными воротами Ханоя как предостережение всякому, кто вздумает последовать твоему примеру!

Улыбка не сходила с лица мандарина, хотя он понимал, что все это отнюдь не пустые слова. Несмотря на тонкинских снайперов и силы колониальной пехоты, он мог обеспечить некоторое продвижение, но эти трижды проклятые легионеры были сущими дьяволами из преисподней. Он, Юн Ли, правивший как король в долине Мефонга, он, которому покорно платила дань половина китайской провинции и многочисленный район французского Тонкина, чувствовал, что сейчас трон под ним зашатался. Оставалась лишь одна-единственная надежда: ниже по реке, за пределами французского сторожевого поста стояли лодки с людьми и добычей, награбленной во множестве деревень, — это был едва ли не самый успешный рейд из всех проведенных им операций. Если бы эти лодки смогли пройти, если бы он вернул себе своих людей (а это были отменные бойцы), у него оказались бы развязаны руки и тогда он смог бы что-то сделать. Золото, драгоценности, нефрит — и хотя французские солдаты такие ужасные, в Ханое немало гражданских чиновников, отнюдь не чурającychся всех этих богатств. Но на берегу Мефонга Иностранный легион — они словно догадались о его планах! — обосновал свой сторожевой гарнизон, и теперь ему надо было точно знать, где именно тот находился и насколько основательно вооружен. До тех пор, пока этот отряд сторожит реку, лодок ему не видать как своих ушей.

И вот сейчас лейтенант Фурне, штабной офицер гарнизона, оказался в его руках. Всю ночь его мучители пытались урезонить молодого упрямого нормандца и утром не отпускали его ни на минуту от себя. На нем не осталось никаких

следов, обошлось без переломанных костей, порезов или синяков, но ведь всегда можно найти и другие пути! Фурне передернуло от одной мысли о том, через что ему пришлось пройти за эти длинные, как вечность, ночь и утро.

Долг всегда был для Фурне превыше всего; для Юн Ли же, заговорит наконец француз или нет, было вопросом жизни и смерти. И он разработал план, который сейчас должен был осуществиться на практике.

Нельзя было пойти в отношении Фурне на крайние меры, ибо до настоящего времени французские власти не располагали сведениями о связи мандарина Юн Ли с бандитами.

Возможно, они и предполагали, однако явных доказательств у них не было, а потому убийство или нанесение увечий французскому офицеру, да еще в его, мандарина, собственном дворце представлялось Юн Ли таким шагом, на который он никак не мог решиться. Было жаркое южное лето, а Юн Ли словно ступал по тонкому льду, и делать это приходилось ему как можно осторожнее.

И все же он предпринял кое-какие меры.

— Моя голова пока довольно прочно сидит на плечах, — заявил он Фурне, — и я надеюсь, что она не скоро украсит пику городских ворот. Значит, вы отказываетесь говорить?

— Разумеется!

Слова лейтенанта Фурне были так же тверды, как и его подбородок.

— Но вам придется это сделать. Ван!

— Слушаюсь, великодушный повелитель!

— Позови еще четырех охранников — пусть покрепче держат пленника.

Ван хлопнул в ладоши.

В тот же момент еще четыре полуголых стражника ворвались в комнату; двое из них опустили на колени и крепко обхватили ноги Фурне, третий сжал в своих жилистых объятиях грудь лейтенанта, четвертый, вооруженный дубинкой, просто встал рядом для подстраховки. На случай чего?

Двое охранников, пришедших ранее, продолжали прочно держать его руки.

Оказавшись в объятиях этих мускулистых парней, он не мог даже пошевелинуться, был полностью беззащитен и чувствовал себя живой статуей.

Мандарин Юн Ли снова улыбнулся. Любой не знавший его человек мог бы предположить, что эта улыбка — знак безграничной нежности и сострадания божества.

Его рука дотронулась до лежащего рядом колокольчика. Тотчас распахнулась дальняя дверь, и два новых страж-

ника ввели кого-то, скрытого темной вуалью, — это была женщина.

Юн Ли что-то быстро сказал, покрывало мгновенно слетело, и перед ними предстала окруженная слугами мандарина очаровательная девушка, едва достигшая двадцатилетнего возраста, темноволосая, стройная, с большими, карими, как у газели, глазами, удивленно и широко распахнувшимися, как только она увидела перед собой лейтенанта Фурне.

— Лили! — воскликнул молодой человек, и всем пятерым охранникам пришлось напрячься, чтобы сдержать его отчаянный порыв. — Ты, изверг! — прокричал он Юн Ли. — Если с головы этой девушки упадет хотя бы один волос, клянусь Святой Девой, я поджарю тебя живьем на пепелище, в которое превращу твой же дворец! Бог мой, Лили, как...

— Очень просто, мой дорогой лейтенант, — раздался шелковистый голос мандарина. — Мы знали — и это естественно, поскольку любой слуга в домах Северного Тонкина — мой слуга, — так вот, мы знали, что вы увлеклись этой женщиной. Когда же мне сказали, что вопреки всем моим стараниям вы продолжаете сохранять молчание, я распорядился, чтобы ее привезли сюда. Дом ее отца находится далеко от того места, где стоит ваш отряд, в сущности, он расположен на китайской, а не на французской территории, в общем, надо признать, что это было весьма нетрудным делом. А теперь...

— Андре! Андре! — воскликнула девушка, пытаясь вырваться из рук охранников. — Спаси меня... Эти звери...

— Не бойся, Лили, — ответил Фурне. — Они не осмелятся тронуть тебя даже пальцем, точно так же, как не осмеливаются убить меня. Они просто блефуют...

— Хорошо ли вы, лейтенант, обо всем подумали? — мягко спросил мандарин. — Что касается вас, то вы, действительно, французский офицер. Рука французской армии — а это достаточно длинная и не склонная прощать рука — дотянется куда угодно, чтобы покарать ваших убийц. Боги свидетели: я не хочу, чтобы она дотянулась и до меня. Но эта девушка... Она — нечто совсем иное!

— Иное? Как это иное? Она французская гражданка...

— Боюсь, что это не так, мой милый лейтенант Фурне. В ней действительно течет на три четверти французская кровь, но ее отец наполовину китаец и остается китайским подданным. К тому же, она проживает в Китае, и я боюсь, что французское правосудие не станет мстить за ее жизнь с той же решимостью, с которой оно стало бы мстить за вашу. Во всяком случае, на этот риск я могу пойти.

Фурне показалось, что кровь застыла в его жилах. Этот улыбчивый дьявол был прав! Лили — его милая белая лилия,

чью связь с китайской нацией выдавал разве что весьма необычный разрез больших глаз, — не пользовалась покровительством трехцветного французского флага.

Боже праведный! Но что же делать? Предать флаг, свой полк, обречь на смерть своих товарищей или увидеть, как Лили замучают в его же присутствии!

— Итак, лейтенант Фурне, мы, кажется, понимаем друг друга, — продолжал Юн Ли после короткой паузы, которую он сделал лишь для того, чтобы пленник осознал весь ужас сложившейся ситуации. — Я думаю, вы все же вспомните, где именно располагается ваш отряд и как он вооружен. Итак?

Фурне хранил горькое молчание, однако смышленная Лили сразу ухватила суть происходящего, поначалу ускользавшую от нее.

— Нет, нет, Андре! — воскликнула она. — Ничего не говори им. Лучше я умру, чем позволю тебе стать предателем! Видишь, я готова.

Фурне откинул голову назад: к нему вновь вернулась прежняя решимость.

— Мне стыдно перед этой девушкой! — с чувством проговорил он. — Убей ее, Юн Ли, убей, если так хочешь, и если Франция откажется отомстить за нее, то это сделаю я! Но предателем я не стану!

— Не думаю, лейтенант, что это ваше последнее слово, — промурлыкал мандарин. — Вздумай я задушить ее, что ж, тогда пожалуй. Но прежде она будет молить вас о помощи, и когда вы услышите ее безумные крики, крики той женщины, которую вы любите, тогда, возможно, вы выбросите из головы всю эту благородную риторику и весь свой героизм!

Он снова ударил в ладоши, и в комнату молча вошли еще слуги. В руках одного из них была небольшая жаровня с пылающими углями; другой держал маленькую плетеную клетку, внутри которой дико металось какое-то живое существо; третий нес медную чашу с двумя ручками по богам, с которых свисала блестящая в лучах солнца гибкая стальная лента.

Фурне почувствовал, как волосы у него встают дыбом. Что за ужас теперь ожидает его? Где-то в глубине души он подзревал: то, что должно сейчас произойти, по своей жестокости превзойдет воображение любого нормального, здравомыслящего человека. Неожиданно в узких глазах мандарина блеснул адский огонь. Да был ли он вообще человеком? Может, это сам дьявол в человеческом образе?

Несколько слов на неведомом Фурне юнаньском диалекте, и слуги распластали девушку, положив ее жалкое беспомощ-

ное тело спиной прямо на чудесный ковер с павлиньим узором.

Только одно слово сорвалось с тонких губ мандарина, и мускулистые руки сорвали одежду с верхней части ее тела. Бледная и безмолвная, она лежала на этом чудесном ковре, не сводя глаз с лица Фурне: она молчала, прикусив губу, чтобы, не дай Бог, слова ее не поколебали решимости любимого человека.

Фурне отчаянно рвался из рук стражников, но те были сильными парнями и крепко держали его.

— Запомни, Юн Ли, — задыхаясь прокричал он. — Ты заплатишь за это! Черт бы побрал твою желтую душу!

Мандарин не реагировал на его угрозы.

— Продолжайте, — приказал Юн Ли слугам. — Следите внимательно, месье лейтенант, за тем, что они делают. Сначала ее запястья привязывают к ножкам тяжелых предметов мебели — это чтобы она не могла пошевелиться. Вас удивляет, зачем понадобились такие крепкие веревки, к чему все эти узлы и петли, когда речь идет о столь хрупкой девушке? Уверяю вас, все это делается неспроста. Находясь под медной чашей, один довольно хлипкого телосложения человек оторвал себе руку у запястья, лишь бы освободиться.

Мандарин замолчал. Девушка лежала, привязанная так туго, что едва ли могла даже сдвинуться с места.

Юн Ли внимательно следил за приготовлениями.

— Отличная работа, — сказал он. — Но если она все же вырвется хотя бы из одного из узлов, тот, кто завязал его, будет бит бамбуковыми палками в течение часа. А теперь — чашу! Дайте-ка мне взглянуть на нее.

Он протянул тонкую руку. Слуга с почтительным видом передал ему чашу, с ручек которой свисала гибкая стальная лента. Фурне, смотревший на все это глазами, полными ужаса заметил, что к ленте подсоединен замок, снабженный регулятором, благодаря которому длина ленты могла быть уменьшена или увеличена. Все это чем-то напоминало пояс или ремень.

— Отличная работа, — повторил мандарин, вертя чашу в руку, словно лаская ее своими изящными пальцами. — Но я допускаю, что лейтенант и молодая леди незнакомы с этим маленьким устройством. Давайте объясним, а точнее — продемонстрируем его. Кан-су, укрепи ее на месте. Нет, нет, пока только чашу.

Другой слуга, который было шагнул вперед, тут же вернулся на место. Тот, кого он назвал Кан-су, взял чашу, встал на колени рядом с девушкой, пропустил стальной пояс у нее

под спиной, положил чашу кверху дном на ее плоский живот и туго, так, что края врезались в мягкую плоть, затянул и скрепил замком концы пояса. Прижатая пропущенной через обе ручки гибкой блестящей лентой чаша сильно впилась в тело девушки. Затем слуга встал и молча сложил руки на груди.

Фурне почувствовал, как его тело содрогнулось от ужаса — за все это время Лили не произнесла ни единого слова, хотя было заметно, что острые края чаши больно вонзились в ее живот.

Но вот она наконец разомкнула губы:

— Не сдавайся, Андре, — бодро произнесла она. — Я выдержу. Нет, правда, сов... совсем не больно!

— Боже! — дико вскрикнул Фурне, тщетно пытаясь вырваться из крепких объятий желтых рук.

— Совсем не больно! — как эхо повторил мандарин последние слова Лили. — Пожалуй. И тем не менее мы снимем чашу — надо же быть милосердными людьми.

По его приказу слуга открыл замок и снял пояс. на белой коже девушки остался ярко-красный след от обода чаши.

— И все же, мне почему-то кажется, мадемуазель и месье, что вы не до конца понимаете суть происходящего, — проговорил он. — Что ж, сейчас мы снова установим ее на прежнее место, но перед этим поместим под чашу вот это!

Быстрым движением он выхватил из рук стоявшего в углу слуги плетеную клетку и поднес ее к свету.

Фурне и Лили с ужасом смотрели на клетку. Внутри ее — и теперь они это отчетливо видели — бегала крупная серая крыса: усатая морда, бусинки-глаза, суetyающаяся, мерзкая крыса, пытающаяся прогрызть прутья клетки ослепительно белыми резцами.

— Боже праведный! — выдохнул Фурне. Его мозг отказывался постичь всю жестокость той участи, которая ожидала Лили, — он мог лишь молча смотреть на эту неутомонную крысу, смотреть, смотреть, смотреть...

— Ну, а теперь, я уверен, вы все поняли, — раздался спокойный голос мандарина. — Крыса под чашей. Кстати, обратите внимание на ее днище. Видите небольшое углубление? Сюда мы положим раскаленные угли — чаша нагреется, жар станет невыносимым, крыса не сможет дольше терпеть его и у нее не останется другого выхода, как прогрызть себе путь в теле этой леди! А сейчас еще раз спрашиваю, лейтенант, так как насчет сторожевого отряда?

— Нет, нет, НЕТ! — закричала Лили. — Они не сделают этого... они пытаются напугать нас... они же люди. Они не смогут этого сделать, люди неспособны на такое... Молчи,

Андре, молчи, что бы ни случилось, не позволяй им победить тебя! Не позволяй им превратить тебя в предателя!

Мандарин махнул рукой, и слуга с чашей снова приблизился к полуобнаженной девушке. Но на сей раз вперед вышел и тот слуга, что стоял с клеткой. Он засунул руку в клетку и, ловко увертываясь от укусов острых крысиных зубов, схватил извивающегося грызуна за загривок.

Чашу установили на прежнее место. Фурне в отчаянии бился: если бы ему удалось высвободить хотя бы одну руку, схватить какое-нибудь оружие!

Лили издала резкий, сдавленный вопль.

Крысу сунули под чашу.

Клик! Замок защелкнулся, и они стали накладывать на медное днище красные угли. Лили не переставая дергалась и извивалась в своих путах, чувствуя, как ужасное создание бежит под медным куполом по ее обнаженному животу.

Один из слуг протянул бесстрастно сидевшему мандарину крошечный предмет.

Юн Ли чуть приподнялся и разжал ладонь.

Это был маленький ключ.

— Этот ключ, лейтенант Фурне, — сказал он, — открывает замок на поясе, удерживающем чашу. Он ваш — в обмен на требуемую информацию. Разве вы не проявите благоразумие? Скоро будет уже поздно.

Фурне взглянул на девушку. Лили уже успокоилась, прекратила сопротивление, глаза ее были открыты. Может, она потеряла сознание, мелькнула у него мысль.

Угли слабо дымили на днище чаши. А под ее резными стенками — и Фурне вдруг ясно увидел эту картину — судорожно мечется серая крыса, совершая круг за кругом, пытаясь убежать от все более нарастающего жара. Наконец она вознамерилась свои острые зубы в мягкую белую кожу, отчаянно вгрызается, ввинчивается, протискивается в плоть...

Боже!

Его долг — его флаг — его полк — Франция! Молодой младший лейтенант Пьер Дежарден, веселый маленький Пьер, и еще двадцать человек — всех их застигнут врасплох и жестоко изрубят, а кого-то приберегут для пыток. Всех их сметет сокрушительный налет дьявольских бандитов, и все это случится из-за его предательства? Сердцем он чувствовал, что не сможет на это пойти.

Он должен хранить твердость — должен устоять...

Если бы он только мог взять на себя все страдания Лили — нежной, любящей, маленькой Лили, мужественной Лили, в жизни своей не обиженной ни единой живой души...

Комнату заполнил ясный, отчетливый, нечеловеческий крик.

Обратив к девушке свой полный отчаяния взор, Фурне увидел, что тело Лили, чуть не надвое разрезанное впившейся в кожу стальной лентой, изогнулось дугой и приподнялось над ковром. Сейчас он увидел то, чего не заметил раньше: в одном месте край чаши имел небольшую щербину, и теперь оттуда сочилась, медленно стекая по белой коже девушки, тоненькая струйка крови!

Крыса приступила к работе.

В этот момент что-то произошло в мозгу Андре. Он словно сошел с ума.

С силой, которую обретают безумцы, он вырвал правую руку из цепких объятий стражников — вырвал и ударил кулаком по лицу стоявшему рядом охранника. Слуга с дубинкой опрометчиво шагнул вперед, и в следующее мгновение у Андре уже было оружие, которое с неистовой силой било по телам его мучителей. Трое охранников уже лежали на полу, когда Ван обнажил свой меч и решил вступить в схватку.

Ван был решительным и хорошо обученным солдатом. Последовал обмен ударами — вперед, назад, вбок: сталь сталкивалась с деревом. Наконец Ван, уклонившись от сокрушительного удара, смг пожать плоды своей хитроумной стратегии.

Двое оставшихся слуг, которым он подал сигнал, и несколько других, ворвавшихся в комнату, бросились Фурне на спину и с силой прижали его к полу.

Лили снова дико закричала, и этот крик заглушил шум разгоревшейся бойни.

Фурне слышал ее — даже в этом безумии он различил ее крик. И в этот самый момент рука его нащупала рукоятку висевшего на поясе одного из охранников кинжала. Лейтенант схватил его и, изловчившись, вонзил в того, кто камнем давил на его спину. Тяжесть тут же ослабла, кровь потекла по его шее и плечам. Он нанес еще удар и увидел, как один из стражников рухнул на пол с перерезанным горлом, тогда как другой, приложив обе руки к низу живота, мечется в безумной пляске по коврау.

Разогнув одно колено, Андре Фурне, как пантера, метнулся в сторону Вана, метясь кинжалом в горло.

Мужчины вцепились друг с другом, катаясь по полу и обмениваясь ударами. В воздух взлетал меч Вана, навстречу ему бросался кинжал, зажатый в руке Андре; лилась кровь, слышались сдавленные хрипы...

С победным криком Андре вскочил на ноги — теперь в

одной его руке был зажат отвоеванный у стражника кинжал, в другой сверкал меч Вана.

Слуги с отчаянными воплями бросились врассыпную, столь зловещей казалась им фигура лейтенанта.

Оставшись один, Юн Ли молча взирал на это живое воплощение жажды мести.

— Ключ! — хрипло выдавил из себя Фурне. В его возбужденном мозгу билась лишь эта мысль. — Ключ, ты, желтый дьявол!

Юн Ли сделал шаг назад в сторону прорубленного в стене на манер амбразуры окна, сквозь которое в помещение струился сладкий аромат цветов жасмина.

Дворец был построен на самом краю утеса — сразу за окнами шел крутой обрыв, ниже которого метрах в пятнадцати начиналась каменистая отмель верховьев Мефонга.

Юн Ли снова улыбнулся. Казалось, его спокойствие было непоколебимо.

— Вы победили, Фурне, — проговорил он, — но и я одержал победу. Желаю вам насладиться моим поражением. Вот он, ключ, — он сжал его в ладони, и едва Андре, как молния, метнулся к нему, сделал еще один шаг к окну и, не произнеся ни слова, исчез навсегда, унеся ключ с собой.

Далеко внизу его тело разбилось об острые камни, и волны бурного Мефонга навсегда скрыли и то, что от него осталось, и ключ от медной чаши.

Андре кинулся назад — к Лили. Кровь уже не сочилась из-под чаши; Лили лежала спокойно, тело ее было холодно...

Боже! Она умерла!

Сердце не билось в измученной груди.

Андре тщетно пытался разорвать стальную ленту — он раздирал ее своими окровавленными пальцами, ломая зубы, пытался прокусить твердый металл, но все было напрасно.

Сталь не поддавалась.

Лили была мертва.

Но мертва ли? Что это?

Он заметил слабое биение у нее на боку — слабое, но нарастающее с каждой секундой биение...

Неужели еще остается надежда?

Обезумевший Фурне начал растирать ее тело и руки.

Может ли он оживить ее? Ну конечно же, она не умерла — она просто не могла умереть!

Пульс не исчезал, но странно — бился только в одном месте, сбоку, чуть ниже последнего ребра...

Он поцеловал ее холодные, неподвижные губы.

Подняв голову, он заметил, что биение прекратилось. В том самом месте, где оно только что было, появилась кровь,

вытекавшая медленно, словно нехотя — темная венозная кровь, жидкий ужасающий пурпур.

А прямо из самой середины этого пурпура, из бока девушки медленно начала появляться серая острая морда, с которой капала густая кровь. Черные бусинки глаз настороженно установились на лицо безумца — слышалось непонятное бормотание, и странно белая пена покрывала его губы.

Час спустя товарищи нашли Андре Фурне и его возлюбленную Лили — истерзанный безумец стоял на коленях, склонившись над изуродованным телом девушку.

Серой крысы в комнате уже не было.

ТРУП ЗА СТОЛОМ

Сэмуэл Хопкинс Адамс

Впервые услышав историю про двух людей, застигнутых пургой в горах, я посчитал ее частью местного фольклора района Адирондак, горного массива в системе Аппалачей, и использовал в качестве сюжетной основы для короткого рассказа, написанного мною где-то лет тридцать пять назад и опубликованного в одном из журналов. В то время я предполагал, что мне удастся каким-то образом напасть на след реальных фактов, которые легли в основу этой истории. Я расспросил немало своих бывших однокашников по Хэмильтон-колледж, где впервые ее услышал, и хотя многие из них действительно помнили фабулу этого дела, никто так и не смог точно сказать, как все началось. Таким образом, это могло быть предание, построенное в большей степени на воображении, нежели на реальных фактах, о котором какой-то забытый ныне писатель написал в каком-то забытом журнале или книге. Но кто и где именно?

Октябрьская пурга застала двух геологов врасплох в самом центре Адирондака. Их звали Чарльз Кэрни и Стежен Истлоу. Они давно работали вместе и были близкими друзьями. Борясь со стихией, они упорно пробивали себе путь среди сугробов, и Истлоу, более сильный физически и бодрый духом, помогал своему напарнику который совсем выбился из сил и был на грани отчаяния.

Еще немного, и ранние октябрьские сумерки скроют последнюю надежду, как вдруг Истлоу радостно вскрикнул. На фоне темнеющих вихрей снега он разглядел тонкий провод, покрытый слоями налипшего снега.

— Провод! Телеграфная линия!

— Да, но куда она идет? — закашлялся Кэрни. — И как далеко? Лучше зарыться и поспать.

— И не вздумай! — скомандовал Истлоу. — Это наверняка линия, которую геологическая служба проложила прошлой весной между своей зимовкой и железнодорожной станцией в Норт-Крике. Нам надо продержаться еще немного. Пошли!

Истлоу был добрым другом и сделал все, что было в его силах, чтобы помочь Кэрни. Примерно через полчаса они добрались до небольшого домика. Им здорово повезло, они нашли не только запас дров, но обнаружили на полке несколь-

ко сухих початков кукурузы. В ветвях поваленного дерева скулил застигнутый бурей дикобраз. Истлоу пристрелил его из револьвера. Угроза голода отступила, но Кэрни был явно болен и метался в лихорадке. Докрасна растопив печурку, Истлоу уложил его в постель, надеясь на то, что к утру тому станет легче.

Телеграф был их единственной надеждой. Кэрни знал, как работать с аппаратом. Ослабевший после бессонной ночи, он добрался до стола и включил тумблер.

Оператор в Норт-Крике поначалу подумал, что двинулся рассудком, когда впервые получил сигнал из Лоунли-Хилли. Текст был сбивчивый, но все-таки он понял, что на вершине горы в беду попали два человека, одни из которых с воспалением легких. Да поможет им Господь Бог! Люди им помочь не могли. Пока не могли. Пурга становилась все сильнее. Еще через двадцать четыре часа новое сообщение пробило себе путь — на сей раз оно скорее напоминало бред. Избушку осаждало ужасного вида зверье, над ней кружили ангелы с белыми крыльями и демоны со сверкающими, горящими глазами. Вскоре текст морзянки стал полностью бессмысленным.

Истлоу оттащил своего обессиленного друга назад в постель. На следующее утро в редкие минуты просветления Кэрни снова и снова тащился к столу, садился за ключ и нетвердой рукой выбивал свои точки-тире. Но до Норт-Крика его сигналы уже не доходили. Ветер и снегопад оборвали тонкий провод надежды.

Ближе к вечеру Истлоу уложил своего бредившего товарища в постель, вышел наружу, чтобы собрать дров для печки. Вернувшись, он застал Кэрни сидящим перед передатчиком. Выглядел он вполне спокойно.

— Стив, — ровным голосом произнес он. — Стив, я, кажется, умираю. Но прошу тебя, Стив, — молил он, блестя горячечными глазами, — не хорони меня до тех пор, пока не убедишься, что я действительно умер. Это может быть просто кома. — Он судорожно слотнул. — Пожалуйста, Стив, не хорони меня живьем... — голос Кэрни упал до шепота.

Пытаясь унять дрожь отчаяния, Истлоу поклялся товарищу, что не сделает этого.

События последующих дней очень точно описаны в дневнике Истлоу. В тот вечер он занимался приготовлением последних кусков мяса, оставшихся от туши дикобраза, когда его больной друг поднялся, добрался до своего места за столом и там умер. Проверив его дыхание и пульс, Истлоу убедился в том, что Кэрни мертв.

Наступившее трупное окоченение послужило для убитого горем геолога сигналом к тому, что пора заниматься похоро-

нами. Найдя большой сугроб, он проделал в нем кочергой широкое отверстие, уложил тело, прочитал молитву и засыпал его снегом. Ночь для Истлоу прошла в кошмарных сновидениях, проснулся он в холодном поту.

Утром, когда он встал с постели, чтобы подбросить в пещурку дров, Чарльз Кэрни сидел за столом — беззвучный, неподвижный, смотревший прямо перед собой...

В течение всего дня, пока охваченный ужасом и еще не веря в возможность случившегося, Истлоу бродил среди сугробов в поисках какой-нибудь пищи, труп продолжал оставаться на том же самом месте. Ближе к вечеру, собравшись с духом перед необходимостью сделать то, что от него требовала реальность, он вернул тело Чарльза Кэрни в его импровизированную могилу. В вещевом мешке он нашел фляжку, наполовину заполненную бренди, выпил все содержимое и лег спать.

Ему пришлось проявить изрядную силу воли, чтобы заставить себя поутру подняться с постели. Дрожа всем телом, он вынужден был постоять минуту, прежде чем решился наконец открыть дверь в большую комнату.

Как и прежде, Чарльз Кэрни сидел за столом.

«Самое главное для меня, — писал в своем дневнике Истлоу, — постараться как можно дольше не сойти с ума. Теперь я знаю, что делать, если он придет снова».

И опять он целый день бродил по лесу, в отчаянии разговаривая сам с собой. Возможно, это были галлюцинации, но раскусок он определенно не потерял. Может, все это лишь кошмар наяву? Он вернулся к избушке и резко распахнул дверь.

Чарльз Кэрни сидел за столом.

В тот вечер, после третьего захоронения, Истлоу боялся лечь спать. Он сел за стол прямо напротив пустого стула, отчаянно борясь со сном. Наконец усталость доконала его — он задремал...

Серый рассвет разбудил Истлоу. Напротив него, подернутый дымкой слабого света, сидел Чарльз Кэрни. Взор его был устремлен в никуда.

«Да поможет мне Бог» — написал Истлоу в дневнике. Это была его последняя запись.

Группа спасателей, в которую входили два лесника, врач и оператор телеграфа в Норт-Крике, устало приближалась к одинокому домику на вершине горы. Издалека казалось, что там уже давно никто не живет, по крайней мере над трубой не вился дымок. От двери протоптанная дорожка вела к сугробу, с одной стороны которого была проделана странного вида выемка. Доктор распахнул дверь — его встретили холод и тишина. За столом сидели два мертвеца.

Оба были застрелены в голову. Голова Истлоу покоилась на столе в луже свернувшейся крови. На полу, рядом с его свисающей правой рукой, лежал револьвер. Кэрни сидел вертикально на стуле — глаза открыты, выражение лица спокойное.

— Убийство и самоубийство, — воскликнул телеграфист. — Бедные, черти!

Доктор между тем осматривал тела.

— Это не убийство, — сказал он и прикоснулся ко лбу Кэрни. — Нет крови. Когда его застрелили, он был уже мертв. Более того, думаю, его предварительно заморозили.

Пятеро спасателей посмотрели друг на друга, словно были свидетелями небывалой мистификации. Один из лесников взял в руки дневник Истлоу и протянул его доктору. Тот задумчиво посмотрел на него, затем вышел из домика и стал рассматривать следы на снегу. Вернувшись, он закурил трубку, снова задумался и наконец сказал:

— Друзья, во имя семей погибших я призываю вас хранить молчание относительно того, что вы увидели. Я здесь выступаю дознавателем. Мое официальное заключение звучит так: смерть Чарльза Кэрни и Стефена Истлоу наступила в результате переохлаждения, голода и пережитых лишений. Вы меня поняли?

Один за другим все кивнули. Тогда телеграфист проговорил тихим и спотыкающимся от смущения голосом:

— Я легче засну, если... если узнаю... что здесь произошло.

— Я тоже, — сказал доктор. — Нам остается лишь гадать. Думаю, что под воздействием шока от смерти Кэрни и ужаса от наступившего одиночества Истлоу стал вести себя как лунатик. Если выяснится, что в детстве он ходил во сне, это многое прояснит. На основании того, что я прочитал, могу предположить следующее. Ночью, все еще будучи во сне, Истлоу выкопал похороненного друга и снова усадил на стул, на котором в последний раз видел его живым. Зачем? Кто знает? Возможно, от страшного отчаяния, от одиночества, а может, из подсознательного стремления сдержать данное им Кэрни слово. По крайней мере, этим можно объяснить его выстрел. Как бы то ни было, подобную экстазацию он производил неоднократно. Днем какие-то смутные инстинкты наверняка сдерживали Истлоу, особенно после второго перезахоронения, но ночью он не мог совладать с собой. Он засыпал, и демон сомнамбулизма вновь брал контроль над его действиями. В последний же раз он просто не выдержал такого напряжения.

Записи Истлоу были уничтожены, а тела обоих друзей похоронены на дне горного озера.

РЫБАК С СОКОЛИНОГО МЫСА

Август Дерлет

На Массачусетском побережье, где когда-то жил Энох Конгер, люди предпочитают говорить о нем шепотом — часто намеками, приглушенно, с большой осторожностью. Причиной подобного поведения стала череда поистине невероятных событий, о которых твердит непрекращающаяся молва, беспрестанно будоражащая воображение тружеников моря в порту Иннсмаута, поскольку сам Энох жил в нескольких милях от этого города — на Соколином мысу. Местечко это было названо так потому, что с него как с некоего длинного каменного пальца, врезавшегося в пространство моря, можно было временами наблюдать косяки мигрирующих птиц — соколов, сапсанов, а иногда и крупных кречетов. Вот там он и жил — до тех пор, пока не пропал из виду, хотя никто не может утверждать, что он действительно умер.

Это был мощный мужчина, широкоплечий, с выпуклой грудью и длинными мускулистыми руками. Даже в зрелом возрасте он продолжал носить бороду, а голову его украшала копна волос, похожая на корону. Его холодные голубые глаза глубоко сидели на квадратном лице, а когда он надевал рыбацкий водонепроницаемый плащ и соответствующую шляпу, то вообще сильно походил на моряка, только что сошедшего на берег с борта шхуны, бороздившей морские просторы лет сто назад. По натуре своей он был неразговорчивым человеком и жил совсем один в доме, который сам же и построил из камня и прибитого к берегу плавника на этой продуваемой насквозь ветрами земле, куда доносились крики чайки и крачек, где слышался шум прибоя, а иногда, в соответствующее время года, отголоски летящих в вышине перелетных птиц. Люди поговаривали, что слыша их голоса, он нередко отвечал им, разговаривал и с чайками, и с крачками, а иногда даже с ветром и вздымающимся морем; более того, многие считали, что он вступал в диалог с человекоподобными существами, которые не водились в болотах и топях большой земли и которых никто не видел, а лишь слышал их приглушенные голоса.

Кормился Конгер исключительно рыболовством, кстати, весьма скудным, хотя он никогда не жаловался и, казалось, был доволен своей судьбой. Он забрасывал свою сеть в море

и днем и ночью, а весь улов сразу же отвозил в Иннсмаут или в Кингспорт, а случалось и куда подальше — на продажу. Но вот однажды лунной ночью он вернулся без улова и ничего не привез в Иннсмаут, разве что самого себя, да и то в весьма странном обличье, с широко раскрытыми, неподвижными глазами, как у человека, который слишком долго смотрел на полоску догорающего заката. Он сразу же направился в располагавшуюся на окраине города знакомую ему таверну и, усевшись за столик, принялся заливать в себя эль. Вскоре к нему приблизился один из старых знакомых, присел за столик, после чего, видимо, под воздействием спиртного, язык у рыбака развязался, хотя со стороны могло показаться, что он разговаривает сам с собой и почти не замечает собеседника.

Он рассказал, что видел этой ночью невероятное чудо. Отплыв на своей лодке к Рифу Дьявола, что находился примерно в миле от Иннсмаута, он забросил сеть и вытащил немало рыбы — и кое-что еще. Нечто такое, что внешне очень походило на женщину, и все же не было женщиной. Это что-то разговаривало с ним как человек, но голос был какой-то гортанный, очень похожий на кваканье лягушек, сопровождающееся звучанием флейты — совсем как во время лягушачьих концертов, которые по весне можно услышать на местных болотах. На лице этого существа виднелся широкий, отдаленно похожий на рот разрез, были и мягко смотревшие на Конгера глаза, а в том месте, где кончались ниспадавшие с головы волосы, виднелись походившие на жабры щели. По словам рыбака, существо молило его по пощаде, просило отпустить, а в награду обещало — если, конечно, в этом возникнет необходимость, — спасти ему жизнь.

— Русалка, — сказал один из присутствующих в таверне и рассмеялся.

— Это не русалка, — проговорил Энох Конгер, — потому что я видел у нее ноги, хотя и с перепонками между пальцев. Руки у нее — тоже с перепончатыми пальцами, а кожа на лице совсем такая же как у меня или тебя, хотя цветом очень похожа на море.

Все дружно рассмеялись, с разных сторон посыпались бесчисленные шутки и остроты, но рыбак, казалось, их даже не замечал. Лишь один из присутствовавших, выслушав рассказ, не стал смеяться, потому что и раньше слышал от стариков и старух Иннсмаута немало странных повествований, дошедших до них еще со времен старинных клипперов и торговых рейсов в Вест-Индию. В этих преданиях говорилось о браках между местными мужчинами и морскими женщинами, жившими в южной части Тихого океана, а также о странных событиях, которые случались в море неподалеку от Ин-

нсмаута. Человек этот не смеялся и лишь внимательно вслушивался, после чего, так и не проронив ни слова, потихоньку вышел из таверны. Однако Энох Конгер даже не заметил этого, поскольку со всех сторон его окружало дикое ржание охмелевших шутников, вовсю потешавшихся над его рассказом. А он все говорил и говорил о том, как сжимал в своих руках запутавшееся в сетях существо, описывая ощущение от соприкосновения с холодной кожей ее тела, как он освободил ее, после чего она бросилась в море и поплыла, какое-то время выделяясь на темном фоне Рифа Дьявола. Наконец она приподняла над водой одну руку и тут же бесследно скрылась в пучине.

После этой ночи Энох Конгер стал совсем редко бывать в таверне, а если и приходил туда, то садился за пустующих столик, избегая разговоров с теми, кто снова подступал к нему с расспросами насчет «русалки» и очень хотел узнать, не сделал ли он ей какого предложения перед тем, как отпустить восвояси. Он почти ни с кем не разговаривал, спокойно попивал свой эль, после чего уходил. Но все знали, что с тех пор он никогда больше не рыбачил у Рифа Дьявола, предпочитая забрасывать сети в другом месте, преимущественно возле Соколиного мыса, и хотя люди тайком поговаривали, что Энох опасался снова увидеть ту женщину, которая памятной лунной ночью запуталась в его сетях, его часто можно было видеть стоящим у самой кромки мыса и смотрящим в сторону моря. Со стороны могло показаться, что он ждет, когда над горизонтом покажется долгожданное судно, а может, просто тоскует по счастливому завтрашнему дню, который постоянно маячит перед взором многих ловцов удачи, но так и не наступает, или просто думает, как любой другой человек, о чем-то своем.

Энох Конгер все больше уходил в себя, постепенно даже и без того редкие его визиты в таверну на окраине города прекратились вовсе, а сам он предпочитал после окончания рыбной ловли сразу отправляться на рынок, где, распродав товар, приобретал необходимое ему для существования и возвращался домой. Между тем его рассказ о русалке продолжал передаваться из уст в уста, постепенно люди стали доносить его вглубь континента, к Аркхэму и Данвичу, что стоял на реке Мискатоник, а то и дальше — к темным, поросшим лесом холмам, населенным людьми, не склонными понапрасну чесать языками.

Прошел год, за ним еще, потом и еще, и вот однажды вечером до Иннсмаута долетело известие о том, что во время одного из своих одиночных выходов в море Энох Конгер сильно поранился и спасли его два других рыбака, обнаружившие молчуна лежащим на дне своей лодки. Они отнесли Эноха в

его дом на Соколином мысе, поскольку он категорически отказался следовать куда-либо еще, и поспешили в Иннсмаут за доктором Гилманом. Однако, когда они вернулись обратно в дом Эноха уже с доктором, рыбака там уже не было.

Доктор Гилман предпочитал помалкивать о своих впечатлениях, тогда как оба спасителя направо и налево рассказывали об увиденном. Когда они снова прибыли в дом Эноха, то обнаружили, что изнутри он весь сырой, влага буквально струилась по его стенам, мокрыми были даже ручка двери и постель, на которую они заботливо уложили Конгера перед тем как отправиться за доктором. На полу виднелись следы мокрых перепончатых ног. Следы выходили за порог дома и вели в сторону моря. Приглядевшись к ним, они заметили, что те были очень глубокие, как будто шагавший нес на себе что-то тяжелое, что-то такое, что по весу походило на Эноха.

Несмотря на то, что рассказ рыбаков передавался из уст в уста, обоих опять же нещадно высмеяли, обвинив во вранье, поскольку, по их же словам, к морю из дома вела лишь одна цепочка следов, и едва ли нашлось бы такое существо, которому было бы под силу одному унести на такое расстояние громоздкого Конгера. Кроме того, доктор Гилман прямо заявил, что, услышав от жителей Иннсмаута что-то про перепончатые ноги, он может твердо заявить: ему приходилось однажды видеть босые ноги Эноха Конгера и он может поклясться в том, что это были самые обычные человеческие ступни, без всяких перепонок. Что же касается тех любопытных, которые решили сами наведаться в дом Эноха и увидеть все своими собственными глазами, то по возвращении вид у них был довольно разочарованный, поскольку ничего особенного они там не обнаружили. Таким образом, хор насмешек над двумя несчастными рыбаками усиливался, заставив их в конце концов умолкнуть. В немалой степени этому способствовало и то, что стали распространяться слухи, будто эта парочка умышленно свела какие-то счеты с Энохом, а теперь распространяет всякие небылицы о его судьбе.

Каким бы образом Энох Конгер ни исчез из своего дома, на Соколиный мыс он так и не вернулся, тогда как море и ветер продолжали делать свое дело, отрывая от строения где кусок кровли, где доску, сдувая осколки кирпичей, из которых был сложен дымоход, сокрушая оконные рамы; чайки, крачки и соколы пролетали мимо, так и не услышав ответного крика на свой зов. Постепенно слухи, ходившие на побережье, стали затихать, а на их место пришли мрачные намеки по поводу возможно совершенного убийства и прочей не менее туманной, но столь же зловещей причины исчезновения рыбака.

Как-то однажды на берег пришел почтенный старик по

имени Джедедиа Харпер, патриарх местных рыбаков, который стал клясться, что не так давно плавал неподалеку от Мыса Дьявола и видел в море странную компанию существ, чем-то похожих на людей, а в чем-то смахивавших на лягушек, которые и передвигались в воде также отчасти по-человечьи, а отчасти по-лягушачьи. Было их десятка два — мужчин и женщин. Он сказал, что они проплыли рядом, совсем близко от его лодки, и тела их сияли в лунном свете как призраки, восставшие из глубин Атлантики, а двигаясь мимо него, они словно воспевали хвалу богу Дэгону. При этом он вновь поклялся, что видел среди них Эноха Конгера, который плыл вместе с остальными, как и они голый, и голос его, участвовавший в общем хоре, был отчетливо слышен в ночной прохладе. Несказанно изумленный Харпер громко окликнул его, Энох остановился и оглянулся, так что старик увидел его лицо. После этого вся группа — Энох в том числе — скрылась в волнах моря и больше не появлялась.

Рассказ этот всколыхнул новую череду слухов, однако, как поговаривали, довольно скоро Харперу заткнули рот ребята из клана Марша и Мартина, о которых ходила молва, будто они породнились с обитателями моря. Сам же старик больше в море не выходил, поскольку не испытывал особой нужды в деньгах; что же до его помощников, также присутствовавших при том странном ночном явлении, то они явно предпочли держать языки за зубами.

Много времени спустя, один молодой человек, еще мальчишкой помнивший Эноха Конгера во время его визитов в Иннсмаут, приехал в этот город и рассказал, что вместе с сыном также лунной ночью рыбачил неподалеку от Соколиного мыса, когда неожиданно из морской пучины совсем рядом с его лодкой появилась почти по пояс обнаженная мужская фигура — она была так близко от него, что он мог буквально дотронуться до нее своим веслом. Человек этот стоял в воде так, словно его кто-то поддерживал снизу, и, казалось, совершенно не замечал его и лишь смотрел на руины старого дома, некогда стоявшего на Соколином мысу — в глазах его застыла бездонная тоска, а лицом он очень походил на Эноха Конгера. По его длинным волосам и бороде стекали струи воды, чуть поблескивавшие в лунном свете на темнеющей коже, а прямо под мочками ушей на шее виднелись длинные тонкие разрезы. Затем, так же неожиданно, как и появился, он исчез под водой.

Вот почему на Массачусетском побережье близ Иннсмаута люди предпочитают говорить больше шепотом, упоминая имя Эноха Конгера, а уж когда дело доходит до намеков, то их произносят и подавно приглушенно, с большой осторожностью...

ЛУКУНДУ

Эдвард Лукас Уайт

— **Е**два ли следует оспаривать тот факт, господа, — проговорил Томбли, — что человек всегда и везде должен верить глазам своим, а если зрительные ощущения к тому же подкрепляются слуховыми, то для сомнений вообще не остается какой-либо почвы. Да, человек не может не верить тому, что он видит и слышит.

— Не всегда... — мягко вставил Синглтон.

Все повернулись в его сторону. Томбли стоял у камина, повернувшись спиной к очагу и широко расставив ноги, сохраняя при этом свою привычную главенствующую позу. Синглтон, что, впрочем, также нельзя было назвать нехарактерным для него, напротив, робко пристроился в углу комнаты. Однако в те редкие минуты, когда он все же раскрывал рот, как правило произносил нечто такое, что действительно заслуживало внимания. Мы уставились на него с той льстивой естественностью и молчаливым ожиданием, которые обычно подстегивают азарт рассказчика.

— Мне просто вспомнилось, — после небольшой паузы продолжал он, — нечто из того, что я лично видел и слышал во время одной из поездок в Африку.

Кстати, если на свете существовали недостижимые цели и неосуществимые задачи, то к их числу, по нашему общему и глубокому убеждению, можно было с полным правом отнести заветное желание добиться от Синглтона более или менее конкретного описания его африканских вояжей. Получалось как в повествовании альпиниста, у которого в рассказах фигурируют одни лишь подъемы и спуски: если послушать Синглтона, то могло показаться, что в Африку он ездил лишь затем, чтобы почти сразу же оттуда возвратиться. Немудрено, что сейчас его слова вызвали наше самое пристальное внимание. Томбли каким-то образом оказался в противоположном от камина углу комнаты, хотя ни один из нас не заметил, чтобы он хотя бы шевельнулся. Вся комната преобразилась, все уставились на Синглтона и запыхтели свежесмакуемыми сигарами. Синглтон тоже прикурил свою, но она мгновенно погасла, и он, казалось, полностью забыл про ее существование.

«Мы находились под пологом Великих лесов, где занимались изучением пигмейских племен. Ван Райтен разработал теорию, согласно которой обнаруженные Стенли карлики представляли собой лишь помесь обычных негров с настоящими пигмеями, а потому искренне надеялся обнаружить представителей такой расы людей, рост которых не превышал бы одного метра, а возможно, был бы и того меньше. Однако нам пока не удавалось наткнуться хотя бы на следы существования подобных особей.

Слугами мы особо не разжились, развлечений было мало, пищи — тем более, и со всех сторон нас окружал влажный, темный лес. Мы представляли собой редкую диковинку в этих местах; ни один из встреченных нами аборигенов никогда раньше не видел белого человека, а большинство о нем даже никогда не слышало. Можно представить себе наше удивление, когда однажды во второй половине дня к нам в лагерь забрел настоящий англичанин. Мы о нем ничего не слышали, зато он, напротив, не только знал о нашем существовании, но даже предпринял пятидневный переход исключительно с целью найти нашу стоянку.

Несмотря на облачавшие его лохмотья и пятидневную щетину на лице, мы сразу обратили внимание на то, что ранее этот человек, видимо, был весьма опрятен, одевался как щеголь и, естественно, ежедневно брился. Телосложением он едва ли походил на атлета, однако был достаточно жилист. У него было типично английское лицо, с которого начисто стерты любые следы эмоций, так что иностранцы наверняка подумали бы, что этот человек вообще не способен на какие-либо чувства или переживания. Если у его лица и было какое-то выражение, то его скорее всего можно было охарактеризовать как твердую решимость чинно следовать по жизни, не вмешиваясь в чужие дела и по возможности не причиняя никому беспокойства.

Звали его Этчам. Он скромно представился и, присев за наш стол, ел столь сдержанно и размеренно, что мы с трудом верили нашим проводникам, сославшимся на слова его проводников, что за пять дней пути он лишь трижды прикасался к пище, да и то весьма скудной. По окончании трапезы мы закурили, и он поведал, зачем пришел к нам.

— Мой шеф очень плох, — проговорил он между затяжками сигарой. — Если дело не пойдет на поправку, долго он не протянет. И я подумал, что, возможно...

Голос у Этчама был негромкий, спокойный и ровный, но я обратил внимание на капельки пота, выступившие у него

на верхней губе под щетиной усов, и все же расслышал в интонациях едва заметное подрагивание от сдерживаемых эмоций. В глазах гостя поблескивали искорки возбуждения, и его особая забота о собственных манерах не могла не тронуть меня. Ван Райтен вел себя весьма сдержанно, и если даже чувствовал нечто тревожное в связи с данной встречей, то умело скрывал. Слушал он, однако, весьма внимательно, и это удивило меня, поскольку я всегда знал его как человека, привыкшего все отвергать сходу. Нет, на сей раз он явно вслушивался в робкие, сбивчивые намеки Этчама, и даже задавал вопросы.

— А кто ваш шеф?

— Стоун, — коротко произнес Этчам.

Мы оба напряглись.

— Ральф Стоун? — почти одновременно прозвучали наши удивленные голоса.

Этчам кивнул.

Несколько минут мы с Ван Райтеном сидели молча. Мой напарник никогда раньше не встречался со Стоуном, тогда как мне довелось не только учиться вместе с этим человеком, но и нередко выезжать в совместные экспедиции. Два года назад до нас дошли некоторые слухи о Стоуне — это было к югу от Луэбо в провинции балунда, которую потрясли его демонстративные выпады против местного знахаря, завершившиеся полным посрамлением и падением колдуна в глазах униженного им племени. Местные жители даже разломали ритуальный свисток знахаря и отдали его обломки Стоуну. Чем-то это походило тогда на триумф Давида над Голиафом, во всяком случае, на жителей Балунды тот инцидент произвел неизгладимое впечатление.

Мы предполагали, что Стоун находится где-то далеко от нас, если вообще в Африке, а оказалось, что он опередил нас, причем не столько территориально, сколько по части сделанных им открытий.

2

Упоминание Этчамом имени Стоуна воскресило в нашей памяти мучительно-дразнящую историю его жизни; его удивительных родителей и их драматичную смерть, его блестящую учебу в колледже; завораживающие слухи о миллионном состоянии, открывавшем многообещающие перспективы для молодого человека; широко распространившуюся дурную молву, едва не опорочившую его имя; романтическое бегство в объятия ослепительной писательницы, внезапная череда книжек которой заметно омолодила ее в глазах восторженной

публики, а ослепительная красота и очарование снискали ей массу лестных отзывов литературной критики. За всем этим последовал оглушительный скандал по поводу нарушения ею предыдущего брачного договора, приведший к неожиданной ссоре молодоженов и разводу, а затем была череда широко разрекламированных заявлений разведенной дамы об очередном замужестве, но — о, женщины! — завершившаяся тем, что «молодые» снова сошлись, немного пожили вместе, снова разругались в пух и прах — вплоть до нового развода, Стоун поспешно бежал из родной Англии, и вот он здесь — под пологом лесов Черного континента. Воспоминания о перипетиях жизни Стоуна обрушились на меня подобно шквалу; мне показалось, что и бесстрастный Ван Райтен на сей раз не остался безучастным к судьбе отважного путешественника, так что некоторое время мы просидели в полном молчании.

Наконец он спросил:

— А где Вернер?

— Умер, — ответил Этчам. — Еще до того, как я присоединился к Стоуну.

— Вы не были с ним в Луэбо?

— Нет. Мы встретились у водопадов Стэнли.

— Кто с ним сейчас? — спросил Ван Райтен.

— Только слуги-занзибарцы и носильщики.

— Какие именно носильщики? — тон у Ван Райтена был требовательный.

— Люди из племени манг-батту, — простодушно ответил Этчам.

Мы были поражены, поскольку данное известие лишний раз подтверждало репутацию Стоуна как прирожденного лидера. Дело в том, что ранее никому не удавалось привлечь людей манг-батту к работе в качестве носильщиков, тем более за пределами их родной местности или в какой-то длительной и сложной экспедиции.

— И долго вы пробыли в этом племени?

— Несколько недель. Стоун заинтересовался ими и составил довольно подробный словарь их языка. У него даже сформировалась теория о том, что они представляют собой ветвь, отходящую от племени балунда, чему он нашел немало подтверждений, когда изучал их обычаи.

— Чем же вы все это время питались? — поинтересовался Ван Райтен.

— В основном, пробавлялись дичью.

— И давно Стоун болеет?

— Больше месяца.

— А вы все это время спокойно занимаетесь охотой! — не удержался Ван Райтен.

На обветренном, задубевшем лице Этчама каким-то образом проступила краска стыда.

— Да, я охотился, — удрученно признался он, — впрочем, без особого успеха. Несколько раз так досадно промазал.

— Чем болен ваш шеф?

— У него что-то вроде карбункулов на теле.

— Ну, уж пара карбункулов едва ли свалила бы такого человека, как Стоун, — усомнился Ван Райтен.

— Видите ли, это не совсем карбункулы, — пояснил Этчам. — Я же сказал: что-то вроде. И их отнюдь не пара. За все это время у него появилось несколько дюжин подобных опухолей, причем иногда по пять штук сразу. Будь это действительно карбункулы, он бы давно Богу душу отдал. Временами болезнь отпускает его, а иногда становится совсем плохо.

— В смысле?

— Видите ли, — Этчам явно колебался, — эти нарывы лишь внешне походят на карбункулы. Они не очень глубоко проникают вглубь тканей тела, практически безболезненны и почти не вызывают повышения температуры. И в то же время создается впечатление, что они — лишь симптом какого-то другого, более серьезного заболевания, которое временами отражается даже на его рассудке. Поначалу он еще позволял мне помогать ему одеваться, так что я видел некоторые из них. Но потом он стал тщательно скрывать их — и от меня, и вообще от посторонних. Когда наступает очередное обострение, он скрывается у себя в палатке и никого туда не выпускает, даже меня.

— У него много сменной одежды? — спросил Ван Райтен.

— Есть кое-что, — с сомнением в голосе произнес Этчам, — но он ею почти не пользуется, предпочитая каждый раз стирать один и тот же комплект. И надевает только его.

— И как же он борется со своим недугом?

— Срезает эти нарывы бритвой — под самое основание.

— Что?! — не смог удержаться Ван Райтен.

Этчам ничего не сказал и лишь внимательно посмотрел ему в глаза.

— Прошу прощения, — пробормотал Ван Райтен, — но вы действительно поразили меня. Это определенно не карбункулы, поскольку при таком методе «лечения» он бы давно уже скончался.

— Но я ведь уже сказал вам, что это лишь похоже на карбункулы, — тихо проговорил Этчам.

— Да что ж получается-то? Он что, с ума сошел?

— Может, и так. Меня он, во всяком случае, совсем не слушает и ни о чем не просит.

— И сколько их он уже срезал подобным образом?

— Насколько мне известно, пока только два.

— Два? — переспросил Ван Райтен.

Этчам снова покраснел.

— Я как-то раз подсмотрел через щелку в его палатке... Мне показалось, что несмотря на все его протесты, я должен продолжать заботиться о нем, тем более, что сам он не в состоянии этого делать.

— Согласен с вами, — кивнул Ван Райтен. — И вы сами видели, как он их срезал?

— Да, оба раза. И я думаю, что с остальными он поступил таким же образом.

— Сколько, вы говорите, было у него таких опухолей?

— Несколько десятков, — коротко проговорил Этчам.

— Как у него с аппетитом?

— Просто волчий. Съедает больше, чем два носильщика.

— Ходить он может?

— Передвигается кое-как, только все время стонет, — просто сказал Этчам.

— Значит, говорите, температура невысокая? — задумчиво пробормотал Ван Райтен.

— Да, не очень.

— Он впадал в бред?

— Всего дважды. Сначала — когда появилась первая опухоль, потом еще раз. В те моменты он не позволял никому даже приблизиться к нему. Но нам было слышно, как он все говорит, говорит без умолку... Слуги очень пугаются.

— В бреду он пользуется местным наречием?

— Нет, но это какой-то очень близкий им диалект. Хамед Бургаш — это один из наших занзибарцев — утверждает, что он говорит на языке племени балунда. Я тоже немного с ним знаком, хотя всерьез никогда не занимался. Стоун за неделю освоил язык манг-батту лучше, чем я смог бы за год. Но мне показалось, что я тоже различил несколько слов. Во всяком случае, носильщики из этого племени тогда не на шутку перепугались.

— Перепугались? — недоверчиво переспросил Ван Райтен.

— И занзибарцы тоже, даже Бургаш. Да и я немного струхнул, правда, по другому поводу. Дело в том, что он говорил разными голосами.

— Что-что? — не удержался Ван Райтен.

— Да, — повторил Этчам, причем сейчас он казался более возбужденным, чем прежде. — Это были два разных голоса, как при беседе двух людей. Один был его собственный, а другой — очень высокий, пронзительный, bleющий какой-

то, ни на что не похожий. Первый, более низкий, вроде бы проговорил нечто, похожее на «голова», «плечо», «бедро» — на языке магн-батту, разумеется, и еще, кажется, «говори» и «свисти»; а второй, писклявый, так пронзительно проверял: «убить», «смерть» и «ненависть». Бургаш тогда подтвердил, что тоже слышал эти же слова. Он знает магн-батту гораздо лучше меня.

— А носильщики что сказали?

— Они только повторяли: «Лукунду, лукунду», — ответил Этчам. — Я не знал этого слова, и Бургаш пояснил, что на магн-батту оно означает «леопард».

— Он ошибся, — проговорил Ван Райтен. — На диалекте это означает «колдовство».

— Меня это не удивило, — кивнул Этчам. — Уже этих двух голосов было вполне достаточно, чтобы поверить в магию.

— И что, один голос отвечал другому?

Даже сквозь плотный загар Этчама можно было заметить, как он побледнел, точнее посерел.

— Иногда они звучали одновременно, — как-то хрипло произнес он.

— Оба сразу?!

— Да. Другим тоже так показалось. Но это еще не все.

Он сделал паузу и окинул нас беспомощным взглядом.

— Скажите, может человек что-то говорить и одновременно свистеть?

— Что вы имеете в виду?

— Мы слышали глубокий, низкий, грудной баритон Стоуна, а между словами слышался другой — резкий, пронзительный, иногда чуть надтреснутый звук. Вы ведь знаете, что как бы ни старался взрослый мужчина издать тонкий и высокий свист, он у него все равно будет отличаться от свиста мальчика, женщины или маленькой девочки. У них он больше похож на дискант, что ли. Так вот, если вы можете представить себе совсем маленького ребенка, который научился свистеть, причем практически на одной ноте, то этот звук был именно таким, только еще более пронзительным, и он прорывался на фоне низких тонов голоса Стоуна.

— И вы не бросились к нему на помощь?

Этчам покачал головой.

— Стоун не привык кому-либо угрожать, но в тот раз его слова прозвучали именно как угроза. Немного словно, совсем не как больной, он просто... он просто произнес твердым и спокойным голосом, что если хотя бы один из нас — я ли, проводник ли — подойдет к нему в тот момент, когда все это происходит, то этот человек умрет на месте. Причем на нас

подействовали не столько сами слова, сколько то, как он их произнес: словно монарх объявил своим подданным, что хотел бы в одиночестве встретить свой смертный час. Естественно, послушаться его мы не могли.

— Понимаю, — коротко бросил Ван Райтен.

— А сейчас он совсем плох, — беспомощным голосом повторил Этчам. — И я подумал, что, возможно...

Даже несмотря на тщательно выверенное построение фраз нетрудно было заметить, что он испытывает к Стоуну искреннюю любовь и подлинное сострадание.

Как и многим другим способным и компетентным людям, Ван Райтену в известной степени был присущ довольно жесткий эгоизм, и именно в тот момент он дал о себе знать. Ван Райтен сказал, что во время нашего путешествия мы, как, видимо, и Стоун, проявляли искреннюю заботу о благополучии всех членов экспедиции; затем добавил, что отнюдь не забыл про солидарность, связывающую двух исследователей, однако тут же заметил, что едва ли стоит подвергать серьезному риску судьбы нескольких человек в угоду интересам одного-единственного человека, которому, к тому же, очевидно, уже ничем нельзя помочь. И намекнул, что если мы до сих пор с весьма большим трудом добывали на охоте пропитание для одних себя, то после объединения отрядов эта задача усложнится вдвое, и мы наверняка столкнемся с проблемой самого настоящего голода. Отклонение от запланированного маршрута на целых семь дней пути (таким образом он, видимо, решил польстить Этчаму как путешественнику) может подвергнуть смертельному риску всю нашу экспедицию.

3

В словах Ван Райтена, несомненно, присутствовали и логика, и здравый смысл. Этчам сидел с поникшей головой и вообще виноватым видом, словно первоклассник перед учителем.

— Я занимаюсь поиском пигмеев, — закончил Ван Райтен. — И намерен искать именно их.

— Тогда, возможно, вас заинтересует вот это, — очень тихо проговорил Этчам.

Из бокового кармана куртки он извлек два предмета и протянул их Ван Райтену. Они были округлой формы, а по размерам превосходили крупную сливу, но не дотягивали до маленького персика — одним словом, они легко умещались в ладони взрослого человека. Предметы были черного цвета и поначалу я не понял, что это такое.

— Пигмеи! — воскликнул Ван Райтен. — Ну конечно же пигмеи! И росту в них не более шестидесяти сантиметров. Вы хотите сказать, что это головы взрослых особей?

— Я ничего не хочу сказать, — бесцветным тоном проговорил Этчам. — Вы сами все видите.

Ван Райтен передал мне одну из голов. Солнце только еще начинало заходить за горизонт, и я смог внимательно ее разглядеть. Это действительно была высушенная голова, прекрасно сохранившаяся; остатки плоти на ней затвердели настолько, что походили на вяленую аргентинскую говядину. На нижнем конце шеи болтались иссохшие лохмотья тканей, а прямо по центру торчал обрубок позвоночника. Крошечный подбородок острым клинышком обозначал выступающую вперед нижнюю челюсть, между губами белели почти микроскопические зубы, сплюснутый нос, покатым лоб и инчужные клочки чахлой волосистой растительности на миниатюрном черепе. Ни одной своей чертой голова не производила впечатления, будто принадлежала младенцу или хотя бы юноше — напротив, она как бы олицетворяла собой зрелость, даже подступающее одряхление.

— Откуда у вас это? — спросил Ван Райтен.

— Я и сам не знаю, — коротко ответил Этчам. — Нашел ее среди вещей Стоуна, когда рылся в них в поисках лекарства или какого-нибудь наркотика, чтобы облегчить его страдания. Даже и не знаю, где он их отыскал. Но готов поклясться, что до прихода в этот район у него их не было.

— Вы уверены? — Ван Райтен не спускал с Этчама внимательного взгляда своих больших глаз.

— Абсолютно.

— Но как могло получиться, что он нашел их, а вы ничего не заметили?

— Иногда во время охоты мы по десять дней не видели друг друга. Да и сам Стоун никогда не отличался особой общительностью. Он редко ставил меня в известность о своих действиях, а Бургаш предпочитал держать язык за зубами и того же требовал от своих слуг.

— Вы внимательно изучили эти головы? — спросил Ван Райтен.

— Нет, совсем поверхностно.

Ван Райтен вынул блокнот — он был очень аккуратным человеком. Вырвав лист бумаги, он сложил его и разорвал на три равные части, после чего протянул одну из них мне, а другую Этчаму.

— Мне просто хотелось бы проверить собственную догадку, — сказал он. — Пусть каждый из вас напишет, что лично ему напоминают эти головы. Потом мы сравним наши записи.

Я протянул Этчаму карандаш, и он что-то написал, вернул его мне, и я записал собственный вариант.

— Зачитайте, — попросил Ван Райтен, протягивая мне все три бумажки.

Ван Райтен написал: «Старый знахарь из племени балунда».

Этчам: «Старый амулет племени манг-батту».

Сам я написал: «Старый волшебник из племени катонго».

— Вот! — воскликнул Ван Райтен. — Вы только посмотрите! Ни в одной из записок нет и намека на пигмейские племена.

— Я тоже подумал об этом, — заметил Этчам.

— И вы говорите, что раньше у него их с собой не было?

— Я в этом абсолютно уверен.

— Что ж, теперь я думаю, что нам действительно стоит навестить его, — проговорил Ван Райтен. — Я пойду с вами и первым делом постараюсь во что бы то ни стало спасти Стоуна.

Он протянул руку, и Этчам молчал пожал ее, чувствуя искреннюю признательность.

4

Лишь забота о близком товарище позволила Этчаму преодолеть такой путь за пять дней. Обратная дорога была уже известна ему, однако в нашей компании она заняла целых восемь суток. Он всячески подбадривал и подгонял нас, не столько стремясь исполнить свой долг перед старшим компаньоном, сколько проявляя искреннюю заботу о товарище и восхищаясь Стоуном как человеком.

Мы обнаружили его окруженным максимально возможным в тех условиях комфортом. Этчам предусмотрительно обнес лагерь забором из колючих веток, хижины стояли достаточно прочно и имели надежное покрытие, да и сам Стоун чувствовал себя относительно неплохо. Хамед Бургаш полностью оправдал его надежды и, восседая среди слуг подобно грозному султану, зорко следил за каждым из них, поддерживая необходимый порядок. Кстати, он и сам зарекомендовал себя внимательной сиделкой и надежным охранником. Два других занзибарца удачно поохотились, так что несмотря на суровые условия окружающего их леса лагерь жил отнюдь не впроголодь.

Стоун лежал на холщевой койке, рядом с которой стояло некое подобие походного складного стульчика. Рядом были аккуратно расставлены бутылка с водой, несколько пузырьков с лекарствами, наручные часы и бритва Стоуна.

Вид у больного был довольно приличный, отнюдь не из-

нуренный, хотя он пребывал в полуобморочном состоянии, которое не позволяло ему даже узнавать окружающих, а тем более приказывать им что-то. Мне показалось, что он даже не догадывался о нашем присутствии. Стоуна я узнал бы где угодно. Сейчас от его бывлой мальчишеской удалы и ловкости не осталось и следа, хотя лицо сохраняло присущее ему благородство черт, густые желтоватые волосы по-прежнему плотно облегали голову со всех сторон, и даже жесткая рыжеватая бородка, отросшая за время болезни, почти не портила его внешности. Он оставался прежним широкогрудым мужчиной, хотя глаза заметно помутнели, и он лишь что-то бормотал, точнее, как бы выплевывал нечленораздельные сочетания отдельных слогов и букв.

Этчам помог Ван Райтену раздеть и осмотреть его. Для человека, столько времени пролежавшего в постели, он сохранил довольно крепкую мускулатуру; на теле практически не было шрамов, если не считать несколько следов порезов в районе коленей, плеч и груди. На ногах их было совсем мало, зато на плечах красовалась добрая дюжина шрамов округлой формы, причем все они располагались спереди. В двух или трех местах виднелись свежие раны, а еще четыре-пять, очевидно, только-только зарубцевались. Свежих опухолей я практически не заметил, разве что на груди, точнее по бокам от грудных мышц виднелись две ассиметрично расположенные припухлости. Внешне они мало походили на чирьи или фурункулы, скорее могло создаться впечатление, будто под вполне здоровые мышцы и кожу кто-то загнал пару округлых и достаточно твердых предметов, что, впрочем, не вызвало какого-либо воспаления и, тем более, нагноения.

— Я бы не стал их вскрывать, — заметил Ван Райтен, и Этчам согласно кивнул.

Они постарались поудобнее уложить Стоуна, а перед заходом солнца мы все еще раз навестили его. Он лежал на спине, грудь высоко вздымалась вверх, хотя просветления сознания, видимо, не наступило. Этчам проводил нас в специально подготовленную хижину, а сам остался с больным. Звуки джунглей здесь ничем не отличались от звуков в любом другом уголке Африки, а потому уже довольно скоро я мирно похрапывал на своей койке.

5

Внезапно сон покинул меня — я почувствовал, что лежу в кромешной тьме и к чему-то прислушиваюсь. При этом я четко различал два голоса: один явно принадлежал Стоуну, тогда как второй был какой-то хриплый, посвистывающий.

Даже несмотря на вереницу лет, отделявших меня от прошлого, я без труда распознал голос Стоуна, как будто слышал его только вчера, но другой голос мне ни о чем не говорил. По силе он несколько уступал воплю новорожденного младенца, хотя в нем определенно чувствовалась звенящая энергия, словно это был оглушающий писк громадного докучливого насекомого. Я различил рядом с собой в темноте напряженное дыхание Ван Райтена и понял, что он тоже не спит. Как и Этчам, я немного понимал наречие балунда, но сейчас мог разобрать лишь пару-другую слов. Голоса чередовались возникавшими между ними паузами.

Неожиданно все звуки слились воедино, причем зазвучали с поразительной быстротой. С одной стороны — сочный баритон Стоуна, словно он находился в полном здравии, а с другой — этот неимоверно скрипучий фальцет, — они затараторили почти одновременно, подобно голосам двух ссорящихся людей, не оставивших надежды договориться друг с другом.

— Я этого больше не вынесу, — проговорил Ван Райтен. — Давайте посмотрим, что там происходит.

Он наконец нащупал лежавший в кармане куртки фонарь, щелкнул выключателем и жестом показал мне, чтобы я следовал за ним. У входа в хижину он остановился и, как мне показалось, машинально выключил фонарь, словно зрение мешало слуху.

Мы оказались в полной темноте, если не считать слабого свечения угольев в костре носильщиков, да еле видимого блеска звезд, пробивавшегося сквозь густые кроны деревьев. Доносилось умиротворяющее журчание протекавшего неподалеку от лагеря ручья.

Поначалу мы слышали оба голоса, которые звучали практически одновременно, однако внезапно тот, второй, поскрипывающий, вознесся до невообразимой высоты тона, превратившись в пронзительный, острый как лезвие бритвы свист, буквально пронзавший собой грохочущий, хрипловатый баритон Стоуна.

— Боже праведный! — воскликнул Ван Райтен.

И неожиданно включил фонарь.

Мы увидели, что Этчам спит как сурок, вконец вымотанный долгим путешествием и бременем лежащей на нем ответственности, а теперь почувствовавший облегчение оттого, что переложил хотя бы часть ответственности на Ван Райтена. Даже упавший на лицо луч света от фонаря не разбудил его.

Свист утих, но снова оба голоса заговорили одновременно. И тот, и другой доносились со стороны койки Стоуна, который, как мы могли разглядеть в ярком луче фонаря, оставался

в той же позе, в которой его оставили, только закинул руки за голову да разорвал стягивавшие грудь бинты.

Опухоль на правой стороне его груди лопнула — Ван Райтен направил на нее луч света, и мы могли все увидеть собственными глазами. Прямо из груди Стоуна выросла человеческая голова, точнее, головка, очень напоминавшая собой то высушенное творение, которое показал нам Этчам и очень похожая на миниатюрное изображение головы с амулетов племени балунда. Она была совершенно черной — именно такой, какой обычно представляют кожу африканцев, — и бешено вращала крошечными, но от этого не менее злобными белками своих глазок. Между по-негритянски набрякшими красной губами, мерзость которых не казалась меньше даже на столь небольшой рожице, поблескивали микроскопические зубки. Почти игрушечный череп покрывал плотный с виду пучок шерсти, а сама голова угрожающе вертелась из стороны в сторону, безостановочно исторгая из себя невероятным фальцетом самые непотребные звуки. Теперь уже прерывистый баритон Стоуна стал фоном для этой мерзкой, поистине дьявольской пискотни.

Ван Райтен отвернулся от Стоуна и не без труда разбудил Этчама. Когда тот наконец протер глаза и увидел происходящее, его реакция оказалась донельзя спокойной.

— Вы видели, как он срезал свои опухоли? — спросил Ван Райтен.

Этчам резко кивнул.

— Крови тогда много было?

— Самая малость.

— Подержите-ка его за руки, — требовательным тоном произнес Ван Райтен.

Он взял бритву Стоуна и протянул мне свой фонарь. Большой по-прежнему не проявлял каких-либо признаков того, что заметил луч света или, тем более, наше присутствие в хижине. Маленькая головка между тем перешла на хриплое хныканье.

Рука Ван Райтена не дрогнула, движение бритвы было резким и точным. Крови и в самом деле оказалось совсем мало, так что ее удалось легко остановить — Ван Райтен промокнул ее как слабый порез или ссадину.

Едва это случилось, Стоун умолк. Неожиданно Ван Райтен рванулся, словно хотел отобрать у меня фонарь, после чего сдернул с плеча ружье, быстро оглядел пол рядом с койкой и с лютой остервенелостью несколько раз ударил по нему прикладом.

Мы вернулись к себе в хижину, хотя практически не надеялись на то, что сможем заснуть снова.

Назавтра, ближе к полудню, мы опять услышали доносившиеся из хижины Стоуна те же два голоса. Вбежав туда, мы застали Этчама спящим рядом со своим шефом, на груди которого на сей раз проклюнулась уже левая опухоль — из нее торчала точно такая же шипящая и свистящая головка. Этчам тут же проснулся, и теперь уже трое нас стояли и лицезрели дикую картину. Стоун каким-то образом ухитрялся вставлять хрипловатые слова в позванивающее бормотание чудовищного творения природы.

Ван Райтен шагнул вперед, схватил бритву Стоуна и опустился на колени перед койкой. Крошечная головка люто, почти по-звериному зашипела на него.

И в это мгновение заговорил сам Стоун — на сей раз по-английски.

— Кто это стоит с моей бритвой в руке?

Ван Райтен невольно откинулся назад и поднялся на ноги.

Теперь взгляд Стоуна полностью прояснился, он внимательно окинул им комнату.

— Конец, — проговорил он. — Я чувствую свою кончину. Вижу Этчама как живого. Синглтон! Призраки юности решились проводить меня в последний путь? Но кто вы, странный призрак с черной бородой и моей бритвой в руке, кто вы? Прочь отсюда!

— Я не призрак, — нашел в себе силы проговорить Ван Райтен. — Я пока еще жив, равно как и Этчам с Синглтоном. Мы пришли, чтобы помочь вам.

— А, Ван Райтен, — произнес он. — Что ж, мое дело переходит в достойные руки. Удача, Ван Райтен, и в самом деле всегда сопутствовала вам.

Ван Райтен подошел ближе.

— Потерпите, старина, — проговорил он успокаивающим тоном. — Будет немножко больно, но это недолго.

— Сколько уже таких «немножко больно» пришлось мне пережить, — отчетливо проговорил Стоун. — Нет, пусть все свершится. Дайте мне спокойно умереть. Сама Медуза Горгона неспособна тягаться с этим. Вы можете срезать сто, даже тысячу таких же головок, но едва ли вам удастся снять с меня его проклятье. То, что впиталось в кости, не выходит через плоть, так что не надо лишний раз кромсать меня. Вы обещаете?!

Мне почудилось, будто я услышал приказ из далекого детства, и послушаться его не мог ни Ван Райтен, ни кто другой.

— Обещаю, — проговорил Ван Райтен.

Едва отзвучали слова Стоуна, глаза его подернулись пленой.

Затем все трое уселись рядом с телом Стоуна и стали наблюдать, как прорастала из его тела эта чудовищная голова, сменившаяся целой фигуркой, высвобождавшей свои крошечные, малюсенькие и потому особенно омерзительные ручки. Их такие же микроскопические, но по форме близкие к совершенству ноготки слабо поблескивали в еле различимом свете луны, а чудом различимые розовые пятнышки на ладонях казались особенно зловеще-натуральными. И все это время они ни на миг не прекращали своего шевеления, подергивания, а правая даже потянулась было к рыжеватой бороде Стоуна.

— Я не вынесу этого, — простонал Ван Райтен и снова взялся за бритву.

Тотчас же открылись глаза Стоуна — жесткие, пылающие.

— Значит, Ван Райтен нарушил данное им же слово, — медленно проговорил он. — Не может такого быть!

— Но мы же должны вам хоть как-то помочь! — взмолился Ван Райтен.

— Сейчас меня уже ничто не может ни ранить, ни излечить, — сказал Стоун. — Просто настал мой час. Это не злой глаз, проклятие идет из меня самого, и оно приобретает очертания тех чудовищ, которых вы видите сейчас перед собой. А я, тем не менее, продолжаю жить.

Глаза его сомкнулись, а мы продолжали стоять, совсем беспомощные, глядя на эту обмякшую фигуру, которая продолжала посылать нам свои последние слова.

Неожиданно Стоун снова заговорил:

— Ты владеешь всеми наречиями? — резко спросил он.

Крошечная головка тут же повернулась и ответила на чистом английском:

— Естественно, я могу говорить на всех тех языках, которыми владеешь и ты, — проговорила она, изредка высывая свой червеобразный язычок, подергивая губками и покачиваясь из стороны в сторону. Мы даже видели, как проступали ее ребра-ниточки, подталкиваемые изнутри при каждом вздохе воображаемыми легкими.

— Простило ли оно меня? — как-то приглушенно спросил Стоун.

— Не будет тебе прощения, покуда сияют звезды над озером.

И тут же Стоун одним-единственным движением завалился на бок, а через мгновение умер.

Когда смолк голос Синглтона, в комнате воцарилась тишина, да такая, что мы могли расслышать дыхание друг друга. Бестактный Томбли первым нарушил молчание:

— Я полагаю, что вы все же отрезали головку и привезли ее с собой в банке со спиртом?

Синглтон неожиданно строго посмотрел на него.

— Мы похоронили Стоуна в таком состоянии, в каком он пребывал.

— Но, — продолжал неугомонный Томбли, — ведь все это действительно звучит как-то чудовищно.

Синглтон напрягся.

— Я и не ожидал, господа, что вы во все это поверите, — сказал он. — Но вы не могли забыть те мои слова, которые я произнес в самом начале, и все же повторю их: несмотря на все то, что я сам видел и слышал, я, тем не менее, отказываюсь верить самому себе.

ОСТРОВ СТРАХА

Уильям Сэмброт

Кайл Эллиот шел вдоль широкой каменной стены, с жадным любопытством заглядывая в каждую щель.

Он приехал на крошечный островок, лежащий посреди Эгейского моря, в надежде найти что-нибудь интересное для своей небольшой коллекции. И он нашел. Нашел! В саду, за этой каменной стеной, в центре фонтана стояла прелестная скульптура: обнаженная женщина с ребенком. Настоящий шедевр.

С первого взгляда ему показалось, что скульптура сделана из гелиотропа, яшмы или какого-то другого камня из полудрагоценных халцедонов. Хотя он прекрасно понимал, что это невозможно. Он не знал ни одной скульптуры из подобного материала.

Кайлу захотелось получше рассмотреть их. Он вынул из кармана миниатюрную складную подзорную трубу. У него перехватило дыхание — они были восхитительны. Теперь он хорошо видел слегка повернутую голову женщины, ее глаза, расширенные от застывшего в них удивления. Он невольно посмотрел туда же, куда смотрела она, — таким живым и таинственным был ее взгляд. Ребенок, обхватив ее пухлыми руками, полуоткрытым ртом чуть касался груди женщины. У Кайла создалось впечатление, что он словно скользит вниз по ее гладкому телу. Кайл охватил профессиональным взглядом скульптурную группу целиком, лихорадочно пытаясь определить автора. Но не сумел. Она могла быть создана и вчера, и тысячелетия назад. Лишь в одном Кайл мог быть уверен: ни в одном каталоге ее не было.

Кайл попал на этот остров совершенно случайно. Он плыл на допотопной греческой посудине, которая медленно и без определенного маршрута сновала от острова к острову: от Лесбоса к Хиосу, потом к Самосу, через множество островов Киклады — и далее к легендарному морю, приближаясь к древней земле, по которой Боги ходили как люди. Кайла никогда не оставляла надежда найти на одном из этих маленьких древних островов маленький шедевр, сокровище, тысячелетиями скрытое от людей. Если такое случалось, и деньги позволяли Кайлу приобрести его, он приобщал новый экземпляр к своей коллекции. Но это бывало крайне редко.

Во время небольшого шторма изношенный мотор суде-

нышка неожиданно заглох. Но вскоре, прокашлявшись, заработал снова. Их посудина лениво дрейфовала в зеленовато-голубом просторе Эгейского моря. Вдруг Кайл увидел вдалеке смутные очертания крошечного острова. Он посмотрел в подзорную трубу и увидел необычную стену, подковой огибающую часть острова. Она была сложена из камня и как будто вырастала из морской пены.

Кайл спросил капитана:

— Что это за островок там вдалеке?

Капитан ничего не ответил и даже не взглянул в ту сторону, куда показывал Кайл.

— Там каменная стена, похожая издали на подкову, спускается прямо к морю.

— У него даже названия нет, живет там всего несколько пастухов и больше ничего нет, — хрипло сказал капитан, стоя спиной к острову.

— Но я вижу стену, — мягко сказал Кайл, — вот посмотрите.

И он протянул капитану подзорную трубу.

— Нет, — сказал капитан, глядя прямо перед собой. — Это какие-то развалины. Там даже нет пристани. Туда уже много лет никто не ездит, и электричества там нет. Я думаю, вам там не понравится.

— Но я хочу увидеть вблизи эту стену и то, что за ней скрывается, — сказал Кайл.

Он чувствовал, что капитан чем-то взволнован. Но не мог понять, в чем дело.

— Я хочу осмотреть эту стену, — еще раз спокойно сказал Кайл.

— Но там ничего нет. Это очень старое место. Там все давно разрушено, — упрямо повторил капитан.

В конце концов Кайл уговорил капитана. Его доставили на остров в шлюпке. Выйдя на берег, Кайл сразу же увидел совершенно безлюдную единственную улицу небольшой деревеньки, уединенную гостиницу, несколько рыбацких лодок с заплатанными парусами и на низких холмах небольшие стада коз.

Он понял, что капитан говорил правду: это был старый заброшенный остров, даже отдаленно ничем не напоминающий осколок древней цивилизации, следы которой находил он на других островах Эгейского моря. Только стена волновала его воображение. Стены строят для защиты чего-то или для того, чтобы впускать или не впускать... Он хотел знать, для чего построена эта стена.

Устроившись в старомодной гостинице, он немедленно отправился к стене, обошел ее снаружи, надеясь найти ворота

или хотя бы расселину. Но она была неприступна, как сторожевая башня. Обескураженный неудачей, он возвращался обратно тем же путем. Его внимание привлекло тихое мелодичное журчание воды за стеной. Внимательно осмотрев стену, он обнаружил маленькое отверстие, не больше грецкого ореха. Кайл прильнул к нему, и так и остался стоять, потрясенный, не в силах оторвать глаз от женщины с ребенком, стоящей в нескольких шагах от него, по ту сторону стены. Он был абсолютно убежден, что наконец нашел то чудо, которое искал по всему свету. Кайл снова подумал, что упоминание об этом шедевре не только ни разу не встретилось ему ни в одном из каталогов, но даже никогда не дошло до него хоть отдаленным намеком или неясным слухом. Как могла оказаться эта скульптура на крошечном острове, даже не имеющем названия, за гигантской стеной, которая и сама была творением гения.

Кайл был истинным знатоком искусства, и от сознания того, что он нашел великое и ранее неизвестное произведение, у него бешено колотилось сердце, и спазм перехватил горло. Он должен приобрести эту скульптуру, и он это сделает, чего бы это ему ни стоило. Кайл подумал, что настоящая цена скульптуры, вероятно, никому не известна и, возможно, даже владелец имения не предполагает, какую ценность представляет скульптура в центре старого фонтана. Он с трудом заставил себя оторваться от отверстия в стене и медленно побрел в гостиницу.

Он шел и думал, что скульптор, создавший эту маленькую изысканную композицию, несомненно заслуживал места на Олимпе. Но кто он?

У входа в гостиницу он задержался, чтобы смахнуть пыль с ботинок, и в этот момент из дверей выскочил мальчишкочистильщик с щеткой в одной руке и ваксой в другой, быстро спросил: «Разрешите?» — и начал чистить ботинки Кайла.

Кайл присел на скамейку и стал рассматривать мальчишку. Это был невысокий пятнадцатилетний юноша, гибкий и сильный. В древние века он был бы прекрасной моделью для одного из шедевров Праксителя: прекрасной формы голова, тугие кудри, два падающих на лоб локона, похожие на рожки Пана, и классический греческий профиль. Но нет, Пракситель не сделал бы его своей моделью из-за небольшого шрама, похожего на трещину. Он проходил от носа к углу верхней губы, слегка приподнимая ее и обнажая сверкающие белые зубы. Разве что Пракситель решил бы изваять Пана со шрамом.

— Скажи, кому принадлежит имение за деревней? — спросил Кайл на хорошем греческом языке.

По лицу мальчишки пробежала тень, и он молча покачал головой.

— Ты должен это знать, — настойчиво сказал Кайл. — Оно занимает всю южную часть острова, и окружает его высокая каменная стена.

Мальчик снова покачал головой и ответил:

— Она всегда была здесь.

Кайл улыбнулся ему.

— Всегда — это очень неопределенное время. Может быть, твой отец знает?

— У меня никого нет, — сказал мальчик с достоинством.

— Извини, — сказал Кайл и тут же спросил:

— Но, может быть, ты все же знаешь фамилию владельцев имения?

Мальчишка пробормотал одно слово.

— Гордон? — переспросил Кайл. — Ты сказал Гордоны? Имение принадлежит англичанам?

В этот момент он почувствовал, что умирает его надежда. Ведь если имение принадлежит англичанам, то у него очень мало шансов приобрести эту чудесную скульптуру.

— Они не англичане, — тихо сказал мальчик.

— Я бы хотел с ними встретиться.

— Это невозможно. Туда нет дороги.

— Я знаю, что туда нет дороги со стороны острова, но я думаю, там есть пристань или что-то в этом роде, чтобы можно было высадиться с моря.

Мальчишка снова покачал головой, не поднимая глаз. Возле них остановились несколько жителей деревни. Они разглядывали Кайла и молча прислушивались к их разговору. Насколько Кайл знал греков, они были людьми шумными, жизнерадостными, любопытными, всегда готовыми дать совет. Эти же были сдержаны, молчаливы и не улыбкивы — будто не греки вовсе.

Мальчишка закончил работу, и Кайл бросил ему пятидесятилептовую монету. Тот поймал ее на лету и улыбнулся — настоящий шедевр с трещинкой.

Обратившись к старому крестьянину, Кайл спросил:

— Вы знаете владельцев имения за стеной? Я хочу встретиться с ними.

Пробормотав что-то себе поднос, старик ушел. А Кайл мысленно обругал себя за психологическую ошибку: в Греции сначала говорят о деньгах. И он громко сказал:

— Я заплачу пятьдесят... нет, сто драхм тому, кто отвезет меня туда морем.

Он знал, что сто драхм — большая сумма для бедняков, влачивших жалкое существование на этом скалистом остро-

ве. Большинство из них не зарабатывало столько и за год тяжелой работы. Это были большие деньги. Но никто из них не отозвался на его предложение. Молча, один за другим, они ушли, не оглядываясь.

Вскоре Кайл понял, что во всей деревне нет ни одного человека, который помог бы ему преодолеть эту стену или, по крайней мере, поддержал разговор о ней или ее владельцах. Все вели себя так, будто ее вовсе не было. Это загадочное молчание лишь подогревало любопытство Кайла и его желание завладеть сокровищем за стеной.

Ему и раньше приходилось встречаться с местными табу. Большинство из них были результатом вражды или ссор, уходящих корнями в далекое прошлое. Мало кто помнил истинную причину этих раздоров, но все ревностно поддерживали их. Однако здесь, он это чувствовал, было что-то совсем другое.

Кайл вышел на улицу и на окраине темной деревушки остановился, задумчиво глядя на море. Услышав тихие шаги за спиной, он обернулся и увидел мальчишку-чистильщика. Мальчишка подошел почти вплотную к Кайлу и схватил его за руку. Кайл почувствовал, что тот дрожит, хотя ночь была очень теплая. Не глядя на Кайла, мальчишка взволнованно зашептал:

— Другие... они не хотят... я отвезу вас в своей лодке...

Кайл облегченно вздохнул. Разумеется, ему надо было сразу обратиться со своей просьбой к мальчишке. Одинокий парень, сирота, он, конечно, найдет применение сотне драхм, несмотря на любое табу.

— Спасибо, — с чувством сказал Кайл. — Когда мы поедем?

— Перед отливом, за час до рассвета, — прерывающимся от волнения голосом сказал мальчишка. — Я вас отвезу, но подплыву только к скалам у стены. Там вы дождетесь отлива и уйдете... дальше...

У него перехватило дыхание.

— Чего ты боишься? — спросил Кайл. — Всю ответственность за нарушение права собственности я возьму на себя, хотя я не думаю...

Мальчишка перебил его:

— Другие... Когда вы вернетесь в гостиницу... никто не должен знать, что я вас везу туда.

— Конечно, если ты так хочешь.

— Пожалуйста, я прошу вас. Им это не понравится...

— Не волнуйся, — сказал Кайл. — Я никому ничего не скажу.

— За час до рассвета я буду ждать вас у берега, возле стены.

Когда Кайл вышел на берег, звезды уже почти погасли, и он не сразу увидел мальчишку, сидевшего в маленькой, подпрыгивающей на волнах лодчонке. Лодка была без паруса, и Кайл понял, что мальчишке пришлось довольно долго грести, чтобы обогнуть остров. Они оттолкнулись от берега и поплыли. Море было беспокойным. Дул прерывистый прохладный предрассветный ветер. Сбоку вырисовывались неясные очертания гигантской стены.

— Кто все же построил эту стену? — спросил Кайл, когда они уже подплыли к одной из островерхих скал, выступающих из воды у подножия стены.

— Древние, — односложно ответил мальчик, еще больше дрожа от непонятного Кайлу страха.

Он все время сидел спиной к стене и смотрел в открытое море.

— Она всегда была здесь, — упрямо повторил он.

Всегда. И пристально разглядывая длинный изгиб стены в первых лучах восходящего солнца, Кайл уже почти не сомневался, что она стоит здесь давно, очень давно, возможно, с начала греческой цивилизации. И восхитившая его скульптура тоже. Тем более, странным казался ему теперь тот факт, что о них ничего не известно в мире. И неожиданно Кайл понял, что этот остров, даже не обозначенный на карте, до него посещали очень многие такие же одержимые, как он. Почему же в таком случае он никогда не слышал о нем?

Дно лодки задело за каменную гряду у основания скалы. И мальчишка перестал грести.

— Я вернусь за вами во время следующего отлива, — сказал он чуть слышно. — Вы заплатите мне сейчас?

— Конечно, — сказал Кайл и достал бумажник. — Но не мог бы ты подвезти меня чуть подальше?

— Нет, — пронзительно вскрикнул мальчишка. — Не могу.

— Почему здесь нет пристани? — спросил Кайл.

Отсюда ему была хорошо видна узкая полоса песчаного берега между краями стены. Песок, скалы и чуть дальше, в глубине острова, то тут, то там кипарисы, опутанные густым вьющимся кустарником — и больше ничего.

— Послушай, — попросил он мальчишку. — Я возьму лодку, а ты подождешь меня здесь, возле скал. Я там долго не пробуду. Мне только нужно встретиться с владельцами имения и договориться...

— Нет, — в голосе мальчишки прозвучал панический страх. — Если вы возьмете лодку...

Не договорив, он привстал и резко наклонился вперед, чтобы оттолкнуться от скалы. В этот момент волна поняла

лодку, мальчишка потерял равновесие, закачался и, опрокинувшись назад, ударился головой о скалу. Волна накрыла его, и он быстро ушел под воду. Кайл нырнул за ним, оцарапав грудь о выступ скалы. В нескольких футах под лодкой он увидел мальчишку и попытался схватить его за рубашку, но она расплзлась у него в руках. Он снова наощупь отыскал мальчишку, схватил его за волосы и устремился наверх. Вынырнув, он стал искать лодку, но ее не было видно. Нельзя было терять время на поиски, и Кайл поплыл к берегу, легко подталкивая мальчишку вперед. Примерно через сотню ярдов он почувствовал под ногами песок.

На берегу мальчишка закашлялся, из носа у него полилась вода. Кайл отнес его подальше от линии прибоя и усадил на песок, прислонив спиной к скале. Мальчишка открыл глаза и недоуменно уставился на Кайла.

— Все в порядке, — сказал Кайл. — Ты посиди тут немного, а я поищу лодку, пока ее не унесло слишком далеко.

Когда Кайл пригнал лодку к берегу, ветер стих, и солнце поднялось высоко над морем. Мальчишка стоял, прислонившись к скале, и через плечо настороженно вглядывался в глубь острова.

Подойдя ближе, Кайл бодро окликнул его:

— Я вижу, тебе уже лучше.

Он подумал, что это маленькое происшествие может послужить отличным оправданием перед владельцами имения за непрошенное вторжение на их территорию.

Мальчик ничего не ответил и не двинулся с места, продолжая глядеть в одну точку. Кайл тронул его за плечо, но тут же отдернул руку и стал оглядываться по сторонам, словно искал что-то. Он увидел следы на песке: вот мальчишка поднялся, вот, слегка приволакивая ноги, подошел к скале, вот его собственные следы, а вот цепочка изящных следов, будто босоногая женщина, чуть касаясь песка, выбежала из-за деревьев и, обогнув скалу, исчезла в глубине острова.

Не в силах оторвать взгляд от этих следов, Кайл вдруг с ужасающей ясностью понял то, о чем должен был догадаться в тот самый момент, когда впервые замер от восхищения перед невообразимым совершенством матери и ребенка. Он отлично знал все мифы древней Греции, и теперь у него в голове отчетливо звучало одно слово: Горгоны. Один из самых страшных мифов.

Три сестры: Медуза, Евриала и Стено с извивающимися змеями вместо волос. Три создания, настолько ужасные, что, по легенде, тот, кто осмелился взглянуть на них, немедленно превращался в камень.

Стоя на теплом песке рядом с мальчишкой и слушая тре-

вожные крики чаек, Кайл со всей полнотой постигал тайну острова и этой стены. Теперь он знал, кто ее построил и что за ней скрывалось. Не английское семейство Гордоны, а намного более древнее семейство — Горгоны.

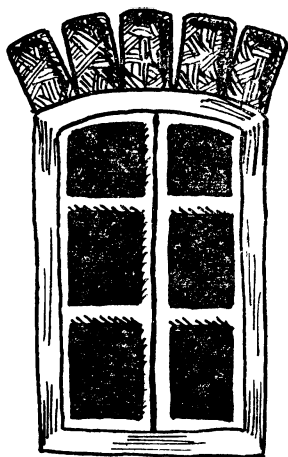
Персею удалось убить Медузу, но ее сестры были бессмертны.

«Бессмертны! О господи! Этого не может быть! — в смятении подумал Кайл. — И все же...»

Он медленно поднял глаза на прислоненного к скале мальчишку и, несмотря на сковавший его страх, опытным взглядом ценителя не смог не отметить абсолютное совершенство маленькой статуи. Прекрасная форма головы, классический греческий профиль, два крутых локона над лбом, похожие на рожки, застывшее на лице удивление. Маленький Пан из халцедона. Шедевр с трещинкой.

Кайл услышал за спиной тихий шелест. Он напрягся и, прислушавшись, понял, что это вовсе не шелест, а змеиное шипение, и, хотя точно знал, что смотреть в ту сторону не должен, медленно обернулся.

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ЗАМУЧИЛ СВОЕГО УЖА

Тим Стаут

Пожалуйста, не поймите меня превратно. Мне очень нравятся змеи. Впрочем, как и все другие рептилии. В доме у меня в стеклянных банках постоянно живут несколько таких штучек, и я ни за что не променяю их на традиционных собаку или кошку. Все эти Рексы, Бобики, пожалуйста, — это для вас, я же лично предпочитаю тех, кто в чешуе.

Возможно, именно по этой причине я испытываю некоторое чувство вины, рассказывая эту историю. Нет, я отнюдь не тревожусь насчет того, что может найтись хотя бы один здравомыслящий человек, которому вздумается обвинить меня в этой истории со змеей, тем более, что уж мне-то известно, кто именно повинен во всем случившемся. Чувство неловкости, которое я испытываю, скорее происходит из поистине чудного отношения большинства людей к змеям. Им никак не удастся избавиться от предубеждения по отношению к этим скользким и якобы смертельно опасным существам, а стоит в разговоре обмолвиться про змею, как у слушающих немедленно встает перед глазами весьма реальная угроза. Это стереотип, и никто, пожалуй, не думает иначе.

В данном же случае я вынужден признать, что человек, о котором я намерен вам рассказать, действительно вел себя крайне непорядочно. Это видно с самого первого взгляда. А потому все, о чем я хочу попросить вас, — быть по возможности объективными в оценке случившегося. Тогда вы сами убедитесь, что маленькая змея была отнюдь не кровожадным злодеем, а сама стала жертвой бездушного обращения, и все, на что она решилась, было лишь актом справедливого отмщения.

Впрочем, вернусь к своему рассказу. Рискуя показаться нескромным, все же скажу, что начать его можно с меня самого. Разумеется, было бы нелепо отрицать мою, хотя и косвенную, но все же причастность к случившемуся. Зовут меня Родни Драммонд, и я, как вы уже знаете, увлекаюсь рептилиями. Не профессионально — работаю я страховым агентом, да и змей в наших краях водится не так уж много; нет, я просто любитель-герпетолог, и если вы не поленитесь обратиться к словарю греческого языка, то обнаружите, что дословно это означает «исследователь пресмыкающихся».

Ящерицы, крокодилы, черепахи и тому подобное. Змеи, разумеется, тоже. Естественно также предположить, что поскольку я интересуюсь этими животными, некоторым из них нашелся уголок и в моем доме. Пустующая спальня на первом этаже оказалась прекрасным местом, где я разместил всевозможные емкости и клетки с осветителями и обогревателями, призванными создать необходимый комфорт для их обитателей. Все это выстроилось вдоль одной стены комнаты, в которой, если не считать письменного стола и вращающегося кресла, больше ничего нет.

Рептилии жили у меня уже несколько лет, когда на одной из вечеринок я познакомился с Биллом Картером. Сейчас не время описывать ни тот мальчишник, на который мы были с ним приглашены, ни нашу последующую езду наперегонки с полицейской машиной. Достаточно сказать, что мы довольно хорошо узнали друг друга, и в более зрелые годы, чтобы вместе скоротать время, часто обменивались взаимными визитами.

Когда Билл женился на своей учительнице-француженке, а мой собственный роман завершился полной неудачей, я ожидал, что дружба наша пойдет на спад, однако этого не произошло. Действительно, какое-то время мы встречались довольно редко, но потом, когда его сын чуть подрос, он снова стал навещать меня. Одним словом, наша дружба возобновилась.

Впрочем, рассказать я хотел не столько о самом Билле, сколько о его сыне Треворе. Этот самодовольный мальчишка всегда сильно раздражал меня, и даже несмотря на то, что с ним произошло, я должен признать, что едва ли испытал удовольствие от новой встречи с ним. Билл боготворил сына и, как мне кажется, именно в этом заключалась вся загвоздка. Когда мальчик подрос, Билл стал таскать его с собой почти на все наши встречи. Думаю, несколько слов о том, как произошло мое знакомство с ним, дадут вам некоторое представление об этом подрастающем негодяе.

Был ранний вечер, пятница, и я только что вернулся из Лондона, где приобрел южноамериканского каймана, являющегося близким родственником аллигатора, весьма похожим на него. Разумеется, между ними есть некоторая разница, однако здесь я опускаю эти подробности, тем более, что в молодом возрасте оба животных внешне почти не отличаются друг от друга. Мой же образец едва достигал в длину тридцати сантиметров. В своем террариуме я устроил для него удлиненный бассейн, куда налил немного воды и соорудил из песчаника нечто вроде островка с гротом. Сверху над бассейном я разместил двухсотваттную лампу, тепло от которой поддерживало в бассейне нужную температуру. В тот день я сидел у себя за письменным столом, что-то жевал и просмат-

ривал справочную литературу, желая найти в ней ответ на вопрос: следует ли кормить каймана ежедневно или раз в два дня. Само животное неподвижно лежало в своем бассейне, не выказывая ни малейших признаков зарождающегося аппетита.

Раздался звонок у входной двери, и я пошел открывать. У порога стояли двое гостей. В принципе, я и не исключал возможности прихода Билла, но вот то, что он привезет с собой сына, оказалось для меня полной неожиданностью. Серые брюки туго обтягивали мясистые ляжки мальчишки, а пуловер достаточно явно обозначал его пухлый живот. Округлые розовые щеки и солидный двойной подбородок словно подпирали маленькие надменные глазки, на мгновение скользнувшие по мне и снова юркнувшие в сторону. Билл положил ладони на толстые плечи сына.

— Познакомься, — сказал он. — Это Тревор. Поздоровайся с дядей Родни.

По его тону я понял, что он считает сына по меньшей мере восьмым чудом света. Тревор поздоровался.

— Рад тебя видеть, Тревор, — сказал я, думая, правда, несколько иное. Затем я проводил гостей в комнату и успел услышать за спиной нетерпеливое: «Па, а когда мы уйдем отсюда?».

Билл проявил живой интерес к моим новым приобретениям; Тревор же молча уставился на бассейн, и я не без удовольствия отметил про себя, что его тяжелые черты несколько утратили свою угрюмость. Кайман продолжал лежать прямо под лампой — недвижимый, но явно настороженный.

— Что это? — прямо спросил Тревор.

— Это детеныш аллигатора, — ответил я, посчитав, что едва ли стоит вдаваться в биологические подробности ради како-то напыщенного сопляка. — Я привез его только сегодня, и он, похоже, чувствует себя не вполне уверенно на новом месте. Поэтому постарайся не говорить слишком громко и вообще не беспокоить его.

— Где ты его раздобыл? — с интересом спросил Билл.

У одного торговца живностью возле лондонского зоопарка. Там же, где ящериц покупал.

Билл знал это место, потому что нередко сопровождал меня. Увлечшись описанием других приобретений, я совсем забыл про Тревора, когда неожиданно раздался его голос.

— Это не аллигатор, а кайман, — резко проговорил он. — Почему вы сказали, что это аллигатор? Если вы действительно так считаете, то явно ошибаетесь.

Тревор стоял рядом с письменным столом, и я с досадой заметил, что он заглядывает в мои справочники. Один из них

был раскрыт как раз на цветной иллюстрации, на которой были особенно заметны различия между обоими животными. Парень оказался достаточно смекалистым и смог по одной лишь картинке установить, что я сказал неправду.

— Я знаю, что это не аллигатор, но решил не вдаваться в технические детали их различий.

Тревор ничего не ответил, но из-за его осуждающего молчания я почувствовал себя в дурацком положении и продолжал действовать соответственно.

— Череп каймана, — напыщенно сказал я, — отличается от аллигатора...

— Это я уже знаю, — перебил он меня. — Успел прочитать.

Билл заметил, что его сыну, очевидно, понравилось уличать меня в маленьких хитростях, и потому поспешил увести его к другим клеткам и банкам. Наконец парень уселся и принялся разглядывать цветные фотографии, которые я привез в прошлом году из Африки, тогда как мы с Биллом стали болтать о всяких пустяках.

Спустя некоторое время до меня донесся весьма характерный всплеск, за ним еще один. Звуки исходили из угла, в котором располагался бассейн с кайманом. Я резко обернулся и увидел, как юный негодяй засунул в него руку и терзает бедное животное, которое судорожно выпрыгивало из воды и дергалось из стороны в сторону, стараясь укусить толстые, надоедливые пальцы.

— Прекрати! — резко бросил я.

Его рука дрогнула, взметнулась ввысь и задела свисавшую с потолка лампочку, которая свалилась и, ударившись об один из камней, взорвалась. Я бросился к бассейну и стал его внимательно осматривать. Кайман же укрылся в искусственной пещерке.

— Глупая выходка, ты не находишь? — сердито спросил я. — Ведь я же просил не беспокоить его.

К моему удовлетворению, Билл, как и я, был разгневан поступком мальчишки. Вернувшись в комнату с ведром и тряпками, чтобы собрать осколки, я застал обоих поспешно натягивающими плащи.

— Извини, пожалуйста, Род, — сказал Билл. — Все будет в порядке, так ведь?

Ну не ругать же мне друга за глупую выходку его сына.

— Не беспокойся. Думаю, пару дней не станет принимать пищу, но потом все образуется, — заверил его я. — По крайней мере, теперь я точно знаю, что он вполне здоров и достаточно активен. Обратил внимание, как он пытался ухватить его палец?

Уже на следующее утро кайман почти оправился от потрясения, стал довольно бойко бегать по вольеру, съелдохлую мышь и даже поцарапал меня, когда я собирался чуть приподнять его.

Рассказал я все это с единственной целью — показать, каким безжалостным, даже жестоким юнцом был этот мальчишка, который, как мне казалось, должен был непременно когда-нибудь плохо кончить. Если бы я позднее вспомнил об этом инциденте, возможно, тягостная развязка не наступила бы, по крайней мере, так скоро. Кто знает... Впрочем, едва ли есть смысл долго распространяться относительно этого маленького негодяя.

— Помню, как-то раз я ходил с ними в зоопарк, где Тревор без умолку болтал несусветную чушь про содержащихся в клетках животных и буквально вывел меня из себя беспрестанными хлопками и ударами по клеткам террариума — ему хотелось, чтобы животные двигались! В другой раз он вздумал таскать кошку за хвост... И все это время — просто поразительно, ведь Билл не мог не замечать, как действует мне на нервы его сын, — он упорно продолжал таскать его на все наши встречи.

События, о которых я собираюсь рассказать, начались вскоре после того, как у меня появился маленький уж. Пустячная забава на фоне каймана, подумаете вы, но дело в том, что в течение нескольких месяцев у меня дома вообще не было змей. Как-то раз мой приятель-фермер пришел ко мне и спросил, не заинтересует ли меня змея, случайно попавшая под зубья его комбайна. Я и сам видел, что животное сильно пострадало, и сделал все, что мог: промыл раны, обеспечил ей тепло, приготовил еду. На этом мое врачевание завершилось. Не исключая возможности визита Билла и его мерзкого чада, я положил змею в ящик и поставил его в кухню, где никто не мог побеспокоить животное.

Отец с сыном действительно приходили, и не раз, но я так и не заикнулся о новом обитателе дома. Лишь спустя полтора месяца, когда змея окончательно оправилась, я перенес ее в вольер и решил не скрывать факта ее присутствия.

Тревор прореагировал незамедлительно.

— Что это, папа?

С первого дня нашего знакомства он старался по возможности избегать обращения лично ко мне. Я все же ответил ему. Как я уже сказал, змей у меня долго не было, так что это оказался первый случай, когда Тревор получил возможность наблюдать рептилию вне стен зоопарка.

— Папочка, а можно мне ее посмотреть? — заляничил он. Поскольку змея практически выздоровела, я вытащил ее

из ящичка. гибкое тело быстро скользнуло между пальцами, и блестящая треугольная головка лукаво выглянула из-под моего запястья. Темные, с желтым ободком глаза сияли, тонкий кончик хвоста элегантно свисал с ладони.

Тревор внимательно всматривался в животное, и мне даже польстила столь неожиданная заинтересованность со стороны бесчувственного мальчика.

— А поддержать ее можно?

— Только не делай резких движений, — предупредил я и положил змею на ладонь Тревора.

Он действительно проявил интерес, и мне пришлось ответить на кучу его вопросов. В частности, я объяснил, что язык змеи представляет собой уникальный орган обоняния и одновременно вкуса, рассказал про два желтых пятна на голове, которые позволяют отличить безопасного ужа от его смертоносных сородичей. Потом я описал строение змеиного тела и растолковал, каким образом это животное может без видимых мышечных сокращений передвигаться с довольно большой скоростью. Ему захотелось посмотреть те места на теле ужа, где были порезы, и я указал на неровные полосы, кое-где нарушавшие симметричный узор. Затем, во избежание появления у него неуместной сентиментальности по поводу одного из самых совершенных орудий убийства, когда-либо сотворенных природой, я позволил ему заглянуть в бесчувственные, лишенные малейшей жалости глаза змеи, и разрешил самому оценить силу беспрестанно сокращающихся мышц длинного тела. Я объяснил, что, охотясь, змея лежит совершенно неподвижно в ожидании появления добычи, и на примере собственной чуть подрагивающей руки продемонстрировал несовершенство мускульного контроля человека. Тревор спросил о том, как змея питается, и я рассказал, что она может целиком заглатывать крупные объекты, после чего начинается долгий процесс переваривания пищи. По его завершению змея снова испытывает острое чувство голода, провоцирующее ее на очередную холодную и безжалостную охоту за добычей.

Наконец я водрузил змею на ее обычное место, хотя и заметил, что интерес Тревора к ней не угас. Я показал ему некоторые иллюстрации и объяснил, что особое строение змеиных зубов позволяет животному буквально мертвой хваткой вцепиться в тело жертвы.

После некоторого раздумья я принес несколько довольно-таки жутких фотографий, на которых были запечатлен процесс заглатывания лягушки большим ужом.

— Видишь, — сказал я, указывая на большие безжизненные глаза лягушки. — Она уже смирилась со своей участью.

Змеиные жертвы, как правило, не оказывают долгого сопротивления.

Тревор выслушивал все это с неожиданным интересом, и на этот раз я простился с ним гораздо теплее, чем раньше. В конце концов, решил я, возвращаясь в террариум и включая на ночь свет, та неподдельная заинтересованность, которую Тревор продемонстрировал в отношении змей, отчасти нейтрализует все негативное, что можно сказать об этом пареньке.

Спустя несколько дней мы встретились с Биллом в городе. Он хотел посоветоваться со мной относительно подарка Тревору ко дню рождения. Я быстро понял, куда он клонит — ему хотелось, чтобы я уступил ему того самого ужа. Билл сказал, что парень и слышать не хочет ни о чем другом, и они с женой, в принципе, не возражали бы угодить мальчугану, естественно, если я объясню ему, как ухаживать за змеей.

Что и говорить, мне польстил такой интерес к моему хобби. Но в своей искренней готовности удружить приятелю я забыл про многое другое, о чем он не раз говорил мне: о заброшенном под кровать сломанном игрушечном поезде — его прошлогоднем подарке, об испорченной яхте, к которой парень охладел на второй день после ее покупки, о щенке, которого во избежание дальнейших мучений в руках безжалостного «хозяина» пришлось отдать на усыпление. Я почему-то забыл тогда обо всем это и с готовностью пообещал Биллу помочь со змеей.

Это оказалось нетрудной задачей. Выбрав теплый солнечный субботний день, я отправился за город. Примерно в пяти-шести милях от города располагались три небольших озера, достаточно богатых рыбой и лягушками, чтобы привлечь всех обитавших в округе ужей. Минут через пятнадцать я заметил приличных размеров змею, медленно проползавшую вдоль борта вытащенной на берег заброшенной лодки. Пару минут она заставила погоняться за ней, но в конце концов пала жертвой своего же любопытства, и я смог подцепить ее. Это была толстая, блестящая красавица примерно шестидесяти сантиметров в длину. Через пару дней мы с Биллом пошли в зоомагазин, где купили небольшой напольный ящик-террариум и дюжину маленьких лягушат, которых змее хватило бы на первые пару месяцев жизни, пока Тревор сам не научится добывать корм для своей питомицы. Иными словами, я постарался сделать все необходимое.

На следующий день после праздника Билл пришел ко мне и рассказал, что, насколько он может судить, Тревор выполнил все данные ему рекомендации и даже заслужил своеобразную благодарность своей питомицы — змея чувствовала себя великолепно и съела одну лягушку.

— Хороший знак, — удовлетворенно сказал я. — Если змея питается, значит с ней все в порядке.

И я не волновался. В последующие две недели у меня было много работы, и я с головой ушел в написание годового отчета. За это время я ни разу не видел ни Билла, ни его сына, поскольку каждый день возвращался омой поздно вечером и сразу же заваливался спать. Я полагал, что змее хорошо живет у ее нового хозяина, хотя, по правде говоря, не так уж часто вспоминал о ней.

Новот как-то раз я встретил Билла на Хай-стрит. Он сказал, что несколько раз пытался найти меня, но не заставал дома. Я объяснил, чем занимался все это время, после чего мой друг как бы между прочим обмолвился, что змее, как ему кажется, нездоровится и ему бы хотелось, чтобы я зашел и посмотрел в чем дело. Тревор, по его словам, очень беспокоится и буквально не находит себе места... «Это ты сам не находишь себе места, тогда как Тревору на все наплевать», — подумал тогда я. Мы договорились, что на следующий день я зайду.

По пути к Биллу я, предчувствуя, в чем там дело, зашел в магазин электротоваров и купил стоваттную лампочку. Я знал, что лишь редкие змеиные недуги нельзя вылечить при помощи дополнительного света и тепла. Когда мы пришли, Тревора дома не было, и я не стал спрашивать, где он.

Едва переступив порог дегской, я понял, что зря помог Биллу с этим подарком. Воды в террариуме почти не было, а оставшаяся позеленела от старости, грунт основательно засорился, а стенки террариума покрылись грязно-желтым налетом. Температура в ящике едва достигала шестнадцати градусов, так что было не удивительно, что змея сникла. Я мгновенно понял, что искренний энтузиазм Тревора был не более чем сиюминутным увлечением избалованного мальчишки.

Сама змея, свившись в кольцо, лежала рядом с чашкой для воды. Вид у нее был самый плачевный.

— Ты не знаешь, — спросил я Билла, — когда он в последний раз кормил ее?

— Нет, по-моему, он давал ей лягушек, которых мы с тобой тогда купили. Я, правда, сам не видел, но, возможно. Мери...

Пока я вворачивал лампочку, меня не покидала надежда, что тепло восстановит аппетит змеи, хотя поддержать его удастся лишь в том случае, если рядом окажется хоть какая-нибудь подходящая еда. Билл тем временем прошел на кухню к жене и вернулся с садком, в котором жили лягушки. Крышки на бачке не было.

— Похоже, они разбежались... — растерянно проговорил Билл. — Наверное, после того как Тревор в первый раз по-

кормил змею, он неплотно закрыл крышку, и она где-то потерялась.

Заглянув в бачок, я убедился в том, что он пуст.

— Так он что, только один раз кормил змею? — я вздохнул. — Билл, животное таких размеров не может жить несколько недель, имея в желудке одну-единственную лягушку, тем более такую прощечную.

Не отрицаю, мне все это было безразлично и потому, видимо, отразилось в моем тоне. В самом деле, Биллу следовало контролировать, как его сын обращается с живым существом. Я почувствовал, что мой друг искренне расстроился.

— Я не знал, что они все разбежались, — проговорил он.

— Билл, — продолжал я, — это самое элементарное бездушие со стороны Тревоора. Дело в том, что змея принципиально отличается от нас, людей. Она не может заставить себя забыть про голод тем, что почитает книжку или пойдет прогуляться. У нее организм хищника, почти постоянно нацеленный на поиск пищи. Без нее она будет чувствовать себя очень плохо. Постарайся, пожалуйста, объяснить Тревоору столь простую истину, если, конечно, хочешь, чтобы змея прожила у вас достаточно долго.

В общем, наговорил я ему немало, о чем позже и сам сожалел, поскольку ругать в данном случае следовало исключительно Тревоора. Перед уходом я дал ему адрес зоомагазина, где почти всегда можно купить тритонов и лягушек. На сей раз я не стал выполнять за Тревоора эту работу, поскольку тот вполне был в состоянии самостоятельно справиться с этой задачей.

Последующие события пересказать несложно. примерно через неделю после нашего последнего разговора я, не дождавшись звонка от Билла, сам решил навестить к нему, чтобы посмотреть, поправилась ли змея. Идя по саду мимо окон комнаты Тревоора, располагавшейся на первом этаже, я заметил, что свет в террариуме не горит. Как и в прошлый раз, мальчишки дома не было.

Через минуту после прихода я понял, что беспокоиться больше не о ком и не о чем. Билл сказал, что Тревоор даже не подумал сходить в магазин за кормом для змей. В общем, произошло неизбежное, и в итоге безжизненное тело дохлой змеи выбросили в мусорный бак. На сей раз я решил не жалеть чувств Билла и прямо высказал ему все, что думал о его сыне. Сначала он покорно выслушивал меня, но затем, видимо, разыграли отцовские чувства и он стал огрызаться. В общем, распроащился мы как никогда холодно.

Концовку этой истории я объяснить не могу. Когда все это случилось, я старался как можно меньше думать о происшед-

шем, а сейчас и подавно собираюсь переехать в другой район. По-моему, вполне логичный поступок, тем более, что к мысли о нем меня подтолкнула полиция. К счастью, мне никогда раньше не предъявлялись какого-либо рода обвинения, так что не могу судить, насколько убедительными показались мои объяснения и доводы. Одним словом, все прошло довольно гладко и ни у кого не возникло никаких вопросов.

Но про свою находку, раскрывшую правду о случившемся, я не смогу забыть никогда. Кроме того, насколько мне известно, никто о ней так ничего и не узнал.

У меня нет никаких доказательств в подтверждение моей теории. Возможно, вы, как и я, подумаете, что она вполне обоснована, хотя можете и не согласиться со мной, или даже посчитаете, что у меня просто разыгралось воображение, и в итоге посмеетесь над моим рассказом. Пусть так. Упрекать вас я не стану, а может, это даже и к лучшему. Мне самому змеи нравятся, и я бы хотел, чтобы и другие также разделяли это чувство. Но я одновременно не хочу, чтобы оно помешало мне объяснить вам, что же произошло с мальчиком по имени Тревор после того, как ему уж умер с голоду.

Змея погибла утром того самого дня, когда я приходил к Биллу справиться насчет ее здоровья. Подобно дряблой оливково-зеленой веревке уж лежал на устилавшем дно террариума песке рядом с чашкой с водой — возможно, в последний раз перед смертью он попытался найти спасительную пищу. Первой умершую змею обнаружила Мери, мать Тревора, пришедшая убирать его постель. Вернувшись домой к обеду, мальчишка проявил едва заметный интерес к случившемуся и явно не чувствовал за собой никакой вины. За обедом отец велел ему закопать змею в саду, но в ответ Тревор лишь промышчал что-то нечленораздельное. Аналогичным образом он отреагировал и на несколько повторных напоминаний. В конце концов юнец выскочил из комнаты с дохлой змеей в вытянутой руке, швырнул ее в мусорный бак и до вечера не появлялся дома. Придя наконец, он тут же устроился перед телевизором. Билл попытался было пристыдить сына, но ему помешала какая-то шумная передача. Вся семья просидела перед экраном часов до одиннадцати, когда Тревор наконец насмотрелся всего, чего хотел, и милостиво разрешил родителям отправить его спать.

С этого момента я могу лишь приблизительно обрисовать вам последовательность происшедших событий. Все, на что я способен при этом опираться, это мои научные познания, на основании которых я сделал некоторые дедуктивные, чисто умозрительные выводы. Между тем, я практически уверен, что то или почти то, что я представил себе, действительно

произошло ночью в спальне Тревора. Эта ужасная картина с трудом умещается в моем сознании, хотя, повторяю, мне представляется, что все было именно так.

По внешнему виду Тревора можно было предположить, что сон у него достаточно крепкий. И в тот вечер он, видимо, улегся и быстро заснул, свободный от каких бы то ни было переживаний и чувства вины за смерть животного. Плотный, даже толстоватый, он лежал в своей пижаме под темным одеялом, выставив наружу лишь пухлое, гладкое лицо.

Никто не знает, сколько показывали часы, когда все началось. Если судить по тому, что Билл и Мери не проснулись, значит, где-то после полуночи, хотя они вообще могли ничего не слышать. В конце концов, все происшедшее имело отношение к одному лишь Тревору и, естественно, переживалось им самим. В любом случае, в ту ночь в его комнате происходили невероятные, даже неестественные события.

Я, кажется, догадываюсь, что именно разбудило Тревора. Во всяком случае, не громкий стук крышки мусорного бака, чуть приоткрывшейся, съехавшей и грохнувшейся об асфальт. Если бы он понимал истинное значение этого стука, то, наверняка, как ошпаренный соскочил бы с кровати и с полоумным криком бросился бы из комнаты, спасая собственную жизнь. Но он этого не сделал. Возможно, сквозь сон он услышал какой-то шум, но потом лишь повернулся на другой и тут же снова уснул.

Вы помните, я как-то говорил, что бывал в комнате Тревора и заметил тогда, что все ее окна выходят на одну сторону. Над большими оконными проемами были сделаны два вентиляционных отверстия, которые всегда оставались закрытыми на защелку, оставляя между вентилятором и рамой зазор в несколько дюймов. Тревор проснулся от неясного, скребущего звука, как будто кто-то пытался проникнуть внутрь комнаты через этот зазор.

Подобно надсадному мяуканью кошки, помогающей, чтобы ее впустили в дом, этот звук с настойчивой монотонностью продолжался в течение нескольких минут. Парень оторвал сонную голову от подушки, пытаясь разглядеть в темноте источник шума.

Удалось ли ему это сделать сразу — трудно сказать. А может, он продолжал лежать, скованный страхом, до тех пор, пока защелка не соскочила и окно не распахнулось, вслед за чем в нем показалась голова ночного визитера — громадная клинообразная тень, заполнившая собой все вентиляционное отверстие.

Я как сейчас вижу перед собой эту картину: голова протискивается в комнату, надежно поддерживаемая мускулис-

тым оливково-зеленым телом, которое тугими кольцами сжимается и разжимается чуть поодаль. Затем этому телу понадобилась новая опора, и оно соскользнуло на высокую книжную полку, стоявшую в ногах кровати.

Кричал ли Тревор? Возможно, хотя и маловероятно. Думаю, он оставался там, где и был, обливаясь от страха потом и не издавая ни звука. А может, он просто схватил одеяло, натянул себе на голову, словно надеясь, что найдет в этой пуховой пелене надежную защиту от надвигающейся опасности.

Тело продолжало вползать через вентиляционное окошко, скользить по раме наподобие зловещего гибкого кабеля, поворачиваясь из стороны в сторону и обследуя незнакомые предметы блестящим, почти метровой длины языком.

Оказавшись целиком в комнате и свалившись на пол, оно скрутилось кольцами в углу, высматривая то, зачем сюда явилось. Теперь все его чувства были максимально обострены и воспринимали любой шорох, доносившийся с кровати обезумевшего от ужаса мальчишки.

Я вижу перед собой эти громадные темные, с желтым ободком глаза, большие как мужской кулак, наполненные безграничным голодом и готовые на все ради куска пищи. И вот тело приходит в движение, кольца ритмично сокращаются, и голова, рассекая ночную тишину, приближается к постели.

Как правило, охотящаяся змея некоторое время внимательно рассматривает свою жертву и лишь потом делает решительный бросок. Но эта, похожая на привидение дьявольская змея, и без того слишком долго ждала, а укутанный в одеяло подросток оказался пленником в своей собственной постели. Я вижу, как громадная голова склоняется над изголовьем кровати, подобно матери, собирающейся поцеловать своего ребенка. Тревор делает одно-единственное судорожное движение и... Я стараюсь больше не думать об этом.

Масса нервной чепухи, подумаете вы? Посоветуете к психиатру обратиться? Но ведь я до вас никому об этом не рассказывал...

Да и сейчас ни одна живая душа кроме меня не знает, что на дне мусорного бака, в котором они нашли тело Тревора, лежат раздувшиеся останки ужа, до этого обвивавшего мальчишку так, будто когда-то эта шестидесятисантиметровая рептилия действительно могла вместить в себя его тело.

МЕД С ДЕГТЕМ

А.Г.Дж.Раф

В полном одиночестве Джимми беззаботно играл в саду. Ему вообще нравилось оставаться одному, когда он мог одновременно удовлетворить как свое детское любопытство, так и жажду новых завоеваний во время неустанных ползаний по самым потаенным уголкам обширного и довольно запущенного сада. Кроме того, здесь были минимальны шансы услышать предостерегающие окрики матери. В общем, глубоко закопавшись в заросли высокой травы и отгородившись таким образом от чуждого ему внешнего мира, Джимми переживал поистине удивительный душевный комфорт. Высоко над головой светило солнце, а миниатюрное царство джунглей на целый день вперед таило в себе массу неведомых доселе удовольствий.

Приближалось время обеда, и мать позвала мальчика домой. С явным неудовольствием восприняв вторжение в свою обитель, он, однако, почувствовал, что нарастающий аппетит становится уже сильнее неприязни к диктату взрослых; одним словом, он медленно, нехотя, ступая кружным путем, направился к задней двери, которая вела в кухню. За время своих блужданий по заросшему подлеску Джимми основательно запылится, даже перепачкался, но все же почувствовал себя оскорбленным, когда мать справедливо выговорила ему за это. Тем не менее, он покорно вымыл руки, а потом, как маленький, с жадностью поглощал обед, осеняемый доброй улыбкой матери, которая искренне считала, что ей повезло иметь такого самостоятельного и вполне независимого сына.

После обеда пошел дождь, и она запретила ему выходить наружу, так что Джимми не оставалось ничего другого, кроме как усесться в гостиной перед камином и отсутствующим взглядом больших небесно-голубых глаз созерцать взметавшееся над поленьями оранжевое пламя. Мать с любовью наблюдала за сыном, когда тот, словно о чем-то вспомнив, глубоко засунул руку в карман шортов и извлек грязный спичечный коробок, открыв который, продемонстрировал большого, волосатого, но довольно сонного на вид паука — явного своего напарника по утренним играм. Прежде чем мать смогла вновь обрести дар речи, Джимми со свойственной большинству маленьких детей беззаботностью и бесцеремон-

ностью оторвал пауку все лапки, а затем швырнул черное тельце в камин. Его лицо осветила довольная улыбка, когда огонь в камине с едва заметной вспышкой поглотил крошечную жертву, а в ладони чуть шевельнулись нервные окончания крохотных лапок.

Получив основательную словесную трепку и окончательно убедившись в том, что в сад ему больше не выйти, Джимми пришел к выводу, что остаток дня придется провести в обществе младшей сестренки Луизы. Девочка всегда вела себя аккуратно, достойно и не разделяла ни одного из увлечений своего брата. На Луизу у Джимми времени не было.

Матери было радостно видеть, что дети вместе поднялись наверх. Ведь в детской гораздо чище, чем в саду, и к тому же там есть еще один камин, так что они никак не замерзнут. В общем, до чая оба будут заняты и вдосталь наиграются.

Прошло время. Часам к пяти мать Джимми поднялась наверх и направилась к детской. Когда она распахнула дверь, представшее ее взору зрелище лишь спустя несколько секунд смогло отпечататься на лице обезумевшей от ужаса женщины. Смертельно побелев, она издала дикий, почти неземной вопль, после чего повернулась и спотыкаясь, едва не падая, бросилась вниз по ступеням, обволакиваемая эхом своих же метавшихся по дому криков.

Джимми нахмурился. Он уже давно оставил всякие попытки хоть как-то понять и тем более предсказать поведение взрослых, а потому лишь покрепче ухватился за рукоятку обгаренной стекавшей кровью пилы из набора «Юный техник» и твердо решил продолжать начатую игру. На столе перед ним лежало расчлененное тело Луизы — с кляпом во рту, плотно связанное крепкой веревкой, великолепное во всей темно-красной прелести крови, которая вытекала из глубоких, мясистых распилов, густыми струями сочилась со стола, медленно впитываясь в ткань ковра и жуткими, амебоподобными ложноножками растекаясь по всем углам комнаты. Из камина распространялся курящийся дымком сладковатый запах обугливающих детских конечностей, на которых то там, то здесь вздувались и с игривым потрескиванием лопались блестящие волдыри.

Джимми почесал затылок неприятно липким пальцем. Его постоянно мучил вопрос о том, что же «тикало» у Луизы внутри. Впрочем, дождь, кажется, уже кончился, и он снова сможет пойти в сад — там ему будет гораздо веселее.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ДИЕТА

Чарльз Ллойд

— Разумеется, миссис Уиллоуби, я прекрасно понимаю ваши чувства в столь деликатном вопросе, однако продолжаю твердо настаивать на том, что ваша мать будет чувствовать себя гораздо лучше, если ее поместят в специальную лечебницу и обеспечат самый тщательный и всесторонний уход. Я абсолютно уверен в том, что о полном излечении не может быть и речи, так что, по моему мнению, будет гораздо лучше сложить с себя бремя ответственности и переложить его на тех людей, которые как раз предназначены заниматься подобными делами.

Миссис Уиллоуби подняла на доктора встревоженный взгляд.

— Я даже слышать об этом не хочу! Как бы ни были хороши все эти подобные заведения, но в них человек неизбежно ощущает себя кем-то вроде... заключенного. Это убьет мою мать... и потом, если не считать отдельных и весьма редких приступов, она в целом остается таким же здравомыслящим человеком, как вы, доктор, и я.

— Что ж, право на окончательное решение остается за вами. Если вы считаете, что ей действительно лучше остаться здесь, пока не наступило ухудшение состояния, мне, пожалуй, больше нечего сказать. Я бы только порекомендовал вам наряду с сестрой Чартерис нанять также ночную сиделку; при этом я настоятельно рекомендовал бы ни днем ни ночью не оставлять миссис Хинтон одну. У меня есть на примете одна весьма надежная женщина, которую я мог бы вам рекомендовать. Если не возражаете, сегодня днем она подойдет к вам.

Молодой доктор вынул из кармана часы, взглянул на них и продолжал:

— Если же окажется, что все эти меры недостаточно эффективны, искренне сожалею, но, боюсь, нам придется принять иные, более решительные действия, — с этими словами он встал и взял со стоявшего в холле комода свои шляпу и перчатки.

Миссис Уиллоуби проводила его вниз вплоть до двери его новенького «бьюика».

— Большое вам спасибо и искренне прошу извинить за все причиненное беспокойство. Я всегда была уверена в том,

что вы сделаете все от вас зависящее, лишь бы помочь мне. Но мне просто невыносима сама мысль, что моя мать окажется заперта в одном из подобных мест, — она протянула руку. Бледный луч солнечного света, пробивший сумрак раннего весеннего утра, приятно заиграл в ее медового цвета волосах.

Доктор Бурлей с обожанием взглянул на нее и улыбнулся. Ему было жаль эту молодую женщину, почти еще девушку, которая овдовела, когда ей не было и тридцати, похоронив погибшего в авиакатастрофе мужа. И вот новая беда — заболевание матери. Он был почти уверен, что в самом ближайшем будущем старуху все равно придется отправить в лечебницу. Впрочем, коль скоро ей был обещан надлежащий уход в домашних условиях, можно было и не торопить события.

Он включил зажигание и медленно повернул руль. Миссис Уиллоуби неторопливо поднималась по ступеням дома. Она пребывала в полной уверенности, что сделает именно то, что нужно. Войдя в гостиную, она посмотрела на часы: одиннадцать. Пора было заняться и покупками. Куда вот только Мери запропастилась? В школу ей надо было идти только в следующий понедельник, а кроме того девочка так любила ходить с ней по магазинам. Она подошла к двери, ведущей в сад:

— Мери! Ме-ери!

В этот момент отворилась дверь из кухни и показалась служанка, которая несла в руках поднос с серебряными столовыми принадлежностями.

— Мне кажется, — после некоторой паузы проговорила она, — что мисс Мери наверху — с медсестрой и миссис Хинтон.

Миссис Уиллоуби поблагодарила ее и поспешила наверх, к комнате матери. Поднявшись, она медленно приоткрыла дверь. Старая леди восседала на софе — сноп солнечных лучей из широкого окна падал на лежавшую у нее на коленях наполовину связанную шаль ярко-оранжевого цвета. У нее было полное, но вместе с тем неестественно бледное лицо. В ногах старой женщины расположилась Мери, листавшая давно затертый, пообтрепавшийся альбом с фотографиями.

— О, бабуля, неужели ты вправду носила такие платья? — изумленно спрашивала девочка, тыкая грязноватым пальцем в фотографию, изображавшую женщину в наряде, который в девяностых годах предназначался для загородных поездок на автомобиле.

— Да, милое дитя.

Миссис Хинтон взглянула на вошедшую дочь.

— Дорогая, ты пришла не для того, чтобы забрать Мери, не так ли?

— Нам пора ехать за покупками. Тебе бы хотелось чего-нибудь?

— Нет, пожалуй, нет. Может, вам что-нибудь придет на ум? — спросила она, поворачиваясь к медсестре Чартерис, сидевшей рядом с ней на стуле и читавшей газету.

— Нет, миссис Хинтон. Полагаю, сегодня утром вам ничего не понадобится.

— Ну, беги и быстренько надень пальто, — проговорила миссис Уиллоуби, обращаясь к дочери. — А я пока подожду тебя в холле. Надеюсь, мы обе спустимся одновременно. И не забудь помыть руки, — прокричала она вслед своей восьми-летней дочери.

Миссис Хинтон снова взглянула на нее. Ее глаза сузились, на губах заиграла лукавая улыбка.

— Интересно, что же тебе сегодня сказал наш молодой доктор? Что мне стало хуже, да? Сумасшедшая старуха, так, наверное, он называет меня? И ему очень бы хотелось запелить меня в каком-нибудь приюте, так ведь? Ну, давай, говори.

— Мама, не глупи. Разумеется, ничего подобного он не сказал. Доктор Бурлей очень внимателен к тебе, если хочешь знать, он сказал, что самочувствие твое совсем неплохое, но тебе требуется отдых и хорошее питание, чтобы снова набраться сил. Сам он намерен прописать тебе специальную диету, а мы хотим нанять ночную сиделку, чтобы сестра Чартерис могла хоть ненадолго отлучаться.

— Иными словами, он боится оставлять меня одну, не так ли? — миссис Хинтон в гнев отбросила вязание и оно упало на пол. — Я этого не потерплю, ты слышишь? Не потерплю. Обходиться со мной так, будто я какая-то преступница или сумасшедшая!

Она явно вгоняла себя в состояние ярости; лицо ее покрыла пунцовая краска, а в уголке рта скопилась и медленной струйкой потекла к подбородку тоненькая полоска пены.

— Успокойтесь, миссис Хинтон, — умиротворяющим голосом вмешалась сестра Чартерис, — незачем так волноваться. — При этом она выразительно посмотрела на миссис Уиллоуби, словно желая сказать: «Уходите. Я сама с ней справлюсь».

— Вы хотите избавиться от меня. Вы все сговорились, чтобы выжить меня отсюда. Я знаю, это так!

— Ничего подобного, мама. Зря ты вбиваешь себе в голову подобные мысли. извини, мне сейчас надо идти — Мери ждет меня.

— Мери единственная, кто действительно любит меня, — воскликнула старая дама, в приступе жалости к самой себе

раскачиваясь грузным телом вперед-назад и ударяясь им о спинку кресла. — Значит, доктор прописал мне специальную диету, та? И что же это за диета? Как я полагаю, мне знать об этом не положено?

— Ну что ты говоришь, дорогая? Он прописал тебе больше молока, всевозможные супы и слегка поджаренное мясо — чуть тронутое огнем, чтобы только можно было есть. И поменьше крепкого чая, — со смехом добавила она.

— Значит, мне и чаю толком не попить, — ворчливо проговорила миссис Хинтон. Ее дочь воспользовалась моментом, на цыпочках вышла из комнаты и спустилась в холл, где ее ждала Мери. Маленькое личико светилось здоровьем под ярко-красным беретом, а из-под пальто торчали длинные, тонкие, по-милому жеребачьи ножки в простых черных шерстяных чулках.

— Ну пошли, мамочка, — проговорила девочка. — Сколько можно ждать!

Двоем они отправились в торговую часть города: Джоан Уиллоуби, совсем молодая и простая в своем костюме из джерси, и Мери, смеющаяся и прыгающая вокруг нее.

Тем временем, находясь в спальне миссис Хинтон, сестра Чартерис что было сил пыталась успокоить свою пациентку, которую сама про себя тайком считала старой злобной старухой и полагала, что ей самое место в дурдоме. Никто лучше нее не знал сварливый, злобный характер этой престарелой дамы. Что до миссис Уиллоуби, то та отличалась слишком добрым нравом. И не надо позволять маленькой девочке свободно бегать и прыгать в обществе этой мегеры. В следующий раз, когда придет доктор, она обязательно скажет ему об этом. Ведь черт-те знает что может произойти, если в присутствии Мери у миссис Хинтон случится один из ее дурных припадков!

Сестра Чартерис с явным удовольствием окинула взором свое хорошо сложенное тело. Уж она-то сможет о себе позаботиться. Ребенок — другое дело. Она с радостью восприняла известие о том, что теперь у них будет ночная сиделка. Давно уже надо было подумать об этом.

Сестра Чартерис подергала носом.

— Еще одно слово, миссис Хинтон, — резко бросила она, — и вы к чаю не получите свое яйцо.

Она нередко пользовалась чувствительностью старой леди к мерам дисциплинарного воздействия: уже на самых ранних стадиях своего общения с миссис Хинтон ей стало ясно, что это был самый простой способ держать ее в руках. Старуха довольно желчно, даже с ненавистью посмотрела на нее. Затем она угрюмо ухмыльнулась и наклонилась, чтобы подо-

братъ валявшееся у ног вязание, после чего в комнате воцарилась тишина — почти полная, если не считать редкого шелеста страниц в руках сестры Чартерис, да робкого позвякивания спиц наконец-то успокоившейся миссис Хинтон.

Минула неделя после того, как в доме появилась ночная сиделка — крупная шотландка по имени Флора Макбрайд. Внешне походя скорее на мужчину, чем на женщину, она в свободные от дежурства часы предпочитала наряжаться в бледно-розовые и голубые тона, весьма слабо гармонировавшие с ее внешностью, и пересказывать бесчисленные истории, в которых приятели именовали ее не иначе как «Флосси» или «Фло». Естественно, неоднократно делались ссылки на то, что ей с трудом удавалось избегать или отвергать бесчисленные и, тем более, настойчивые притязания со стороны мужчин.

Миссис Хинтон отнеслась к ее появлению довольно спокойно и, если не считать ее почти постоянной сдержанности и даже хмурости в общении с окружающими, можно было сказать, что новое знакомство прошло без особых отягощений. Вместе с тем она с подчеркнутым беспокойством относилась к себе и непрерывно бомбардировала и Джоан, и обеих сестер вопросами по поводу своего здоровья, а также того, насколько эффективной, на их взгляд, оказалась новая диета, которую ей прописал доктор. Помимо этого она долгими часами сидела в кресле, сложив руки на коленях и устремив неподвижный взгляд на пламя камина, не обращая никакого внимания на адресованные ей слова, и лишь изредка растягивая губы, чтобы выдавить из них какие-то звуки.

Сестра Чартерис регулярно докладывала доктору Бурлею о визитах Мери к старой даме, и тот неизменно соглашался с ней, что чем реже ребенок будет видаться со старухой, тем лучше. При этом он пояснил Джоан, что если девочка внезапно перестанет заходить в комнату к бабушке, это неизбежно ранит сердце старой леди, и добавил:

— Будет нелишним максимально растягивать промежуток времени между каждым визитом. С учетом того, что ваш ребенок не вполне осознает, что бабушка, если можно так выразиться, не окончательно поправилась, нам приходится заботиться о существе столь нежного возраста. Можете себе представить, какое потрясение ждет ее, если она неожиданно испугается приступа.

Он стоял, прислонившись спиной к камину, засунув одну руку глубоко в карман брюк, а другой небрежно поигрывая цепочкой от часов.

— Более того, — продолжал он, — я должен предупредить

вас, что все это не может продолжаться более нескольких месяцев. В состоянии вашей матери не отмечается ни малейших признаков улучшения и, боюсь, вы все же будете вынуждены согласиться с тем, чтобы поместить ее в приют.

Вечером, когда Джоан поднялась, чтобы пожелать старой леди спокойной ночи, миссис Хинтон сказала:

— Я знаю, с чем ты ко мне пришла. «Доктор сказал, что он очень доволен процессом излечения». Так вот — я не верю ни одному твоему — или его — слову! Я хочу, чтобы меня лучше кормили, чтобы чаще давали мясо. Вы что, считаете, что я какая-то канарейка, а не живой человек? — Она резко повела плечами. — О, мои бедные кости, разве могут они вынести эти мартовские ветры?

Несколько дней после всего этого сестра Чартерис вбежала к Джоан, едва скрывая сильное возбуждение.

— Миссис Уиллоуби, — воскликнула на, — мне кажется, настало время, когда вы просто должны предпринять в отношении своей матери дополнительные меры. Боюсь, что я уже не в состоянии одна нести ответственность за ее поведение. Боже ты мой, я бы никогда не поверила, что она способна на такое! — Сестра сделала паузу, чтобы перевести дыхание. — Даже сейчас, стоит мне вспомнить, я просто вся вздрагиваю от этого.

— Да что случилось-то? Скажите толком!

— Сегодня утром мы спустились к завтраку и увидели, что в мышеловку попалась мышь; ну, я решила отдать ее Томпсону для кота. Ну так вот, незадолго до окончания завтрака я вышла из-за стола и пошла позвать Томпсона, а когда вернулась, то увидела, что миссис Хинтон всю отрезает мышке голову. Я спросила, что она делает, и вы знаете, что она мне ответила? — Сестра Чартерис возбужденно вздохнула: — Она сказала мне, что хочет выпить ее кровь, чтобы снова набраться сил. Какая мерзость! Нет, вы только представьте себе такое! — Женщина отчаянно закачала головой. — Нет, я отсюда уйду, иначе черт знает что здесь может произойти.

Услышав от Джоан эту историю, доктор Бурлей нахмурился.

— Что ж, возможно оно и к лучшему, — проговорил он. — Прошу извинить, но я не вижу иного выхода. Вашу мать следует определить в психиатрическую лечебницу, причем чем скорее, тем лучше. Я постараюсь все организовать там, чтобы ее приняли в начале недели.

Джоан расплакалась, но он сел рядом с ней, взял ее руку в свои ладони и рассказал о нескольких случаях, в которых

также пришлось иметь дело с приступами невероятной жестокости, и которые закончились тем же.

В конце концов ему удалось убедить и отчасти успокоить Джоан, после чего миссис Хинтон была определена в «Парксайдскую психиатрическую больницу». Отъезд наметили на следующий вторник. Старой леди решили пока ничего не говорить. После того как проблема оказалась урегулирована, Джоан неожиданно почувствовала, что у нее буквально гора свалилась с плеч.

Сестра Чартерис, услышав эту новость, коротко бросила:

— Давно пора было, — тогда как Макбрайд лишь застенчиво покачала головой и буркнула своим низким, грудным голосом:

— От подобных штук и свихнуться недолго. Терпеть не могу иметь дело с психами.

Настал понедельник. В комнатах сиделок перетаскивали чемоданы и коробки, которыми изредка по неосторожности задевали за ножки мебели, производя неизбежный в таких случаях шум. Были предприняты максимальные меры предосторожности, чтобы старая леди ни в коме случае не догадалась об истинной цели всех этих перемещений. Когда же она все-таки спросила, в чем причина подобных хождений obsługi и Джоан по комнатам, ей сказали, что уезжает сестра Макбрайд — сообщение это не только удовлетворило, но и явно обрадовало старуху. Сидя на диване, она с выражением злобного триумфа на лице наблюдала за неповоротливыми движениями женщины, возившейся возле чайного столика. Больничная машина с ее облаченными в белое санитарями должна была прибыть на следующий день к девяти утра, так что основную часть сборов предстояло завершить сегодня.

За чаем сестра Макбрайд, которая официально заступала на дежурство лишь в десять часов вечера, но так и не прилегшая за весь день из-за предотъездной суеты, наклонилась к сестре Чартерис и прошептала ей на ухо:

— Хочу потихоньку сбежать в универмаг. Представляете, моя дорогая, совсем забыла, что у меня кончились духи. Но я ненадолго.

Сестра Чартерис с нескрываемым удивлением посмотрела на свою коллегу. Она всегда поражалась пристрастием этой сухопарой клячи ко всевозможной косметике.

— Если вас не затруднит, купите мне, пожалуйста, пузырек аспирина.

— Ну разумеется, моя дорогая, — сестра Макбрайд встала. — Ну, пожалуй, побегу. Та-та! — она поспешила из комнаты.

Тишину нарушил голос миссис Хинтон, в котором прозвучали резкие, безликие нотки, столь часто встречающиеся у подглуховатых людей.

— Какое счастье, что эта ужасная женщина завтра уезжает. Никогда еще не встречала таких дур, а к тому же и грязнуль.

Сестра Чартерис мрачно улыбнулась. Она вполне разделяла подобную точку зрения, однако в данный момент предпочла промолчать. К тому же удобный случай избавил ее от необходимости отвечать, поскольку в этот момент в комнату вошел их дворецкий Томпсон. Он подошел к сестре Чартерис.

— Простите, сестра, вас просят к телефону.

— Кто?

— Имя я не разобрал, — ответил он. Разумеется, он прекрасно узнал голос доктора, однако ему было предписано ни под каким предлогом не упоминать это имя в присутствии «старой сумасбродки».

— Пожалуйста, передайте, что я сейчас подойду.

Он вышел, оставив обеих женщин одних. Миссис Хинтон окинула сестру подозрительным взглядом.

— Я ненадолго, моя дорогая, — проговорила сестра Чартерис и поспешила вслед за Томпсоном, гадая по пути, кто же это может быть.

Оставшись одна, миссис Хинтон посмотрела в окно и увидела Мери, катавшуюся на велосипеде возле дома. Старуха застучала по стеклу, пытаясь привлечь внимание девочки. Разумеется, с такого расстояния девочка ничего бы не могла услышать, но именно в этот момент она случайно подняла голову и увидела, как бабушка улыбается ей и машет рукой.

Вот ведь бедняжка, подумал ребенок, сидит там одна в своей комнате. Она бросила велосипед и поспешила в дом.

Миссис Хинтон удовлетворенно улыбнулась: сестра, эта несносная болтуня, задержится у телефона отнюдь не «недолго» — совсем наоборот.

Через минуту она услышала, как по коридору затопали легкие ножки.

— Бабуля! — закричала девочка, не успев еще открыть дверь.

— Тише ты! Зачем же так шуметь? У меня и так голова раскалывается. Ну, входи, входи же, дорогая.

Девочка подбежала к дивану и приподняла лицо, чтобы получить традиционный поцелуй в щеку. Ей показалось, что бабушка выглядит как-то странно: ее глаза неотрывно смотрели ей на лицо, на горло... и было в них что-то необычное,

диковинное... Мери пыталась про себя подобрать нужное слово... как будто та испытывала сильный голод.

— Садись вот сюда, дитя мое. У меня не так много времени. Они ни на минуту не оставляют меня одну, а мне надо с тобой поговорить. Ты знаешь, что я старая, больная женщина. Очень больная. И доктор Бурлей хочет запереть меня в сумасшедшем доме. Ты ведь знаешь, что такое сумасшедший дом, правильно? Это то место, куда помещают лишившихся рассудка людей. Так вот, доктор Бурлей как раз и хочет отправить меня в такой дом. Он считает, что я помешалась, что я маньяк. Но это не так! Нет, моя дорогая! Я всего лишь больная женщина... которую, к тому же, недокармливают. А мне, милое дитя, требуется специальная диета.

Говоря все это, старая леди медленно подволакивала свое грузное тело вдоль дивана, пока в конце концов не оказалась совсем рядом с Мери. Она погладила ладонью головку девочки, ласково прикоснулась к плечам, нежно тронула шею.

— Ты же любишь свою бабулю, не так ли, Мери?

— Да, — девочке было неловко от ее прикосновений, да и взгляд у бабушки был такой, словно она действительно сошла с ума.

Миссис Хинтон встала и подошла к двери. Ключ торчал в замке — она повернула его, сунула к себе в сумку и вернулась к дивану.

— Мы должны поторопиться, моя дорогая, если, конечно, ты действительно хочешь помочь своей бабуле. Они скоро вернутся — Чартерис и эта Макбрайд.

— А что мне надо делать?

— Сделай, пожалуйста, мне маленький подарок... подари мне то, что я так давно хочу, что-то такое... — она почти выплевывала слова, — ... что-то, что я должна получить.

— Не надо, бабуля, — Мери нервно засмеялась, — мне становится страшно.

— Не надо бояться, мне же надо совсем мало. Всего одну чашечку. Одну-единственную чашечку твоей молодой, здоровой крови. Ведь ты же дашь ее мне, чтобы твоя бабуля снова поправилась, правда?

— Не говори таких вещей... Я уйду. Отпусти меня.

— Не глупи, противная девчонка. Я не сделаю тебе ничего плохого. А отпущу я тебя только после того, как ты сделаешь мне свой маленький подарок.

Ребенок заплакал.

— Ну зачем же плакать, дорогуша? Ну, иди сюда, не будем тратить время.

С неожиданным для своих габаритов проворством миссис Хинтон быстро доковыляла до чайного столика и схватила

лежавший на нем столовый нож. Мери не отводила от нее взгляда широко раскрывшихся от ужаса глаз. Затем она закричала. Похожая на тигрицу, женщина неожиданно повернулась, лицо ее исказила маска страха и ярости.

— Да замолчишь ты, маленькая дура?! Замолчи немедленно, иначе я сейчас же перережу тебе горло.

Ослепленная слезами, задыхающаяся от рыданий и ужаса, девочка бросилась к двери, ухватила за ручку и принялась изо всех своих жалких силенок сотрясать ее. Однако уже через секунду старуха оказалась рядом с ней. Мери почувствовала, как ладони бабки сомкнулись вокруг ее шеи и стали оттягивать ее от двери. Сделав последний рывок, девочка выпустила дверную ручку и, откинувшись назад, свалилась на диван. Подобно пушечному ядру миссис Хинтон накрыла ее своим массивным телом, все так же сжимая в руке нож.

— Мамочка!.. Мамочка!.. Сестра Чартерис... помогите...

Старуха закинула ей голову назад, кожа на горле натянулась...

Тем временем сестра Чартерис продолжала телефонный разговор.

— Слушаю вас?

— Это сестра Чартерис?

— Да, это Я,

— Это доктор Бурлей. Я звоню вам, чтобы сказать... — неожиданно связь прервалась. Сестра несколько раз нажала на рычаг. подобные вещи ее всегда сильно раздражали. Эти телефонистки с каждым днем работают все хуже и хуже.

— Коммутатор!.. Коммутатор!.. Нас рассоединили!

— Будьте любезны, положите трубку, я снова вас соединю, — послышался бодрый женский голос.

Сестра Чартерис с досадой выполнила данные ей инструкции, после чего стала ждать, нервно притопывая ногой по полу. На душе кошки скребли — не надо было все-таки оставлять миссис Хинтон одну, — хотя она и успокаивала себя мыслью о том, что за такое короткое время ничего особенного случиться не может.

Она раздраженно посмотрела на телефон. Минуты через три он снова зазвонил. Сестра буквально сорвала трубку с рычага.

— Сестра Чартерис? Извините, нас разъединили. Я звоню вам, чтобы попросить вас дать миссис Хинтон перед сном успокоительное — ей надо хорошенько выспаться перед дорогой. Лучше всего дайте ей мелинол. Что? Да, как в прошлый раз. А утром, перед отъездом, я заскочу к вам. До свидания.

Сестра Чартерис услышала щелчок и короткие гудки.

Телефон стоял на столике, располагавшемся в углу под лестницей. Сестра подумала, что раз уж она оказалась внизу, можно проинформировать миссис Уиллоуби относительно последних рекомендаций доктора. Она нашла хозяйку в гостиной — женщина сидела в глубоком кресле с книгой в руках. Сестра Чартерис не без удовольствия окинула взглядом комнату. Так тихо, спокойно, приглушенный свет, потрескивающие поленьевы в камине!

— Я вам нужна, сестра?

— Я хотела просто спросить, может, у вас есть какие-нибудь дополнительные распоряжения насчет завтрашнего дня?

— Нет, по-моему, все готово. Доктор Бурлей прибудет завтра утром, за полчаса до машины из больницы, — она опустила книгу. — О, знаете, сестра, мы конечно же делаем то, что надо, но иногда мне становится как-то не по себе.

— Вы сделали для своей матери все, что могли, — ответила та, стараясь держаться прямо и подтянуто в своей облегчающей униформе.

Джоан грустно улыбнулась и добавила:

— Пожалуй, мы все сделали все, что смогли. Будьте любезны, по пути позовите ко мне Томпсона.

Сестра Чартерис быстро прошла в буфетную, передала, о чем ее просили, и вместе с дворецким направилась назад в гостиную. В этот момент они услышали крик Мери. В этом вопле явно чувствовался ужас, и раздавался он сверху, со стороны комнаты миссис Хинтон. Но почему он так резко оборвался? Сестра Чартерис опустила ладонь на руку Томпсона:

— Боже праведный! К ней девочка поднялась... Это из комнаты миссис Хинтон! Мне может понадобиться ваша помощь.

Она взбежала по лестнице, следом за ней быстро поднялся Томпсон. Едва повернув за угол, сестра посмотрела вниз и увидела миссис Уиллоуби с недоуменным выражением на лице. Она бросилась к двери в комнату миссис Хинтон, заранее протянув руку в направлении ручки. Дверь оказалась заперта.

— Миссис Хинтон! Пожалуйста, откройте дверь. Это сестра Чартерис.

Ответа не последовало. Тишина в комнате за дверью была какая-то напряженная, неестественная... словно кто-то вслушивался, ждал.

— Миссис Хинтон! Немедленно откройте дверь. Я знаю, что вы там, — она нетерпеливо дергала за ручку.

Изнутри донесся низкий стон. Она прищурилась. Значит, Мери ранена? Один лишь Господь Бог знал, что эта старая

чертовка могла с ней сделать. Она посмотрела на широкие плечи Томпсона. Да, ему с дверью удастся справиться без труда.

— Миссис Хинтон, если вы сейчас же не откроете дверь, мы взломаем ее.

Наконец она расслышала явные, хотя и определенно крадущиеся шаги за дверью.

Сестра Чартерис кивнула Томпсону. Тот приналег на дверь, но с первой попытки замок устоял. Очередной удар плечом — послышался характерный хруст ломаемого дерева. По коридору уже бежали миссис Уиллоуби и ее горничная, которых встревожил поднявшийся шум. Томпсон отошел на несколько шагов и в третий раз со всего размаха опустил свое тяжелое тело на дверную панель. С оглушительным треском дверь распахнулась. Когда все они влетели в комнату, миссис Хинтон повернулась к ним — до этого все ее внимание было сосредоточено на лежавшем на диване объекте.

Джоан невольно замешкалась у порога. Первое, что предстало ее изумленному взору, была нижняя часть лица ее матери, выкрашенная чем-то ярко-алым, а руки снаружи были словно одеты в красные перчатки.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Джон Бурк

Как только Элис Джерман открыла входную дверь и увидела стоявшего на пороге Саймона Поттера, она поняла: быть беде.

Из-за спины доносился нарастающий с каждой минутой шум детской вечеринки. Где-то успела завязаться драка. Мальчики кричали, а временами раздавался глухой звук — кого-то с силой припечатывали к стене. Впрочем, в подобных потасовках не было ничего необычного. Едва ли можно назвать вечеринкой такое мероприятие, на котором маленькие мальчики не дерутся друг с другом.

— Добрый день, миссис Джерман, — сказал Саймон Поттер.

Ему было восемь лет, и он никак не походил на сорванца, который станет ввязываться в драку. Это был вежливый, аккуратный, спокойный и умный ребенок, но его никто не любил. Эта всеобщая непопулярность позволяла ему скорее избегать участия в драках, нежели гарантировала от возможности быть поколоченным в них. В общем, маленький, холодный мальчик. Даже сейчас, когда он с почтительной улыбкой на лице стоял в дверях, Элис не могла избавиться от ощущения неприятного озноба.

На нем был новый дождевик, ботинки начищены до блеска — скорее всего, подумала она, им же самим, — а светло-коричневые волосы гладко зачесаны назад. В руках он держал аккуратно завернутый подарок.

Элис отступила назад, и Саймон вошел в холл.

В ту же секунду дверь гостиной распахнулась и к ним с шумом вбежал Ронни. Увидев Саймона, он замер на месте. Элис была уверена, что он сейчас скажет:

— Его я не приглашал.

— Но, Ронни...

— С днем рождения, Ронни, — проговорил Саймон, протягивая подарок.

Ронни не мог удержаться, чтобы не взглянуть на сверток; руки столь же инстинктивно потянулись к нему. Затем он покачал головой и посмотрел на Элис.

Но, мам...

Ей хотелось смягчить напряженность сцены, но, похоже, она лишь сгустила ее. На выручку пришли шум и веселье,

доносившиеся из соседней комнаты. Ронни никак не мог сосредоточиться. Ему хотелось остаться и начать спор, одновременно принять подарок и тут же снова окунуться в ребячью кутерьму. Все три желания теснились в его юном сознании, мешая и толкая друг другу. Элис приняла плащ Саймона и указала рукой в сторону гостиной. Ему не надо было напоминать, чтобы он вытер ноги: мальчик ничего не прибавил к грязным следам, оставленным кое-кем из приглашенных гостей. Ронни хотел что-то сказать, но получилось так, что он с подарком в руках пошел следом за Саймоном в комнату.

Элис пару минут стояла в дверях и молча наблюдала за происходящим.

— Эй... посмотрите-ка... вот это да!

Ронни развернул оберточную бумагу и, открыв коробку, извлек из нее игрушечный подъемный кран.

— На батарейках работает, — спокойным тоном проговорил Саймон.

Самое простое добавление, однако оно начисто стерло с лица Ронни все признаки удовлетворения. Другие дети, сгрудившиеся было вокруг, отодвинулись назад и уставились на Саймона. Его подарок оказался самым дорогим из всех, которые преподнесли имениннику. И в этом заключалась его ошибка. Он всегда поступал неправильно. Уже само то, что что-то делал именно он, превращало его поступок в проступок.

Крупный рыжий мальчик толкнул Ронни, а девочка с голубой лентой в волосах сказала:

— Да хватит вам уже, — и отошла в сторону, оказавшись рядом с Саймоном. Тот улыбнулся, посмотрел на нее, потом еще на одну девочку, словно подзывая их подойти поближе. «Всегда разговаривает только с девочками», — как-то сказал матери Ронни.

Элис продолжала наблюдать. Да, она и сама заметила, что он предпочитает девочек, поскольку мальчикам ему сказать явно нечего. Впрочем, на девочек он тоже не произвел никакого впечатления. Вместо того чтобы слушать его, они захихикали, стали строить друг другу глазки, а потом и вовсе разбежались, время от времени оглядываясь и все так же пересмеиваясь.

Элис прошла в кухню и задернула шторы. Снаружи скоро будет совсем темно. В летнее время вечеринку можно было бы организовать и в саду, однако Ронни предпочел родиться зимой и потому большинство связанных с ним семейных торжеств сопровождалось топотом мокрых башмаков по дому и беспорядочной суетой с шарфами, перчатками, капюшонами и плащами.

Том должен был подойти минут через двадцать, и она с истерпением ждала его возвращения. Хотя даже с его приходом шум в доме отнюдь не утихнет, ей было бы легче от того, что это испытание ляжет на плечи их обоих. Том обязательно организует какие-нибудь игры, станет беспрестанно всех веселить, вызывая именно у девочек восторженные приступы радостного смеха. До его прихода ей никак не удавалось сосредоточиться ни на приготовлении еды, ни на чем-либо еще. Ей приходилось то и дело забегать в гостиную и следить за тем, чтобы никого действительно не обижали и не оставляли в стороне. Сначала она попыталась было увлечь их игрой под музыку, но ее исполнительское мастерство на пианино оказалось столь невысокого качества, что всякий раз, когда Элис поворачивалась к инструменту, у нее за спиной поднимался настоящий хаос. Потом она предложила поиграть в поиск сокровища, но и здесь вскоре обнаружила, что не смогла заранее подготовиться к этой забаве.

Ей вообще не особенно удавалась организация таких вечеринок. Буйное возбуждение детей скорее угнетало ее. Сколько бы времени ни тратила она на подготовку подобных мероприятий, всякий раз, когда наступал решающий момент, у нее все оказывалось неготовым.

Том уверял, что это не имеет никакого значения. «Просто открой дверь,пусти ребяташек и оставь все на их усмотрение, — обычно говорил он. — А когда почувствуешь, что вот-вот начнет рушиться мебель,принеси им сэндвичи, желе, торт и мороженое».

Для Тома все было очень просто. Сам он приходил уже после того, как она выдерживала первый сокрушительный удар. Группа из двадцати маленьких детей — это отнюдь не то же самое, что двадцать мальчиков и девочек, взятых порознь. В группе они представляли собой нечто иное: большое по размеру и явно устрашающее. Трудно даже представить, что они могут вытворить, если все пустить на самотек, а потом вовремя не остановить... или, наоборот, невовремя — в зависимости от того, как на это посмотреть.

Из гостиной донесся нестройный гул каких-то насмешек, и Элис заставила себя совершить еще одну инспекционную ходку.

К тому моменту, когда она вошла, было уже невозможно определить, с чего поднялась вся эта кутерьма. Саймон Поттер стоял прижатый спиной к стене, тогда как Ронни и его лучший друг хохотали и в отчаянном веселье мотали головами, хлопая себя руками по бокам на манер плохих актеров в школьном спектакле.

Ронни заметил, что мать наблюдает за ним. Его ухмылка

тотчас же превратилась в искреннюю и радушную улыбку. Еще до того как она успела нахмуриться или задать ему молчаливый вопрос, он повернулся и сгреб в охапку все свои подарки.

— Идите сюда! Посмотрим, что мне подарил папа!

Кто-то издал театральный стон; какой-то прыщавый мальчик пренебрежительно фыркнул. Тем не менее все собрались вокруг. В конце концов, именно такого поведения от них и ожидали: это была вечеринка Ронни, его день рождения, и вполне естественно, что он мог настаивать на том, чтобы они осмотрели его праздничные трофеи.

— Вот что мне папа подарил! — Элис с теплом в сердце уловила в голосе сына нотки признательности и любви. — И вот еще! Все папа подарил! — Причем его реакция осталась бы точно такой же, подари ему Том обычную записную книжку или коробку карандашей: в его отношении к подаркам отца сквозили бы те же непоколебимые преданность и гордость. И она сама очень любила сына за эти чувства.

Саймон с мрачным видом наблюдал за всем происходящим, не проявляя, однако, ни возбуждения, ни скуки. Он не издавал одобрительных звуков, не обменивался ни с кем взглядами, которые бы выдавали его затаенную тоску. Просто стоял поодаль от всех остальных, бесстрастный и равнодушный.

И все же под мрачностью его маленького лица угадывалась зависть или, по крайней мере, грусть, запрятанная где-то в глубине души. Отец Саймона умер несколько лет назад. Мать воспитывала сына со всей одержимостью одинокой женщины, не позволяющей мальчику по-настоящему расслабиться или должным образом общаться с другими детьми, хотя он так много часов, дней и недель проводил вместе с ними в школе. Она подолгу задерживалась на работе в адвокатской конторе и столь же много времени уделяла работе по дому, стремясь сделать все, чтобы ребенок не так горько переживал отсутствие отца. Каждый день Саймон минимум на час задерживался в компании детей, родители которых находились в отъезде, пребывали в беспрестанных ссорах или вообще были заняты по работе и не могли вовремя забрать ребенка из школы. К тому времени, когда он наконец появлялся, миссис Поттер уже была дома и ждала, когда же сможет целиком отдать себя сыну. Она гордилась той жизнью, которая царила в их семье, гордилась их домом, гордилась неизменной аккуратностью, вежливостью и умом сына.

Элис заметила, что он собрался что-то сказать. Уловила это она еще до того, как он произнес первое слово — как он наклонил подбородок и сделал глотательное движение. Маль-

чик чуть выдвинулся вперед. Сначала ей показалось, что он хочет попросить позволить ему подойти поближе и внимательнее рассмотреть подарки Ронни, но он лишь сказал:

— А как насчет того, чтобы поиграть?

Все повернулись в сторону Саймона, уставились на него. Воцарившуюся тишину нарушил голос маленькой девочки, явно обрадованной переменой:

— Да! Давайте что-нибудь организуем. А во что мы будем играть?

— Если бы мы достали несколько листов бумаги, — Саймон быстро стрельнул взглядом в сторону Элис, и та поняла, что все это время он ощущал ее пристальное внимание к своей персоне, — мы могли бы написать на них наши имена и...

— О, опять эти бумажные игры, — простонал кто-то.

— Выберите имя, — продолжал настаивать Саймон, — и напишите его сверху вниз в левой части листа. После этого разбейте листок на квадраты и впишите в клеточки по горизонтали названия цветов, деревьев, ну... фамилии футболистов, если хотите, но так, чтобы каждое начиналось на одну из букв вертикального имени.

Мальчик, который специализировался на презрительных фыркнях, снова фыркнул.

— О чем он говорит? — спросила девочка с голубой лентой в волосах.

— Но это же так просто, — почти с мольбой прозвучал голос Саймона. — Сверху вниз пишете какое-нибудь имя, а потом вбок пишете названия... ну, можете назвать это категориями, которые придут вам в голову. И...

— О, бумажные игры...

Элис решила вмешаться. Настало время взрослому человеку взять все под свой контроль и сказать, что надо делать. Она вошла в комнату и стала в отчаянии припоминать все те игры, которыми сама увлекалась в детстве. Память отказывалась служить ей. Все, что приходило на ум, ограничивалось ползанием под составленными в ряд стульями и еще одной забавой, когда какой-то толстый мальчик собрал вокруг себя всю компанию и развлекал ее плевками в пылающий камин.

— Так, а теперь слушайте, — проговорила она и всё с благодарностью посмотрела в ее сторону. — А почему бы не сыграть в почтальона.

Кто-то пожал плечами, кто-то, присвистнув, застонал, хотя девочкам эта затея явно пришлась по вкусу; они стали радостно переглядываться, хихикать и через какие-то секунды все уже играли в почтальона. Элис снова позволила себе удалиться, оставив детей одних. Она время от времени бросала из кухни взгляд в сторону холла, пока неожиданно не

почувствовала себя кем-то вроде тайной надзирательницы. Некоторые мальчики вели себя подчеркнуто самоуверенно, что свидетельствовало об их продолжительном знакомстве с фильмами, которые в таком возрасте смотреть бы не следовало. Девочки — кто возился, а кто спокойно сидел и наслаждался зрелищем. Ей почему-то показалось страшным видеть в восьми-десятилетних детях признаки тех же черт личности, которые они наверняка будут демонстрировать в более взрослом возрасте — тех самых качеств, часть из которых находилась лишь в стадии становления, а другие уже вполне сформировались.

А снаружи стоял Саймон и ждал; потом он постучал. Девочка, открывшая дверь, украдкой бросила на него взгляд, словно колеблясь в нерешительности: изобразить ли ей кокетство жили продемонстрировать надменность? Наконец они все же поцеловались, после чего она вытерла губы тыльной стороной ладони. Саймон вернулся в комнату, а юная леди посмотрела в потолок и громко, чтобы ему и остальным в комнате было слышно, сказала:

— Ох!

Вскоре всем это надоело — мальчикам еще раньше, чем девочкам.

— Убийство! Давайте сыграем в убийство!

Когда распахнулась дверь и появился запыхавшийся Ронни, Элис попыталась было найти веские доводы против того, чтобы затевалась эта игра. Соображалось ей туго. Между тем все уже несло вверх; два мальчика забежали на кухню, явно нацелившись на дверь черного хода, но, увидев Элис, остановились.

— Нет-нет, — быстро проговорила она, — на улицу нельзя. — Уж это-то она могла предотвратить. — В саду сейчас очень грязно. Оставайтесь в доме.

Они повернулись и побежали обратно. У нее над головой послышался топот. Где-то вдалеке захлопали дверями. Свет везде был погашен. Неожиданно в ярком сиянии кухни показался Ронни. Он и еще один мальчик беспрестанно улыбались и о чем-то перешептывались. Мимо них в направлении лестницы прошел Саймон Поттер. Когда он скрылся, оба снова стали о чем-то потихоньку договариваться.

Не успела Элис даже пошевелиться, как Ронни бросился к ней.

— Ты не будешь возражать, если мы запремся? — спросил он и, не дожидаясь ответа, плотно притворил за собой дверь, оставив мать в положении пленницы. Она знала, что стоит ей снова открыть ее, как сразу же поднимется гвалт протестующих криков.

На минуту в доме воцарилась гнетущая, неприятная тишина. Но женщине она показалась еще более оглушительной, чем весь шум прошедшего часа. Казалось, что в наступившем безмолвии постепенно накапливается напряжение. Необходимо было что-то срочно предпринять.

Сверху донесся какой-то глухой звук, потом еще один. Создавалось впечатление, что кого-то с силой колотят об пол или же он сам бьется о него, пытаясь освободиться. «А вдруг, — подумала она с опаской, — они заперли кого-нибудь в одной из комнат или в стенном шкафу в дальней части лестничной клетки в скрипучем, холодном конце этого старого дома. Кого-нибудь... Саймона?»

Внезапно раздался пронзительный, леденящий кровь вопль.

Элис настежь распахнула дверь.

— Включите свет!

— Нет, все в порядке, — донесся с лестничной клетки голос Ронни. — Мы уже закончили.

Раздался топот множества ног. Везде вспыхнули лампы. Все кричали друг на друга. Кого же убили? Кто это был?

Элис с облегчением обнаружила, что жертвой оказалась Мери Пикеринг, пухленькая блондиночка с неожиданно опытным для ее возраста взглядом. «Не удивлюсь, довольно жестоко подумала Элис, — если через несколько лет имя этой Мери появится на первых страницах некоторых воскресных газет».

Мальчики и девочки снова набились в гостиную, и дом, казалось, вот-вот взорвется от их активности. Ей почудилось, что сейчас в комнате находится вдвое больше детей, чем было в начале вечеринки.

Она с трудом разобрала крик: Ронни пытался навести хоть какое-то подобие порядка.

— Кто был на лестнице... да заткнешься ли ты когда-нибудь!.. Мы должны установить, кто был наверху, а кто внизу! А теперь все садитесь... о, ну хоть на минуточку замолчите, слышите, вы?!

Похоже, требовалось вмешательство твердой руки, чтобы привести их в чувство. Отовсюду слышались безудержные крики, явно выдававшие напряжение, зародившееся в темной комнате.

За окном стемнело. Элис даже не заметила, как пролетело время. Каких-нибудь двадцать минут назад было еще слишком светло, чтобы играть в убийство, а теперь за окнами сгустилась темнота.

Сквозь гомон ребячьих голосов она разобрала слабый, но от этого не менее явный звук. Это Том поворачивал ключ во входной двери.

Она была на полпути к двери, когда муж вошел в дом.

— Дорогой!

Ему пришлось учтиво наклониться, чтобы поцеловать ее. В руках он сжимал охапку садовых инструментов — из разорванной коричневой бумаги торчал черенок садовой лопатки, виднелась пара секаторов и топорик на короткой рукоятке.

— Ну как, порядок? — спросил он, кивая в сторону гостиной.

— Я так рада, что ты пришел!..

— Ага, дело ясное, что дело темное, — пробормотал он.

— У меня уже нет сил...

Как она была рада видеть его! Его вытянутое морщинистое лицо выглядело таким обнадеживающим. В волосах сохранился запах дыма от курительной трубки, глаза выражали уверенность в себе, руки как никогда казались умелыми и проворными. Все это вселяло в нее силу и одновременно успокаивало.

И все же что-то было не так, что-то продолжало тревожить и требовало ее внимания. Когда Том повернулся, чтобы положить инструменты на стойку для зонтиков, она поняла, что сверху продолжает доноситься все тот же звук — те же чередующиеся глухие удары, которые она слышала и раньше.

— Положу пока здесь, — сказал Том, — а сам пойду и присоединюсь к драке.

До нее только сейчас дошло, что он хочет сделать с инструментами.

— Нет-нет, только не здесь! Ради Бога! Со всеми этими маленькими чудовищами, снующими туда-сюда...

— Ну ладно, ладно, Сейчас отнесу в сарай.

— Ой, там так грязно. Ты весь перепачкаешься, если... — она замолчала и неожиданно рассмеялась. И Том рассмеялся. — Кажется, я тебя совсем издергала, — проговорила она.

Он сунул инструменты под мышку и направился к лестнице.

— Оставлю их пока у нас в комнате, — сказал Том.

Неожиданно из гостиной показался Ронни, по-прежнему запыхавшийся и возбужденный.

— Папа! — он бросился на шею к отцу, заколотил его кулачками, одновременно пытаясь обнять одной рукой и безостановочно улыбаясь. — Иди сюда... иди, сам посмотри... Я столько всего наготовил. И совсем не то, что ты мне дал.

— Сейчас, сынок, через пару минут. Отнесу кое-что в комнату... и сразу спущусь к вам.

Элис скользнула взглядом мимо них в сторону гостиной, подошла ближе к двери, затем спросила:

— Ронни, а где Саймон?

— А?

— Саймон. Где он?

Ронни пожал плечами и снова заколотил отца.

— Не знаю. Наверное, в туалет пошел.

— Ронни, если ты что-то сделал... запер его где-нибудь...

— Пап, только недолго, ладно?

Ронни повернулся и прошмыгнул мимо матери. Она не могла заставить себя последовать за ним в эту круговерть ног, рук и неистовых лиц.

— Что-нибудь случилось? — спросил Том.

— Я не знаю. Просто думаю, что они могли сыграть какую-нибудь злую шутку с Саймоном Поттером.

— А я и не знал, что его пригласили.

— Его и не приглашали, но он, бедняга, сам пришел. Весь вечер не давали ему покоя. А сейчас что-то сотворили. — Грохот и шум из гостиной были настолько оглушающими, что она толком не могла понять, различает ли прежние глухие удары на верхнем этаже. — Если они заперли его в одном из стенных шкафов или где-нибудь в комнате...

— Я посмотрю, — постарался успокоить ее Том.

Она с радостью и облегчением направилась в сторону кухни, переложив на мужа контроль за происходящим. Теперь все войдет в свою колею.

Из гостиной выбежали двое мальчиков.

— Миссис Джерман, а это... где у вас?

— Наверх по лестнице, первая дверь налево.

Они стали подниматься сразу вслед за Томом. Оказавшись в кухне, Элис снова обрела прежнее спокойствие и чувство безопасности, которые вытеснили бывшие ощущения испуганного, покинутого всеми существа. Она стала выкладывать на большой поднос чашки с желе. Минут через пятнадцать можно будет подавать. А потом Том их чем-нибудь займет, а она спокойно уберет и вымоет посуду.

Вошел Ронни.

— Мама, а где тот набор для игры? Ну, ты знаешь, для трупа.

Стуки наверху прекратились. Вместо них раздался один, причем более громкий удар, как будто кто-то упал или свалил что-то тяжелое на пол. Наверное, Том пытается открыть дверь одного из старых шкафов — они были разошедшиеся и покореженные.

— Ронни, — начала было она, — ты...

Он не дал ей закончить. Вместо этого подхватил маленький поднос, который с такой тщательностью готовил сегодня утром, накрыл его тонким листом коричневой бумаги и снова исчез.

До нее донесся его пронзительный вопль.

— Слушайте все! Идите сюда и садитесь. А я сейчас выключу свет...

— Эй, нас подожди!

Вниз по лестнице пробежали двое или трое мальчиков и также скрылись в гостиной. Наверное, задержались, ожидая друг друга у двери в туалет. Если уж одному захотелось, всем непременно хочется. «Скоро, — подумала Элис, — потянутся девочки — всех их охватит не столько желание, сколько идея следовать примеру других».

— А теперь, — снова закричал Ронни — от постоянного напряжения голос его осип и срывался на каждом третьем или четвертом слове, — я сообщаю вам: только что было совершено убийство. Мы постарались установить, кто же его совершил, но так и не приступили к осмотру трупа, так?

— Это была я, — пропищала Мери.

— Да знаем, знаем, но... эй, закройте-ка ту дверь!

Раздался стук двери, и голос затих. Спустя несколько минут послышался громкий вопль, сменившийся взрывом смеха, после чего снова вопль и визг. Элис уложила сэндвичи на поднос в форме треугольника. Слыша доносившиеся из комнаты крики и визги, она могла достаточно уверенно ориентироваться в том, как развивается игра. «Вот это — рука трупа, — скажет Ронни и достанет набитую тряпками резиновую перчатку, которая в темноте будет казаться достаточно устрашающей. — А это — прядь его волос, и с этими словами продемонстрирует горсть грубой волосяной набивки из старого дивана, давно пылившегося в садовом сарае. А вот это его глаза, — и две очищенные виноградины станут переходить из одной дрожащей руки в другую».

Все было готово для чая. Она подошла к двери. Пора бы и Тому спускаться. Из его комнаты не доносилось ни звука.

Она подошла к нижней ступеньке лестницы и посмотрела вверх.

— Том, ну ты как, готов?

Ответа не последовало. Наверное ему пришлось выстоять очередь в туалет — все же он лучше себя контролировал и потому пошел последним.

Затем Элис решила сама положить конец детским забавам. Она подошла к двери в гостиную и открыла ее.

— Эй, мам, закрой дверь.

— Настало время для чая, — объявила она и зажгла свет.

Раздался вопль, потом еще один. И тотчас же все буквально зашлись в истерике. Теперь это уже не казалось шуткой. Одна маленькая девочка неотрывно глядела на то, что лежало у нее на ладони, и кричала, кричала...

Не веря в происходящее, Элис шагнула в комнату.

Один мальчик держал в руке отрубленную человеческую кисть, из которой ему на колени капала кровь. У девочки, которая никак не могла перестать кричать, на правой ладони лежал человеческий глаз. У ее подружки в руке тоже был глаз — вырванный, расплюснутый. Слева от нее прыщавый мальчик сидел с побледневшим лицом — он разжал пальцы, и прядь волос бесшумно опустилась на пол.

— Нет, — проговорила Элис. Каким-то образом ей удалось устоять на ногах. — Нет! Саймон... Где Саймон?

— Я здесь, миссис Джерман.

Голос прозвучал абсолютно спокойно. Она повернулась и увидела его, стоящего несколько поодаль. Элис пыталась найти хоть какие-то слова. Все тем же холодным, отчужденным тоном он произнес:

— Они заперли меня. Ронни и еще вот он — она заперли меня. Но теперь все в порядке. Меня выпустили, и теперь все в порядке.

— Тогда кто же..?

Она уставилась на чудовищную кисть руки, жестоко отрубленную у самого запястья. И тут же узнала ее, равно как и цвет волос, прядь которых валялась на полу.

Саймон Поттер стоял, не шелохнувшись, когда Элис Джерман бросилась из комнаты наверх по лестнице.

Она обнаружила мужа лежащим около стенного шкафа их спальни — того самого шкафа, из которого он выпустил мальчика. Рядом с ним валялись садовые инструменты, перепачканные в красном — топорик, которым его сначала ударили по голове, а затем отрубили руку, секатор, которым выдрали клочок волос, и лопатка, которой выдавили глаза.

Саймон, бледный и довольный, был уже не единственным в гостинной мальчиком, лишившимся отца.

УГАДАЙКА

Роуз М.Хили

Маленький круглолицый светловолосый мальчик сидел на стуле, болтая ногами, и наблюдал за Мартой. — Не хочешь узнать, что у меня в коробке? — спросил он.

Марта молча продолжала вытирать пыль с рояля. С тех пор, как она работает у миссис Белтон, они впервые остались наедине с мальчиком.

Марте он чем-то не понравился с первого взгляда. Она уверена, что не согласилась бы на эту работу, если бы увидела его раньше. Вдохнув, она наклонилась и стала протирать ножки рояля. Не то чтобы она вообще не любила детей. У нее самой их было двое, и она вполне могла бы быть бабушкой, если бы не война, отнявшая у нее Джона Джозефа, и не Господь Бог, наградивший младшую Марту лицом, с которым нелегко было найти себе мужа. Нет, это не была холодность к детям вообще. В маленьком Джеффри, внуке хозяйки, что-то напоминало ее и вызывало чувство неловкости. Он не походил на других мальчишек. Дело не в том даже, что он был спокойным ребенком — не все мальчишки непоседы. И не то, чтобы он был слишком развязным. Она легко справилась бы и с нахалом. Нет, в Джеффри Белтоне-третьем было что-то такое, чему нет названия. Или, по крайней мере, она, Марта, этого названия не знала. У него была неприятная манера в упор разглядывать человека, узко прищуривая глаза, если тот не замечал его взгляда. На его губах при этом появлялась слабая ухмылка, совсем не похожая на невинную детскую улыбку.

Марта быстро обернулась, уверенная, что в этот момент он как раз таращится на нее. Но он смотрел на маленькую картонную коробку, лежавшую у него на коленях. Почувствовав ее взгляд, он поднял глаза и сказал:

— Держу пари, ты никогда не догадаешься, что у меня здесь спрятано.

Он встряхнул коробку, и Марта услышала, что внутри что-то перекачивается.

Она попыталась ответить без раздражения, ведь в конце концов он просто ребенок, и ему хочется поиграть.

— Что я выиграю, если угадаю? — спросила она.

— Ты никогда не догадаешься, никогда, за миллион, триллион лет, — пылко воскликнул он и не по-детски жестко посмотрел на нее.

— А если угадаю?

После некоторого колебания Джеффри пообещал:

— Я отдам тебе свои карманные деньги за следующую неделю.

Марта покраснела.

— Нет, нет, я не хочу твоих денег, — сказала она.

Она сняла вазу с камина и тщательно протерла ее.

— Давай договоримся вот как, — предложила она. — Если я угадаю, ты поможешь мне завтра утром вытирать посуду. А если не угадаю, я дам тебе что-нибудь интересное.

— Что? — живо спросил мальчик.

— Я не знаю, я еще не придумала.

— Ты дашь мне то, что я попрошу?

— Это зависит от того, что ты попросишь, — сказала Марта, протирая зеркало в позолоченной раме.

— От чего это зависит? — переспросил мальчик.

— Ну, например, есть ли у меня то, что ты попросишь.

— О, это у тебя есть, — заверил ее Джеффри и нетерпеливо спросил: — Ну что, договорились?

Марта невольно улыбнулась. Нет, все-таки он обыкновенный ребенок, только немножко странный. Она почувствовала, что уже втянулась в игру и, чтобы немного подразнить его, уклонилась от прямого ответа.

— Нет, подожди, не торопись. Что же такое у меня есть, что тебе хотелось бы выиграть?

— Я не могу тебе сказать, — ответил мальчик.

Но Марта была уверена, что ей удастся выведать у него этот секрет, и она спросила:

— Это то, с чем мне не жалко было бы расстаться?

— Я думаю, да — ведь у тебя их много.

Марта подумала, что скорее всего он хочет один из игрушечных автомобилей, которые собирал ее сын, когда был маленьким. Она их как-то показала Джеффри, пытаясь наладить контакт. Правда, тогда ей показалось, что они не произвели никакого впечатления на мальчика. Возможно, он просто стеснялся. Ведь это было в первые дни ее работы в их доме. Конечно, один автомобиль из коллекции она отдаст ему без сожаления. Да и для чего они ей? Как раз для такого случая: доставить удовольствие ребенку.

— Договорились? — снова спросил Джеффри.

— Да, — ответила Марта, — договорились.

— Ты обещаешь?

— Конечно.

— Скажи: я обещаю.

— Я обещаю, — сказала Марта.

И в этот момент она увидела в зеркале лицо мальчика. Глаза

его превратились в бледные голубые щелочки, и странная неприятная улыбка скривала рот. Марта не без усилия заставила себя продолжить разговор в прежнем дружелюбном тоне.

— Ну хорошо, что бы это могло быть? Что там у тебя?

Она посмотрела на мальчика, а затем на коробку, которую он держал в руках.

— Это...

— Подожди, — резко прервал ее Джеффри.

Он спрыгнул со стула и подошел к ней.

— Сколько раз ты будешь отгадывать?

— Правильно, — одобрила Марта, — давай договоримся. Как ты считаешь?

— Три раза. Как в книжках.

Марта неожиданно для самой себя погладила его по голове. Он отшатнулся от нее, потом снова приблизился и пробормотал неестественным тоном:

— Ты можешь погладить меня, если хочешь.

Но Марта притворилась, что не слышит его слов. Он снова стал неприятен ей, этот мальчишка с недетской, пугающей улыбкой. И играть с ним ей расхотелось. Чтобы как-то оттянуть время, она сказала:

— Ну, кажется, здесь я уборку закончила. Пойду в спальню.

— Почему ты не хочешь убирать в кухне? — спросил мальчик и добавил, уверенный, что она не устоит. — Я могу выпить свое молоко, пока ты будешь угадывать.

Марте, действительно, не оставалось ничего другого, как послушно пойти с ним на кухню. Она уже хорошо знала, что его почти невозможно заставить выпить молоко и не хотела упустить случай.

Он уселся на стол посередине кухни, отсюда ему было хорошо видно Марту, где бы она ни стояла. Чувствуя на себе его пристальный взгляд, Марта слегка споткнулась, протягивая ему чашку с молоком. Он словно ждал этого, радостно рассмеялся и запел тоненьким чистым дискантом:

— Неуклюжая Марта, неуклюжая Марта...

Нет, все-таки ей не показалось — ему явно приятно смотреть на человека, которому больно или неловко. Она это сразу почувствовала, отсюда и ее, казалось бы необъяснимая, неприязнь к ребенку.

Она начала мыть посуду, но присутствие Джеффри смущало ее. Ей хотелось поскорее закончить игру, чтобы он ушел куда-нибудь — в гостиную играть со своими картинками-загадками или на улицу качаться на качелях.

Она спросила, почти не задумываясь:

— Это игрушка?

— Нет, нет, нет! — торжествующе закричал мальчишка.

— Тепло? — спросила она.

— Совсем не тепло! Холодно, страшно холодно. Бррр, я весь дрожу от холода. Давай угадывай снова.

— Это...

Марта стряхнула в таз мыльную пену с рук и попыталась вспомнить, что он носил с собой в последние дни. Она подумала, что именно этот предмет он мог спрятать в свою коробочку. По какой-то непонятной ей самой причине Марта не просто хотела играть, она чувствовала, что непременно должна выиграть.

Она оглянулась через плечо на Джеффри, чтобы еще раз прикинуть, какого размера предмет поместился бы в коробке. Он по обыкновению в упор разглядывал ее и на его лице застыло выражение такого злорадного предвкушения, что Марта чуть не выронила из рук блюдо.

— Давай, давай, угадывай, — снова заторопил ее мальчик.

Коробка была около двух дюймов в ширину и четырех дюймов в длину, глубиной примерно шесть дюймов. Марта подумала — колода карт, шарф, марки, но тут же все это отвергла. То, что лежало в коробке, гремело. Она не знала, что это было, но оно тремело. Она задумалась, закусив губу от напряжения.

— Ну? — подгоняя ее, спросил мальчик.

— Я думаю, — резче, чем хотела бы, ответила Марта.

Она пыталась скрыть от него свое настроение, чтобы не доставлять ему удовольствие.

— Дай мне подержать коробку, — вполне миролюбиво попросила она.

— Зачем? — настороженно спросил мальчик и быстро спрятал коробку за спину.

— Я только хочу посмотреть, тяжелая ли она, — объяснила Марта.

Мальчик некоторое время сосредоточенно обдумывал свой ответ и, наконец, твердо сказал:

— Нет.

— Почему?

— У тебя руки мокрые. И кроме того, мы так не договаривались.

— Это несправедливо, — сказала Марта. — Как я могу догадаться, если ты не даешь мне никакого намека.

Она снова не сумела сдержать свою досаду и от этого у нее еще больше испортилось настроение.

— О, я подскажу тебе! — неожиданно воскликнул Джеффри.

— Да? — заинтересованно спросила Марта и тут же разлилась на себя за то, что так серьезно воспринимает эту глупую игру с мальчишкой.

— Я отвечу тебе на три вопроса, — милостиво объявил Джеффри.

Марта почувствовала, что в ней проснулась надежда.

— Какого это размера?

— Это... — мальчик откинул голову и уставился в потолок, словно прикидывая. — Это как твой палец.

Он рассмеялся, явно довольный своим ответом. Можно было подумать, что он удачно пошутил. Однако Марта не нашла в его словах ничего смешного. Она быстро перебирала в уме: спичечный коробок? конфета? карандаш?

— Какого это цвета?

Мальчик задумался, слегка нахмурился, потом улыбнулся и сказал:

— Это было розовым.

Марта машинально скребла кастрюлю с остатками овсяной каши и продолжала перебирать в уме: бусы, губная помада... Господи, ну почему она никак не может догадаться?

Стараясь оттянуть время, она спросила:

— Ты не обманываешь меня?

Джеффри вспыхнул.

— Я никогда не вру, — и раздраженно спросил: — Ты почему не отгадываешь?

— Это... пенни, — с отчаянием сказала Марта.

Мальчишка завопил:

— Неправильно! Неправильно! Неправильно!

Он прыгнул со стола и буквально заплясал от радости, в экстазе мотая головой и безостановочно выкрикивая: «Неправильно, неправильно, неправильно...» Марте с трудом удалось успокоить его. Он остановился возле раковины и, прислонившись спиной к буфету, перевел дыхание. А она сверху посмотрела на его светловолосую головку, тонкую нежную шейку и ей показалось, что она снова видит вещи в истинном свете: она просто играет с ребенком в детскую игру «угадай-ка». Все остальное ей померещилось.

В этот момент Джеффри прошептал:

— У тебя осталась всего одна отгадка, Марта.

Его слова прозвучали грозным предупреждением. У Марты похолодело в желудке.

— Это глупая игра. Мне надоело. Беги лучше на улицу.

Вопреки ожиданиям Марты, Джеффри не стал возражать. Но никуда не ушел с кухни. Он взял с полки полотенце и, засунув свою коробку под мышку, принялся молча и сосредоточенно вытирать столовое серебро. Марта первая не выдержала этого молчания и сказала:

— Ну хорошо, ответь мне: я когда-нибудь видела это?

Ее спуская глаз с ножа, который он уже давно вытирал, Джеффри тихо проговорил:

— Это твой последний вопрос.

Марте сделалось страшно, будто она стоит на тонущем корабле и видит, как уходит под воду последняя спасательная шлюпка.

— Ты это видела, — сказал он. — У тебя это есть. И это то, что я хочу взять у тебя, если выиграю.

— Но ты сказал, что это не игрушка! — воскликнула Марта, снова неуверенно подумав о детском автомобиле.

— Это не игрушка, — подтвердил он, все еще не выпуская из рук нож.

Он больше не делал вид, что вытирает его, просто вертел в руках, словно играл солнечными бликами, пляшущими на лезвии. И Марта, как зачарованная, не могла отвести глаз от ножа.

Мальчик заговорил каким-то не своим голосом, низким, утробным, не имеющим ничего общего с его чистым мальчишеским дискантом:

— На этом был ноготь, на том, что лежит в коробке. Когда-то это было розовым, а сейчас серое, местами красноватое. Я взял это у Лилиан, она работала у нас до тебя.

Марта судорожно глотнула и спросила, стараясь сдержать дрожь:

— Что же это?

— Ты должна отгадать.

— Я не могу. Я не знаю.

— Ты в самом деле еще не догадалась?

Он посмотрел ей прямо в лицо и неожиданно сказал:

— Марта, у тебя такие красивые руки. Ты должна их беречь, чтобы они не покраснели. Тебе нужно мыть посуду в перчатках.

Он хотел дотронуться до ее руки, но она спрятала мокрые руки под фартук и отступила на шаг в сторону, глядя на него почти с ужасом:

— Что у тебя в коробке? — резко спросила она.

Взгляд Джеффри был прикован к ее рукам, прикрытым фартуком.

— Ты знаешь, что там.

— Я не верю тебе, — с трудом выговорила Марта сквозь спазм в горле.

— Лилиан тоже не верила. И сказала, что я никогда этого не сделаю, что я не смогу. Но однажды, когда она спала в своей комнате, а бабушки не было дома...

— Что у тебя в коробке? — выкрикнула Марта дрожащим голосом.

— Я это знаю, а ты сейчас узнаешь, — ответил мальчик, поддразнивая ее.

Марта хотела выхватить у него коробку, Джеффри дернулся и выронил нож. Лезвие скользнуло по руке Марты, показалась кровь, и она испуганно вскрикнула.

Схватив мальчика за плечи, она закричала:

— Что там внутри?! Что там?!

Мальчик крепче прижал к себе коробку, и она смялась у него подмышкой. Марта, не помня себя, трясла его все сильнее, выкрикивая:

— Покажи мне, что там внутри! Открой коробку! Открой!

— Марта! Что вы делаете?

На пороге кухни стояла миссис Белтон. Это была элегантная дама с коротко постриженными серебристыми волосами, в сшитом на заказ дорогом костюме. В руках она держала два небольших свертка. Она смотрела на Марту со смешанным чувством недоумения и гнева.

— Что вы делаете, Марта? — повторила она.

Приходя в себя, Марта огляделась вокруг. И увидела все глазами миссис Белтон: наклонившись над ребенком, она изо всех сил трясет его за плечи и орет, как сумасшедшая.

Джеффри, увидев бабушку, тут же как по команде заплакал, по его щекам потекли крупные слезинки, он вырвался из цепких рук Марты, подбежал к бабушке и жалобно запричитал:

— О, маман, она такая злая, такая ужасная, такая злая...

Миссис Белтон обняла ребенка, который, плача, крепко прижимался к ее коленям:

— В чем дело, Марта? — спросила она тоном человека, пытающегося быть справедливым.

— Я... о... э... видите ли, миссис Белтон, — сбивчиво заговорила Марта.

— Я застала очень неприятную сцену, — прервала ее миссис Белтон. — Вы плохо обращаетесь с ребенком. В чем дело? Он чем-то провинился перед вами?

— Я ей ничего не сделал. Я хорошо вел себя, — сквозь слезы проговорил Джеффри и снова уткнулся лицом в колени миссис Белтон.

Миссис Белтон погладила его по голове.

— Ну, Марта? Что вы скажете? — спросила она, вскинув брови.

— Спросите, что у него в коробке? — сказала Марта. — Заставьте его показать, что там.

— Какое это имеет значение...

— Нет, вы заставьте его показать, — упрямо повторила Марта. — Пусть он откроет коробку.

Миссис Белтон слегка отстранила от себя внука и спросила:

— Джеффри?

Мальчик посмотрел на нее невинными глазами.

— Да, маман?

— Что у тебя в коробке, милый?

— Ничего, маман.

— Он говорит неправду, — вмешалась Марта. — Пусть он откроет эту коробку.

Нахмурившись, миссис Белтон протянула руку, и Джеффри медленно, нехотя отдал ей коробку.

Когда миссис Белтон откинула смятую крышку коробки, у Марты перехватило дыхание. Она вся напряглась, ожидая реакции миссис Белтон — крика ужаса или отвращения. Однако ничего подобного не произошло.

Марта с трудом оторвала взгляд от коробки и посмотрела на миссис Белтон.

— Коробка пуста, — сказала миссис Белтон.

— Этого не может быть! — вскрикнула Марта, подбежала к хозяйке и выхватила коробку у нее из рук.

Коробка была пуста.

— Но там что-то гремело, — в отчаянии сказала Марта. — Гремело! Я это слышала.

Марта чувствовала на себе напряженный взгляд миссис Белтон и со страхом ждала, чем все это закончится.

— Боюсь, что мне придется уволить вас, Марта, — сухо сказала миссис Белтон.

Задохнувшись от несправедливости, Марта запротестовала:

— Но я не виновата... эта коробка... в ней...

Миссис Белтон резко перебила ее:

— Вы сами сейчас убедились в том, что она пуста.

— Значит, он незаметно выбросил то, что там было. Посмотрите у него в карманах, — продолжала настаивать Марта.

Мальчик непроизвольно отодвинулся от миссис Белтон. И заметив это, Марта выкрикнула:

— Обыщите его! Обыщите его!

Миссис Белтон встала между Мартой и мальчиком:

— Вы совершенно не умеете держать себя в руках, Марта. Я вынуждена вас просить покинуть мой дом немедленно.

— Но я...

— Довольно, — сказала миссис Белтон таким тоном, что Марта больше не пыталась возражать ей.

Час спустя, упаковав чемоданы, Марта спустилась к миссис Белтон за окончательным расчетом.

— Мне очень жаль, — сказала миссис Белтон, выписав ей чек.

— Мне тоже.

— Я никак не могу понять, что это на вас нашло. Ведь Джеффри не слишком беспокойный ребенок. Я бы даже сказала, что он идеальный ребенок. Во всяком случае, он никогда не причиняет мне никаких хлопот.

— Да, мадам, — тихо сказала Марта.

Она решила больше ничего не говорить об этом происшествии. Что толку? Кроме того, ее уже стали одолевать сомнения: может быть, она стареет и ей в голову лезут всякие странные мысли. А, может быть, она просто отвыкла от маленьких детей, и они действуют ей на нервы.

— Джеффри — такой прекрасный милый мальчик, — продолжала миссис Белтон. — Он очень привязался ко мне с тех пор, как его родители погибли в автокатастрофе. Иногда мне кажется, что он даже слишком любит меня. Он не отходит от меня ни на шаг. Прошлой ночью он так и сказал мне: «Маман, я хочу все время быть рядом с тобой. Ты единственная во всем мире любишь меня». Разве плохие дети так говорят?

— Я полагаю, что все будет именно так, как он хочет, — сказала Марта, не ответив на вопрос миссис Белтон, и спрятала чек в кошелек.

Почувствовав, что Марта чего-то недоговаривает, миссис Белтон недовольно поджала губы. Ей хотелось, чтобы Марта признала свою ошибку и тем самым подтвердила правоту ее слов. Упрямство Марты пробуждало в ней неясное беспокойство.

Она выглянула в окно и посмотрела на Джеффри, качавшегося в саду на качелях. Солнце играло в его светлых волосах, и эта картина почему-то успокаивала ее.

У двери Марта остановилась и резко обернулась, подавшись внезапному порыву.

— Вы не могли бы сказать мне, почему ушла женщина, которая работала у вас до меня?

— Лилиан? — рассеянно переспросила миссис Белтон. — С ней произошел несчастный случай.

— Какой? — воскликнула Марта, уже наперед зная ответ.

— Мистер Белтон привез из Японии меч. Он висел на стене в той комнате, где спала Лилиан. Однажды ночью он упал со стены и отрезал ей палец. Весь, целиком. Это очень печальный случай. Мне было жаль расставаться с ней.

— Да, да, конечно, — невпопад сказала Марта и поспешно вышла из дома.

В саду светловолосый мальчик качался на качелях. Взад и вперед, взад и вперед.

ГАРРИ

Розмари Тимперли

Совсем простые вещи заставляют меня испытывать чувство страха. Солнечный свет. Резкая тень на траве. Белые розы. рыжеволосые дети. И имя Гарри. Такое обычное имя.

Едва Кристина назвала свое имя, как я сразу же почувствовала укол страха.

Ей было пять лет, она готовилась пойти в подготовительную школу — три месяца оставалось. Стоял чудесный жаркий день, и Кристина, как обычно, играла сама с собой в саду. Я видела, как она, лежа на животе, рвет ромашки и потом старательно, с удовольствием сплетает из них венок. Солнце покрыло ее рыжеватые волосы яркой позолотой, отчего кожа на личике казалась еще белей. Она была предельно сосредоточена на своей работе.

Неожиданно она подняла свои большие голубые глаза на куст белых роз, под тенью которого сидела, и улыбнулась.

— Да, меня зовут Кристина, — сказала она. Затем встала и медленно пошла за куст, мило и совсем беззащитно переступая своими пухлыми ножками, едва прикрытыми слишком коротким хлопчатобумажным платьицем. Росла она очень быстро.

— С мамулей и папулей, — отчетливо произнесла она, а потом, после некоторой паузы, добавила: — Но они ведь мои мамуля и папуля.

Теперь ее скрывала тень от кста. Казалось, будто ребенок ступил из света в царство тьмы. Испытывая смутное беспокойство, я, сама не зная зачем, окликнула ее:

— Крис, что ты там делаешь?

— Ничего.

— Иди-ка домой.

— Мне надо идти, — сказала она. — До свидания, — и пошла в сторону дома.

— Крис, с кем это ты разговаривала?

— С Гарри, — ответила девочка.

— А кто это — Гарри?

— Гарри.

Мне так ничего и не удалось добиться от нее, поэтому я лишь дала ей кусок торта, стакан молока и почитала книжку.

Слушая меня, девочка неотрывно смотрела в окно. Потом улыбнулась и помахала рукой. Я испытала заметное облегчение, когда наконец уложила ее в постель и убедилась, что она в полной безопасности.

Когда Джим, мой муж, пришел домой, я рассказала ему про таинственного Гарри, но он лишь рассмеялся:

— Значит, с жаворонком решила поговорить?

— То есть?

— Одиноким дети нередко выдумывают себе компанию. Некоторые разговаривают со своими куклами. Наша Крис никогда особенно не любила кукол. Братьев и сестер у нее нет, друзей тоже. Вот она и придумала себе кого-то.

— Но ведь она же дала ему вполне конкретное имя.

Он пожал плечами.

— Дети обычно так делают. Да что тебя так разволновало-то? Даже не понимаю.

— Я и сама не понимаю. Просто я чувствую перед ней особую ответственность. Даже большую, чем если бы я была ее родной матерью.

— Понимаю, но мне кажется, что она в полном порядке. Крис — чудесная девочка. Прелестная, здоровая, умная, и все это благодаря тебе.

— И тебе тоже.

— Ну что за прекрасные мы с тобой родители!

— А уж скромные-то какие!

Мы рассмеялись, поцеловались, и я наконец успокоилась.

Вплоть до следующего утра.

Солнечные лучи все так же игриво плескались на нашей маленькой лужайке, нежно лаская белые розы. Кристина сидела на траве, скрестив ноги, смотрела на куст и улыбалась.

— Привет, — сказала она. — Я так и знала, что ты прищель... Потому что ты мне понравился. Сколько тебе лет?.. А мне пять с хвостиком... И никакая я не малышка! Мне скоро в школу, и тогда мне купят новое платье. Зеленое. А ты ходишь в школу?.. И что же ты делаешь? — Несколько секунд она молча слушала, изредка кивая головой, явно увлеченная невидимым собеседником.

Стоя на кухне, я почему-то ощутила необъяснимый холод. «Не глупи, — в отчаянии сказала я себе. — Дети сплошь и рядом выдумывают себе приятелей. сделай вид, что ничего особенного не происходит. И не дури».

Правда, я чуть раньше, чем обычно, позвала Крис, чтобы предложить ей стакан утреннего молока.

— А можно я позову Гарри?

— Нет! — Неожиданно резко и отрывисто прозвучал мой голос.

— До свидания, Гарри. Жалко, что тебе нельзя, а то попили бы молочка, — проговорила Крис и побежала к дому.

— А почему Гарри нельзя было попить молока? — с вызовом спросила она.

— Дорогая, да кто он такой, этот Гарри?

— Гарри мой брат.

— Но, Крис, у тебя же нет никакого брата. У твоих папочки и мамочки только один ребенок, это маленькая девочка, которую зовут Крис. Гарри просто не может быть твоим братом.

— Гарри мой брат. Он сам так сказал, — Крис склонилась над стаканом молока и облизала губы, после чего пододвинула к себе тарелку с бисквитами. По крайней мере аппетит ей этот Гарри не испортил!

Джиму я в этот вечер ничего говорить не стала. Только высмеял бы меня, вот и все. Но когда рассказы Кристины про Гарри стали повторяться изо дня в день, я почувствовала, что это начинает действовать мне на нервы.

Однажды в воскресенье, когда Джим услышал очередной их разговор, он заметил:

— Подобные беседы с воображаемым партнером обычно развивают речь ребенка. Ты обратила внимание, что Крис стала гораздо лучше говорить?

— Да, с акцентом, — буркнула я.

— С акцентом?

— Да, с небольшим акцентом кокни*.

— Но, моя милая, ты же знаешь, что большинство маленьких детей всегда набираются чуточку кокни. И он еще больше усилится, когда она пойдет в школу и встретится там с массой других детей.

— Мы на кокни не разговариваем. Откуда же она тогда нахваталась его? От кого же еще, кроме как от Гар... — я не могла выговорить его имя.

— Пекарь, молочник, мусорщик, истопник, протирщик окон — ну как, продолжать дальше?

— Пожалуй, не надо, — грустно рассмеялась я.

— Знаешь, что я бы порекомендовал тебе, чтобы перестать понапрасну волноваться по этому поводу?

— Что?

— Сходите завтра с Крис к доктору Уэбстеру. Пусть он поговорит с ней.

* Название диалекта, на котором говорят представители низших социальных слоев населения Лондона.

— Ты думаешь, она больна? У нее что-то с головой?

— Боже праведный! Конечно же, нет. Просто мы сможем выяснить кое-что из того, в чем не смыслим, ну послушаем совет профессионала, что ли.

Назавтра мы с Крис пошли к доктору Уэбстеру. Я на несколько минут оставила девочку в приемной и за это время вкратце рассказала доктору про Гарри. Он понимающе кивнул, после чего заметил:

— Довольно необычный случай, миссис Джеймс, хотя его никоим образом нельзя назвать уникальным. В моей практике встречалось несколько примеров, когда дети настолько увлекались разговорами со своими воображаемыми собеседниками, что их родителей буквально в дрожь бросало. Ведь Кристина довольно одинокий ребенок, не так ли?

— Да, она практически не знает других детей. Мы недавно переехали сюда. Думаю, когда она пойдет в школу, все поправится.

— Я тоже думаю, что когда она пойдет в школу и станет регулярно встречаться с другими детьми, ее фантазии улетучатся. Понимаете ли, любой ребенок нуждается в контактах с детьми своего возраста, и если таковых нет, ему приходится все это выдумывать. Взрослые люди, когда они одиноки, обычно беседуют сами с собой. Это отнюдь не означает, что они сошли с ума — просто им нужен собеседник. Ребенок же существо более практичное. Он полагает, что разговаривать с самими собой глупо, вот и выдумывает себе кого-нибудь. Так что лично я считаю, вам расстраиваться не из-за чего.

— Муж говорит то же самое.

— Ну разумеется. Но раз уж вы привели Кристину, я поговорю с ней. Оставьте нас одних.

Я вышла в приемную и увидела, что Крис стоит у окна.

— Гарри ждет, — сказала она.

— Где ждет? — спокойно спросила я.

— Вон там, у розового куста.

В саду у доктора рос куст белых роз.

— Но там никого нет, — сказала я. Крис окинула меня взглядом, преисполненным недетским презрением. — Дорогая, с тобой хотел бы поговорить доктор Уэбстер, — нетвердым голосом проговорила я. — Ты ведь помнишь его, правда? Он еще угощал тебя конфетками, когда ты поправлялась от ветрянки.

— Да, — согласилась Кристина и с готовностью направилась в кабинет доктора. Я с нетерпением ждала ее возвращения. Наконец за стенкой послышался короткий смех доктора, в ответ раздались веселые, звонкие трели девичьего голоса.

И обратила внимание на то, что с доктором она разговаривает совсем иначе, чем с ней.

Наконец они вышли, и он сказал:

— С ней абсолютно все в порядке. Просто это маленькая обезьянка с богатым воображением. И все же хотел бы дать вам один совет, миссис Джеймс. Пусть она рассказывает вам про Гарри. Пусть привыкнет доверяться вам. Как я понимаю, вы каким-то образом выразили свое неодобрение по поводу ее разговоров с «братиком», вот она и таится. Он что, делает деревянные куколки, да, Кристина?

— Да, он делает деревянные игрушки, — кивнула Крис.

— И читать умеет, и писать, да?

— И плавать, и по деревьям лазать, и рисовать. Гарри все умеет делать. Просто чудесный братик, — ее маленькое личико засветилось румянцем обожания.

Доктор дотронулся до моего плеча.

— У меня такое впечатление, что Гарри очень хороший брат для нее. И у него такие же, как у тебя, Крис, рыжие волосы, так ведь?

— Да, у него рыжие волосы, — сказала Крис и не без гордости добавила: — Даже еще рыжее. И он почти такой же высокий, как папочка, только худее его. Он такой же высокий, как ты, мамочка. Ему четырнадцать лет. Он говорит, что для своих лет слишком высокий. А какого роста он должен быть?

— Мамочка тебе по дороге домой расскажет, — сказал доктор Уэбстер. — До свидания, миссис Джейс. Не волнуйтесь. Пусть себе болтает. До свидания, Крис. Передай от меня привет Гарри.

Прошла еще одна неделя. Гарри не сходил с ее языка. Гарри был всюду. Накануне перед началом учебного года Крис заявила:

— В школу я не пойду!

— Крис, завтра тебе надо идти в школу. Ведь ты же сама ждала этого. Ты же знаешь об этом. Там будет много других маленьких мальчиков и девочек.

— Гарри сказал, что не может пойти вместе со мной.

— Да, он не может пойти с тобой в школу. Он будет... — Я изо всех сил пыталась последовать совету доктора и сделать вид, что верю в существование Гарри, — он слишком взрослый мальчик для твоего класса. Как же он, четырнадцатилетний, будет чувствовать себя среди таких малышей?

— Без Гарри я в школу не пойду. Я хочу быть с Гарри, — она заплакала — горько, громко.

Засыпала Крис со следами слез на щеках.

Было все еще светло. Я подошла к окну, чтобы задернуть

шторы. Золотые тени и косые солненные лучи вытягивались по садовой траве. А рядом длинная и узкая, ярко очерченная тень мальчика у куста белых роз.

Словно безумная, я распахнула окно и закричала:

— Гарри! Гарри!

Мне даже показалось, что я увидела что-то рыжее, мелькнувшее на белом фоне, что-то очень похожее на мальчишескую голову. И снова — ничего.

На следующий день я решила отправиться в свое тайное путешествие. На автобусе добралась до города и двинулась в направлении большого мрачного здания, в котором не была уже больше пяти лет. В те времена мы как раз встречались с Джимми. Верхний этаж здания принадлежал Обществу по усыновлению «Грейторн». Я преодолела четыре пролета и постучалась в знакомую дверь с облупившейся краской.

Навстречу мне поднялась мисс Кливер — высокая худая седовласая женщина с милой улыбкой. У нее было приятное, доброе лицо со странно изогнутыми бровями.

— Миссис Джеймс, как я рада снова видеть вас. Как поживает Кристина?

— Спасибо, мисс Кливер, с ней все в порядке. Пожалуй, я сразу перейду к делу. Я знаю, что обычно вы не рассказываете усыновленным детям, кто были их родители, и наоборот, но мне просто необходимо знать, кто такая Кристина.

— Извините, миссис Джеймс, — начала она, — но наши правила...

— Позвольте я расскажу вам свою историю, и тогда вы сами поймете, что мною движет не простое любопытство.

Я рассказала ей про Гарри.

Когда я закончила, женщина кивнула:

— Действительно, странная история. Очень странная. Что ж, миссис Джеймс, ради вас я пойду на нарушение наших правил. Так уж и быть, расскажу вам «на ушко», откуда к нам прибыла Кристина.

Она родилась в очень бедной части Лондона. В семье было четверо: отец, мать, сын и сама Кристина.

— Сын?

— Да. Ему было четырнадцать лет, когда... когда это случилось.

— Что случилось?

— Давайте я с самого начала все расскажу. Кристина, в общем-то, была нежеланным ребенком. Вся семья ютилась в одной комнате под самой крышей старого дома, который, как я считаю, давно уже надо было закрыть за ветхостью. Даже для троих было тесновато, ну а когда родился второй ребенок, их жизнь вообще стала походить на кошкар. Мать представ-

дала собой довольно невротичное существо, неряшливое, несчастное и чересчур толстое. Родив дочь, она практически сразу же охладела к ней. Мальчик же, напротив, буквально с первых дней боготворил маленькую сестренку. Даже школу прогуливал, чтобышний раз побыть с ней.

Как-то утром, еще было очень рано, женщина, которая жила на первом этаже, увидела, как мимо ее окна что-то быстро пролетело вниз, и тотчас же раздался звук ударившегося о землю тела. Она выглянула наружу. На земле лежал мальчик, сын этих непутевых родителей. В руках он сжимал тело Кристины. Шея мальчика оказалась сломана. Он скончался. Лицо Кристины все посинело, но она продолжала слабо дышать.

Женщина подняла крик, перебудила всех, вызвала врача и полицию, после чего все бросились наверх. Им пришлось выламывать дверь, — она была заперта изнутри. Несмотря на то, что окна в комнате были открыты настежь, в нос им ударил сильный запах газа.

На кровати лежали супруги, а рядом валялась написанная рукой мужа записка:

«Я не могу больше этого выносить. Я убью их всех. Другого выхода у меня нет».

Полиция предположила, что он запер дверь изнутри, закрыл окна и открыл газ — семья к тому времени уже спала, — потом лег рядом с женой, потерял сознание и умер. Но его сын, очевидно, проснулся. Возможно, он попытался отпереть дверь, но безуспешно. Кричать уже не было сил — единственное, на что его хватило, это распахнуть окна и броситься вниз, сжимая в объятиях обожаемую сестренку.

— Получается, он сам погиб, а ее спас? — спросила я.

— Да, это был очень смелый мальчик.

— А может, он не столько пытался спасти ее, сколько взять с собой? О Боже! Как дико это звучит, как несправедливо. Извините, мисс Кливер, я не хотела... А скажите, мисс Кливер, как звали мальчика?

— Мне надо будет посмотреть записи, — она кивнула в сторону одного из своих многочисленных досье и, покопавшись в нем, наконец произнесла: — Фамилия их была Джонс, а четырнадцатилетнего подростка звали Гарольд.

— И у него были рыжие волосы? — пробормотала я.

— Этого, миссис Джеймс, я не знаю.

— Но это Гарри. Этот мальчик был Гарри. Что все это значит? Я ничего не понимаю.

— Все это, конечно, непросто, но, как мне представляется, глубоко в своем подсознании Кристина постоянно помнила Гарри, своего давнего компаньона по детству, даже младен-

честву. Мы обычно не склонны считать, что у маленьких детей хорошая память, но где-то в потаенных уголках их маленьких головок могут скрываться самые неожиданные образы. Кристина не выдумала этого Гарри — она помнит его. Настолько отчетливо помнит, что почти смогла вернуть его назад к жизни.

— Не могли бы вы дать мне адрес того дома, где они жили?

Дом поначалу показался мне заброшенным. Грязное, пустующее, ничем не примечательное строение, если бы не одна деталь, повергшая меня в изумление. Крохотный садик. Неровные, хаотично разбросанные кустики травы, едва заметные на фоне коричневых проплешин голой земли, и неожиданно — куст белых роз.

Едва ли в столь бедном районе можно найти еще один такой садик.

— Что вы здесь делаете? — грубый, резкий окрик относился явно ко мне. Из окна первого этажа выглядывала странного вида женщина.

— Мне показалось, что в доме никто не живет.

— Не должен никто жить, так правильнее. Арест наложили. Но меня-то они отсюда не выкинут. А куда я поеду? Некуда мне. После того, как все это случилось, многие сразу же съехали, а другие и вселяться не захотели. Они говорят, что здесь поселились призраки. Ну а если и так? К чему весь этот шум? Жизнь и смерть они же всегда идут рядом друг с другом. Постареете — сами узнаете. Живой или мертвый, в чем разница-то?

Ее выцветшие старческие глаза были полуприкрыты красноватыми веками.

— Я видела, как он пролетел мимо моего окна. Вот прямо сюда и упал. Среди роз. И сейчас иногда возвращается. Я даже вижу его. И он не уйдет, пока не доберется до нее.

— Кто... О ком вы говорите?

— Гарри Джонс. Хороший был малец. Рыжий такой. А худющий-то. И очень решительный. Всегда добивался того, чего хотел. И Кристину, как мне кажется, любил, даже слишком уж. И умер здесь, среди роз. Так любил играть с ней — часами сидели под кустом. А потом здесь и умер. А вообще, умирают ли люди? Вроде бы церковь должна дать ответ, да только что-то молчит пока. Никому верить нельзя. Ну так вы уйдете когда-нибудь? Не для вас это место. Оно для мертвых, которые не умерли, и для живых, которые не живут.

Глаза, в которых промелькнуло что-то похожее на безумие, спутанные седые космы — все это порядком испугало меня. Сумасшедшие люди всегда ужасны. Можно их жалеть, но с ними всегда страшно.

— Сейчас ухожу, — пробормотала я, — до свидания, — и уже хотела было броситься по горячим плитам тротуара, когда почувствовала, что мои ноги буквально приросли к земле, словно парализованные.

Невыносимо палящее солнце, обжигающие плиты тротуара, но я едва осознавала это. Я словно потеряла представление о месте и времени.

Внезапно до меня донесся звук, от которого похолодела кровь.

Часы пробили три раза.

В три я должна была быть у ворот школы и поджидать Кристину.

Где я сейчас? Как далеко от школы? На какой автобус надо садиться?

Я бросилась лихорадочно расспрашивать прохожих, с испугом смотревших на меня. Точно так же совсем недавно я смотрела на ту старуху.

Наконец мне удалось найти нужный маршрут, и через какое-то время я, снедаемая страхом, сошла у ворот школы и бросилась через горячую опустевшую игровую площадку. В классе я застала лишь молодую учительницу в белом, которая собирала тетрадки и учебники.

— Я за Кристиной Джеймс. Я ее мать. Извините, что так опоздала. Где она? — на одном вздохе проговорила я.

— Кристина Джеймс? — Девушка было нахмурилась, но тут же лицо ее просияло. — Ну конечно же, прекрасно помню, такая милая рыженькая девочка. Все в порядке, миссис Джеймс. За ней брат пришел. ну как же они похожи друг на друга, вы не находите? И как преданы друг другу. Как приятно видеть, что такой взрослый мальчик так трогательно заботиться о своей крохотной сестричке. У вашего мужа, что, тоже рыжие волосы, как и у детей?

— И что он... ее брат... сказал? — едва выдавила я.

— Ничего не сказал. Когда я заговорила с ним, он лишь улыбался. Думаю, что сейчас они уже дома. Простите, вам нехорошо?

— Нет, благодарю вас, все в порядке мне пора домой.

Обжигающий жар улиц сопровождал меня на всем пути домой. Я бежала, не останавливаясь.

— Крис! Кристина, ты где? Крис! Крис! — Даже сейчас я иногда вспоминаю тот свой дикий крик, метавшийся по опустевшему дому. — Кристина! Крис! Где ты? Ответь мне! Кри-и-и-ис! — И потом: — Гарри! Не уводи ее! Вернись! Гарри! Гарри!

Как безумная, я бросилась в сад. Солнце горячим клинком полоснуло меня. Розы сияли своей белизной. Воздух был на-

столько неподвижен, что мне казалось, будто я стою в безвременье, в неведомом месте. Какое-то мгновение почудилось, что Кристина совсем рядом, хотя я не вижу ее. Затем розы заплясали у меня перед глазами и окрасились в пурпур. Весь мир стал красным. Кроваво-красным. Жидко-красным. И сквозь эту красноту я провалилась в полную темень, в ничто.

Несколько недель я пролежала в кровати — солнечный удар обернулся горячкой мозга. Все это время Джим и полиция пытались отыскать Кристину, но тщетно. Поиски затянулись на несколько месяцев. Газеты наперебой писали про загадочное исчезновение рыжеволосой девочки. Учительница дала описание того самого «брата», который увел ее с собой. Пресса публиковала всевозможные случаи похищения детей, детоубийств и тому подобного. Наконец страсти улеглись. Все это еще одной неразгаданной тайной легло в полицейские досье.

И лишь два человека знали, что же произошло. Старая, безумная женщина, живущая в полуразвалившемся доме, и я.

Прошли годы. Но я все еще боюсь.

Совсем простые вещи заставляют меня испытывать чувство страха. Солнечный луч. Резкая тень на траве. Белые розы. Рыжеволосые дети. И имя Гарри. такое обычное имя.

БЛЕДНЫЙ МАЛЬЧИК

М.С.Уоддел

Маленький бледный мальчик производил впечатление сильно изголодавшегося ребенка. Стоя в углу игровой площадки, он одиноко смотрел на других веселящихся детей — с ним им играть не хотелось.

Звали его Пол — это имя было вышито на рукаве его серой формы, которую носили и все остальные дети сиротского приюта. Впрочем, нельзя было сказать, чтобы он сильно походил на остальных детей. Пол был красив. Льняные волосы, большие и серьезные глаза, к тому же небесно-голубые; мягкий голос, застенчивые манеры. Впрочем, другие дети говорили, что он любит кусаться.

— Как тебя зовут, малыш? — спросила пышно одетая, крупная женщина, склонив над ним свою сияющую белизной голову. Пол робко ответил ей. Она присела рядом с ним на установленную у края игровой площадки скамью и начала рассказывать про свой деревенский дом, про живущих в нем кошек и собак, про то, какие чудесные там поля и вообще как ему понравится зелень травы. Пол сидел и внимательно слушал, с трогательным видом вперив в даму свой взгляд, изредка улыбаясь и демонстрируя при этом два крепких передних зуба-резца.

— Такой милый мальчуган, — в тот же вечер сказала миссис Барнел своему мужу, — но очень уж бледненький. Хотелось бы мне посмотреть, что их там кормят.

В ответ на это Джордж Барнел буркнул что-то невнятное. Миссис Барнел еще раз навестила Пола, потом еще, при этом все ее визиты в приют неизменно завершались тем, что она садилась на скамью сбоку от игровой площадки и беседовала с бледным мальчиком. Она рассказывала ему про поля и луга, про ручеек, бегущий под кроной плакучей ивы в самом дальнем конце сада, про ее кошку Трикси с малыми котятками. Бледный малыш слушал и улыбался, поблескивая двумя передними зубами.

— Пол, а тебе не хотелось бы поехать и взглянуть на котят Трикси? — спросила миссис Барнел. — Уверена, если мы как следует попросим старшую воспитательницу, она тебя отпустит, и ты сможешь целый день провести в моем доме и как следует осмотреть все его достоинства.

Малыш обвил руками ее шею и потянулся губами, чтобы

поцеловать. Странный какой-то получился поцелуй, женщина даже чуточку отпрянула — передние зубы мальчика как будто слегка вонзились ей в щеку.

— Но после всего этого что же мне остается делать? — проговорила она мужу. — Малыш так обрадовался, что сможет приехать к нам в гости.

— И ввернуть весь уикэнд черт знает во что, — добавил Джордж. — Ох уж мне все эти твои выдумки! Повсюду бегают дети — да у тебя скоро весь этот приют поселится.

Миссис Барнел встала и с раздражением на лице вышла из комнаты. Джордж всегда недолюбливал маленьких детей. Бедная крошка, сказала она себе, истосковавшийся по ласке и любви, — она почти с нежностью провела пальцами по крохотным царапинам, оставшимся на ее щеке.

На следующий день миссис Барнел снова приехала к Полу. Тот ждал ее в кабинете старшей воспитательницы — маленькое тельце, зажатое между округлыми коленками, тщательно вымытое и украшенное веселой, полнозубой улыбкой лица. Сердце ее почувствовало прилив тепла при виде этого выжидающего маленького личика. От одного лишь его вида Джордж попросту растает на месте.

— Ну что за малыш, — промолвила воспитательница, — прелесть просто, хотя, боюсь, не особенно прижился на этом месте. Что и говорить, мы очень признательны вам за то, что вы берете на себя эту обузу. Возможно, вам удастся хоть немного оживить его щечки. А то могут подумать, что мы его не докармливаем, — женщина холодно, несколько чопорно рассмеялась.

— О, я так рада, что он поживет у меня, — ответила миссис Барнел. — Мы с Полом успели хорошенько подружиться. А то он все время кажется таким несчастным, сидя на своей скамейке. Думаю, что я смогу чуточку взбодрить его.

— Да, этот мальчуган в общем-то одинок, — согласилась воспитательница. — Как я полагаю, ему так и не удалось здесь с кем-нибудь подружиться. Да и пробыл-то он у нас сравнительно недавно, хотя, должна признаться, обстоятельства его жизни — весьма трагичные — серьезно затрудняют адаптацию в коллективе. Но друзей у него так и не появилось. Мне кажется, они все почему-то его побаиваются.

Говоря это, воспитательница неотрывно смотрела в небесно-голубые глаза мальчика, и ей все время казалось, что слова застревают у нее в горле. В глазах этого маленького бледного создания словно застыла какая-то жестокая злость, что-то такое, что появлялось и тут же исчезало, едва его улыбка останавливалась на лице миссис Барнел.

Воспитательница смотрела им вслед, когда пара — ма-

ленькая ручонка мальчика, зажатая в пухлой ладони яркой дамы — удалялась от нее, и все это время не могла отделаться от ощущения, что избавляется от какого-то необъяснимого предчувствия зла, словно коснувшегося ее своим холодным крылом. Было в этом мальчике что-то такое... Впрочем, времени на раздумья у нее не оставалось. В перевязочной медицинского кабинета ее дожидался Сесл, который проживал в одной комнате с Полом, — мальчик нуждался в помощи по поводу необычных укусов на его ноге, о причине которых он то ли не хотел, то ли не мог рассказать.

— А это, дорогой, мой маленький дом, — проговорила миссис Барнел, отворяя дверь и чувствуя, как счастливо забило ее сердце, когда маленькая головка с льяными волосами проскользнула под ее рукой в помещение — детская рука сжимала под мышкой небольшой чемоданчик.

Она сняла с него плащ, после чего оба распивали чай со сладкими лепешками и медом, а специально для Пола она приготовила шипучий лимонад. Кушал он, надо признать, очень мало, словно пища вообще не интересовала его, и в итоге почти ничего не съел.

— Похоже, не так-то просто будет превратить тебя в маленького толстенького мальчугана, — проговорила миссис Барнел. — Нечего и удивляться, что ты такой бледный — ведь ты же ничего не ешь.

Она за руку проводила его по саду, показала журчащий ручей и плакучую иву, после чего оба прошли по тропинке к деревянному сараю, в котором Трикси откармливала своих котят. Она попросила его встать перед дверью, закрыть глаза, после чего распахнула ее и шагнула назад.

Маленький бледный мальчик открыл глаза и уставился на кошку с котятами. Облизнувшись, он наклонился, чтобы погладить маленькие шерстяные комочки, но в этот момент Трикси цапнула его руку. Мальчик неуклюже откинулся назад и завалился на спину, тогда как кошка кинулась ему на лицо и вцепилась в закрывавшие его ладони. Не успела миссис Барнел подбежать, чтобы разнять воющую пару, как Трикси с визгом боли отпрыгнула от Пола и какими-то странными боковыми прыжками поспешила в сторону близлежащих кустов.

— Плохая, плохая кошка, — проговорила миссис Барнел, вытирая царапины на лице Пола. — Бедный Пола бедный маленький Пола. — Между тем мальчик отнюдь не казался испуганным.

— Нехорошая кошечка, — ласково произнес он.

— Да, нехорошая кошечка, что так поцарапала бедного

Поли, — подхватила миссис Барнел и повела гостя по дорожке к дому, не обращая никакого внимания на доносившиеся из кустов завывания Трикси.

Царапины оказались пустяковыми, и мальчик чувствовал себя прекрасно. Миссис Барнел утерла ему лицо, вымыла руки, тщательно расчесала щеткой волосы и оставила поиграть в саду, после чего занялась приготовлением чая для мужа.

— Пойду поиграю с Трикси, — сказал он, не выказывая при этом ни малейшего намека на страх.

— Лучше бы тебе держаться от нее подальше, Поли, — сказала женщина, но маленький бледный мальчик лишь улыбнулся ей и со счастливым видом кинулся в сторону кустов.

Из окна своей ванной она видела, как он бежит по саду в погоне за чем-то или кем-то — разглядеть она так и не смогла, — довольно проворно переступая своими плотными ножками. При этом ей подумалось, что Джордж наверняка изменит свое отношение к ребенку.

— Вот, это Поли, — сказала миссис Барнел, ставя мальчика перед мужем. — Ну посмотри, разве не миленький?

Мистер Барнел оторвал взгляд от газеты.

— Что-то бледноватый какой-то, — заметил он. — Наверное, вся эта пища, что он получает, не очень-то ему впрок.

Он отвел взгляд от ребенка и вообще перестал думать о нем. Пусть жена позабавится на уикэнде — надо же и ей иметь какую-то отраду.

Однако на сей раз миссис Барнел была преисполнена решимости, и пока Пол благополучно нежилась под одеялом, возобновила свои атаки.

— Нет, мне не кажется, что нам следует оставить его у себя, — вяло возразил Джордж в ответ на очередной ее подход, — и я не думаю, что тебе следовало бы начинать все это снова.

— Но Джордж, дорогой...

— Этель, я не намерен усыновлять ребенка, как бы худ и бледен он ни был. Даже мысли не могу допустить, что он бежит вокруг и постоянно мешает мне работать.

Вот так получилось. Миссис Барнел, как обычно, раздраженно вышла из комнаты, тогда как мистер Барнел продолжил свою работу.

Миссис Барнел на цыпочках поднялась в детскую. Стоя молча в темноте, она протянула руку и погладила рассыпавшуюся по подушке льняную челку.

— Бедный маленький Поли, — мягко проговорила женщина, — это не моя вина, честное слово, не моя. Мне бы хоте-

дось, чтобы ты навсегда остался со мной, навсегда. Если бы Джордж так не упитался... — Затем она наклонилась и поцеловала маленькую бледную щечку.

Когда женщина вышла, ребенок широко распахнул свои бесбесно-голубые глаза и задумчиво посмотрел ей вслед.

— Похоже, ты наконец избавилась от этих несносных кошек, — проговорил на следующее утро мистер Барнел. — Надо же, какое счастье! Еще раньше надо было отвести эту кошку к врачу.

— Джордж, не говори глупостей. Котят в сарае, — сказала миссис Барнел.

Однако их там не оказалось.

— Надо же, как странно, — промолвила миссис Барнел. — Наверное, после стычки с Полом Трикси перенесла их куда-нибудь подальше.

Мистер Барнел занялся работой в саду, а его супруга повела маленького бледного мальчика в церковь.

Возвращаясь домой, он тихим, слабеньким голоском спросил:

— Мамочка Барнел, мне обязательно надо возвращаться в приют?

Бедная миссис Барнел и этот проклятый Джордж! Но ребенок все же должен знать правду.

— Поли, мамочка Барнел хотела бы, чтобы ты навсегда оставался с ней, всегда-всегда, но папочка Барнел очень занятой человек, который считает, что маленькие дети слишком шумят и мешают ему работать, так что сам видишь, не могу я оставить тебя здесь.

Но мамочка Барнел будет часто приходить к тебе, и ты будешь видеться с ней очень часто, обещаю тебе.

О, как ненавидела она себя в этот момент! Как несносно было ей ловить этот изголодавшийся, красноречивый взгляд, появившийся в глазах Пола.

— Я не нравлюсь папочке Барнелу, — глядя на нее, самым обыденным тоном проговорил мальчик, и она не нашлась, что ему ответить.

Придя домой, она отправила Пола поиграть в саду, где работал ее муж. Возможно, ребенку удастся смягчить его сердце. Сама она была не в состоянии видеть своего супруга, такого жесткого и черствого. Чтобы хоть как-то успокоиться, она приняла ванну и занялась приготовлением чая для своего Поли.

Она сделала несколько дюжин крохотных бутербродов со сладкими корочками, уложила тарелку маленькими пирожными с кремом и шоколадными бисквитами, после чего ударила в гонг: чай готов! Но никто не появился. Потом позво-

нила еще и еще, после чего сама отправилась на их поиски. Она без конца бродила по закоулкам сада, но тот оказался обезлюдившим — пока наконец совсем неожиданно из-под ветвей плакучей ивы не выскочил маленький бледный мальчик, бросившийся к ней в объятия.

— О Поли, ну и напугал же ты меня, — проговорила она и потрепала его по головке. — Бог ты мой, да ты отменно погулял. Гляди какие розовые щечки!

Но мистера Барнела нигде не было. Он буквально испарился из сада, и Поли не знал, куда он мог уйти.

— Не хотелось бы, чтобы ребенок видел его лицо, — пробормотала миссис Барнел, усаживая Поли за чайный столик.

Впрочем, чайная процедура тоже не удалась. Такое изобилие булочек, пирожных и бутербродов, а он едва дотронулся до всего этого богатства.

— Ну что ты, Поли, ну хотя бы попробуй что-нибудь. Нам так хочется, чтобы у тебя сохранился этот чудесный цвет лица, — сказала миссис Барнел, замечая про себя, какие чудеса может проделать с ребенком какая-то пара дней нормальной пищи.

— Ну, мамочка барнел, я уже наелся, досыта наелся, — пробормотал Пол. — Можно я пойду и еще поиграют в саду?

Разумеется, она отпустила его. Он отсутствовал вплоть до того самого времени, когда надо было отводить его в приют, и вернулся еще более розовый и сытый. Таким она его еще никогда не видела.

— Вот уж удивятся, когда ты придешь такой румяный, — счастливо проговорила миссис Барнел, и ребенок ответил ей своей зубастой улыбкой.

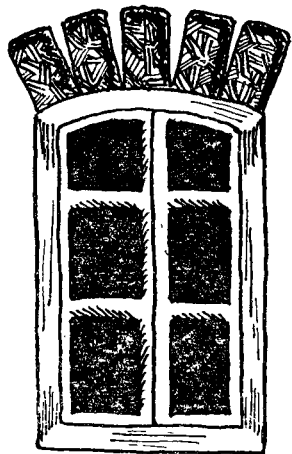
Мистера Барнела нашли два месяца спустя, и то лишь благодаря тонкому чутью спаниеля, зарывшегося носом в листву под ветвями плакучей ивы. На самых мясистых частях его тела почти ничего не осталось, и было похоже, что кости основательно обглоданы. Никто так и не решил, что же стало причиной смерти, хотя многим казалось, что он пал жертвой некоего неизвестного и сильно проголодавшегося животного.

Сейчас Пол живет со своей мамочкой Барнел, но в последнее время он что-то снова начал бледнеть. Он очень любит свою новую мамочку, она такая пышнотелая леди, а аппетит его растет очень быстро. Зубы, кстати, тоже.

Хорошо пережеванные кошачьи кости так по сей день никто и не обнаружил.

ДОМ
УЖАГОВ

ПАУЧИХА

Саймон Джей

Шелест непрекращающегося дождя, крупными каплями падавшего сквозь мокрую листву на землю, был единственным звуком, который примешивался к гулу церковной паствы на маленьком промокшем кладбище у края йоркширских болот, опускавшей тело Мод Роксби в могилу.

Казалось, даже небо проливало слезы над покойной, тогда как среди небольшой кучки стоявших вокруг могилы людей под зонтиками едва ли нашлась хотя бы одна-единственная пара заплаканных глаз.

Если у Мод Роксби и были когда-то друзья, то проживали они явно не в этой части Йоркшира. Казалось, ей было мало своего собственного змеино-го языка, чтобы настроить против себя жителей деревни; с годами ее поведение становилось все более странным, а после того как она в результате падения превратилась в инвалида, женщина и вовсе стала жить затворницей, компанию которой разделял лишь ее многострадальный и долготерпеливый муж Том.

Для других обитателей деревни Том всегда оставался маленьким коротеньким святым — спокойным, бескорыстным и неприхотливым человеком. Более года он продолжал мужественную борьбу за выживание своей фермы. Сражение это ему приходилось вести в одиночку, поскольку все работники ушли от них в знак протеста против выходов Мод, которую они считали ведьмой в образе человека.

Если даже так оно и было на самом деле, данное обстоятельство никоим образом не помогло Тому. В старые добрые времена Дэна Роксби Ферма, на которой они жили, была одной из лучших во всей округе, но с годами неведомая порча уничтожила весь урожай и словно скосила поголовье скота. Теперь самое большее, на что мог рассчитывать Том, — это лишь вырастить немного овощей.

Бедняга Том! Если разобраться, то именно ради него они вообще согласились в такой день напялить на себя плащи.

Роуз Хардкасл самодовольно выглядывала из-под края зонтика и тайно поздравляла себя с тем, что сейчас у могилы стояло достаточное количество скорбящих.

В годы юности Роуз и Том некоторое время ухаживали друг за другом, но он в конце концов женился на дочери своего хозяина, а она вышла замуж за местного кузнеца.

После безвременной кончины супруга Роуз устроилась кухаркой в доме полковника Фортескью, но полагала, что не задержится на этой работе, если, конечно, сама как следует позаботится о себе. Даже сейчас, уже миновав расцвет молодости, Роуз производила на окружающих внушительное впечатление. У нее была крупная, можно сказать роскошная фигура и полный чувственный рот, ярко контрастировавший с тонкими губами и костлявым телом оплакиваемой покойной Мод. К тому же сейчас она уже почти мнила себя женой фермера.

Пока все развивалось по плану. После целого года полного молчания и редкого обмена взглядами она, наконец, набралась решимости и посетила ферму, чтобы предложить свои услуги по уходу за больной женщиной. Том принял ее со свойственной ему прохладой, хотя впоследствии она не раз замечала, как краснели его щеки при виде ее склонившейся над раковиной полногрудой фигуры, и потому имела все основания предполагать, что он отнюдь не холодно относится к ее присутствию в доме.

И все же ее буквально потрясло зрелище того, как перехватило дыхание у Тома и закачалась его фигура при виде исчезающего в могиле гроба; в ее мозгу тотчас промелькнула смутная идея, что, возможно, между фермером и его покойной женой существовало нечто большее, нежели она могла себе представить. Однако Роуз была решительной и быстро отбросила сомнения, так что к тому моменту, когда траурный кортеж вернулся на ферму, она вновь превратилась в переполненную энергией женщину, разносившую гостям вино и бутерброды, тогда как сам Том с грустным видом стоял и смотрел в окно. При этом его взгляд часто смещался в сторону стоявшей на буфете большой стеклянной банки.

Откуда-то сбоку к нему приблизился его кузен Фрэнк.

— Что это у тебя там? — начал было он, но слова застряли у него в горле, когда он увидел через стекло лежавшего в банке громадного паука размером с блюдце, раскинувшего в стороны четыре пары длинных, покрытых черными волосками узловатых ног.

— Ничего себе паучок, — проговорил Фрэнк. — Где это ты его раздобыл?

Толстое круглое тело возлежало на кусочке изысканно вышитого шелка, покрытого узорчатыми таинственными знаками и иероглифами.

Погруженный в свои сны наяву, Том резко вернулся к реальности.

— Что ты сказал? А, это... это принадлежало Мод. Слушай, а почему бы тебе не взять его? — С этими словами он

взял банку и чуть ли не силой попытался втиснуть ее в руки Фрэнка. Тот быстро отошел назад и в ужасе воздел руки.

— Нет-нет, спасибо! С такой штукой в доме я глаз не сомкну. Ты только не обижайся! — проговорил он, с нервным видом отвергая настойчивые попытки Тома вручить ему банку.

Гости один за другим начали расходиться, пока Том и Роуз не остались одни в маленькой побеленной гостиной. Вдова была одета в тесную черную юбку и вышитую блузку английского покроя, выгодно подчеркивающую ее пышную фигуру. Она пригладила ладонями наряд, поправила прическу и, взяв Тома под руку, повела его к креслу.

— Сейчас я приготовлю тебе чашку горячего крепкого чаю, — объявила она.

— Нет! — резкость голоса Тома застала женщину врасплох. Он тотчас же смягчил тон, однако в голосе его продолжали звучать неожиданно твердые нотки. — Спасибо, Розу, ты была очень любезна и добра, но сейчас, извини, мне хотелось бы побыть одному.

Роуз вспыхнула, но сразу же взяла себя в руки.

— Очень хорошо, — с неестественным спокойствием произнесла она. — Я найду завтра и помогу тебе убрать в доме.

После ее ухода Том долго стоял у буфета и разглядывал чудовищное насекомое, которое распростерлось на шелке подобно восточному властелину, восседающему на своих изысканных подушках. Затем он наклонился и вынул из самого дальнего угла буфета почти полную бутылку виски. Налив изрядную дозу, он с задумчивым видом стал отхлебывать напиток. Его взгляд скользнул по мельчайшим завиткам и линиям замысловатого шитья, над которым с таким неистовством работала Мод во время своей болезни. Что означал этот узор? Откуда вообще появился этот паук? Сколько раз он задавал Мод эти вопросы, но она неизменно лишь загадочно улыбалась в ответ и продолжала вышивку.

Тайна ее, однако, этим не ограничивалась. Он надеялся, что стоявшие у могилы люди не заметили того, что ручки гроба Мод буквально вывели его из себя. Вместо обычной бронзы они были изготовлены из филигранно отделанной стали, и внешне отдаленно напоминали очертания существа в банке. Он вздрогнул и налил себе еще.

На следующее утро, когда пришел владелец похоронного бюро, чтобы открыть свое заведение, Том Роксби уже поджидал его у входа.

— Диксон, можно поговорить с вами?

Заметив его разгневанное выражение лица, гробовщик сразу же пригласил его внутрь помещения. Они удобно рас-

положились в креслах, и лишь после этого он позволил Тому снова раскрыть рот.

— Итак, мистер Роксби, — тихим, успокаивающим голосом произнес он, — что вас беспокоит?

Том рассказал ему. Толстые черные брови честного Диксона поползли вверх.

— Но вы же сами на следующий день после смерти вашей супруги прислали мне письмо, в котором специально заказали эти ручки.

— Ничего подобного я не делал!

Не говоря ни слова, гробовщик извлек из кучи бумаг на столе письмо и протянул его Тому. Тот прочитал и побледнел. Он узнал голубую бумагу и почерк. На отдельном листке была сделана аккуратная зарисовка предполагавшихся паукообразных ручек. Бумага, равно как и почерк, принадлежали его жене.

Однако Том не стал говорить об этом Диксону, поскольку он не исключал, что тот посчитает его сумасшедшим. Он просто заявил, что это фальшивка, после чего покинул контору.

Когда Том вернулся в деревню, Роуз уже пришла и занималась приготовлением бифштексов. Он было запротестовал, но на сей раз женщина встретила его во всеоружии.

— Вчера я слушала тебя, а теперь позволь высказаться мне, — произнесла она. Том стоял, слегка покачиваясь от выпитого под воздействием откровений гробовщика виски.

— Ну, раз на то пошло, тебе, думаю, пора начать привыкать к моим более серьезным привычкам, — игриво проговорил он и с этими словами притянул ее к себе, обхватив одной рукой опущенные вдоль тела руки, задрал подол платья и погладил ладонью обтянутый корсетом живот. Роуз пищала как школьница, однако довольно быстро успокоилась и прошептала ему что-то на ухо. Он ухмыльнулся и пошел следом за ней наверх в спальню.

В ту ночь после ухода Роуз сон Тома нарушил ужасный кошмар, самым отвратительным в котором был его паразитичный реализм. Ему снилось, что лежащий внизу в банке громадный паук зашевелился, изогнул спину и стал отчаянно пытаться приподнять крышку своей стеклянной тюрьмы. Выбравшись оттуда, он медленно пополз вниз по стенке буфета, попеременно перебирая лапами, после чего с чавкающим звуком плюхнулся на каменный пол. Мерзкое насекомое, которое, казалось, увеличилось вдвое по сравнению с тем, что находилось в банке, издавало странные свистящие звуки, под воздействием которых из всех углов дома стали выползать муравьи, слизняки, другие пауки и жуки, которые куда-то

спешили, извивались, ползли и карабкались по полу гостиной, покуда вся его поверхность не превратилась в шевелящееся от их бесчисленного количества жуткое покрытие.

Затем — о, ужас из ужасов! — они выстроились в омерзительно колыхавшуюся колонну и двинулись вверх по лестнице вслед за своим новоявленным лидером. Пройдя через открытую дверь спальни Том, они исполнили в ней дьявольский танец вокруг его извивающегося, страдавшего тела.

Когда Том проснулся, его затуманенному взору предстали насквозь промокшая от пота пижама и безостановочно дрожащие руки. Сон все еще живой картиной стоял в его сознании, хотя от легиона насекомых не осталось и следа. Рассвет он встретил окончательно разбитым и решил спуститься вниз, чтобы приготовить себе чаю. Не вполне представляя себе, что он может обнаружить, Том вошел в гостиную и мгновенно обнаружил, что стеклянная банка опустела. Он решил заменить чай на виски и никак не мог решить, радоваться ему или пугаться того, что устрашающее существо исчезло. Все утро, ходя по дому или двору, он внимательно смотрел вниз, с трепетом передвигая ноги и опасаясь, что волосатый зверь может откуда-то появиться. Однажды, когда нога попала в грязную лужицу, желудок взметнулся к самому горлу, и его тут же на месте вырвало. Когда пришла Роуз, он даже не скрывал своего безмерного облегчения. Весь день он не отпускал ее от себя, настоял на неоднократных любовных актах и с отчаянной готовностью согласился на все ее требования, включая обещание жениться на ней, «когда пройдет достаточное время». Лишь забываясь в ее объятиях он мог избавиться от все более отчетливо проступавшего видения громадного мохнатого насекомого. Далеко за полночь он продолжал упрашивать ее остаться, но Роуз категорически отказалась, в очередной и последний раз надела платье, затем пальто и шляпу — во всех ее движениях сквозило холодное спокойствие человека, исправно выполнившего свой долг.

Том вознамерился было как можно дольше не засыпать, однако сразу же после ухода Роуз погрузился в некое подобие транса. Медленно, откуда-то из подсознания выполз громадных размеров паук и уселся на безымянной могиле, в которой он узнал место погребения своей жены. В двух передних лапах паук сжимал нечто, отдаленно напоминавшее отвратительные останки мыши или кролика. Время от времени головная часть огромного жирного тела наклонялась вниз и, откусив от жертвы кусок, принималось его неистово пережевывать.

Облака затянули освещенное луной небо, отчего безмолвные гробницы приняли странные очертания. Неожиданно черный колосс прекратил трапезу и, казалось, стал вслуши-

ваться в звук приближающихся шагов. Громадное насекомое молнией метнулось в сторону и стало продираться сквозь заросли высокой травы, пока не скрылось в тени кладбищенской стены. Со стороны тропинки, которая вела вдоль кладбища в сторону деревни, продолжал раздаваться звук шагов. Наконец луна вырвалась из-за облаков и ее бледный свет озарил приближающуюся фигуру... Розу Хардкасл. Она с довольным видом мурлыкала себе что-то под нос, совершенно не подозревая о существовании жуткого создания, притаившегося в паре метров от нее. Когда ее шаги стали затихать, показалась одна зловещая мохнатая нога, затем другая, еще, еще и еще одна — все они проворно переступали вплоть до тех пор, пока мутант не оказался на гребне кладбищенской стены. На секунду замерев, словно прислушиваясь к звуку шагов, он бесшумно спустился вниз и устремился в темноту вслед за беззащитной женщиной...

Том проснулся с криком имени любовницы на устах. Он так и не разделся и сидел в том же кресле, в котором его сморил сон. Том заметался по комнате, терзаясь от охватившей его нерешительности. Ему хотелось броситься из дома и предупредить ее, но всякий раз, когда он пытался сделать хотя бы шаг в сторону двери, ноги отказывались подчиняться.

Наконец при помощи очередной порции виски ему удалось успокоиться. Возможно, все это было лишь мерзким кошмаром, впрочем, скоро он во всем разберется. Несмотря на продолжавшую мучить его накопившуюся усталость, он принял твердое решение не засыпать. Раздевшись, он опустил ноги в таз с холодной водой и стал дожидаться наступления дня. Едва взойшло солнце, он снова оделся, сунул в карман револьвер и направился по тропинке в сторону деревни. Приблизившись к тому месту, которое фигурировало в его снах, он умерил шаг и неимоверным усилием воли заставил себя заглянуть поверх кладбищенской стены, все время держа оружие наготове. Ничего особенного он там не увидел — лишь высокую траву, гробницы и несколько поодаль могилу жены. Он пошел дальше, довольный уже тем, что колени наконец-то перестали дрожать. Тропинка проходила через невысокий кустарник, и у основания ствола одного из деревьев он увидел Роуз. По крайней мере, ему показалось, что это она, насколько можно было судить по одной босой ноге, торчавшей из толстого серого тщательного намотанного кокона, почти целиком — если не считать этой ноги — скрывавшего ее тело. Сейчас эта клейкая масса не подавала ни малейших признаков жизни, хотя наверняка женщина оказывала немалое сопротивление, прежде чем уступила напавшему на нее врагу. Туфли и сумочка в беспорядке валялись на земле, а кора у

основания ствола дерева была вся иссечена кровавыми бороздами — здесь несчастная Роуз отчаянно пыталась ухватиться пальцами, сопротивляясь силе засасывающей ее массы. Дрожая от страха, Том с ужасом взидал на чудовищную сцену, его ноги словно приросли к земле. Наконец нервные клетки нашли в себе силы отреагировать на увиденное, и он как безумный бросился бежать в сторону фермы.

Ни на мгновение не останавливаясь, он добрался до дома и там, обессиленный, рухнул на пол, где добрых полчаса не мог прийти в себя. Затем он прошел вдоль всех окон, заколачивая их толстыми досками, «с мясом» вырванными из стены старого сарая для скотины. Последними были двери, которые он также запер на все имеющиеся в его распоряжении засовы. Скоро найдут тело Роуз и начнется расследование. Впрочем, возможно и нет. В конце концов, какое это имеет значение?! Инстинктивно Том понимал, что едва ли есть какой-то смысл в том, чтобы бежать и просить где-то защиты. Для него не было иного выхода, кроме как встретить этот ужас и пережить его. Вконец выхолащенный, он взял бутылку с остатками виски и лег в постель.

Проснувшись, он с доселе неизведанным чувством облегчения обнаружил, что впервые за эти два дня смог поспать, не видя этих ужасающих, кошмарных снов. Прошел в ванную, сполоснул лицо водой. В это утро его поведение отличалось уже больше осмысленностью. Да, он уедет из деревни, а если понадобится покинут и эту страну. И никогда сюда не вернется! Он завернул кран и в тот момент услышал донесшийся снизу звук. Сердце его почти перестало биться, а желудок едва не вывернулся, пока он стоял, застывший, вслушиваясь и ожидая, что слух не подвел его. Нет, действительно, не подвел. Вот он опять услышал что-то. Так в доме скрипела лишь одна дверь. Дверь в подвал! Единственное место, которое он забыл проверить! Он бросился на лестницу. Может, еще не поздно?!

Святая Мать Богородица, поздно!! Пробираясь в направлении лестницы, он заметил очертания чудовищного тела, передвигавшегося по полу прихожей. Том стал отступать в сторону спальни, что-то бормоча себе под нос и дико оглядываясь в поисках защиты. Канделябр?! Он схватил его, но тут же с отвращением бросил под ноги. Револьвер?! Он оставил его рядом с кроватью. Боже праведный, да где же он?! Он неуверенно заметался, лихорадочно ощупывая вещи вокруг себя. Ну конечно же, он взял его с собой в ванную! Вот куда надо было бежать в первую очередь! Он распахнул дверь и тут же с грохотом хлопнул снова — его дикий вопль сотряс стены дома. Оно было уже там, у основания лестницы, отрезая

ему путь к отступлению — это громадное жирное тело, передвигавшееся на своих ходульных конечностях, целиком покрытое массой черных волосков. И эта голова, эта зловещая голова, свисавшая с круглого туловища и неотрывно смотревшая прямо на него.

Он бросился к стоявшему в углу старинному дубовому шкафу и, напрягаясь что было сил, стал подтаскивать его к двери. Едва шкаф стал поддаваться, он почувствовал, как силы покидают его — взгляд перехватил медленное движение дверного запора. Почему-то он представил себе, как эти мохнатые, похожие на палки ноги манипулируют странной человеческой штуковиной — и наконец добиваются своего! Истукленно вопя, он бросился к окну, предпочитая умереть, разбившись о твердый булыжник, лишь бы не погибнуть в объятиях подобной мерзости. Стекла брызнули осколками под ударами его кулаков, которые с каждой секундой все гуще покрывались кровью, а он тем временем отчаянно пытался распахнуть рамы, так недавно основательно заколоченные им же самим. И не мог найти в себе сил оглянуться...

Но даже в этом положении он почувствовал, что под напором веса твари дверь открылась, и тут же комната наполнилась неопишимо отвратительным запахом, мгновенно ударившим его в ноздри. Ладони его превратились в окровавленные лохмотья, но он не чувствовал боли — одно лишь невыносимое отвращение к этой мерзости, карабкающейся к нему на своих негнущихся ногах. Весь переполненный чувством гадливости, он издал дикий, все нарастающий вопль, когда неожиданно услышал доносившийся словно из дальней дали голос жены, обращавшейся к нему, Тому:

— Тебе, Том Роксби, следовало бы лучше разобраться во всем, прежде чем пытаться избавиться от меня, — прошипел голос. — Ты считал, что действуешь достаточно хитро, подмешивая мне в еду мышьяк и желая, чтобы моя смерть показалась вполне естественной. Я могла бы в любое время добиться твоего ареста, но мне хотелось умереть, и вот я позволила тебе осуществить задуманное, сделать это для меня. Теперь ты видишь, что я принадлежу к силам темноты, а очень скоро такая же участь ожидает и тебя, мой бедный невезучий муженек.

Крики Тома Роксби умолкли под гигантскими мохнатыми объятиями, а когда паук закончил свою работу, Том был уже окончательно опутан толстым серым саваном смерти.

ТОТ, КОТОРЫЙ КУРИЛ ТРУБКУ

Мартин Армстронг

Вообще-то я ничего не имею против прогулок под дождем, но на сей раз это был просто ливень, а мне надо было прошагать еще десяток миль. Поэтому я остановился у первого попавшегося дома, что стоял примерно в миле от видневшейся вдалеке деревни, и заглянул через забор сада. С первого взгляда я понял — дом пустой. Все окна закрыты, нигде ни ставней, ни занавесок. Сквозь одно из окон на первом этаже я разглядел голые стены и пустой камин с решеткой. Сад совсем одичал, клумбы поросли сорняками и, если бы не забор, я даже не подумал бы, что это вообще сад. Проступали смазанные очертания прямых дорожек, а кусты пышно разросшейся цветущей сирени при каждом порыве ветра обрушивали на траву потоки воды.

Поэтому вы можете представить себе мое удивление, когда из-за сирени показался человек, медленно направившийся по тропинке в мою сторону. Причем меня поразило не столько то, что он вообще появился, сколько то, что шел он, казалось, совершенно бесцельно, с непокрытой головой и без плаща, несмотря на проливной дождь. С виду скорее толстый, одетый как священник, почти лысый, если не считать жиденького венчика седоватых волос, гладко выбритый, с горделиво посаженной головой и подчеркнуто сосредоточенным взглядом, который так часто встречается на портретах Вильяма Блейка. Я сразу обратил внимание на то, как безвольно свисали его руки.

По его одежде и, что казалось еще более странным, по лицу струились потоки воды! Можно было подумать, что он вообще не обращает внимания на дождь. Зато я обращал — голова у меня была совершенно мокрой и струйки воды стали стекать за воротник.

— Извините, сэр, — обратился я к нему, — нельзя ли мне войти и укрыться?

Он остановился и изумленно посмотрел на меня.

— Укрыться?

— Да, укрыться от дождя.

— А, от дождя. Ну конечно же, сэр, пожалуйста, входите.

Я открыл калитку сада и последовал за ним по дорожке в сторону входной двери, возле которой он остановился и, чуть поклонившись, пропустил меня вперед.

— Боюсь, здесь вам будет не очень удобно, — сказал он, когда мы очутились в холле, — однако входите, сэр. Сюда, первая дверь налево.

Это была большая комната с пятистворчатым эркером, абсолютно пустая, если не считать сделанного из сосновых досок стола со скамьей и еще одного столика меньшего размера, стоявшего у двери и украшенного незажженной лампой.

— Пожалуйста, садитесь, сэр, — проговорил он, легким кивком указывая на скамью. В его манерах и выражениях чувствовалось что-то старомодное. Сам он, однако, не сел, а прошел к окну и стал смотреть на залитый потоками воды сад, все так же безвольно опустив руки.

— Насколько я мог заметить, сэр, — произнес я, — вы к дождю относитесь весьма терпимо. — Мне хотелось продемонстрировать ответную любезность.

Он обернулся, но как-то странно, всем телом, словно не мог повернуть только голову.

— Нет, нет! — воскликнул он. — Отнюдь. Если на то пошло, я даже не заметил его, пока вы мне не сказали.

— Но вы же совсем промокли. Не хотите переодеться?

— Переодеться? — глаза его почему-то забегали, и в них промелькнула какая-то подозрительность.

— Ну да, сменить свою мокрую одежду.

— Сменить мою одежду? О, нет! Нет, сэр, ни в коем случае! Как промокла, так со временем и высохнет. Ведь я здесь же, насколько я понимаю, дождь не идет?

Я посмотрел на него; кажется, это действительно его не интересовало.

— Нет, — ответил я, — слава Богу, здесь не идет.

— Боюсь, мне нечем вас угостить, — вежливо сказал он. — Ко мне приходит женщина из деревни, но только утром и вечером, а в остальное время я совершенно беспомощен. — Он развел руками и снова безвольно опустил их. — Правда, вы можете пройти в кухню и приготовить себе чашку чая, если что-нибудь смыслите в этих делах.

Я отказался, но попросил разрешения закурить.

— Ради Бога, — проговорил он. — Правда, сигарет у меня нет. Другой, мой предшественник, курил сигареты, а я предпочитаю трубку. — Он достал из кармана трубку и кисет — почему-то мне было приятно видеть, как он манипулирует своими руками.

Когда мы оба закурили, я снова заговорил. При этом меня не покидало некоторое смущение оттого, что инициатива разговора неизменно исходит от меня, что если бы не я, то мой странный хозяин так и не проронил бы ни слова и продолжал

бы стоять с опущенными руками, глядя или прямо перед собой, или в сад, или на меня.

Я окинул взглядом комнату.

— Вы, очевидно, недавно здесь поселились?

— Поселился? — Он чуть встрепнулся и посмотрел своим сосредоточенным, несколько смущавшим меня взглядом.

— Я имею в виду, поселились в этом доме.

— О, нет, Ну что вы, сэр, нет. Я здесь уже несколько лет, нет, точнее, сам я здесь примерно год, а другой, мой предшественник, прожил здесь лет пять. И вот почти семь месяцев, как его уже нет. Несомненно, сэр, — меланхоличная, задумчивая улыбка неожиданно изменила выражение его лица, — несомненно, вы не поверите мне... миссис Беллуз тоже не верит... если я скажу вам, что я здесь всего-навсего семь месяцев.

— Но с чего бы мне не верить вам, сэр, если вы так говорите?

Он сделал несколько шагов в мою сторону и приподнял правую руку. Без особого желания я пожал ее — толстую, вялую, холодную, неприятно поразившую меня.

— Спасибо, сэр, — проговорил он. — Вы первый, абсолютно первый!..

Я опустил руку, и он оборвал фразу, снова, очевидно, погрузившись в свои мысли. Затем заговорил опять:

— Разумеется, все было бы прекрасно, если бы мой.. если бы старая кузина моего предшественника не оставила ему этот дом. Лучше бы он жил там, где жил. Вы знаете, тот, другой, был священник. — Он приподнял руки, словно демонстрируя себя. — Это его одежда.

И опять ушел в себя, отрешился, тогда как его плоть в одежде священника по-прежнему была передо мной.

— Вы верите в исповедь? — неожиданно спросил он.

— В исповедь? Вы имеете в виду в религиозном смысле?

Он шагнул еще ближе, почти коснулся меня.

— Я имею в виду, проговорил он, понижая голос и пристально глядя мне в глаза, — верите ли вы в том, что исповедь в грехе или в... преступлении приносит облегчение?

О чем он собирался поведать мне? Я хотел сказать ему «нет», дабы уберечь и его и себя от исповедального потока этого несчастного создания, но вопрос его прозвучал такой мольбой, что у меня просто язык не повернулся ответить отказом.

— Да, — сказал я, — думаю, что, исповедуясь, человек обычно облегчает бремя, гнетущее его разум.

— С вами так приятно, сэр, — проговорил он, в очередной раз вежливо поклонившись. — Настолько приятно, что я чувствую искушение переступить... — Опять этот странно небрежный жест, словно он старался отмахнуться от чего-то. — Достаточно ли у вас терпения, чтобы выслушать меня?

Он стоял рядом со мной, чем-то напоминая манекен из мастерской портного, случайно оставленный здесь. Его нога несколько раз касалась моего колена, и эта близость вызывала чувство неприязни.

— Не будете ли вы так любезны присесть? — проговорил я, указывая на противоположный конец скамьи. — Мне так будет легче слушать вас.

Он повернулся, внимательно и серьезно посмотрел на скамью, после чего уселся на нее верхом, чуть наклонив тело в мою сторону. Уже собравшись начать рассказ, он неожиданно обернулся и посмотрел на дверь и на окно. Затем вынул изо рта трубку, положил ее на стол и поднял глаза.

— Моя тайна, моя ужасная тайна заключается в том, что я убийца.

Его признание ужаснуло меня — в общем-то, в такой реакции не было ничего необычного, но в глубине души я не удивился, услышав это. Довольно странный внешний вид и не менее странное поведение отчасти подготовили меня к тому, что я услышу нечто весьма мрачное. Затаив дыхание, я смотрел в его глаза, наполненные каким-то затаенным ужасом. Казалось, он ждал, когда я заговорю, а я не мог вымолвить ни слова. Да и что можно было сказать, Боже правый? И все же необходимо было разрядить столь гнетущее состояние.

— Это лежит бременем на вашем сознании? — Я не узнал собственный голос.

— Это преследует меня, — ответил он, неожиданно сцепив свои тяжелые, вялые ладони. — Достаточно ли у вас терпения?

Я кивнул.

— Расскажите мне обо всем.

— Если бы не встал вопрос о наследовании этого дома, — начал он, — ничего бы не случилось. Другой, мой предшественник, так и оставался бы в своем доме приходского священника, а я... я вообще бы не появился на сцене. Правда, справедливости ради надо признать, что он, мой предшественник, не был счастлив в своем доме. Там он столкнулся с недружелюбием, подозрительностью. Потому-то он впервые и переступил порог этого дома — словно решил подвергнуть себя испытанию, понимаете? Завещан он ему был совершенно пустым, просто дом: ни мебели, ни денег, и он приехал и привез с собой самую малость — этот стол, эту скамью, кое-что из кухонной утвари, да складную кровать, что наверху. Понимаете, ему хотелось сначала попробовать. Его привлекала уединенность существования, но ему также хотелось убедиться и кое в чем другом. Видите ли, есть дома безопасные, а есть небезопасные, и вот прежде чем окончательно

переселиться сюда, мой предшественник решил удостовериться в том, что этот дом вполне безопасен. — Он сделал паузу, после чего очень серьезно проговорил: — Позвольте дать вам совет, друг мой, всегда, когда надумаете переезжать куда-то, особенно в странный, необычный дом, убедитесь в его, если так можно выразиться, благонадежности.

Я кивнул.

— Вполне согласен с вами, прекрасно понимаю, сколько неприятностей могут доставить сырые стены, неисправная канализация и тому подобное.

Он покачал головой.

— Нет, я не об этом. Здесь нечто гораздо более серьезное. Я имею в виду дух самого дома. Да разве вы не чувствуете? — Взгляд его стал острым, пронзительным. — Ведь это очень опасный дом.

Я пожал плечами.

— Пустые дома всегда странноваты.

Он задумался над моими словами.

— А вы заметили, — наконец спросил он, — в чем странность этого дома?

По тому, как он спросил меня, я понял, что дом действительно странный, но это была уже его странность, основывавшаяся, как я полагал, на угрюмой многозначительности его слов, а потому сказал:

— Не более странный, чем другие пустые дома, сэр.

Он с недоверием уставился на меня.

— Удивительно, что вы этого не почувствовали. Впрочем, все это так — другой, мой предшественник, тоже сначала ничего не почувствовал. Даже эта комната, сэр, ибо эта комната по-настоящему опасна, сначала не показалась ему странной, нет, несмотря даже на некоторые весьма необычные особенности.

Будь за окном нормальная погода, я бы прекратил на этом наш разговор, потому что болтовня старика и его манеры вызывали у меня все большее чувство неловкости. Но погода была плохая: дождь не утихал и стало совсем темно. По всей видимости, вскоре должна была разразиться настоящая буря.

Старик встал со скамьи.

— Пожалуй, сейчас я уже могу показать вам, что в этой комнате странного. Заметить это можно только когда стемнеет, но сейчас, кажется, уже достаточно темно.

Он прошел к маленькому столику в углу и стал возиться с лампой, пытаясь зажечь. Потом надел на нее закопченный стеклянный плафон, перенес на большой стол и поставил слева от меня.

— А сейчас сидите тихо.

Я так и поступил. Прямо передо мной находился эркер с пятью стеклянными секторами-окнами.

— Сейчас вы сидите точно на том месте, где всегда сидел другой, мой предшественник. Здесь же он принимал пищу.

Я не смог подавить импульсивного желания повернуться и посмотреть ему в глаза. Неприятно было осознавать, что он стоит где-то сзади, чуть наклонившись, а я не могу видеть его. Как мне показалось, он удивился.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, сэр. Просто повернитесь и скажите мне, что вы видите.

Я подчинился.

— Вижу окно.

— И это все?

Я присмотрелся.

— Еще вижу свои отражения — по одному в каждой секции эркера.

— Вот именно, — сказал старик, — именно! Именно это и видел тот, другой, когда в одиночестве принимал пищу. Видел, как пять других одиноко сидят за столом и едят. Он брал в руку стакан и видел, как пять других берут свои стаканы зажигал сигарету, и пятеро других делали то же самое.

— Ну конечно же, — сказал я. — И что, именно это и испугало вашего друга священника?

— Преподобный Джеймс Бэкстер, — сказал старик, — так его звали. Пожалуйста, не забудьте, друг мой: если люди спросят вас, кто живет здесь, скажите, преподобный Джеймс Бэкстер. Видите ли, никто не знает, что... что...

— Никто не знает, что вы сказали мне, понимаю.

— Да, да! — проговорил он неожиданно упавшим голосом. — Никто не знает. Ни единая душа. Вы первый, кому, я об этом рассказал.

— И вы не пытались провести какое-либо расследование? — спросил я. — Этот мистер Бэкстер, его что, не искали? Он покачал головой.

— Нет. Даже миссис Беллоуз, которая с самого начала ухаживала за ним, не знает, что случилось.

Я обернулся и недоверчиво посмотрел на него.

— Не знает... вы хотите сказать, что...

— Не знает, что я — это не он. Видите ли, — пояснил старик, — мы были очень похожи. Просто поразительно похожи! Прежде чем вы уйдете, я покажу вам фотографию и вы все сами увидите.

Я решил, что дождь там или не дождь, но уходить пора — если не считать плохой погоды, больше меня здесь ничто не удерживало. Я встал.

— Что ж, сэр, могу лишь выразить надежду на то, что вам

действительно удалось облегчить свое сознание, когда вы раскрыли мне свою э... тайну.

Старый джентльмен неожиданно сильно разволновался. Он нервно сжимал и разжимал свои пухлые ладони.

— О, но как же вы можете уйти? Вы же не слышали даже половины всего. Вы же не знаете, как все это случилось. Я надеялся, сэр... вы были так добры... что у вас хватит терпения и внимания, чтобы...

Я снова уселся на скамью.

— Как вам будет угодно, — кивнул я, — если вам есть еще что сказать.

— Я только что сказал вам, — продолжал старый джентльмен, — что я... что другой... что мой предшественник обычно сидел за едой а этом месте и наблюдал, как пятеро других отражаются в стеклах, так? Когда он прикуривал сигарету, те пятеро делали то же самое — все одновременно...

— Ну конечно же, — сказал я.

— Да, конечно же, — кивнул старик. — Все было так естественно, как вы изволили выразиться. Совершенно естественно — вплоть до одного вечера, одного ужасного вечера. — Он умолк и с ужасом в глазах посмотрел на меня.

— И что же? — спросил я.

— Тогда произошла странная, отвратительная вещь. Когда он, мой предшественник, закурил сигарету, наблюдая за остальными пятью, как он обычно это делал, он увидел, что один из них, тот, что крайний слева, закурил не сигарету, а трубку.

Я искренне расхохотался.

— О чем вы, сэр!

Старик в сильном волнении заломил руки.

— Я понимаю, это звучит комично, но одновременно и страшно. Что бы вы подумали, если бы вам пришлось самому увидеть такое? Не привело бы это вас в ужас?

— Пожалуй, — согласился я, — если бы такое действительно случилось. Если бы я увидел нечто подобное, наверняка бы ужаснулся.

— Так вот, — произнес старик, — это случилось. В этом нет никакой ошибки. Это было ужасно, отвратительно. — В его голосе звучал такой страх, будто он действительно видел все это своими собственными глазами.

— Мой дорогой сэр, — возразил я, — но ведь все это вам известно лишь со слов этого мистера... мистера Бэкстера.

— Я знаю, что это так и было, — он говорил очень убежденно. — Я уверен в этом, уверен даже больше, нежели бы сам видел это. Послушайте, это нечто появлялось в течение пяти дней, и все пять дней кряду мой предшественник с ужа-

сом ждал, когда же пятое отражение станет нормальным, таким, как все. Ждал, когда оно само исправится.

— Но почему он не уехал... почему не покинул этот дом? — спросил я.

— Он не осмелился пойти на это, — проговорил старик сдавленным шепотом. — Не решился: он должен был остаться и убедиться в том, что это нечто действительно исправилось.

— Но этого не произошло?

— На шестой день, — проговорил старик, едва совладав с дыханием, — пятое отражение, то самое, которое воспротивилось послушанию, исчезло.

— Исчезло?

— Да, исчезло со стекла. Мой предшественник сидел, с ужасом уставившись на пустой пятый сектор, а остальные четверо в таком же ужасе взирали на комнату. Он перевел взгляд с пустого оконного стекла на них, а они смотрели на него или на что-то позади него, и ужас застыл в их глазах. И вот он начал задыхаться — задыхаться, — старик поперхнулся и тоже вдруг стал задыхаться сам, — задыхаться, потому что его горло сжимали руки, сжимали и душили его.

— Вы хотите сказать, что это были руки пятого? — спросил я и понял, что мой собственный ужас не позволяет мне цинично улыбаться.

— Да, — просипел он и протянул свои толстые, тяжелые руки, уставившись на меня горящими глазами. — Да. Мои руки!

Пожалуй, впервые дикий страх охватил меня. Мы неотрывно смотрели друг на друга, пока он продолжал судорожно глотать воздух и хрипеть. Стараясь успокоить его, я как можно спокойнее сказал:

— Понимаю. Таким образом, вы и были этим пятым отражением?

Он кивнул в сторону трубки, лежавшей на столе.

— Да, — хрипло прозвучал его голос. — Это был я, тот, который курил трубку.

Я встал. Больше всего мне сейчас хотелось броситься к двери, но что-то меня удерживало. Я почувствовал, что было бы бесчеловечно оставить его одного — жертву своей еж собственной ужасной фантазии. Со смутным желанием привести его в чувство и облегчить истерзанное сознание, я спросил:

— А что вы сделали с телом?

У него опять перехватило дыхание, гримаса исказила лицо; сцепив обе вытянутые вперед руки, он стал конвульсивно бить ими себя в грудь.

— Вот, словно агонизирую прокричал он, — вот оно, это тело.

ПО ЧАСТЯМ

Оскар Кук

Уорвик поставил свой бокал, прикурил сигарету и, оглядев курительную комнату клуба, убедился, что по крайней мере поблизости от нас никого не было. Затем наклонился ко мне и в свойственной ему резкой, беспокойной манере спросил:

— Что случилось с Мендингэмом?

Я изумленно уставился на него, во многом также и потому, что именно в этот момент разразилась гроза и где-то у нас над головами сверкнула извилистая молния, вслед за которой грянул гром. Дождь хлынул как из ведра.

Я не без тревоги взглянул на Уорвика, потому что слишком хорошо знал это его выражение лица — расположение губ и всей челюсти, их странная неподвижность, почти окаменелость, которая охватила, казалось, даже его уши. Я не мог не признать, что коль скоро он вознамерился выяснить, что же произошло с Мендингэмом, никакие мои отговорки не помогут. Кроме того, оба мы располагали достаточным временем.

И все же...

Получилось так, что я встретил его почти в точно такую же ночь, как сейчас — грозовую, дикую и отвратительно-мерзкую, как выражаются матросы. Воспоминание об этом событии никогда не исчезало из моей памяти, а гроза лишь усиливала впечатление.

— Так что же случилось? — повторил Уорвик. — Ну выкладывайте же, я хочу знать как все было. Мне уже давно надо было бы что-нибудь написать, а в голове ни одной толковой идеи. Вы же знаете, что для пишущего человека это хлеб насущный, так что... — взмах его руки оказался красноречивее любых слов.

Я знаком показал ему, чтобы он продвинулся ближе, и попросил официанта налить нам еще. Лишь после этого и ни минутой раньше я начал свое повествование:

— Я расскажу вам, Уорвик, — начал я, — одну из самых ужасных историй, которую мне когда-либо приходилось слышать.

Он с видимым удовольствием потер руки.

— Настолько ужасную, — продолжал я, — что даже не стану брать с вас слово, что вы никогда не станете использо-

вать ее в своей работе — я просто уверен, что у вас даже не возникнет такого желания. Вы помните Грегори?

— Да, — кивнул Уорвик.

— Одно время мы с ним довольно часто встречались, но потом он куда-то исчез. У него еще была очаровательная, прямо-таки прелестная жена. Вот именно она стала причиной всех этих событий.

Уорвик хохотнул.

— Ах, так события все же были. Я так и думал.

— Да, но только не те, о которых вы подумали. Вы уехали за границу задолго до их развода.

— Значит, *cherchez la femme!* Я всегда считал, что имея такую соблазнительную супругу, Грегори ведет себя слишком беззаботно и чересчур хладнокровно. Он буквально напрашивался на неприятности.

— Возможно, но все же Мендингэм был его лучшим другом.

— А кроме того, чертовски симпатичным малым, который всегда не прочь был поглазеть на проходящих мимо дам, не так ли?

— Как вам будет угодно, но это все равно его не оправдывает. Мендингэм был и моим другом, однако я никак не могу допустить возможность совершения определенных поступков. Некоторые вещи никогда нельзя делать.

— Вроде?

— Вроде того, чтобы соблазнить жену лучшего друга и сбежать с ней, пусть даже она и не была особенно счастлива со своим супругом.

Уорвик слегка присвистнул.

— Именно это и послужило причиной всех бед, не так ли? — то ли спросил, то ли утверждающе произнес он.

Я кивнул, и он продолжал:

— Что ж, я отнюдь не изумлен. Меня всегда удивляло и до сих пор продолжает удивлять, как Мойра вообще могла выйти замуж за такого человека, как Грегори. Он всегда был каким-то чудиком: талант, переполненный грандиозными медицинскими и хирургическими идеями, и одновременно самый холодный и расчетливый субъект, которого мне когда-либо приходилось встречать — а поездил и повидал я немало. Вы когда-нибудь видели его в операционной?

Я уставился на него. Как и всегда, он задал свой вопрос в неожиданной и весьма смущающей собеседника манере. Мне даже показалось, что он знает гораздо больше, нежели хочет показать, и вновь у меня в мозгу всплыла та омерзительная сцена, когда... впрочем, я слишком забегаю вперед.

Я сделал большой глоток виски с содовой, и Уорвик, заметив мое возбуждение, открыто улыбнулся.

— Не беспокойтесь, — произнес он. — Просто расскажите мне обо всем, что произошло. Я не стану перебивать, но, ради Бога, постарайтесь не сбиваться с темпа и поддерживать соответствующее напряжение.

Я воздержался от комментариев: жажда кровавых ужасов, свойственных в наше время многим досужим сплетникам, маскирующимся под журналистов, некогда представителей благородной профессии, не заслуживала того, чтобы я каким-то образом отреагировал на нее.

Вместо этого я поудобнее уселся в своем кресле и постарался, насколько это позволяли мне моя встревоженная память и бушевавшая за окнами гроза, передать всю историю собственными словами. Надо признать, что я испытал известное облегчение, когда позволил этим чувствам выплеснуться из моей груди, поскольку до настоящего времени оставался единственным хранителем этой тайны, каким-то образом обойденной вниманием прессы.

— Грегори задумал грандиозное путешествие, — начал я, — в самые дебри Борнео, к одному из по тем временам самых таинственных уголков нашей земли. Он был охвачен идеей отыскать представителей редкого племени, отставшего в своем развитии настолько, что, как ходили слухи, у них сохранились почти десятисантиметровые хвосты и склонность к людоедству. Ко всему прочему жили они на деревьях. В путешествие он отправился один — Мойра его не сопровождала, поскольку занятие было не для нее.

Уорвик снова продемонстрировал циничную ухмылку.

— Шанс для Мендингэма?

Я оставил его замечание без внимания.

— Грегори отсутствовал чуть больше года. По возвращении он за два дня до прибытия в Ливерпуль дал Мойре телеграмму, однако, когда судно пришвартовалось, на причале ее не было. Оказавшись в Лондоне, он немедленно отправился к себе домой на Харли-стрит. Дом был заперт, и в нем не чувствовалось ни малейшего присутствия жизни. Дверь он отпер своим собственным ключом. Практически вся мебель отсутствовала — исключение составляли лишь его спальня, кабинет и курительная. Остальные же комнаты были совершенно пусты и, более того, все покрывал толстый слой пыли. Первую ночь он провел в клубе, а сразу поутру отправился к своим агентам по торговле недвижимостью. Те ничего не знали и лишь сообщили, что плату за аренду они регулярно получают через банковские переводы. Ни в банке, ни у адвокатов он также не получил сколь-нибудь убедительных разъяснений случившегося.

Я сделал паузу, чтобы закурить, и между делом бросил

взгляд на Уорвика. Тот был явно потрясен. С его лица не сходило выражение блаженного ликования, когда он слушал эту сенсационную трагическую историю про некогда знакомого человека.

— Откуда вам все это известно? — спросил он.

— От самого Грегори, — ответил я, задувая огонек спички. — Мы с ним довольно часто виделись, после того как он объявил охоту на свою жену.

— А Мендингем? — с нажимом спросил Уорвик.

— Именно это-то и позволило ему получить хотя бы какую-то наводку. Мендингем не показывался в тех местах, где обычно бывал, а когда они все же встретились, выглядел каким-то рассеянным и неуверенным. На мысль о случившемся Грегори натолкнуло то обстоятельство, что Мендингем ни разу не упомянул Мойру, хотя раньше неизменно расспрашивал о ней и постоянно подшучивал над их парой — красавицей, вынужденной пребывать в обществе звсря Грегори. Тогда Грегори подрядил сыщика, ну а конец был весьма банален: новоявленная парочка жила в небольшом уединенном коттедже в Нью-Форесте.

Уорвик сделал большой глоток из своего бокала.

— Да что вы все кудахчете, переходите к делу, — резко проговорил он, ставя бокал на стол. — Можете опустить все эти истории про поиски — я всегда найду их подробное описание в любой подшивке газет, предназначенных для любителей «клубнички». Как маленькая девочка, которая держит в руках новую книжку, я хочу поскорее узнать ее конец.

В тот самый момент вся та скудная симпатия, которую я питал к Уорвику, вообще улетучилась. Он просто изнемогал в ожидании ужасов, и это вызывало во мне отвращение. Между тем настал мой черед улыбнуться.

— Зря вы будете искать в газетах, — довольно ядовито сказал я. — Никакого бракоразводного процесса не было. Хотя именно с этого времени и начались основные события. После истечения положенного срока Мендингем и Мойра вступили в законный брак и даже начали поговаривать о том, чтобы перебраться в город.

— А Грегори? — стремясь поскорее добраться до самой сердцевины этой истории, Уорвик мобилизовал всю свою сноровку и быстроту.

— Грегори, — медленно продолжал я, — постепенно превращался в затворника. Он перестал появляться в клубе, продал права на аренду дома, вместо которого приобрел ветхое строение на барже, стоявшей в малоизвестном и редко посещаемом затоне Темзы. Там он и прозябал, раз в неделю закупая в близлежащей деревне продукты, и продолжал работу

над своим главным опусом — отчетом о путешествии на Борнео. С точки зрения этнологии этот его труд до сих пор никем не превзойден.

— Вы что, читали его? — выстрелил вопросом Уорвик.

— Разумеется. После этого я на некоторое время практически потерял с ним всякую связь, тогда как счастливая парочка периодически попадалась мне на глаза. Мойра была просто без ума от Мендингэма. Затем я как-то услышал от Грегори, что он собирается за границу. Я пригласил его отобедать со мной накануне отъезда, но он отказался, и с тех я его не видел, вплоть...

И снова удар грома заставил меня вздрогнуть, отчего я чуть не выронил свой бокал. Уорвик же не мог скрыть нетерпения.

— Совершенно точно установлено, что он купил билет до Конго, — продолжал я, — но вот выехал ли он туда — это уже другой вопрос. Насколько было известно мне и некоторым другим людям, проявлявшим интерес к его судьбе, он попросту окупнулся в волны безбрежной хандры.

— Эгоист, лелеющий свою печаль, — фыркнул Уорвик. — Что за кончина для великого ума! Но какое отношение ко всему этому имеет Мендингэм?

Его дьявольская настойчивость определенно действовала мне на нервы.

— К этому я и перехожу. Только ради Бога — не перебивайте. Спустя примерно три месяца после предполагавшегося отъезда Грегори за границу Мендингэм исчез.

— Вы хотите сказать — умер?

Я гневно посмотрел на него.

— Нет! Не хочу! Я сказал — исчез. Как-то утром вышел из дома и с тех пор его никто не видел.

— Никто и никогда? — казалось, глаза Уорвика вылезут из орбит от чрезмерного напряжения.

— Никогда — до тех пор, пока я не обнаружил, где он находится, — медленно ответил я. — Или, если выразаться точнее, нашел то, что от него осталось.

— Сгнившая масса, разложившаяся плоть или просто иссохшие кости? — спросил Уорвик, в экстазе едва не облизывая пальцы.

— Ничего подобного, — ответил я и погрузился в молчание, изнемогая от мучительных воспоминаний, сопровождающихся тошнотой от осознания присутствия рядом со мной этого ублюдка — смесь эта казалась мне невыносимой. Наконец я нашел в себе силы продолжать рассказ, отчасти подерживаемый желанием освободиться от бремени мучившей меня тайны.

— Мойра, как вы сами понимаете, буквально обезумела от горя, а напряжение и неизвестность едва не доконали ее. Но она выжила, и главная заслуга в этом принадлежит, как мне представляется, ее неукротимому желанию докопаться до самых истоков тайны. Разумеется, и вы не можете оспаривать этого, вопрос об уходе к другой женщине не стоял. Мендингэм был по уши влюблен в нее. Все это время я неоднократно видел Мойру и, как ни старался, так и не мог ничего понять по ее поведению. Полиция, радио, автодорожные службы — все были подключены, делали все возможное, но Мендингэм как сквозь землю провалился.

— Неужели даже на след не напали? — в тоне Уорвика сквозила смесь скептицизма и удовольствия.

— Нет, хотя слухи кое-какие ходили. Его видели чуть ли не в каждой части Англии, о нем сообщалось едва ли не в каждом полицейском рапорте, и все же это был не он. Как выяснилось, по всей стране у него оказалось чуть ли не несколько сотен двойников.

Следующим событием, также заслуживающим интереса, хотя и не вполне соответствующим ситуации, оказалось возвращение Грегори. Произошло это примерно через месяц, ну, может быть, чуть меньше после исчезновения Мендингэма. Если и не столь общительный как прежде, он, однако, по возвращении из-за границы уже не казался таким отшельником. Снова стал появляться в клубе, видели его и в городе — в театрах, на выставках и тому подобное. Он продолжал содержать ту баржу, на которой и проводил основную часть времени.

Дня через три после его возвращения мне позвонила Мойра; женщина находилась в истерике, это можно было почувствовать по ее голосу. Она хотела, чтобы я немедленно приехал к ней, потому что получила... что именно — я не мог разобрать, поскольку она сбилась на задыхающийся стон. Разумеется, я поспешил к ней. Мойра была явно не в себе. Говорить она не могла и лишь с побледневшим, совершенно каменным лицом указывала на сверток, лежавший на диване в гостиной, одними лишь широко раскрытыми глазами, а губы ее беззвучно шевелились. Я подошел и взял его в руки; затем, будучи готовым к тому, что это окажется бомбой или ядовитой змеей, бросил на пол и закричал — в нем лежала кисть человеческой руки.

— Только одна? — в голосе Уорвика явно слышалось неудовольственное предвкушение.

— Боже мой! — не удержался я. — Да вам что, недостаточно того, что ее отправили по почте? Иссохшую, обескровленную, лишенную кожи руку?! Представьте себе, как Мойра открыла эту посылку! Шок, потрясение, но затем — только

вообразите себе весь кошмар — это оказалась рука Мендингэма с тем самым кольцом-печаткой на мизинце, которое она подарила ему.

На какое-то мгновение мне показалось, что Уорвик несколько сник, но вскоре оправился и снова стал самим собой.

— И больше ничего? — спросил он. — Ни традиционной записки или какого-то мистического знака?

— Абсолютно ничего — лишь кисть руки с кольцом. Я позвал кого-то, чтобы побыли с Мойрой, уложив в коробку жуткую ношу и отправился в Скотланд-Ярд. Больше мне ничего не оставалось — пускай теперь они попробуют разобраться. Ни отпечатков пальцев, ни каких-либо других улик — один лишь почтовый штемпель Белхэма.

— А что было потом? — поинтересовался Уорвик, и я не без удовольствия заметил, что он все-таки немного подавлен.

— Неделью спустя, — продолжал я, предварительно осушив свой бокал, — Мойра получила еще одну посылку. В ней лежала кисть другой руки и авторучка Мендингэма с выгравированной фамилией, и Мойра сразу же опознала ее. По штемпелю на марте можно было определить, откуда она отправлена; кроме того, на коробке была этикетка того самого магазина, где Мойра накануне купила несколько мотков шерсти для вязания. То есть, когда она открыла ее, у нее не было каких-либо сомнений или подозрений на этот счет.

— Она послала за вами?

Я кивнул.

— А вы? Что вы сделали? — спросил Уорвик, с трудом подавляя возбуждение.

— То же, что и раньше. И результат оказался как и в прошлый раз — никаких улик.

— Но ведь за ней, наконец, установили наблюдение? — дрожащим голосом предположил Уорвик. — Дальше, наверное, было намного проще?

— Полиция тоже так думала, но они ошибались. Как они могли установить, кто именно вступал в контакт с Мойрой, проходил мимо нее в магазине, в поезде, на автобусной остановке? Им бы пришлось вести наблюдение за сотнями людей. В общей, они сдались. Мойра уехала в деревню и в течение месяца ничего не случилось. Сам я оставался в городе, и так получилось, что за это время дважды встречался с Грегори, хотя не затрагивал в разговоре с ним этого вопроса. Вскоре после того, как Мендингэм исчез, Грегори отпустил по этому поводу несколько замечаний, но я тогда никоим образом не увязал их с происходящим.

— Да уж! — Уорвик предложил мне сигарету и выбросил свою, так и не зажженную, которую он всю изжевал.

— Затем, — продолжал я, — Мойра по почте получила ступню ноги, а спустя некоторое время еще одну — на сей раз ее доставили с нарочным. Женщина едва не сошла с ума, что, впрочем, неудивительно. Следующими поступили предплечье правой руки и левая нога, отрезанная по колено. При этом каждый раз к посылке была приложена какая-нибудь личная вещь Мендингэма, хотя, как мне кажется, не было никакой необходимости в столь изощренном демонстрировании подобной жестокости.

— Получается, отправитель словно подчеркивал моральный аспект своей мести, так ведь — с некоторой нерешительностью предположил Уорвик.

— Совершенно верно. Но последняя посылка переполнила чашу терпения. Мойра потеряла сознание и ее отвезли сначала в какой-то приют, а затем в психбольницу, где она стала утверждать, что является женой фермера, все время требовала, чтобы ей дали нож для мяса, и беспрестанно охотилась за «тремя слепыми мышами».

Я сделал паузу и поднес руки к глазам.

— Мойра всегда мне нравилась, и одно время я даже рассчитывал на некоторую взаимность с ее стороны.

Несколько минут в комнате были слышны лишь раскаты грома, треск взрывающихся молний и шум ливня за окном. Наконец Уорвик нарушил наше молчание.

— Это все? — спросил он.

Я отвел руку от лица.

— Я молил Бога, чтобы так оно и было! Вам что, требуется продолжение?

— Но вы могли бы снять с души и это воспоминание, — спокойно проговорил он. — Хотя должен признать, что это действительно самая жестокая и печальная история, которую мне когда-либо приходилось слышать.

Я постарался взять себя в руки. В принципе, яч почти все уже рассказал и полагал, что по завершении этой истории мы выпьем еще.

— Так вот, после того как Мойра оказалась в психбольнице, посылки больше не поступали. Она продолжала получать письма, однако ни одной ужасной передачи типа предыдущих. Неожиданно это обстоятельство поразило меня, и в мозгу словно вспыхнуло слово: «Мсть».

— Грегори! — только и смог прошептать Уорвик.

— Да. Именно так мне все это виделось. Действительно, он был весьма хладнокровным человеком, хотя по-своему любил Мойру, пусть даже в его чувстве было что-то собственническое. Если выражаться вульгарно, она и Мендингэм попросту облапошили его, и он вознамерился отомстить им

обоим. Это должна была быть жестокая, хитрая и долгая месть. И еще одна мысль посетила меня: не могло ли так получиться, что Мендингэм все еще жив? В конце концов, Грегори был хирургом, к тому же очень талантливым. Мендингэма же пока никто не обнаружил — ни живого, ни мертвого. В посылках же не было ни одной жизненно важной части тела. И еще я тогда подумал и буквально содрогнулся от чудовищной мысли: промежуток времени между этими посылками был достаточен, чтобы Мендингэм мог оправиться и набраться сил для того, чтобы перенести очередную операцию.

В тот самый день мы обедали с Грегори — это было впервые после его возвращения из-за границы. Совершенно случайно я обратил внимание на то обстоятельство, что Грегори не стал заказывать мясное блюдо, хотя на аппетит за столом в общем-то не жаловался. В беседе я упомянул Мендингэма, но он ограничился вежливой ремаркой. Затем я коснулся Мойры, но и эта тема его не увлекла. После этого мы стали обсуждать его новую книгу — здесь он заметно оживился, стал по-настоящему разговорчив. В частности, с жаром восхвалял моральные принципы этого племени, члены которого, по его словам, не лгали и не воровали, а супружескую измену считали самым смертным грехом. При этом они без малейших колебаний применяли смертную казнь, если считали это уместным. Если верить ему, люди эти были не аморальны, а как бы над моралью, и в подтверждение своих слов он сослался на один довольно-таки скандальный бракоразводный процесс, к ходу которого в то время было приковано всеобщее внимание. «В подобном случае», — начал он было, но затем неожиданно умолк, устало взмахнув рукой над головой и смертельно побледнев. Через пару минут он поднялся, пробормотал какое-то извинение насчет того, что мол, забыл о важном свидании, и в спешке покинул клуб. Меня тогда это откровенно поразило, я был во власти самых разных догадок и решил попытаться выследить его. На улице стояла омерзительная погода: лил дождь, грохотал гром, сверкали молнии.

— Как сейчас? — спросил Уорвик, сидя неестественно прямо и настолько крепко обхватив колени руками, что побелели суставы пальцев.

— Даже хуже, — ответил я продолжал: — Спустя часа полтора я оказался поблизости от его баржи и увидел объект своего наблюдения: Грегори плыл на небольшой шлюпке к дальнему краю судна. Естественно, я был лишен возможности преследовать его и потратил не менее получаса, чтобы аналогичным способом добраться до баржи, что в конце концов мне удалось. В одном из окон, тщательно закрытом плотными

занавесками, я разглядел луч света. Мне не надо было особо заботиться о бесшумности своего продвижения, поскольку шум дождя заглушал все остальные звуки. Я подобрался к окну и попытался заглянуть внутрь, но смог разглядеть лишь пустой угол какой-то комнаты. Однако я продолжал ждать, словно приклеенный к тому месту. Вскоре до меня донесся специфический запах, как будто что-то поджаривали на огне, и я готов был поклясться, что несмотря на завывание ветра, я слышал поистине зловещий смех. Не могу сказать, сколько времени я так прождал, но внезапно почувствовал, что меня сковала жестокая судорога. Я попытался было встать, но одна нога отказывалась служить и я всем телом навалился на раму длинного окна. Запор не выдержал, окно распахнулось, и я ввалился в комнату. В следующее мгновение я, невзирая на боль в ноге, поднялся и оказался лицом к лицу с Грегори, который взирал на меня как дьявол во плоти.

За его спиной виднелся большой камин, встроенный в стену баржи. Огонь, очевидно, отгорел, и теперь очаг был полон полыхающих жаром углей. На каминной решетке я увидел то, что мне показалось солидным куском говязьей туши.

Несколько секунд я сидел, молча облизывая пересохшие губы. На Уорвика было страшно смотреть — настолько искажилось его лицо. Сквозь плотно сжатые зубы он с трудом пробормотал:

— Продолжайте.

— Не говоря ни слова, Грегори бросился на меня, держа в руке огромный кухонный нож. Мне каким-то образом удалось увернуться и, метнувшись в сторону, я изловчился и что было силы ударил его кулаком в лицо. Он рухнул как подкошенный. То, что он сошел с ума, до меня дошло почти сразу — тогда же я понял, что в этом помещении было нечто такое, что ему хотелось скрыть во что бы то ни стало. Но что именно?

— Мендингэм? — прошептал Уорвик трясущимися губами.

Несколько секунд я не мог ответить. Весь охваченный жуткими воспоминаниями, я лишь кивнул головой. Наконец, собравшись с силами, я продолжал:

— Тот кусок туши, что жарился на огне — это был Мендингэм, точнее все, что от него осталось — его туловище. А с потолка свисала его изуродованная голова. Боже! Это было ужасно, настоящий ад! Я почувствовал, что сейчас мне станет плохо. Чуть придя в себя, я заметил, что и к Грегори вернулось сознание. Он встал на колени, затем разогнулся в полный рост, все время громко похохатывая. После этого он двинулся во мою сторону, по-прежнему сжимая в руке нож. Я стоял

неподвижно, словно страх и безграничный ужас парализовали меня. Еще ближе, еще два шага и... он свалился на пол прямо в лужу крови, медленно капавшей из отрубленной головы, лицом уткнувшись в самую середину алеющих угольев.

— Да? — Уорвик возбужденно вцепился в оба моих запястья, его глаза вперились мне в лицо. — И что же дальше?

— У меня не было времени на раздумья, — хрипло прошептал я. — Я должен был воспользоваться своим шансом. Ставкой была моя собственная жизнь, тогда как Грегори явно сошел с ума и к тому же стал каннибалом. Одним словом, я не испытывал никаких колебаний. Я приподнял ногу, опустил ее ему на затылок и стал вжимать, втискивать его лицо в уголки камина.

Уорвик отпустил мои руки и издал громкий вздох облегчения.

— Молодчина! — наконец проговорил он. — Отчаянный поступок. Ну, а дальше? Нельзя же было оставлять все как есть.

— Разумеется, — ответил я. — И ради меня самого, и ради него. Я огляделся и увидел две канистры с керосином, обе полные. Вылив их содержимое, я чиркнул спичкой. Но прежде обошел все помещение и в соседней комнате обнаружил лежавшую на столе раскрытую тетрадь Грегори. Одно место было подчеркнуто жирной чертой — то самое, где он писал, что члены того племени прибегают к каннибализму лишь в одном-единственном случае и при этом рассматривают всю процедуру как некий торжественный ритуал. Это было наказание за супружескую измену и...

Уорвик взмахнул рукой:

— Довольно, — проговорил он. — Ради Бога, дружище, закажите еще по стаканчику!

КАЗНЬ ДЭМЬЕНА

Х.Х.Эверс

Собеседники удобно расположились в кожаных креслах вестибюля отеля «Спа» и покуривали. Из танцзала доносилась нежная музыка. Эрхард взглянул на свои карманные часы и зевнул:

— Поздновато, однако. Пора и заканчивать.

В этот момент в вестибюль вошел молодой барон Грёдель.

— Господа, я помолвлен! — торжественно объявил он.

— С Эвелин Кетчендорф? — спросил доктор Гандль. — Долго же вы тянули.

— Поздравляю, кузен! — воскликнул Эттемс. — Надо немедленно телеграфировать матушке.

— Будь осторожен, мой мальчик, — неожиданно вмешался Бринкен. — У нее тонкие, жесткие, типично английские губы.

Симпатичный Грёдель кивнул:

— Ее мать была англичанка.

— Я об этом тоже подумал, — продолжал Бринкен. — Одним словом, будь начеку.

Однако юный барон явно не желал никого слушать. Он поставил бокал на столик и снова выбежал в танцзал.

— Вам не нравятся англичанки? — спросил Эрхард.

Доктор Гандль рассмеялся.

— А вы этого не знали? Он ненавидит всех женщин, которые несут на себе хотя бы малейший налет благородного происхождения. Особенно англичанок! Ему по нраву лишь толстые, грубоватые, глупые женщины — в общем, гусыни и коровы.

— «Любить умную женщину — счастье для педераста» — процитировал граф Эттемс.

Бринкен пожал плечами.

— Не знаю, возможно, так оно и есть. Впрочем, было бы неверным утверждать, что я ненавижу интеллигентных женщин. Если к этому качеству не примешивается что-то еще, я отнюдь не склонен отвергать их. Что же касается любовных увлечений, то я действительно побаиваюсь женщин, обладающих душой, чувствами и фантазией. Кстати, коровы и гусыни — вполне респектабельные животные, они поедают кукурузу и сено, но никак не своих любовников.

Все вокруг продолжали хранить молчание, и он снова заговорил.

— Если хотите, могу пояснить свою мысль. Сегодня утром я был на прогулке. В Валь-Мадонне мне попала на глаза парочка явно готовящихся к спариванию змей: две серо-голубые гадюки, каждая примерно метра по полтора длиной. Они затеяли милую игру, беспрерывно скользили между камнями, время от времени издавая громкое шипение. Наконец они переплели свои тела и в такой позе приподнялись на хвостах, стоя почти вертикально и плотно прижимаясь друг к другу. Их головы практически слились воедино, пасти широко распахнулись, изредка пронзая раздвоенными языками окружающее пространство. О, мне еще никогда не доводилось видеть столь прекрасной брачной игры! Их золотистые глаза сияли и со стороны могло показаться, что головы этих змей украшены искрящимися коронами!

Наконец они распались, явно утомленные своей дикой игрой, и разлеглись на солнце. Самка первой пришла в себя; она медленно подползла к своему смертельно усталому жениху, вцепилась зубами в его голову, а затем стала заглатывать беззащитно лежащее тело. Глоток за глотком, миллиметр за миллиметром, невыносимо медленно она пожирала своего напарника. Это было поистине чудовищное занятие. Я видел, как напрягались ее мышцы — ведь ей пришлось вместить в себя существо, превосходившее ее по длине. Челюсти самки едва не выскакивали из суставов, она дергалась то вперед, то назад, все глубже и дальше нанизывая себя на тело супруга. Наконец из ее пасти остался торчать лишь его хвост — примерно на длину человеческой ладони, — поскольку в теле самки места попросту не оставалось. Тогда она легла на землю — вялая, омерзительная, неспособная даже пошевелиться.

— У вас что, не было под рукой палки или камня? — воскликнул доктор Гандль.

— А зачем? — удивленно спросил Бринкен. — Или я должен был наказать ее? В конце концов, природу сотворил не Господь Бог, а дьявол, это еще Аристотель, кажется, сказал. А потому я лишь взялся за этот кончик хвоста и вытащил незадачливого любовника из пасти его слишком уж прожорливой возлюбленной. Они пролежали еще примерно полчаса, вытянувшись рядом на солнце, а я мучил себя догадками относительно того, о чем каждый из них в тот момент думает. Потом оба уползли в кусты — он налево, она направо. Видимо, даже самка змеи неспособна дважды сожрать своего спутника. Впрочем, допускаю что после пережитого испытания этот бедолага станет с большей осторожностью предаваться любовным утехам.

— Лично я во всем этом не увидел ничего особенного, —

проговорил Эрхард. — Любая паучиха после спаривая пожирает своего партнера.

Бринкен между тем продолжал:

— Более того, богомолы даже не дожидаются окончания акта, и наблюдать это можно буквально каждый день, причем не далее, как на нашем адриатическом острове. Самка обычно весьма ловко поворачивает шею, ухватывает своими ужасными клешнями голову восседавшего на ней любовника, и начинает молча пожирать ее — в самый разгар спаривания. При этом скажу вам, господа, что и в человеческой среде вы нигде не встретите более яркого проявления атавистических инстинктов, чем в половой жизни. А потому я считаю, что ни к чему все эти задушевные восторги самой распрекрасной красотки, которая может неожиданно предстать передо мной в образе змеи, паучихи или самки богомола.

— Я что-то таких пока не встречал, — заметил доктор Гандль.

— Но это отнюдь не значит, что вы не повстречаетесь с ней завтра, — парировал Бринкен. — Вы только взгляните на анатомическую коллекцию любого университета, и обнаружите там поистине дикие и безумные комбинации атавистических мерзостей, на одно лишь воображение которых едва ли хватило бы фантазии среднего обывателя. Там вы встретите едва ли не целое животное царство, облеченное в человеческий образ. Некоторые из подобных существ прожили семь, двенадцать лет, другие — больше. Дети с заячьей губой, волчьей пастью, с клыками и свиными головами; младенцы, у которых между пальцами рук и ног натянуты перепонки, с лягушачьими ртами и глазами, или с головой как у лягушки; дети с рогами на голове, причем не такими как у оленя, а наподобие клешней жука. Но если мы повсюду видим столь чудовищные проявления физиологического атавизма, стоит ли удивляться, что те или иные черты какого-то животного могут проявиться также и в душе человека? Почему человеческая душа должна быть исключением? Другое дело, мы не сталкиваемся с ними на каждом шагу, но разве разумно предполагать, что люди станут с готовностью рассказывать о них первому встречному? Вы можете годами поддерживать близкие отношения с каким-нибудь семейством, но так и не узнаете, что один из их сыновей — полнейший кретин, который почти всю свою жизнь находится в психиатрической лечебнице.

— С этим никто не спорит, — кивнул Эрхард. — Но вы так и не рассказали, в чем же причина вашего личного не-расположения к так называемым опасным женщинам. Поведите нам, кто была ваша «богомолка»?

— Моя «богомолка», — проговорил Бринкен, — каждое утро и вечер действительно молилась Богу, и даже ухитрилась привлечь к этой деятельности меня самого. Не смейтесь, граф, именно так все и было. По воскресеньям она дважды в день посещала церковь, а в часовню ходила и того чаще, чуть ли не ежедневно. Три раза в неделю она навещала сирых и бедных. Да, моя «богомолка»...

Он остановился на полуслове, налил себе виски, выпил и лишь после этого продолжал:

— Мне было всего восемнадцать лет, когда я, недоучившийся юноша, отправился на свои первые каникулы. За годы учебы в школе, а потом и в университете матушка неизменно отправляла меня на отдых за границу — она верила в то, что это существенно поможет моему образованию. В тот раз я остановился в Дувре, где жил у одного школьного учителя и откровенно скучал. По счастливой случайности там же я познакомился с сэром Оливером Бингэмом, человеком лет сорока, который пригласил меня погостить в его поместье в Девоншире. Я без колебаний принял его приглашение и уже через несколько дней мы отправились туда.

Замок Бингэма представлял собой великолепное провинциальное строение, уже более четырех столетий принадлежавшее его роду. Он располагал громадным и очень хорошо ухоженным парком с полями для игры в гольф и теннисными кортами; по территории протекала небольшая речушка, а у берега стояла вереница прогулочных лодок. В конюшнях разместились две дюжины скаковых лошадей для охоты. И все это — исключительно для улады гостей. Именно тогда я впервые и познакомился с либеральным английским гостеприимством. Одним словом, моя юная душа была преисполнена безграничного восторга.

Леди Синтия была второй женой сэра Оливера, а двое его сыновей от первого брака учились тогда в Итоне. Я как-то почти сразу почувствовал, что эта леди лишь формально числится супругой лорда. Сэр Оливер и леди Синтия жили бок о бок, но вели себя так, будто были незнакомы друг с другом. Их взаимоотношения отличала подчеркнутая, тщательно выверенная, но, как мне казалось, все же несколько неестественная вежливость, хотя ее и нельзя было назвать вымученной. Видимо, обоим супругам во многом спасала врожденная и отточенная воспитанием учтивость. Лишь много позже я понял смысл намерения сэра Оливера предупредить меня о чем-то, прежде чем я познакомлюсь с его женой. Я почти не обратил на его слова никакого внимания, хотя он прямо сказал:

— Будь осторожен, мой мальчик! Леди Синтия, она... в общем, будь поосторожнее с ней. — Чего-то он тогда явно не

договаривал, хотя, как я уже заметил, в ту пору я оставил его предостережение почти незамеченным.

Сэр Оливер был настоящим джентльменом старой закалки, точно таким же, какими их описывают в сотнях английских романов: Итон, Оксфорд, спорт и немного политики. Он явно наслаждался жизнью в своем поместье и даже проявил незаурядные фермерские качества. Его любили все обитатели замка Бингэм — мужчины, женщины, даже животные. Это был крупный, загорелый мужчина с белокурыми волосами, здоровый и добросердечный. Со своей стороны он с неменьшей любовью относился к своему окружению, причем с особой радостью и раскрепощенностью демонстрировал это чувство по отношению к молоденьким служанкам. Делал он все это без малейшего ханжества и почти в открытую, так что не замечала происходящего, пожалуй, лишь одна леди Синтия.

Между тем меня сильно огорчала эта неприкрытая неверность сэра Оливера жене. Мне казалось, что если и существовала когда-либо женщина, заслуживавшая полной и безраздельной любви, так это была именно леди Синтия; если же подобной женщине изменяли, то такой поступок приравнивался в моих глазах к самым коварным и отвратительным преступлениям.

Ей было примерно двадцать семь лет. Если бы эта дама жила в эпоху Ренессанса, да еще где-нибудь в Риме или Венеции, то ее портреты и сейчас бы еще висели во многих церквях, ибо мне еще не приходилось ни разу в жизни видеть женщину, которая бы так походила на Мадонну. У нее были отливающие золотом каштановые волосы, разделенные на прямой пробор, а все черты лица отличала изысканная пропорциональность. Глаза этой дамы казались мне морями аметистовой мечты, длинные узкие ладони отсвечивали почти прозрачной белизной, а шея... о, все это скорее походило на неземное творение. Я никогда не слышал шума ее шагов — она не столько ходила, сколько плыла по комнатам.

Неудивительно, что я сразу же влюбился в нее. В те времена я пачками писал сонеты — сначала по-немецки, а потом и по-английски. Возможно, с литературной точки зрения они были весьма посредственны, но если, господа, вы прочитали их сейчас, то уже после первых строк почувствовали бы, сколь прелестна была леди Синтия, и в каком состоянии пребывала тогда моя душа.

И вот такую женщину сэр Оливер обманывал, причем почти не утруждая себя скрывать данный факт. Я возненавидел его и с трудом сдерживался. Видимо, он заметил это, потому что пару раз пытался было заговорить со мной, но нам все время что-то мешало.

Я никогда не слышал, чтобы леди Синтия смеялась — или плакала. Она явно предпочитала молчание и подобно тени скользила по парку или комнатам дома. Она не ездила верхом, не играла в гольф и вообще не интересовалась спортом. Не утруждала она себя и работой по дому — все это было возложено на старого дворецкого. Но, как я уже упоминал, ее отличала глубокая религиозность — она регулярно ходила в церковь и навещала больных в трех соседних деревнях. Перед каждым приемом пищи она неизменно читала молитву, а утром и вечером посещала располагавшуюся в замке часовню, где смиренно преклоняла колени. Мне ни разу не довелось увидеть ее читающей газету, и очень редко — с книгой в руках. В то же время она очень увлекалась рукоделием, изготовлением кружев и вышиванием. Время от времени она садилась за фортепиано, и умела также играть на стоявшем в часовне органе. Сидя за иголкой в руках, она частенько напевала, совсем тихо — как правило это были незамысловатые фольклорные мелодии. Лишь много лет спустя я понял, сколь абсурдным было то обстоятельство, что женщина, никогда не имевшая детей, так любила колыбельные песни. По тем же временам это казалось мне отражением ее безграничной грусти, которая пленяла и завораживала меня, как, впрочем, и все остальное в этой женщине.

С самого первого дня наши отношения приобрели вполне конкретные очертания: она — царица, я же — ее покорный паж, безнадежно влюбленный, но обученный хорошим манерам. Временами она позволяла мне почитать ей, преимущественно что-нибудь из Вальтера Скотта. Когда она шила или играла, я обычно находился где-то поблизости; довольно часто она пела для меня. За обеденным столом я сидел рядом с ней. Сэр Оливер нередко отлучался из дому, так что мы подолгу оставались одни. Ее сентиментальность совершенно пленяла меня, мне казалось, что она втихомолку скорбит о чем-то, и я считал своим долгом страдать вместе с ней.

Вечерами она часто стояла у узкого окна одной из башенных комнат. Я видел ее из парка и иногда в этот час заходил к ней. Мальчишеская застенчивость не позволяла мне раскрыть рот; я на цыпочках спускался по лестнице в сад, прятался за деревом и бросал в сторону окна длинные тоскливые взгляды, наблюдая, как она стоит там, совершенно недвижимая. Она часто сжимала ладони и тогда по ее лицу пробегала странная дрожь, а бездонные аметистовые глаза продолжали все так же неподвижно смотреть вдаль. Казалось, она взирала в никуда, взгляд ее скользил поверх кустов, деревьев и поражал своей отрешенностью.

Как-то однажды вечером мы ужинали, находясь в полном

уединении. После этого долго разговаривали и наконец прошли в музыкальный салон. Она играла для меня. Но отнюдь не звуки музыки заставили меня покраснеть; я смотрел на ее белые руки, на эти пальцы, которые словно не принадлежали человеку. Наконец она закончила и полуобернулась ко мне. Я схватил ее ладонь, склонился над ней и прикоснулся губами к кончикам этих неземных пальцев. В этот момент вошел сэр Оливер. Леди Синтия в свойственной ей вежливой манере пожелала ему спокойной ночи и вышли.

Сэр Оливер видел мой жест, не мог он не заметить и возбужденного горения моих глаз, в которых беззвучно стояло неразделенное чувство. Он пару раз прошелся по зале, очевидно, с трудом сдерживаясь, чтобы не бросить мне упрека. Потом подошел ко мне, положил ладонь на плечо и сказал:

— Ради всего святого, мой мальчик, будь осторожен! Я еще раз говорю, нет — прошу, умоляю: будь осторожен. Ты...

В эту секунду вернулась леди Синтия — ей надо было взять кольца, которые она забыла на рояле. Сэр Оливер резко осекся, крепко пожал мою руку и, поклонившись жене, вышел. Леди Синтия приблизилась ко мне, поочередно надевая кольца, после чего протянула обе руки для прощального поцелуя. Она не произнесла ни единого слова, но я воспринял это как приказ, наклонился и покрыл ее ладонь жаркими поцелуями. Леди Синтия долго не отрывала руки, но затем высвободилась и покинула меня.

Я испытал такое чувство, будто совершил невероятно подлый поступок по отношению к сэру Оливеру, и что попросту обязан поставить его обо всем в известность. Мне показалось более уместным сделать это в письменной форме, поэтому я прошел к себе в комнату и сел за стол. Написал одно, второе, третье письмо, причем каждое последующее казалось мне глупее и нелепее предыдущего. Наконец я решился лично поговорить с сэром Оливером и отправился на его поиски. Я очень боялся растерять остатки храброй решимости и потому опрометью взбежал по лестнице, но перед широкой распахнутой дверью его курительной замер на месте как вкопанный. Изнутри доносились голоса: сначала игривый, совершенно непринужденный смех сэра Оливера, затем звонкий женский голосом:

— Но, сэр Оливер...

— Ну ладно, не будь глупышкой, — проговорил хозяин замка, — не надо уж так...

Я резко повернулся и стал спускаться по лестнице. В женском голосе я опознал Миллисент, одну из наших горничных.

Через два дня сэр Оливер снова уехал в Лондон а я остался в замке Бингэм с леди Синтией.

На этот раз мне показалось, что я оказался в чудесной стране, в Эдеме, который Господь сотворил для меня одного. Трудно описать колдовскую силу охвативших меня фантазий. Я попытался передать их в одном из писем, которые отправил матери. Несколько месяцев назад я навестил ее, и она показала мне то старое письмо, которое сохранила из нежных чувств к сыну. На оборотной стороне конверта были начертаны слова: «Я очень счастлив!» В самом же письме содержалась невообразимая мешанина из моих чувств, переживаний и страстей. «Дорогая мамочка! Ты спрашиваешь, как я себя чувствую, что делаю? О, мамочка! О, мамочка, мамочка!» И еще с десятков раз «О, мамочка!» — и ни слова больше.

Читая подобные слова, можно вообразить, что они выражают либо невыносимую боль, жесточайшее страдание, отчаяние, либо неподобный, непередаваемый восторг — во всяком случае, нечто поистине выдающееся, незаурядное, что может переживать человек!

Я запомнил то раннее утро, когда леди Синтия отправилась в часовню, располагавшуюся неподалеку от замка у ручья. Я нередко сопровождал ее в этой прогулке, после чего мы отправлялись к завтраку. Но в то утро она подала мне знак — я понял его без лишних слов. Войдя следом за ней в часовню, я увидел, как она преклонила колени, и встал рядом с ней. С той поры мы часто ходили туда вместе и я не делал практически ничего — просто смотрел на нее. Однако постепенно я стал повторять ее действия — я тоже начал молиться. Вы только представьте себе, господи, я, немецкий студень, стою на коленях и молюсь! Это было какое-то язычество! Я не знал, кому или чему слал свои молитвы, просто это было некое выражение благодарности женщине за ниспосланное мне блаженство, сплошной поток слов, отражавших счастливые и чувственные желания.

После того случая я немало отскакал верхом — надо было хоть немного успокоить бурлящую во мне кровь. Как-то раз я выехал довольно рано, заблудился в сельской местности и в итоге провел в седле несколько часов. Когда же я наконец разыскал обратный путь, разразилась гроза, да такая, что из-за дождя ничего нельзя было разглядеть. Я вернулся к речке и обнаружил, что деревянный мост смыло потоками воды, а чтобы добраться до ближайшего, каменного, пришлось бы сделать весьма приличный крюк. К тому времени я уже до нитки промок, и не задумываясь бросился в бурлящую воду. Наконец я и лошадь выбрались на берег, хотя бедное животное тоже успело основательно вымотаться, так что дорога от реки до замка также заняла у меня немало времени.

Леди Синтия ждала меня в гостиной. Я поспешно прошел в свою комнату, помылся и сменил одежду. Наверное, вид у меня был довольно усталый, во всяком случае она предложила мне прилечь на диван, а сама присела рядом и, поглаживая мой лоб, запела:

«Нежный малютка спит в вышине.
Средь веток деревьев качаясь во сне.
Ветер взметнется, подует опять,
Станет сильней колыбельку качать.
Хрустнула ветка, рухнула вниз,
Нет колыбельки — лишь дитятки визг!»

Она гладила меня по лбу пела, а мне казалось, будто я лежу в какой-то волшебной колыбели, подвешенной к ветке дерева — высоко-высоко. Дул ветерок и тоже словно что-то напевал, а моя колыбель медленно покачивалась в его ласковых волнах. «Только бы сук не надломился!» — подумал я.

Что ж, господа, мой сук все же хрустнул, и я упал на землю, причем довольно сильно ушибся. Леди Синтия в любой момент была готова протянуть мне свои руки, но лишь руки, тогда как я с трепетом вожделенно мечтал о ее плечах, лице и губах, о которых вроде бы и думать не мог. Разумеется, я никогда не заговаривал с ней об этом, хотя взгляды говорили, что и сердце мои, и душа принадлежат ей — каждый день, каждый час. Все это она принимала, а мне протягивала лишь руки.

Иногда, когда я ближе к вечеру часами сидел подле нее, а моя бурлящая кровь буквально вопила через все поры тела, она вставала и спокойно говорила:

— А сейчас покатайтесь верхом.

Затем проходила к себе в башню, а я мягким шагом следовал за ней, подглядывая через занавески. Я видел, как она брала в руки маленькую книжку в старинном переплете, садилась, несколько минут читал, после чего вновь вставала, подходила к окну и долго смотрела в него. Я спускался в конюшню, седлал лошадь, некоторое время скакал по парку, а потом выезжал в поля. Как сумасшедший носился я в сгущавшихся сумерках, а по возвращении принимал холодный душ, позволявший мне хоть немного отдохнуть перед ужином.

Однажды я выехал немного раньше и вернулся к чаю. С леди Синтией мы встретились в холле, когда я только направлялся в ванную.

— Будете готовы — приходите, — проговорила она. — Только поспешите. Чай подан в башне.

— Но мне же надо переодеться. Не в халате же...

— Приходите как есть.

Я вскочил под душ, открыл оба крана и уже через несколько минут завершил купальную процедуру. Потом прошел в башню.

Леди Синтия сидела на диване, сжимая в руках свою маленькую книжицу; увидев меня, она отложила ее в сторону. Леди, как и я, была облачена в халат — восхитительное пурпурное кимоно, расшитое темным золотом. Она налила мне чаю, помазала тост маслом. За это время мы не сказали друг другу ни слова. Я мгновенно проглотил бутерброд, запил его обжигающим чаем, все время чувствуя дрожь в теле. Наконец у меня на глазах выступили слезы. Я встал перед ней на колени, сжал ее руки, опустил лицо на нежные колени. Она не возражала.

Неожиданно она поднялась.

— Вы можете делать все, что вам заблагорассудится, — проговорила леди Синтия. — Абсолютно все. Но при этом не должны произнести ни слова. Ни единого слова!

Я не очень-то понял, что она имела в виду, но тоже встал и кивнул. Она медленно подошла к узкому окну. Я было заколебался, не зная толком, что мне делать, но потом двинулся следом и стал рядом с ней, все время помня, что не должен раскрывать рта.

Я стоял рядом с ней — безмолвный, молчаливый, едва различая ее дыхание. Потом наклонился — очень медленно, — коснулся губами грациозной шеи. О, какой это был нежный поцелуй — бабочка, и та не могла бы прикоснуться мягче. И вот я почувствовал, что она также ощутила мой поцелуй — словно легкая зыбь пробежала по ее коже.

Тогда я поцеловал ее плечо, ароматные волосы, сладкое ухо, делая все это легонько, очень мягко, трепетно, едва касаясь губами-перышками — и при этом не переставая все же смущаться. Мои руки искали и наконец нашли ее пальцы, ласково заскользили по ним вверх-вниз. С ее губ сорвался слабый вздох — и улетел в вечернюю мглу.

«Ведь прекрасней ласковых слов,
Благодатней ангельских труб...»

Я сомкнул веки. Нас разделял лишь тонкий шелковый покров. Я глубоко дышал сам и слышал ее прерывистое дыхание. Все мое тело содрогалось от мельчайших конвульсий, я не переставая ощущал биение ее сердца, трепет плоти. Она задышала чаще, потом еще чаще, по телу прошла жаркая дрожь. Наконец она схватила мои ладони и крепко прижала их к своей груди.

Я обнял ее, сжал в объятиях, и так держал, сам даже не знаю, сколько времени. Потом ее руки упали, казалось, она вот-вот свалится в обморок, и на несколько мгновений она повисла у меня на руках. Наконец ей удалось собраться с силами.

— Иди, — мягко произнесла она.

Как и всегда подчиняясь ей, я разжал объятия и отошел, стараясь ступать на цыпочках.

В тот вечер я ее больше не видел и ужинал в полном одиночестве. Между нами что-то произошло, но я не понимал, что именно. Впрочем, в те дни я был еще слишком молод.

На следующее утро я опять ждал ее у часовни. Входя в нее, леди Синтия кивнула мне, после чего прошла внутрь, преклонила колени и стала молиться.

Несколько дней спустя — а потом еще и еще — она говорила:

— Приходи сегодня вечером! — Но ни разу не забывала добавить: — Только молчи, ни слова, ни одного слова!

Мне было всего восемнадцать лет и я оставался таким неловким, неопытным. Однако леди Синтия отличалась мудростью и все получалось так, как она того хотела. Ее уста также не произносили ни слова, молчали и мои губы — лишь кровь в наших телах вела между собой оживленный разговор.

Потом вернулся сэр Оливер. Мы сидели в столовой — леди Синтия и я, — когда раздался его голос. У меня из рук выпала вилка, мне показалось, что лицо мое сейчас бледнее скатерти. Не страх овладел мною — это был определенно не страх! Просто к этому времени я абсолютно забыл, что на свете вообще существует такой человек как сэр Оливер.

В тот вечер он пребывал в добром настроении. Естественно, он сразу же заметил мое замешательство, однако ни единственным знаком не дал этого понять. Он ел, пил, рассказывал о Лондоне, говорил о театрах и скачках. Сразу после ужина он откланялся, похлопал меня по плечу и изысканно пожелал супруге спокойной ночи. Прежде чем уйти, он, как мне показалось, несколько секунд внимательно всматривался в меня, тогда как я не знал, что мне делать. А потому лишь пробормотал что-то насчет того, что тоже устал, поцеловал руку леди Синтии и удалился.

В ту ночь я не сомкнул глаз. Мне все время казалось, что сэр Оливер вот-вот зайдет в мою комнату, и я прислушивался к каждому шороху в замке. Я был просто уверен, что он должен прийти. Но он так и не пришел. В конце концов я разделся и лег в постель. В мозгу моем роились мысли — что же теперь будет — что случилось в его отсутствие?

Одно мне представлялось совершенно ясным: я должен обо

всем рассказать сэру Оливеру, после чего отдать себя на его милость. Но насколько я мог раскрыться? Мне был известно, что в Англии уже не существовали дуэли, хотя, думаю, он лишь высмеял бы меня, согласись я предложить ему нечто подобное. Но... что же тогда? А может, он вздумает привлечь меня к суду? Он — меня? Однако это показалось мне еще более нелепым допущением, поскольку в подобном случае он вообще не получит никакой сатисфакции. Или драка на кулаках? Но он был гораздо сильнее меня, намного шире в плечах и вообще слыл одним из лучших спортсменов Англии, тогда как я толком ничего не соображал в этом виде спорта, а все, что умел, перенял опять же от него самого. Но как бы то ни было, я не мог не предоставить ему возможность бросить ему вызов, а там — будь что будет.

Внезапно я подумал: если заговорю, не станет ли это предательством по отношению к леди Синтии? Ну ладно, пусть он уродует меня, хоть до смерти, но она-то! Святая, нежная женщина... что же будет с ней? Ведь она же ни в чем не виновата. Вся ответственность за случившееся лежит на мне одном, и я знал это с самого начала. Вошел в их дом, с первого взгляда влюбился в нее, воцарился, преследовал ее, куда бы она ни шла. И неважно, что она сама протянула мне свои белые руки — я жаждал ее, желал с каждым днем все больше, вплоть до того самого дня, когда...

Действительно, сам я ничего не говорил, но ведь кровь моя ежечасно взывала к ней. Какой толк в словах, когда при одном ее виде меня охватывала дрожь? Она, подневольно прикованная к своему супругу, предавался им едва ли не на глазах у всех окружающих, терпящая, выносящая все эти муки и издевательства, словно святая — нет, ни малейшая тень вины не должна упасть на нее! Так уж ли стоит удивляться, что в конце концов она уступила своему соблазнителью, который преследовал ее буквально на каждом шагу...

Но даже теперь, после всего случившегося, она оставалась святой. И отдалась она мне скорее от доброты своего сердца, из чистой жалости к молодому человеку, который столь страстно домогался ее. Она отдала мне себя подобно тому, как одаривала бедных, которых навещала в деревнях. Даже теперь она продолжала оставаться целомудренной. И так велик был ее сладостный стыд, что она не позволяла мне в те минуты открывать рот, ни разу не повернула головы и не взглянула в глаза...

Наконец я понял: на мне одном лежала вся тяжесть вины. Я оказался соблазнителем, мерзким негодяем, и теперь мне следовало поплатиться за содеянное — но как?! Не встать же перед сэром Оливером на колени, прося прощения! Нет, нет.

Но что-то надо было делать, хотя мысли мои сбивались в кучу и я никак не мог определить, что же именно. Прошла ночь, но и она не принесла столь желанного решения.

Завтракал я у себя в комнате. Неожиданно вошел дворецкий.

— Сэр Оливер интересуется, не будете ли вы столь любезны, чтобы составить ему партию в гольф?

Я кивнул, быстро оделся и спустился вниз.

Никогда я не был хорошим игроком, но в этот раз вообще не столько бил клюшкой по мячу, сколько взрыхлял ею землю.

Сэр Оливер рассмеялся.

— В чем дело?

Я что-то пробормотал в ответ, однако, когда мои удары стали и того хуже, он явно нахмурился.

— Это... Вы... Вы подходили к окну, молодой человек?

Дело зашло слишком далеко. Я понимал, что он в любой момент одним ударом может лишиться меня жизни, но кивнул и произнес бесцветным голосом:

— Да.

Сэр Оливер присвистнул, хотел было что-то сказать, но промолчал. Потом еще раз свистнул, повернулся и медленно побрел назад к замку. На некотором удалении от него вяло переступал ногами и я.

В то утро я не видел леди Синтию. Когда слышался гонг к обеду, я с трудом заставил себя спуститься в столовую.

В дверях я встретил сэра Оливера. Он подошел ко мне и проговорил:

— Мне был не хотелось, чтобы вы сегодня разговаривали наедине с леди Синтией. — После этого он жестом пригласил меня к столу.

За едой я едва обменялся с нею парой фраз. Сэр Оливер, напротив, оживленно рассказывал о чем-то. Под конец трапезы леди Синтия приказала подготовить экипаж — она собиралась навестить своих бедняков.

Протянув мне на прощание руку, которую я, естественно, поцеловал, она проговорила:

— Чай, как обычно, в пять.

Вернулась она, однако, лишь к шести часам. Я стоял у окна и видел подъехавший экипаж. Женщина подняла на меня взгляд. «Иди ко мне», — явно говорили ее глаза.

В дверях я столкнулся с сэром Оливером.

— Моя жена вернулась, — сказал он. — Чай мы попьем вместе.

«Ну вот, начинается», — подумал я.

На столике стояли лишь две чашки: было ясно, что леди

Синтия ждала меня, но никак не своего супруга. Она, однако, тут же позвонила и приказала принести третью чашку. И вновь сэр Оливер взял почти весь разговор на себя, хотя, как мне показалось, его попытки завязать беседу оказались еще менее успешными, чем за обедом. В конце концов все практически умолкли.

Вскоре леди Синтия встала и вышла. Сэр Оливер продолжал хранить молчание и лишь что-то легонько насвистывал сквозь зубы. Неожиданно он резко вскочил с кресла, словно его посетила какая-то идея.

— Пожалуйста, подождите меня, — скороговоркой проговорил он и поспешно вышел.

Мне не пришлось долго ждать — через несколько минут он вернулся и жестом пригласил следовать за ним. Миновав несколько коридоров, мы наконец подошли к уже знакомой мне башенной комнате. Сэр Оливер задвинул портьеры перед дверью, отворил ее, заглянул внутрь и, повернувшись ко мне, сказал:

— Принесите мне маленькую книжку, что лежит вон на том кресле.

Я подчинился. Скользя между шторами, я оказался в комнате и увидел, что леди Синтия снова стоит у окна. Я чувствовал, что совершаю какое-то предательство по отношению к ней, но никак не мог смекнуть, какое именно. Я очень тихо подошел к креслу, взял маленькую книжицу в парчовом переплете, которую так часто видел в ее руках, вернулся назад и протянул ее сэру Оливеру. Приняв книжку, он взял меня под локоть и прошептал:

— Пойдем, мой мальчик.

Мы спустились по лестнице, миновали дворовые постройки и прошли в парк.

Одной рукой он продолжал держать меня под локоть, а в другой сжимал книгу. Наконец он произнес:

— Ты любишь ее? Сильно? Очень сильно? — Ответа он явно не ждал. — Впрочем, к чему слова? Я тоже когда-то любил ее, возможно, даже больше, чем ты, хотя и был почти в два раза старше тебя. И сейчас я говорю все это не ради леди Синтии, а только ради тебя!

Он снова умолк. Мы шли по широкой аллее, после чего свернули налево на небольшую боковую дорожку. Под старыми вязами стояла скамья, он сел и пригласил меня сесть рядом. Потом поднял руку, указал куда-то вверх и проговорил:

— Смотри! Он она стоит.

Я поднял взгляд — леди Синтия стояла у своего окна.

— Она видит нас, — сказал я.

Сэр Оливер громко рассмеялся.

— Нет, она нас не видит. Даже если бы на нашем месте сидела сотня человек, она бы никого из них не увидела и не услышала! Она видит лишь эту книгу, только ее чувствует, а больше — никого и ничего!

Он сжал миниатюрный томик своими сильными пальцами, словно хотел смять, раздавить его, но неожиданно прижал книжицу к моей ладони.

— Я понимаю, мой друг, что жестоко показывать тебе такое, очень жестоко. Но я делаю это исключительно ради твоего же блага. Читай!

Я раскрыл книгу. В ней было всего несколько жестких страниц текста, напечатанного на бумаге ручной работы. При более внимательном рассмотрении я обнаружил, что текст не напечатан, а написан от руки, и я узнал почерк леди Синтии.

Я стал читать.

«КАЗНЬ РОБЕРТА ФРАНСУА ДЭМЬЕНА НА ГРЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ В ПАРИЖЕ, СОСТОЯВШАЯСЯ 28 МАЯ 1757 ГОДА НА ОСНОВАНИИ ПОКАЗАНИЙ ОЧЕВИДЦА ПРЕСТУПЛЕНИЯ — ГЕРЦОГА КРОЙСКОГО»

Буквы заплясали у меня перед глазами. Какое, какое отношение все это могло иметь к стоявшей перед окном даме? В горле у меня неожиданно пересохло, я не мог разобрать ни слова. Книга выпала из моих рук.

Сэр Оливер поднял ее и сам начал читать вслух.

«На основании показаний очевидца преступления — герцога Кройского...»

Я поднялся. Что-то заставило меня сделать это. При этом я испытал такое чувство, будто должен был немедленно бежать отсюда, скрыться, подобно раненому зверю, в густых кустах. Однако сильная рука сэра Оливера удержала меня на месте. Он продолжал читать, произнося слово за словом своим безжалостным голосом.

«Роберт Дэмьен, который 5 января 1757 года совершил покушение на жизнь Его Величества короля Франции Луи ХУ, ранив его в Версале ударом кинжала, был приговорен 28 мая того же года к смертной казни.

Ему был вынесен такой же приговор, как и Франсуа Равальяку, убийце короля Анри IV, казненному 17 мая 1610 года.

Утром в день казни тело Дэмьена распростерли на специальной подставке; его предплечья, бедра и лодыжки были проколоты раскаленными докрасна крюками, а в отверстия залиты расплавленный свинец, кипящее масло и горящая смола, смешанные с воском и серой.

В три часа дня атлетически сложенный правонарушитель

был доставлен к Собору Парижской Богоматери, а оттуда — на Гревскую площадь. Улицы заполняли толпы народа, которые не выражали приговоренному ни своего сочувствия, ни осуждения. Представители аристократии, разодетые как на праздник, элегантные дамы и благородные господа столпились у окон своих домов, обмахиваясь веерами и держа наготове ароматические соли на случай внезапного обморока. В половине пятого начался грандиозный спектакль. В центре площади был сооружен специальный помост, на котором распростерли тело Дэмьена. Вместе с ним на помост поднялись палач и два священника. Громадный мужчина — приговоренный — не выражал ни удивления, ни страха, и лишь желал поскорее умереть.

Шестеро помощников палача при помощи железных цепей и колец наглухо приковали его тело к деревянным доскам. Затем на его правую ладонь была вылита горящая сера, что вызвало у Дэмьена страшный по силе вопль. Можно было заметить, как на голове его волосы встали дыбом, тогда как рука продолжала гореть. Раскаленными крючьями палачи принялись выдирать из его рук, ног и груди большие куски мяса. В свежие раны заливались расплавленный свинец и кипящее масло. Все пространство площади заволокло запахом горящей плоти.

Вслед за этим руки и ноги Дэмьена обвязали толстыми веревками, к которым пристегнули по крепкой лошади, расположившейся в каждом из четырех углов помоста. Стражники принялись нещадно нахлестывать лошадей с явной целью разорвать тело несчастного на части. Целый час взмыленные животные пытались тронуться с места, но так и не смогли оторвать ни руку, ни ногу Дэмьена. Свист хлеставших лошадей кнутов и крики палачей перекрывались воплями извивавшегося в агонии преступника.

Затем привели еще шесть лошадей и пристягнули к четырем прежним. Крики Дэмьена переросли в безумный рев. Наконец ассистенты палача получили от присутствовавших здесь же судей разрешение произвести необходимые надрезы в местах костных сочленений, чтобы облегчить лошадям их работу. Дэмьен приподнял голову, чтобы получше разглядеть, что с ним делают, однако не издал ни звука, пока разрезали его сухожилия. Он лишь повернул лицо и дважды поцеловал протянутое ему распятие, тогда как оба священника наперебой призывали его к раскаянию. После этого всю десятку лошадей снова стали хлестать кнутами, в результате чего через полтора часа после начала пыток удалось оторвать Дэмьену левую ногу.

Люди на площади и сидевшие перед окнами аристократы захлопали в ладоши. Работа продолжалась.

Вслед за этим была оторвана правая нога — Дэмьен продолжал истошно вопить. Палачи надрезали также плечевые суставы и вновь принялись нахлестывать лошадей. Когда от тела оторвалась правая рука, крики осужденного стали затихать. Голова его завалилась набок и резко дернулась назад, когда, наконец, была оторвана левая рука. Теперь от Дэмьена оставалось лишь окровавленное туловище с полностью посевшей головой, но жизнь продолжала теплиться в изуродованном теле.

После этого палачи состригли его волосы, а священники снова приблизились к умирающему. Главный палач — Анри Сэмсон — отстранил их жестом руки, сказав, что Дэмьен уже испутил дух. Таким образом, должно было сложиться мнение, что преступник отказался от последнего покаяния, поскольку все видели, что туловище все еще изгибается из стороны в сторону, а нижняя челюсть судорожно шевелится, словно Дэмьен силился что-то сказать. Он действительно все еще дышал, вращая глазами и словно окидывая взглядом стоявших вокруг людей.

Останки покойного были сожжены на костре, а пепел развеян по ветру.

Таков был конец несчастного, перенесшего самые ужасные пытки, которые когда-либо знало человечество. Все это произошло в Париже, у меня на глазах, равно как и перед тысячами других людей, включая многих благородных и прекрасных дам, сидевших перед окнами своих домов.»

— Разве удивительно, господа, — заключил Бринкен свой рассказ, — что после того вечера я стал несколько опасаться женщин, имеющих чувства, душу и воображение? Особенно англичанок.

ВТОРОЙ ДОМ

Роберт Блох

Поезд опоздал, и потому когда Натали очутилась одна на пустынной платформе станции Хайтауэр, было уже далеко за девять.

Помещение станции на ночь закрывалось: пожалуй, это скорее была даже не станция, а полустанок, не связанный ни с каким населенным пунктом, и сейчас Натали попросту не знала, что ей делать. Она так поняла, что доктор Брэйсгёрдл встретит ее — перед отъездом из Лондона она послала дяде телеграмму, но поскольку поезд опоздал, он, вероятно, не дождался ее и уехал.

Натали в нерешительности огляделась вокруг и увидела стоявшую неподалеку телефонную будку. Возможно, это был выход — в ее сумочке лежала последнее письмо доктора, в котором он сообщал как свой адрес, так и номер телефона. Направляясь к будке, она перевернула содержимое своего ридикюля и наконец нашла то, что искала.

С самым звонком вышло небольшое затруднение: сначала телефонистка долго не соединяла ее с нужным номером, а потом в трубке послышался какой-то шум. Глянув через стекло будки на высившиеся позади станции холмы, она предположила, что именно в этом кроется причина трудностей со связью. В конце концов, сказала Натали самой себе, это ведь запад страны и живут здесь во многом по старинке.

— Алло! Алло!

Голос снявшей трубку женщины с трудом перекрывал непонятный шум, но на сей раз это были уже не помехи на линии, а слившиеся в монотонный гул голоса многих людей в помещении, где стоял телефон. Натали даже чуть наклонилась, стараясь говорить громко и отчетливо.

— Это Натали Риверс, — сказала она. — Можно попросить доктора Брэйсгёрдла?

— Как вы сказали вас зовут?

— Натали Риверс. Я его племянница.

— Его кто?

— Племянница. Могу я с ним поговорить?

— Минутку.

Наступила пауза, звучащие в отдалении голоса показались ей еще громче, наконец в трубке раздался солидный мужской баритон.

— Это Брэйсгёрдл. Моя дорогая Натали, какой неожиданный для меня сюрприз!

— Неожиданный? Но я же сегодня отправила вам телеграмму из Лондона. — Натали почувствовала, что в ее голосе звучали нотки некоторого нетерпения, и постаралась взять себя в руки. — Вы что, не получили ее?

— Боюсь, обслуживание в наших краях не из лучших, — извиняющимся тоном проговорил доктор. — Нет, твоей телеграммы я не получал. Но самое главное, это то, что ты здесь. Где ты сейчас находишься, дорогая?

— На станции Хайтауэр.

— О, Бог ты мой, это же в совершенно противоположном направлении.

— В противоположном направлении?

— Да, от Петерб. Мне позвонили буквально перед тобой. Какая-то чепуха — говорят, что аппендицит, но на самом деле самое обычное расстройство желудка. Но я пообещал сразу же приехать.

— Так вы что, продолжаете работать на выездах?

— Только в экстренных случаях, моя дорогая. В наших краях не так-то много врачей. Впрочем, пациентов тоже не особенно много. — Доктор чуть хохотнул, но затем его голос снова зазвучал серьезно. — Так ты говоришь, что находишься сейчас на станции? Я пошлю мисс Пламмер. У тебя много багажа?

— Только дорожный чемодан. Остальное прибдет пароходом.

— Пароходом?

— Но я же об этом писала.

— Ну да, конечно же. Впрочем, неважно. Мисс Пламмер сразу же выезжает к тебе.

— Я буду ждать ее на платформе.

— Как, как? Говори громче, я плохо слышу.

— Я сказала, что буду ждать ее на платформе.

— О, — доктор снова чуть хохотнул, — у нас здесь небольшая вечеринка.

— А я не помешаю? Я хочу сказать, раз вы меня не ждали...

— Ни в коем случае! Они к тому времени уже разойдутся. А ты жди мисс Пламмер.

В трубке послышались гудки, и Натали вернулась на платформу. Удивительно быстро показался автомобиль, который съехал с дороги и подкатил прямо к зданию станции. Из него вышла высокая худая женщина с седоватыми волосами и замахала рукой.

— Идите сюда, дорогая моя, — послышался ее голос. —

Садитесь, а я пока запихну это в багажник. — Она подхватила чемодан Натали, кинула его в машину. — Ну что, уселись? Значит, трогаемся!

Даже не дождавшись, когда Натали захлопнет дверь, решительная мисс Пламмер нажала на газ, и машина снова выехала на дорогу.

Стрелка спидометра почти сразу же подскочила к восьмидесяти, и Натали невольно съежилась. Мисс Пламмер заметила это.

— Извините, но когда доктор уезжает, мне нельзя долго отсутствовать.

— Ну да, конечно, гости ведь... Он сказал мне.

— Правда? Мисс Пламмер резко повернула руль на перекрестке, шины пронзительно заверещали в знак протеста, но на них никто не обратил внимания. Натали подумала, что за беседой сможет как-то избавиться от волнения, которое вызвала у нее эта езда.

— А что за человек мой дядя? — спросила она.

— Так вы его никогда не видели?

— Нет. Мои родители переехали в Австралию, когда я была совсем маленькой. Это мой первый приезд в Англию. по правде сказать, я и из Канберры-то ни разу не выбиралась.

— Родные тоже приехали с вами?

— Нет, два месяца назад они попали в автомобильную катастрофу, — произнесла Натали. — А разве доктор вам не рассказывал?

— Боюсь, что нет. Видите ли, я недавно у него работаю, — мисс Пламмер издала какой-то резкий звук, словно хохотнула, отчего машина неожиданно дернулась в сторону. — Значит, авария, говорите? Некоторых людей вообще нельзя к рулю подпускать, так, во всяком случае, доктор говорит.

Она повернула голову и посмотрела на Натали.

— Насколько я поняла, вы намерены остаться у него?

— Да, конечно. Он написал мне, когда его назначили моим опекуном. Поэтому мне и хотелось бы узнать, что он за человек. По письмам ведь так трудно получить представление о человеке. — Худое лицо женщины молчаливо склонилось в знак согласия, тогда как Натали явно потянуло к откровениям. — По правде сказать, я все еще чуточку не в себе. Дело в том, что раньше я никогда не имела дело с психиатрами.

— В самом деле? — мисс Пламмер повела плечами. — Что ж, вам повезло. Зато я повидала нескольких. Больно уж самоуверенные они, как мне кажется. Впрочем, доктор Брэйсгёрдл мне представляется одним из лучших. Либеральный такой.

— Насколько я поняла, у него достаточная практика?

— Ну в подобного рода пациентах недостатка нет, — задумчиво проговорила мисс Пламмер. — Особенно среди состоятельных. Мне кажется, доктор неплохо устроился. Дом и все такое, впрочем, сами увидите. — Машина резко вильнула в сторону и вписалась в створ внушительного вида ворот, за которыми простиралась широкая дорога, ведущая к громадному зданию, видневшемуся в окружении высоких деревьев. Сквозь щели в закрывающих окна ставнях пробивался яркий свет, которого оказалось достаточно, чтобы Натали смогла разглядеть богатое убранство фасада дядюшкиного дома.

— О, Бог мой... — чуть слышно пробормотала она.

— Что случилось?

— Гости — сегодня ведь суббота. А я такая, прямо после дороги...

— Пусть вас это не волнует, — заверила ее мисс Пламмер. — Здесь все без формальностей. Доктор мне так прямо и сказал, когда я к нему приехала. Этот дом будет вашим вторым домом.

Мисс Пламмер снова издала резкий гортанный звук и нажала на тормоза, в результате чего машина припарковалась вплотную за шикарным черным лимузином.

— Ну, пошли! — Мисс Пламмер ловко подхватила с заднего сиденья чемодан Натали и понесла его вверх по ступеням, кивком головы приглашая гостью следовать за собой. У дверей она немного замешкалась в поисках ключей.

— Стучать нет смысла, — сказала она. — Все равно не услышат.

Когда она наконец распахнула дверь, первое впечатление, сложившееся у Натали о доме, полностью подтвердилось. То, что слышалось ей в телефонной трубке как некий звуковой фон, теперь выдвинулось на первый план. Она продолжала в нерешительности стоять у порога, когда мисс Пламмер жестом пригласила ее войти.

— Ну, давайте, давайте! — добавила женщина.

Натали покорно шагнула вперед и услышала звук немного оробев от необычной яркости внутреннего убранства помещения.

Натали пошла вперед по направлению к лестнице, на ходу окинув взглядом приемную. За длинным столом восседало не меньше дюжины гостей, излишне раскованные действия которых свидетельствовали о том, что они не только прекрасно знали друг друга, но также успели ознакомиться с содержимым бутылок, щедро расставленных перед ними. А кто-то, судя по громкому смеху, даже злоупотребил гостеприимством доктора.

Натали поспешно пересекла холл, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания. Взглянув через плечо, она ожидала увидеть идущую за ней мисс Пламмер с чемоданом в руке. Та действительно шла за ней, но в руках у нее ничего не было. Когда Натали подошла к лестнице, женщина покачала головой.

— Вы разве хотите сразу подняться наверх? — пробормотала она. — А не лучше ли сначала представиться гостям?

— Но я думала немного освежиться...

— Позвольте уж мне позаботиться о вас и привести вашу комнату в порядок. Доктор ведь ни о чем не предупредил меня.

— Стоит ли? Я просто хотела умыться и...

— Доктор придет в любую минуту. Подождите его, — Она вцепилась в руку Натали и с той же решимостью, с которой не так давно управляла машиной, повела ее за собой в ярко освещенный холл.

— А это — мисс Натали Риверс, — объявила она, — племянница доктора. Она приехала из Австралии.

Несколько гостей повернулись в их сторону, хотя голос мисс Пламмер был едва различим на фоне общего гула. К Натали шатающейся походкой приблизился невысокий толстячок с полупустым стаканом в руке.

— Ах, так вы из Австралии, — воскликнул он, протягивая свой стакан. — И, наверное, хотите выпить. Вот, берите, я себе еще возьму. — Прежде чем Натали успела что-то сказать, он повернулся и присоединился к сидящим вокруг стола людям.

— Майор Хэмилтон, — прошептала ей на ухо мисс Пламмер. — Обычно такой душка, хотя сейчас немного под мухой.

Когда мисс Пламмер отошла, Натали с сомнением посмотрела на зажатый в руке стакан. Она явно не знала, как от него избавиться.

— Позвольте вам помочь, — проговорил седовласый мужчина с черными усами и изысканными манерами, забирая у нее стакан.

— Спасибо.

— Не за что. Извините, но вам придется простить майора. Веселье, вы ведь понимаете. — Он кивком головы указал в сторону женщины в платье с большим декольте, которая оживленно беседовала с тремя смеющимися мужчинами. — У нас сегодня своего рода прощальное торжество.

— Ах, вот вы где! — невысокий человечек, представленный мисс Пламмер как майор Хэмилтон, снова очутился перед ними с новым бокалом в руке и свежей улыбкой на

румяном лице. — Я снова здесь, — объявил он. — Вроде бумеранга, вот так.

Он громко рассмеялся и неожиданно умолк.

— У вас же в Австралии есть бумеранги, не так ли? Немало повидал вашего брата австралийца недалеко от Турции. Ну конечно, давно это было, вас тогда еще и на свете...

— Пожалуйста, майор, — высокий мужчина улыбнулся Натали. Было в его облике что-то успокаивающее и странно знакомое. Натали гадала, где же она могла видеть его раньше. Она подождала, пока он подошел к майору и взял у него из рук стакан.

— Эй, послушайте-ка... — пробормотал майор.

— Старина, с вас уже достаточно. А кроме того, вам, наверное, пора идти.

— Один в долгом пути... — пробормотал майор, оглядываясь вокруг и воздевая руки в мольбе. — А остальные будут пить! — Он попытался было отобрать свой стакан, но высокий мужчина остановил его. Улыбнувшись Натали через плечо, он отвел коротышку в сторону и стал что-то убежденно говорить ему на ухо, тот в ответ лишь энергично и пьяно кивал.

Натали огляделась. Никто не обращал на нее ни малейшего внимания, за исключением разве лишь довольно пожилой женщины, в одиночестве сидевшей на стуле за пианино. Она вперила в Натали неподвижный взгляд, отчего девушка почувствовала себя как человек, незвано вторгшийся на чужое торжество. Она резко повернулась и снова увидела женщину в платье с глубоким декольте. Сразу же вспомнив про свое желание переодеться, она принялась высматривать мисс Пламмер, но той нигде не было видно.

Натали подошла к лестнице, поднялась на несколько ступенек.

— Мисс Пламмер! — позвала она.

Ответа не было.

Краем глаза она заметила, что дверь с противоположной стороны холла была раскрыта, точнее, открывалась именно в тот момент, когда Натали смотрела на нее, и оттуда вышла мисс Пламмер с ножницами в руках. Не успела еще Натали открыть рот, чтобы вторично позвать мисс, как та поспешно скрылась в противоположном направлении.

Девушка с любопытством заглянула в комнату, которая, по всей видимости, была кабинетом ее дядюшки. Комната была уютная, вся уставленная шкафами с книгами и кожаной мебелью, стоявшей преимущественно вдоль стен. В дальнем углу она увидела специальную кушетку, рядом — большой стол из красного дерева. Поверхность стола была абсолютно

пустой, если не считать телефонного аппарата, от которого до самого пола свисала петля из тонкого коричневого провода.

Что-то странное было в этой петле, и, не отдавая себе отчета в том, что делает, она быстро вошла в комнату и стала пристально разглядывать привлечший ее внимание предмет.

Наконец она поняла, что именно заинтересовало ее, — петля эта была свита из телефонного провода, отрезанного от розетки в стене.

— Мисс Пламмер! — тихонько пробормотала Натали, вспоминая выходящую из комнаты женщину с ножницами в руках. Но зачем ей понадобилось отрезать телефонный провод?

Натали обернулась и увидела входившего в комнату высокого элегантного мужчину.

— Телефон не понадобится, — произнес он, словно читая ее мысли. — Я же сказал вам, что это будет своего рода прощальное торжество. — Он сдавленно засмеялся.

И снова Натали уловила что-то странно знакомое. И вдруг она поняла — точно такой же смех она слышала, когда разговаривала по телефону с железнодорожной станции.

— Вы, очевидно, шутите! — воскликнула она. — Ведь вы — доктор Брэйсгёрдл, не так ли?

— Нет, моя дорогая, — проговорил он и прошел мимо нее вглубь комнаты. — Вас просто никто не ждал. Мы собирались уже уходить, когда вы позвонили. Надо же было сказать что-то.

Наступила гнетущая тишина.

— Но где мой дядя? — наконец воскликнула Натали.

— Вот здесь.

Натали поймала себя на мысли, что стоит рядом с высоким мужчиной, устремив взгляд на пол, точнее на то, что лежало на полу между спинкой кушетки и стеной. Через мгновение силы оставили ее.

— Да, грязно все получилось, — кивнул мужчина. — Но вы же понимаете, что это было так неожиданно, я имею в виду представившийся случай. А потом все набросились на напитки...

Его голос эхом отозвался по всей комнате, и Натали поняла, что шум в гостиной стих. Подняв голову, она увидела, что все «гости» стоят у двери и смотрят на них.

Затем ряды разомкнулись, и в комнату быстро вошла мисс Пламмер в нелепой меховой горжетке, накинутой поверх мятого, неряшливо надетого халата.

— О, Боже ты мой! — воскликнула она. — Значит, нашли все-таки!

Натали кивнула и сделала шаг вперед.

— Но вы должны же что-то сделать. Пожалуйста!

— Ну конечно же, остальных вы не видели. Сотрудники доктора. Они там, наверху — печальное зрелище.

Комната наполнялась мужчинами и женщинами, которые молча столпились за спиной мисс Пламмер.

Натали с мольбой обратилась к ним.

— Но ведь такое мог сотворить только безумец! — воскликнула она. — Его место в сумасшедшем доме!

— Мое дорогое дитя, — пробормотала мисс Пламмер, быстро захлопывая дверь и запирая ее на замок, тогда как стоявшие вокруг люди молча двинулись вперед. — Это и есть сумасшедший дом.

РАССКАЗ О ДЕВУШКЕ ИЗ ПРОВИНЦИИ

Кларк Клеменс

День выдался чудесный. Анни лихо крутанула руль своего «ягуара», умело вписавшись в поток машин, заполонивших центральную площадь города. Слегка притормозив у будки регулировщика, Анни искоса посмотрела на него — все правильно, так и должно было быть: вытаращенные глаза, напрягшаяся фигура, фуражка чуть не падает с затылка. Наверное, есть женщины и покрасивее, но сексуальнее — нет, в это Анни никак не хотелось верить. Ну и вечерочек будет, можно себе представить! Впрочем, свое она уже выстрадала — чуть не целый год обивала пороги этих чопорных бонз, не желавших подчас даже взглянуть на фигурку двадцатилетней провинциалочки из Милвуда.

Да, скоро ровно год, как она приехала в Лос-Анджелес. Началось все как нельзя более ординарно и, если хотите, даже бездарно. Бесконечные шатания туда-сюда по пыльным, людным улицам, бесплодные визиты в офисы продюсеров, робкие попытки соблазнить полнеющих обитателей «олдсмобилей» и «бьюиков». Каждое утро она не без труда влезала в узенькие джинсы, которые мгновенно преображали ее в общем-то скромненькую фигуру в некое воплощение завлекающей плоти. Мужчины, естественно, начинали пялить глаза, но именно этого ей и надо было.

Милвуд казался ей сущим адом — провинция, рутина, скукота. Если же к этому добавить каждодневные стычки с родителями, старавшимися во чтобы то ни стало вдолбить дочке душеспасительные принципы добродетели, то станет понятно, почему она при первой же возможности постаралась смыться оттуда. Правда, перед этим произошел еще один инцидент...

Звали его Джонни. Днем он играл в местной футбольной команде, а вечерами поигрывал с Анни. К своему роману с ним она относилась в общем-то весьма непритязательно, но встретив однажды его со своей лучшей школьной подругой, причем не где-нибудь на улице или в кафе, а в той самой квартире, куда он приводил и ее саму, Анни приняла решение, что больше не останется здесь и дня. И вот, добравшись на автобусе до Лос-Анджелеса, а оттуда до Голливуда, она оказалась в сказке своего детства.

Молодые таланты редко проникают в чрево такого города как Лонс-Анджелес, не содрав при этом себе локти и колени, даже если обладают такой фигурой, как у Анни. Впрочем, заметили ее довольно быстро — это были неуклюжие, потные владельцы «бьюиков» и «поршей», для виду грациозно распахивавшие перед ней дверцы своих машин, но никогда при этом не выходившие наружу. Постепенно ее клиентура помолодела — попадались даже сорокалетние кинобонзы, один за другим помогавшие Анни приблизиться к внутреннему миру всемогущих воротил бизнеса, способных сделать счастливой почти любую девушку на свете.

С одним из таких типов она и встретилась сегодня. Звали его Винс, и он сказал Анни, что имеет отношение к финансированию нового боевика, о котором без умолку болтали на всех уголках Голливуда. Подвез ее туда один молодой режиссер, также, кстати, работавший над этим фильмом и, видимо, решивший таким образом отблагодарить щедрого продюсера. Впрочем, Анни не возражала.

Дом, облик и манеры Винса в общем-то ее устраивали. Пообедали они в декодированной в довольно строгих тонах гостиной, после чего перешли в кресла на рюмку коньяка. Затем Винс проводил ее в «комнату для игр».

Комната эта оказалась в подвале. Поначалу Анни ужаснулась при виде свисавших со стен кнутов, стальных браслетов, цепей и нагаек, но Винс довольно умело убедил ее в абсолютной безвредности этих «игрушек», особенно если они окажутся, как он выразился, в умелых руках.

Следовало признать, что сама Анни, а точнее — ее тело — интересовали Винса лишь постольку-поскольку: главное внимание привлекала ее реакция, причем чем больше она кричала, молила и рыдала, тем больше он входил в раж. Процедура продолжалась не более получаса, и довольно скоро Анни удалось вырваться из обители игривого продюсера, чему она оказалась несказанно довольна. Что и говорить, встречи с подобными садистами особого удовлетворения ей не доставляли.

В тот вечер впервые за все свое пребывание в Лос-Анджелесе она долго не могла заснуть. Ей вспомнился родительский дом, старик-отец, помятая трава у крыльца и солнце — чудесное, нежное, мягкое солнце Милвуда. Она так размышлялась, что даже не заметила, что глаза ее во второй раз за этот день наполнились слезами, но на сей раз уже совсем по другому поводу. В какой-то миг она была уже готова бросить к дьяволу все свои попытки добиться счастья на стезе киносинематографии и вернуться домой.

Лежа так, с полужакрытыми глазами, Анни услышала сла-

бый телефонный звонок, доносившийся из прихожей ее крошечной квартирки.

— Алло? — услышала она мягкий, но достаточно уверенный голос. — Это Анни?

— Да, это я.

— Прекрасно. Я звоню вам по поручению своего особого клиента, который просил меня передать вам, что был бы счастлив, если бы вы нашли время посетить его завтра вечером — он устраивает своего рода развлечение для избранных.

Анни заколебалась — после сегодняшнего приключения она решила впредь поступать осторожнее.

— Все будет в полном порядке, — продолжал увещевать ее тот же голос. — Включая утренние покупки и ваш собственный автотранспорт. Если не раздумаете в последнюю минуту, все это будет вашим.

— Мой транспорт? Что вы имеете в виду?

— Автомобиль. «Ягуар» вас устроит?

Так вот оно какое, это «великое время», о котором она мечтала все эти дни в Голливуде. Вот оно, ее счастье! Подвалило все-таки, никуда не делось. Разверзлись его ворота и для нее: деньги, туалеты, свой дом, слуги — одним словом, много беззаботных и радостных дней, месяцев, лет. Ладно, сегодняшний вечер не в счет. В конце концов, без издержек не проживешь.

— Ну так как? — поинтересовался голос на другом конце провода.

— Годится. Я согласна.

— Отлично. Тогда завтра в десять. Спокойной ночи.

Анни уселась в кровати и туповато уставилась на стену. Комната плавала в темноте, и ей показалось, что она просто видит сон. Конечно, она не знает этого типа, но сколько ее подруг пробились в жизнь именно через незнакомых людей.

На следующий день ровно в девять утра раздался звонок. Анни открыла дверь и увидела перед собой одетого чуть ли не в ливрею шофера. Шикарным жестом он предложил ей следовать за ним.

У подъезда стоял темно-вишневый «кадиллак». Анни ловко юркнула внутрь машины и опустилась на нежный велюр обшивки. Автомобиль мягко тронулся с места, и буквально через десять минут молчаливый шофер доставил ее ко входу в один из самых шикарных магазинов готовой одежды.

— Я подожду здесь, — сказал водитель. — Спросите там Жана.

Жан оказался высоким худощавым красавчиком, явно нашедшим свое место в жизни умелым ублажением преуспевающих кинодельцов и их спутниц. Старые, молодые, краси-

вые, уродливые, знаменитые и начинающие — все они встречали живейшее участие со стороны этого лощеного управляющего.

Глаза Анни бегали по сторонам, как на рождественской елке; она беспрестанно что-то трогала, гладила, ощупывала или просто смотрела на шелк, меха, кожу. В конце она остановила свой выбор на отделанном норкой полупрозрачном пеньюаре, который, как ей показалось, был создан специально для нее. Жан услужливо упоковал коробку в шелковистую бумагу и сам же выписал чек. Пеньюар обошелся магазину в полторы тысячи долларов.

Шофер, поджидавший Анни, отвез ее домой. Выйдя из машины, Анни едва не завизжала от восторга: после того подарка, который она получила десять тысяч назад, можно было ожидать многого, но золотого цвета «ягуар» оказался выше самых смелых ее мечтаний. Шофер кивнул головой, но не улыбнулся — вместо этого он лишь протянул ей ключи от машины.

— Будьте там в десять, — проговорил он. — Адрес на сиденье. — С этими словами он снова сел за руль «кадиллака» и исчез, оставив Анни наедине со своим великолепным подарком.

Прошло все лишь три часа, даже меньше, с того момента, как Анни вышла из дома, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы она превратилась в самую счастливую девушку на свете. Роскошный пеньюар, машина, приглашение на вечеринку — и все сразу. Правда, мир — это не только вещи и машины, это еще и люди. Анни мечтала оказаться в окружении блестящих улыбающихся мужчин, грациозных и шикарных женщин, ей хотелось почувствовать на себе их ревнивые взгляды. Что ж, она стояла на пороге свершения всех своих желаний, на пороге в рай.

Лос-Анджелес окутал теплый, сухой вечер. В этих краях темнело довольно быстро. Анни вся извелась, дожидаясь, когда же настанет заветный час и можно будет начать собираться. Оделась она быстро, хотя и очень старалась; напоследок окинув взглядом себя в зеркале, осталась довольна. Она знала, что выглядит хорошо, и потому имела все основания надеяться на успешное завершение того магического круга, начало которому было положено около года назад.

Громадный особняк словно гигантская птица распростер свои крылья на вершине холма. Издали он чем-то походил на фантастический замок. Пока она поднималась по ступенькам лестницы к дубовой парадной двери, свет над входом зажегся и навстречу ей вышел пожилой слуга. Когда Анни

приблизилась, он внимательно посмотрел на нее и, не говоря ни слова, отошел в сторону, ступая дорогу.

Войдя внутрь, девушка оказалась в комнате с высоким сводчатым потолком. На стенах на уровне ее головы были укреплены старинные канделябры, отбрасывавшие на пол, прямо под ноги Анни, мягкий свет. Неподдалеку от них она разглядела несколько портретов и пейзажей — тоже, видимо, старинных, поскольку при столь скудном освещении на них нельзя было разобрать ни единой детали.

В присланном приглашении имена не указывались, и теперь Анни пришлось гадать, с кем же ей придется сегодня встретиться. Убранство помещения, в котором она оказалась, также едва ли могло помочь ей в разрешении этой загадки. Можно было сделать вывод лишь о том, что владелец особняка богат, женат и с нетерпением ждет того момента, когда сможет потратить на нее, Анни, кучу денег, что, впрочем, он уже начал весьма успешно делать. Хотя, если разобраться, ей было достаточно и этого, а все нужные справки можно будет навести потом.

Так она стояла в громадной почти пустой комнате, крутя головой из стороны в сторону, когда в дальнем конце зала открылась дверь и вошел мужчина. Его внешность несколько обескуражила Анни, во всяком случае она рассчитывала увидеть нечто иное. Перед ней стоял низенький, чуть кособокий и чересчур грузный человек, у которого, казалось, не было шеи, а голова сидела прямо на покатых плечах. Его иссиня-черные волосы, зализанные назад, резко контрастировали с желтоватой бледностью лица.

— Привет, Анни, — проговорил он, продолжая рассматривать ее с головы до ног. — Рад видеть вас здесь. Меня зовут Виктор.

Анни пожала холодную руку, стараясь поскорее высвободить свою ладонь — ей не понравилось прикосновение этого человека, кожа которого производила впечатление чего-то неживого.

— Не будете ли вы любезны пройти со мной? — он повернулся и рукой указал на дверь, из которой сам только появился.

Они прошли через такой же громадный зал, весь заставленный креслами, после чего по лестнице спустились вниз, как показалось Анни, почти в подвал, и наконец оказались в небольшой комнате с диванчиками и камином.

— А я думала, что это будет вечеринка, — несколько обескураженно проговорила девушка, принимая из рук Виктора бокал с коньяком.

— А это и есть вечеринка, дорогая. Только особый вид вечеринки, который, уверен, не оставит вас равнодушной.

Анни неожиданно почувствовала укол беспокойства. Она мечтала о роскоши, о блеске красоты, а теперь получалось, что даже с учетом нарядов и машины все оборачивается самой обычной оргией в компании щедрого извращенца. Впрочем, чего уж там, все равно это лучше, чем липкие лапы жиреющих голливудских скупердяев где-нибудь на заднем сиденье машины.

— Пожалуйста, пройдемте сюда, — проговорил Виктор. — Вечеринка скоро начнется. — Он посмотрел на Анни, и той показалось, что во всем его облике было не так уж много по-настоящему человеческого.

Они снова шли по каким-то лестницам и переходам, пока наконец не оказались в маленькой комнатухе с большим экраном на стене. Четверо мужчин — все в годах, шикарно разодетые, с дорогими сигарами в зубах, сидели в мягких креслах, стоящих несколько на расстоянии друг от друга.

— Джентльмены, позвольте представить вам Анни! — торжественно проговорил Виктор.

Те разом кивнули, вынули сигары изо рта и что-то пробурчали в ответ.

— Пожалуйста, Анни, присаживайтесь, — Виктор кивнул головой в сторону одного из кресел.

— О'кей, — покорно проговорила девушка. — «Что ж, — подумала она, — этого и надо было ожидать. Пара-тройка бесстыдных фильмов, потом — стриптиз с ее, Анни, участием, и опять их похотливые лапы потянутся к ней. Да ладно уж, это еще не самое худшее — деньги-то какие платят!».

Виктор сел где-то позади. Мужчины в креслах, казалось, застыли в каких-то странных позах, никто из них не принимал даже попытки заговорить с соседом.

«Ну и влипла же я, — подумалось Анни. — Ничего себе, хорошенькая вечеринка!».

Начался фильм. Звука не было. Наблюдая за действием в течение первых пяти минут, Анни не нашла в нем ничего для себя нового или неожиданного. Ей не раз приходилось видеть подобное и раньше, правда, не с такими красивыми актерами, да и техника исполнения была прекрасной, даже изысканной. Главная героиня — очаровательная блондинка с длинными, распущенными по плечам волосами; ее партнер, молодой, поджарый парень с черными глазами и густыми бровями, обходился с ней в общем-то по-человечески, без издевательств. Потом к ним присоединились еще двое мужчин, и тут же блондинке пришлось постараться.

Анни нравился фильм, показалась интересной фантазия его авторов и исполнителей. Краем глаза она заметила, ее

престарелые соседи также разделяют эти чувства. В конце концов, реальная тема фильма сидела рядом с ними, смотрела на тот же экран и после окончания просмотра она, как говорится, будет полностью к их услугам. Вот тогда-то они постараются продемонстрировать все, на что способна их фантазия!

Анни постепенно начала менять к лучшему свое отношение к происходящему на этой «вечеринке». Время от времени прикладываясь к коньяку, она даже стала лаконично комментировать происходящее на экране, что явно было по душе сидящим мужчинам. Пара ее двусмысленных фраз привела их в буйный восторг, если слово «буйный» было вообще применимо к людям их возраста. Во всяком случае, они еще больше оживились: ладони заплясали по ляжкам, сигары агрессивно запыхтели, выпуская поперек луча проектора сизые клубы дыма.

Вся в ожидании этого вечера, Анни так и не перекусила после завтрака, и коньяк, естественно, быстро подействовал на нее: она почувствовала легкость в голове и во всем теле. Кроме того, она была чуть ли не в восторге от фильма и охотно приступила бы к своей основной работе. Однако через несколько секунд на экране появилось нечто такое, во что она поначалу никак не могла — или не хотела? — поверить.

Блондинку начали хлестать кнутом. Это был явно не бутафорский кнут из бумажных бечевки, нет, это был настоящий жокейский хлыст, ритмично опускавшийся на ее прекрасную спину. Вот еще раз, опять, опять, опять — и блондинка зашлась воплем: даже немое кино позволяло осознать и прочувствовать ступень реальной, неподдельной боли живого существа. Шершавая кожа хлыста с надсадной силой впивалась ей в спину, бока, грудь, с каждым ударом оставляя все новые и новые пунцовые потеки и ссадины.

Анни не могла вымолвить ни слова, вся подавшись вперед, неспособная оторваться от этого чудовищного зрелища. Она все еще отказывалась верить в реальность происходящего, хотя и понимала, что даже с учетом совершенства современной кинематографической техники таких комбинированных съемок пока никто не придумал.

— Виктор... — прошептала она.

— Тс-ссс, — негромко проговорил Виктор откуда-то сзади, — ей же нравится это, разве вы сами не видите?

— Но послушайте, Виктор...

— Заткните свой поганый рот и дайте досмотреть это произведение, — зашипел один из стариков, повернув в ее сторону искаженное гневом и дикой страстью лицо. Если и раньше в его физиономии было мало приятного, то сейчас он стал похож на старого бульдога.

Анни поехала и устало откинулась на спинку кресла. Ей показалось, что в комнате похолодало и стены как будто двинулись на нее со всех сторон. Она огляделась и увидела вокруг себя незнакомые лица: искаженные физиономии стариков, их выпученные глаза, криво стиснутые челюсти. Сейчас они уже не походили на самих себя. И до этого полуживые, теперь они воплощали облик смерти, впавшей в последний раж дикой, безудержной пляски безумия. Анни уже не могла сдержать охватившей ее дрожи.

В этот момент на экране появился мужчина с блекло-коричневыми, никак не карими глазами. В руках он держал массивный топор.

Медленно подойдя к девушке сзади, он занес топор над ее обезумевшим от ужаса лицом — вот она, судьба!

Девушка застыла недвижима.

С привычной методичностью профессионала топор опустился на ее шею. Одним ударом голова была отделена от туловища, и тягучая струя густой, даже на экране казавшейся липкой крови брызнула, хлестнула, полилась из перерубленных сосудов. Мужчина с блеклыми глазами проворно наклонился, подхватил ее за волосы, высоко поднял и странными движениями, словно играя или лаская, провел своим носом по неровно свисающим кусочкам кожи и мышц, потом поднес это кровоточащее месиво ко рту. Пухлые губы жадно впивались в мертвеющую ткань, зубы нервно затеребили сосуды, заскребли по остаткам позвоночника, превращая их из багрово-красных в мертвяще-палевые, как в мясной лавке...

Экран погас, и в комнате воцарилась тишина. Мужчины встали со своих мест и уставились на Анни.

Та сидела, не шевелясь

Прямо перед ней раскрылась дверь, и двое молодых людей вкатили большую кинокамеру, оснащенную по краям внушительного вида софитами. За ними следом вошел еще один мужчина — с хлыстом.

И наконец появился другой — худощавый, с блекло-коричневыми глазами, дерзкой и одновременно усталой ухмылкой на лице. В руках он нес какой-то длинный предмет...

Сердце Анни упало. Она, как кукла в магазине, тупо взидала на происходящее, потому что знала, что это — последние живые существа, которых ей суждено увидеть на этом свете.

ДОМ УЖАСОВ

Сибири Куин

— **Ч**ерт побери, осторожнее, Траубридж! — предостерег Жюль де Гранден, когда мою машину занесло на мокрой от дождя дороге и она едва не стукнулась о бордюрный камень. Я отчаянно закрутил рулем и тихо выругался, тщетно стараясь хоть что-то разглядеть сквозь пелену дождя.

— Плохо дело, друг, — признался я, поворачиваясь к своему спутнику, — мы заблудились. Определенно заблудились.

Он коротко рассмеялся.

— Вы что, только что догадались об этом? Я знал это уже добрых полчаса.

Сбросив газ до минимума, я медленно ехал по бетонной дороге, стараясь через залитое струями дождя стекло разглядеть хоть какой-нибудь дорожный знак, но видел перед собой лишь черную, непроглядную тьму.

Два часа назад де Гранден и я, откликнувшись на настойчивый телефонный звонок, покинули мой уютный теплый кабинет и выехали из дома, чтобы навестить больного ребенка. Из-за дождя и кромешной тьмы я сбил с дороги и все последние полтора часа чувствовал себя как ребенок, заблудившийся в глухом лесу.

— Боже правый! Свет! — воскликнул де Гранден, хватая меня за руки своими маленькими, крепкими пальцами. — Видите, вон там, вдалеке? Быстро пошли туда. Любая самая жалкая лачуга сейчас лучше, чем этот проклятый дождь.

Я посмотрел в указанном направлении и увидел слабый мигающий огонек, пробивавшийся сквозь пелену дождя метрах в двухстах от нас.

— Пожалуй, вы правы, — согласился я, вылезая из машины. — Мы потеряли уже столько времени, что едва ли чем-то смогли бы помочь этому ребенку. Кроме того, возможно, там нам укажут правильную дорогу.

Ступая по многочисленным лужам, напоминавшим небольшие озера, то и дело спотыкаясь, насквозь промокшие от проливного дождя мы продолжали идти на свет и наконец оказались перед большим домом из красного кирпича, фасад которого украшало внушительного вида крыльцо с белыми колоннами. Из веерообразного оконца над дверью и двух высоких окон, расположенных по обеим ее сторонам, вырывались лучи яркого света.

— Ну надо же, какая улыбка фортуны, — проговорил де Гранден, поднявшись на крыльцо, и постучал в дверь полированной бронзовой ручкой.

Я стоял, в задумчивости нахмутив лоб, тогда как он принялся стучать во второй раз.

— Странно, но я никак не могу припомнить этого дома, — пробормотал я. — Мне казалось, я знаю все строения на тридцать миль вокруг, но это явно новый...

— Бог ты мой! — прервал меня де Гранден. — Всегда вам, Траубридж, надо вылить на человека ушат холодной воды. Сначала вы твердите о том, что мы заблудились, а теперь, когда я, Жюль де Гранден, нашел убежище от этого проклятого дождя, вам вдруг взбрело в голову тратить время на раздумья по поводу того, почему вы не знаете этот дом. Клянусь, если бы не я, вы бы не переступили его порога, так как заранее не представлены хозяину.

— Но я же должен был знать про этот дом, — запротестовал я. — В конце концов, такое внушительное строение...

Мои разглагольствования были прерваны резким щелчком замка, и большая белая дверь распахнулась перед нами.

Мы вошли и, сняв мокрые шляпы, повернулись, чтобы поблагодарить встретившего нас человека.

Я замер с открытым ртом.

— Черт побери! — де Гранден в растерянности смотрел на меня.

Насколько можно было судить, кроме нас двоих в роскошном холле этого дома никого не было. Прямо перед нами простирался длинный коридор. Паркетный пол в нескольких местах был устлан дорогими восточными коврами. На белых стенах висели масляные портреты представительного вида людей, а потолок украшали прекрасные фрески. В дальней части холла начиналась изящная резная лестница, уходившая вглубь здания. Все это внушительное помещение было освещено свечами в стеклянных канделябрах, а гостеприимное мерцание огня в высоком камине из белого мрамора создавало ощущение уюта. Тем не менее ни единой живой души мы не обнаружили.

Клик! Тяжелая наружная дверь у нас за спиной бесшумно повернулась на хорошо смазанных петлях, а автоматический замок довершил дело, крепко соединив ее с косяком.

— Чтоб меня черти взяли! — возбужденно пробормотал де Гранден, хватаясь за посеребренную ручку двери и отчаянно дергая ее. — Смотрите, Траубридж, заперто! Пожалуй, действительно лучше было бы нам остаться там, под дождем!

— Вот уж в этом я с вами никак не соглашусь, мой дорогой

сэр, — донесся до нас с лестницы мягкий низкий голос. — Ваш приход был ниспослан мне самим Господом Богом.

Тяжело опираясь на крепкую трость, к нам приближался весьма привлекательной внешности мужчина в пижаме и халате. На голове его красовалась пестрая шелковая шапочка, на ногах были шлепанцы из мягчайшего сафьяна.

— Вы врач, сэр? — спросил он, бросив взгляд на медицинский саквояж в моей руке.

— Да. Меня зовут Сэмюэл Траубридж, я работаю в Хэрисонвилле, — ответил я. — А это доктор Жюль де Гранден из Парижа, мой гость.

— О, я очень, очень рад приветствовать вас в Мэрстонхолле, господа! — воскликнул наш хозяин. — Видите ли, дело в том, что одна... э... моя дочь заболела, а я из-за своей дряхлости и отсутствия телефона не могу пригласить к ней врача. Я умоляю вас осмотреть мое бедное дитя... Разумеется, вы можете полностью рассчитывать на мое гостеприимство. Прошу вас, снимите плащи... — Он выжидающе умолк. — О, благодарю вас... — увидев, что мы бросили нашу промокшую одежду на спинку стула, добавил он. — Не будете ли вы любезны пройти сюда.

Вслед за ним мы поднялись по лестнице, прошли по коридору и очутились в обставленной со вкусом комнате, где на кровати среди груды крошечных подушек лежала девушка лет пятнадцати.

— Анабель, Анабель, любовь моя, вот два доктора хотели бы осмотреть тебя, — мягко проговорил старый джентльмен.

Девушка устало и несколько раздраженно повернула свою белоую головку и тихо всхлипнула во сне, ничем более не подтвердив того, что осознает наше присутствие.

— И каковы же симптомы, месье? — поинтересовался де Гранден, завернув манжеты и готовясь к осмотру.

— Она спит, — ответил наш хозяин, — просто спит. Недавно она переболела гриппом, и с тех пор у нее периодически повторяются приступы продолжительного сна. Мне даже не удается разбудить ее. Может, у нее началась сонная болезнь? Мне говорили, что после гриппа такое иногда случается.

— Гм-м...

Маленькие, гибкие руки де Грандена проворно ощупали шею девушки за ушами, скользнули по области яремной выемки, после чего он озадаченно взглянул на меня.

— Траубридж, у вас случайно нет с собой настойки опия и аконита? — спросил он.

— Есть морфин и аконит, а вот опия нет.

— Неважно, — он нетерпеливо махнул рукой и начал копать в моем саквояже, из которого вскоре извлек два

маленьких флакончика. — Вполне сойдет и это. Месье, могу я попросить вас принести немного воды? — обратился он к хозяину дома.

— Но позвольте, де Гранден... — начал было я и тут же ощутил толчок его обувью в жесткий башмак ноги. — Вы действительно полагаете, что это лекарство подойдет? — запинаясь, закончил я фразу.

— Ну да, разумеется, — проговорил он. — В данном случае это лучшее. Пожалуйста, месье, воды, — повторил он, обращаясь к отцу.

Я в замешательстве смотрел на него, не в состоянии скрыть своего изумления, тогда как он извлек из каждого пузырька по одной пилюле и быстро растер каждую из них в порошок. Старый джентльмен тем временем наполнил водой стакан из кувшина, стоявшего на умывальнике в дальнем конце комнаты. Мой друг не хуже меня ориентировался в содержании моего саквояжа и прекрасно знал, что мои медикаменты помечены номерами и не имеют каких-либо этикеток. От меня не ускользнуло, что он умышленно оставил без внимания флаконы с морфином и аконитом, взяв вместо этого два пузырька с чистым молочным сахаром, не оказывающим, как известно, никакого медикаментозного воздействия. Я понятия не имел, что он задумал, и лишь молча наблюдал за тем, как он отмерил четыре чайные ложки воды, растворил в ней порошок и влил это так называемое лекарство в рот спящей девушки.

— Отлично, — сказал де Гранден и тщательно вымыл стакан. — Месье, ей надо полежать и хорошенько отдохнуть до утра. Завтра мы определимся, какое лечение назначить. На этом, если вы позволите, мы хотели бы откланяться. — Он вежливо поклонился хозяину дома, который ответил тем же и проводил нас в прекрасно обставленную комнату в другом конце коридора.

— Послушайте, де Гранден, — сказал я, когда хозяин, пожелав нам спокойной ночи, притворил дверь, — о чем вы думали, когда давали этому дитя столь бесполезное снадобье?

— Ш-ш-ш! — прервал он меня шепотом. — Эта девушка, мой друг, страдает от энцефалита не больше, чем вы или я. Отсутствует характерное опухание лица или шеи, нет никакого затвердения в области яремной выемки. Температура немного повышена, это так, но в ее дыхании я определенно почувствовал запах хлоралгидрата. Хотелось бы надеяться на то, что ввели его девушке с самыми добрыми намерениями, но у меня есть опасение, что ее решили просто одурманить, а потому я и изобразил из себя дурачка, который поверив в объяснения этого человека. Черт побери, дурак, который зна-

ст, что он им не является, имеет огромное преимущество перед тем, кто считает его таковым.

— Но...

— Никаких но, дружище. Вспомните, как открылась эта дверь, хотя к ней никто не прикасался; вспомните, как она аналогичным образом закрылась, а заодно посмотрите и на это.

Мягко ступая, он пересек комнату, отдернул ситцевую занавеску на окне и легонько постучал по раме, в которую были вставлены толстые стекла.

— Посмотрите, — повторил он, снова постучав по раме.

Это окно, как и все остальные в доме, было створчатое; небольшие прямоугольники толстого стекла плотно прилегали к перегородкам, сделанным в виде решетки. Подчиняясь указанию де Грандена, я постучал по одной из них и вдруг понял, что это не крашеное дерево, как я до этого полагал, а прочно сваренный металл. Более того, к своему удивлению, я обнаружил, что ручки хотя и поворачиваются, но укреплены на рамах лишь для видимости, тогда как сами рамы намертво прикручены болтами к каменным стенам. Можно сказать, мы оказались в заточении, ничем не уступающем по своей надежности государственной тюрьме.

— Дверь... — начал было я, но мой друг покачал головой.

Я пересек комнату и легонько повернул ручку двери. Она свободно поддалась, однако несмотря на то, что мы не слышали ни щелчка замка, ни движения запора, дверная панель оставалась неподвижной, словно была прибита гвоздями.

— Но почему... Де Гранден, что все это значит? — ничего не понимая, спросил я.

Он пожал плечами.

— Не знаю пока. Но одно знаю определенно: не нравится мне этот дом, дружище Траубридж. Я...

Сквозь шум дождя за окном и завывание ветра мы неожиданно услышали пронзительный вопль, преисполненный непередаваемой, безграничной и пока не ясной для нас муки души и тела.

— Черт побери! — Де Гранден поднял голову, как собака, почувствовавшая над землей далеко впереди запах зверя. — Вы слышали, Траубридж?

— Конечно. — По телу у меня поползли мурашки от этого безнадежного, отчаянного крика, эхом отдающегося в моих ушах.

— Черт побери, — повторил он. — Сейчас этот дом нравится мне еще меньше, чем прежде. А ну-ка давайте подвинем к двери шкаф. Полагаю, будет лучше, если эту ночь мы проведем за импровизированной баррикадой.

Мы перетащили шкаф к двери, и вскоре я крепко заснул.

— Траубридж, Траубридж, дружище, — де Гранден уперся локтем мне в ребра, — проснитесь, умоляю вас! Не издавай вы такой храп, я бы подумал, что вы умерли.

— Что? — сонно спросил я, зарываясь в роскошную постель. Несмотря на всю необычность событий минувшей ночи, я спал как убитый.

— А ну-ка вставайте, друг мой, — приказал де Гранден, энергично встряхивая меня. — Как я полагаю, сейчас самое время выяснить, что здесь и к чему.

— О, дьявол! — пробормотал я, нехотя вылезая из постели. — Ну что за радость бродить по незнакомому дому для того лишь, чтобы проверить безосновательные подозрения! Девушке действительно могли дать хлоралгидрат, но ведь нельзя исключать того, что ее отец надеялся на лучшее. А что до этих устройств с открыванием и закрыванием двери, то мы ведь знаем, что он живет здесь один и мог придумать все эти механизмы исключительно для того, чтобы сократить свои передвижения. Ну как ему ковылять с палкой по всему дому?

— Ах, вот как! — саркастически воскликнул мой друг. — И этот вопль, который мы слышали, он организовал тоже исключительно ради облегчения своего недуга? Так по-вашему?

— Девушке мог присниться кошмар, — предположил я, но он прервал меня нетерпеливым жестом.

— Ладно, можете представить себе, что луна сделана из зеленого сыра, — сказал он. — Давайте, давайте вставайте, друг мой. Мы должны обследовать этот дом, пока у нас еще есть время... Слушайте внимательно: пять минут назад через это самое окно я видел, как наш хозяин, одетый в плащ, вышел из дома, причем никакой палки у него в руках не было. Черт возьми, он скакал, как молодой юноша, уверяю вас. А сейчас он наверняка уже там, где мы оставили машину, и я не знаю, что он с ней собирается сделать. Зато знаю, что собираюсь сделать я сам. Вы намерены присоединиться ко мне?

— Ну да, конечно, — пробормотал я, натягивая одежду. — Но как вы думаете выбраться? Дверь-то закрыта.

Он полыхнул на меня одной из своих неожиданных улыбок, отчего кончики его маленьких белых усов вздернулись вверх наподобие рогов перевернутого полумесяца.

— Смотрите, — приказал он, демонстрируя небольшой кусок тонкой проволоки. — В те времена, когда волосы женщины еще были олицетворением ее прелести, не было такой хитрости, которую она не могла бы сотворить при помощи

своей шпильки! Припоминаю сейчас одну девицу — это было еще до войны, — которая показала мне несколько трюков. Смотрите и учитесь, друг мой.

Он ловко просунул загнутый петлей конец проволоки в замочную скважину, несколько раз для пробы подергал ею туда-сюда, потом просунул на максимальную глубину, вынул и внимательно осмотрел.

— Так-так, — пробормотал он, после чего полез в карман и вынул проволоку уже потолще.

— Видите, — он показал мне тонкую петлю. — При помощи нее я получил представление о механизме действия замка, а сейчас... — он ловко согнул толстую проволоку точно по контуру тонкой, — ура, у меня есть ключ!

Все оказалось именно так, как он предполагал. Замок легко поддался нажиму его импровизированного ключа, и мы оказались в длинном темном холле, с любопытством и опаской оглядываясь вокруг себя.

— Сюда, если не возражаете, — снова приказал де Гранден. — Сначала нам надо осмотреть девушку, узнать, все ли с ней в порядке.

Мы на цыпочках прошли по коридору к ее комнате.

Она лежала на спине, скрестив руки на груди на манер покойника; голубые глаза были широко раскрыты и незряче смотрели прямо перед собой; колечки светлых, коротко стриженных волос обрамляли ее бледное, изможденное лицо подобно золотому нимбу, окружающему точенные черты святого лика на иконе.

Де Гранден тихо приблизился к постели и профессиональным жестом положил пальцы на запястье девушки.

— Температуры нет, пульс слабый, — он попытался установить диагноз. — Цвет лица бледный, почти синюшный. Так, теперь глаза: сонные, зрачки наверняка были сужены, тогда как сейчас им надо было бы расшириться. Боже ж ты мой, Траубридж, идите-ка сюда. Посмотрите! — он указал на апатичное лицо девушки. — Эти глаза, Боже правы. Эти глаза! Ведь это просто святотатство и ничего больше.

Я взглянул на лицо девушки и отпрянул, едва сдержав возглас ужаса. Когда мы впервые увидели ее, спящую, она показалась нам милой и привлекательной. У нее были мелкие, правильные черты лица, четко очерченные, вроде тех, что изображают на камнях, а завитки белокурых волос придавали ей изящно-воздушное очарование, сравнимое разве что с ликами пастушек из дрезденского фарфа. Не хватало лишь одного — чтобы она подняла свои пушистые длинные ресницы, придав тем самым своему лицу живость смеющейся феи, игриво прогуливающейся по сказочной стране.

Сейчас ее ресницы были подняты, но глаза отнюдь не походили на ясные, радостные окна умиротворенной души. Скорее они напоминали застывшие в невыразимой муке дверные «глазки». Радужная оболочка продолжала излучать мягкий голубой цвет, хотя сами глазные яблоки производили ужасное впечатление. Вращаясь из стороны в сторону, они словно всматривались в простирающееся пространство, придавая тем самым ее нежному бледному лицу нелепое, отчасти даже смешное, но в целом ужасное выражение раздувшейся жабы.

— Боже праведный! — воскликнул я, отворачиваясь от изуродованного лица девушки с чувством отвращения, близкого к тошноте. — Какой ужас!

Де Гранден склонился над неподвижным телом, внимательно разглядывая изуродованные глаза.

— Это ненормально, — проговорил он. — Глазные мышцы были подрезаны, причем сделал это человек, явно имеющий обширные познания в области хирургии. Дружисе Траубридж, не дадите ли вы мне шприц и немного стрихнина? Бедняжка все еще без сознания.

Я бросился назад в спальню и вернулся со шприцем и нужным лекарством, после чего встал рядом с де Гранденом, глядя как он делает укол.

Узкая грудь девушку затрепетала под воздействием сильного стимулятора, ресницы на миг прикрыли ее ужасные глаза. Всклипнув, что прозвучало почти как стон, она попыталась было приподняться на локтях, но снова упала на спину и, задыхаясь, пролепетала:

— Зеркало... Дайте мне зеркало! Скажите мне, что это неправда, что это был просто какой-то фокус! О, то, что я увидела тогда в зеркале, просто не может быть правдой. Так ведь?

— Успокойтесь, моя маленькая, — сказал де Гранден. — Но вы говорите загадками. Что именно вам хотелось бы знать?

— Он... он... — девушка словно споткнулась, но тут же заставила себя сформулировать нужную мысль. — Этот ужасный старик недавно дал мне зеркало и сказал, что то, что я вижу, — мое лицо. О, это было ужасно, ужасно!

— Как? Как вы сказали? — де Гранден даже повысил голос. — «Он»? «Ужасный старик»? Разве вы не его дочь? Это не ваш отец?

— Нет, — промолвила девушка так тихо, что было едва слышно. — Я возвращалась домой из Маркетсдейла в... о, я даже не помню, когда это было. Помню только, что был вечер и у меня спустили шины. Я... я подумала, что на дороге лежало битое стекло, потому что и подошвы моих туфель тоже

оказались изрезаны. Я увидела свет в этом доме и пришла попросить помощи. Старик — мне он показался таким добрым, милым — впустил меня, сказал, что живет совсем дин и как раз собирается обедать. Он пригласил меня присоединиться. Я съела что-то... Не помню сейчас, что было потом... Когда я очнулась, то увидела его рядом с моей кроватью — он держал зеркало и говорил, что то, что я вижу, — мое лицо. Ну скажите, пожалуйста, скажите, что это была только шутка, фокус, который он решил показать мне. Ведь я же не такая страшная, правда?

— Черт бы меня побрал, — тихо пробормотал де Гранден, пощипывая кончик уха. — Что все это значит?

— Ну конечно же, нет, — громко сказал он. — Вы похожи не цветок, мадемуазель. Маленький цветок, танцующий н ветру. Вы...

— А мои глаза, они... они... — она умолкла с жалобной мольбой во взоре, — пожалуйста, скажите, что они не...

— Конечно же, нет, моя дорогая, — заверил он ее. — В ваших глазах отражается весеннее небо. Они похожи...

— Дайте... дайте мне зеркало, пожалуйста, — прервала она его возбужденным шепотом. — Я хочу сама посмотреть, раз уж вы... О, у меня все внутри обрывается... — она снова откинулась на подушки, веки скрыли ее безобразно искаженные глаза, отчего лицо вновь стало очаровательным.

— Черт побери! — едва слышно выдохнул де Гранден. — Мое открытие насчет хлоралгидрата отнюдь меня не успокоило, дружище Траубридж. Я скорее соглашусь пойти на пытку, чем позволю этого несчастному дитя увидеть себя в зеркале.

— Но что все это значит? — спросил я. — Она говорит, что приехала сюда и...

— А остальное мы должны выяснить сами, во всяком случае, мне так кажется, — спокойно ответил он. — Пойдемте, мы теряем время, а потерять время — это значит рисковать быть схваченным, мой друг.

Де Гранден обошел холл, заглядывая за каждую дверь в поисках кабинета хозяина особняка, однако, еще не завершив осмотр, внезапно замер на месте — у самого начала лестницы.

— Посмотрите-ка, Траубридж, — он указал на две кнопки, вмонтированные в стену, — черную и белую. — Если я на сей раз не совершаю еще большую ошибку, чем позволил себе раньше, то здесь мы имеет разгадку того положения, в котором оказались. Ну, во всяком случае, разгадку входной двери.

Он нажал на белую кнопку и бросился к двери, чтобы проверить результат.

Как он и предполагал, тяжелая дверь повернулась на отлитых из бронзы петлях, впустив в помещение косые дождевые брызги.

— Черт побери, — воскликнул он, — прямо какой-то «Сезам, откройся!» Что ж, посмотрим, не действует ли этот секрет и на закрывание. Нажмите на черную кнопку, Траубридж, а я посмотрю.

Я сделал то, что от меня требовалось, и по восторженному возгласу понял, что дверь закрылась.

— И что теперь? — спросил я.

— Гм-м, — промчал де Гранден, поочередно дергая себя то за один, то за другой кончик крохотных усиков, — надо признать, дружище, что сам по себе этот дом таит немало загадок, но сейчас меня интересует, что делает этот злодей. Мне не хотелось бы, чтобы люди, показывающие молодым девушкам в зеркало их обезображенные лица, крутились возле нашей машины.

Мы накинули плащи, открыли дверь и, подложив под косяк скомканный кусок бумаги, чтобы она не захлопнулась, бросились к месту, где оставили машину.

Сделав несколько шагов, мы увидели вспышку света, полыхнувшего сквозь толщу дождевых струй, — это был свет фар моей машины, которая съезжала с шоссе в сторону низины.

— Дьявол! — возбужденно воскликнул де Гранден. — Так он еще и вор! — Он бросился вперед, размахивая руками наподобие живого семафора. — Что это вы задумали сделать с нашей машиной?

Порывы ветра разносили его слова во все стороны, но маленький француз был непоколебим.

— Черт бы меня побрал, — задыхаясь, бормотал он, спеша вперед наперекор сокрушающему ветру и дождю. — Я схвачу этого мерзавца, если он вздумал сделать такое!

На наших глазах старик открыл переднюю дверцу машины и выпрыгнул наружу, а она продолжала движение вперед, к крутой насыпи, окружавшей озеро с илистой, мутной жижей.

Какое-то мгновение этот вандал стоял и лицезрел дело своих рук, после чего разразился диким хохотом, сравнимым по страсти разве что с восторгом самого мерзкого богохульника.

— Ах, мерзавец, грабитель! Ну держись! Скоро ты засмеешься другим смехом! — пригрозил де Гранден и поспешил к старику.

Тот, казалось, совершенно не замечал нашего присутствия. Все еще продолжая хохотать, он повернулся и пошел к дому, но на мгновение замер, когда резких порыв ветра с

неожиданной яростью набросился на дуб, отломив от него могучий сухой сук и с силой бросив его на землю.

Старик вполне мог уклониться от столкновения с громадной веткой, но не сделал этого, и та подобно пущенной из лука стреле Божьей справедливости обрушилась на тщедушное тело, пригвоздив и расплющив его.

— Посмотрите, Траубридж, что бывает с тем, кто вдруг захочет украсть чужую машину, — сказал де Гранден таким тоном, словно ничего не случилось.

Мы приподняли тяжелую ветвь и перевернули распростертое тело на спину. После поверхностного осмотра мы пришли к одному и тому же выводу: у старика был сломан позвоночник.

— Вы хотите сделать последнее заявление, месье, — резко сказал де Гранден. — Если у вас есть такое желание, то поторопитесь. Времени у вас мало.

— Д-да, — слабым голосом произнес старик. — Я-я хотел убить вас, поскольку вы могли раскрыть мою тайну. Но раз уж так получилось, можете сообщить всему свету, пусть все знают, что значит оскорбить Мэрстона. В моей комнате вы найдете документы. А мои... мои зверушки... они... в подвале. Она... должна была стать... одной из них... — Паузы между словами становились все длиннее, голос его слабел, каждое слово буквально вымучивалось по слогам. Когда прошелестела последняя, с трудом произнесенная фраза, послышался какой-то булькающий звук и из угла рта вылилась тонкая струйка крови. Узкая грудь в последний раз выгнулась и, судорожно дернувшись, опала, а следом за ней опустилась нижняя челюсть. Он скончался.

— Вот как, — заметил де Гранден, — значит, его доконало кровоизлияние. Наверное, сломанное ребро проткнуло легкие. Впрочем, это можно было предположить. Давайте, дружище, отнесем его в дом, а потом попробуем разобраться, что это за документы и зверушки, о которых он говорил. И какого черта он умер, так и не раскрыв нам своей загадки! Он что, не знал, что Жюль де Гранден не терпит загадок? Но, черт побери, мы докопаемся до вашей тайны, месье Смерть, даже если для этого придется вскрыть ваше тело!

— Ради всего святого, де Гранден, — взмолился я, потрясенный его безжалостным тоном. — Ведь он же умер.

— Ах ты Боже мой! — презрительно фыркнул де Гранден. — Умерили нет, не забывайте, что он украл вашу машину.

Мы уложили свою зловещую ношу на диван в холле и поспешили на второй этаж. Найдя комнату покойного, мы начали поиски документов, о которых он упомянул. Довольно скоро де Гранден извлек из шкафа толстый кожаный портфель и вытряхнул его содержимое на постель.

— Ага, — он поднес к свету какие-то бумаги. — Похоже, мы делаем успехи. Что же это такое?

Он держал в руках пожелтевшую от времени газетную вырезку.

АКТРИСА БРОСАЕТ ПАРАЛИЗОВАННОГО СЫНА ХИРУРГА НАКАНУНЕ СВАДЬБЫ

Вчера вечером известная актриса варьете Дора Ли заявила, что отказывается от своего обещания выйти замуж за Джона Бирсфилда Мэрстона-младшего, безнадежно парализованного сына известного хирурга-остеолога доктора Джона Бирсфилда Мэрстона-старшего, ибо, как она выразилась, «не может видеть его изувеченное тело». При этом она добавила, что ранее дала свое согласие на брак с ним «исключительно из жалости». Репортерам не удалось поговорить ни с брошенным женихом, ни с его отцом.

Очень хорошо, — кивнул де Гранден, — но пока это ни о чем не говорит. Молодая женщина расторгла свою помолвку, и произошло это, если ориентироваться по дате публикации, в 1896 году. А вот еще одна, посмотрим, что она нам поведает.

САМОУБИЙСТВО СЫНА ХИРУРГА

Джон Бирсфилд Мэрстон-младший, сын известного хирурга, носящего это же имя, обнаружен сегодня утром мертвым в своей спальне — в его рот был вставлен конец резинового шланга, другой конец которого подсоединен к газовой колонке. Труп обнаружен его слугой.

Десять лет назад во время игры в поло мистер Мэрсфилд получил увечье приковавшее его к инвалидному креслу, из которого он практически никогда не вставал.

Джон Мэрстон-младший был недавно покинут известной актрисой варьете Дорой Ли, которая объявила о своем решении месяц назад за день до свадьбы. По имеющимся сведениям, после случившегося он пребывал в состоянии глубокой депрессии.

Отец покойного, доктор Мэрстон, заявил журналистам газеты «Плэнет», что в смерти его сына повинна упомянутая актриса, и добавил, что она понесет за это наказание. Доктор Мэрстон отказался дать какие-либо пояснения в ответ на вопрос, намерен ли он передать это дело в судебные инстанции.

— Вот как! — воскликнул де Гранден. — Посмотрим теперь, что здесь.

Третья вырезка была лаконична.

ОТСТАВКА ШИРОКО ИЗВЕСТНОГО ХИРУРГА

Широко известный в данной части страны хирург, специализирующийся на операциях на костях, доктор Джон Бирсфилд Мэрстон сообщил о своем намерении прекратить хирургическую практику. Он продал свой дом и собирается покинуть наш город.

Пожалуй, картина достаточно ясна, — произнес де Гранден, приподняв брови и еще раз просматривая первую вырезку. Но посмотрите, Траубридж, вы только посмотрите на этот снимок! Эта Лора Ли вам никого не напоминает?

Я взял вырезку с сообщением о расторгнутой помолвке и внимательно всмотрелся в фотографию. Изображенная на ней молодая женщина была одета в пышное, прямо-таки воздушное платье, фасон которого был в моде во времена американо-испанской войны.

— Гм-м... Пожалуй, никого из тех, кого я знаю... — начал было я, но тут же умолк, пораженный неожиданным сходством. Несмотря на вычурную прическу и совсем не гармонизировавшую с ней соломенную шляпку, украшавшую творение парикмахера, женщина на снимке определенно имела сходство с той изуродованной девушкой, которую мы видели полчаса назад.

Француз заметил мой взгляд и кивнул в знак согласия.

— Ну конечно же, — сказал он. — А теперь нам надо ответить на вопрос, является ли эта девушка с чудовищно обезображенными глазами родственницей Доры Ли или же это сходство — чистая случайность, а также что вообще может стоять за всем этим.

— Не берусь утверждать, но мне кажется, что какая-то связь здесь есть...

— Связь? Разумеется, некоторая связь есть, — согласился де Гранден, снова углубляясь в изучение содержимого портфеля. — А это что еще такое? Кажется, Траубридж, я начинаю кое-что понимать. Взгляните!

В руках у него была страница сенсационного выпуска одной из ежедневных нью-йоркских газет, на которой были запечатлены портреты шестерых молодых женщин. Над ними жирным шрифтом был выведен заголовок:

«ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С ИСЧЕЗНУВШИМИ ДЕВУШКАМИ?»

Неужели зловещие невидимые руки простираются из темноты, чтобы схватить наших девушке, проживающих во дворцах и лачугах, работающих в магазинах, на сцене или в офи-

се? — задавал риторический вопрос корреспондент. — Где сейчас Элен Мунро, Дороти Сойер, Филис Буше и три другие очаровательные белокурые девушки, которые словно канули в бездну в минувшем году?»

Все дела имели несомненное сходство: каждая из исчезнувших молодых женщин не вернулась к себе домой, хотя, как сообщала газета, отсутствовали какие-либо основания утверждать либо предполагать их намерение куда-то уезжать.

— Надо же, этот журналист не отличается особым умом! — воскликнул де Гранден. — Готов биться об заклад, что даже мой добрый друг Траубридж подметил одно весьма существенное обстоятельство, которое осталось незамеченным автором этой публикации, словно это нечто само собой разумеющееся.

— Боюсь, старина, что разочарую вас, — ответил я, — но мне лично кажется, что корреспондент исследовал это дело под всеми возможными углами зрения.

— Ах, вот как! — саркастических заметил де Гранден. — Что ж, по возвращении домой, мой друг, вам надо будет проверить свое зрение о окулиста. Смотрите, смотрите на эти фотографии, на эти изображения без вести исчезнувших женщин и не пытайтесь утверждать, что не подмечаете определенного сходства между ними. Причем я имею в виду не только это сходство, но и то, что все они похожи на мисс Ли, покинувшую сына доктора Мэрстона. Ну что, сейчас, когда я прямо указал вам на это, вы видите?

— Нет... но почему... ну д-да... конечно! — бормотал я, снова просматривая снимки. — Боже праведный, де Гранден, вы правы, можно даже сказать, что все эти девушки — родственницы. Надо же, как это вы заметили?

— Ничего я пока не заметил, — он пожал плечами. — И ничего не нащупал. Я просто вытягиваю руки, стараясь схватить что-то, вроде того несчастного слепца, над которым издеваются юные негодяи, однако мои пальцы не могу нащупать ничего определенного. Ба! Жюль де Гранден, да ведь ты круглый болван! Думай же, думай, глупец!

Он присел на край кровати, уткнув лицо в ладони и наклонившись вперед, тогда как его острые локти буравили согнутые колени.

Внезапно он выпрямился и его лицо озарила загадочная улыбка.

— Черт меня побери, понял, кажется, понял! — воскликнул он. — Зверушки! Те самые зверушки, о которых бормотал старый похититель автомобилей! Они где-то в подвале!

Траубридж, мы должны взглянуть на них, они должны предстать перед нашими двумя парами глаз. Помните, как зловеще он тогда сказал, что она должна была стать одной из них? Клянусь сатаной, когда он говорил «она», то подразумевал наше несчастное дитя с глазами, как у лягушки.

— Но почему... — начал было я.

— Пошли, пошли, — прервал он меня, — я сгораю от нетерпения, и ничто не может меня остановить. Мы должны выяснить и сами увидеть, что за зверушек содержит человек, которому так нравится показывать девушкам в зеркале их обезображенные лица и который, черт побери, временами увлекается кражей автомобилей моих друзей.

Мы поспешили вниз по главной лестнице и стали отыскивать дверь в подвал. Наконец мы нашли ее и, держа над головами пару свечей, начали спускаться по шатким ступеням в крошечную тьму подвала. Нас окружали каменные стены, и, судя по тяжелому, заплесневелому запаху, вскоре под ногами должна была оказаться голая сырая земля без малейшего намека на какой-либо дощатый настил.

— Черт побери, — пробормотал де Гранден, останавливаясь у нижней ступени и приподнимая свечу над головой, чтобы лучше осмотреть это мрачное место, — в темницах древних замков и то приятнее, чем в этой преисподней.

Я не мой подавить охватившего меня чувства тревожного ожидания и озноба. Вглядываясь в гладкие каменные стены, в которых не было ни окон, ни каких-либо иных отверстий, я готов был в любое мгновение повернуть обратно.

— Ну вот, — сказал я, — ничего нет. Сразу видно, сплошная пустота...

— Возможно, это и так, дружище Траубридж, — ответил де Гранден, — но я не привык полагаться на то, что видно сразу. Я всегда всматриваюсь основательно, а если и тогда ничего не обнаруживаю, то повторяю свой осмотр. Видите, вон там какой-то деревянный настил? Как по-вашему, что это?

— Э... часть пола, очевидно, — наугад сказал я.

— Может, и так, а может, и нет. Давайте-ка посмотрим.

Он пересек помещение подвала и подошел к дощатому покрытию, потом посмотрел на меня и удовлетворенно улыбнулся. — Обычно, мой друг, в полу не бывает никаких металлических колец, — он наклонился, чтобы ухватиться за массивное кольцо, прикрепленное к вделанной в дерево прочной скобе.

— Ага! — воскликнул он, выпрямляясь и приподнимая дощатую крышку люка, под которой находился квадратный лаз. Вниз спускалась почти вертикальная деревянная лестница, конец которой терялся в непроглядной тьме.

— Итак, начинаем спуск, — де Гранден повернулся и поставил ногу на верхнюю перекладину лестницы.

— Не делайте глупостей, — посоветовал я. — Вы же не знаете, что там, внизу.

— Вот именно, — согласился он, когда его голова была уже на одном уровне с земляным полом, — но, если мне повезет, как раз это я и узнаю вскоре. Вы как, идете?

Не сдержав вздоха досады, я последовал за ним.

Сойдя с нижней ступеньки, он остановился, подняв свечу повыше и внимательно огляделся. Прямо перед нами простирался прорытый в толще земли проход, своды которого поддерживались широкими досками и подпиравшими их толстыми бревнами, чем-то напоминая горизонтальную выработку примитивной шахты.

— Кажется, картина начинает усложняться, — пробормотал де Гранден, ступая в проход. — Вы со мной, Траубридж?

Я шел и гадал, что же ждет нас в конце этого темного, грязного коридора, но мой любопытный взгляд не замечал ничего, кроме покрытых грибами бревен и черных, сырых земляных стен.

Де Гранден шел впереди на несколько шагов, и мы продвинулись метров на пять, когда он издал сдавленный крик удивления и одновременно ужаса. В два прыжка я оказался рядом с ним и огляделся. По обеим сторонам туннеля располагались прибитые гвоздями к бревнам белые поблескивающие предметы — насколько знакомые, что разум поначалу отказывался узнавать их. Впрочем, никакой ошибки здесь быть не должно, ибо даже непрофессиональный глаз не мог ошибиться в определении того, что это такое. Будучи врачом, я, естественно, узнал их со всей определенностью. Справа висели четырнадцать тщательно соединенных друг с другом костей человеческих ног, составляющих единое целое от ступней до таза, отсвечивающих белесым, мертвенным светом.

— Боже праведный! — вырвалось у меня.

— Черт меня побери! — воскликнул в свою очередь де Гранден. — Сюда, сюда посмотрите, — он указал на противоположную стену. Там расположились четырнадцать человеческих рук, точнее их скелетов — от кончиков пальцев до лопаток, — подвешенных к вертикальным опорам туннеля.

— Дьявольщина какая-то пробормотал де Гранден. — Я знал людей, которые коллекционировали чучела птиц и засушенных насекомых; встречал собирателей египетских мумий — даже тех, кого интересовали черепа давно умерших людей, — но никогда мне не приходилось видеть выставку

рук и ног! Боже ж ты мой, да он, видно, совсем спятил или я вообще ничего не понимаю!

— Так вот они какие, его зверушки, — проговорил я. — Да, определенно, человек, собравший такую коллекцию, не может не быть сумасшедшим. Тем более здесь, в этом месте. Бедняга...

— А это что еще там? — перебил меня де Гранден.

Откуда-то из темноты раздался странный, нечленораздельный звук, подобный тому, который издает человек с набитым пищей ртом, и, словно звук этот разбудил дремавшее в пещере эхо, он стал повторяться вновь и вновь, чем-то напоминая лепет полудюжины слабоумных.

— Вперед!

Размахивая свечей, де Гранден бросился навстречу неизвестному подобно воину, поднятому в звуком полковой трубы, и сразу же почти взвизгнул:

— Смотрите, Траубридж, смотрите и скажите, что вы тоже видите это, иначе я подумаю, что просто сошел с ума.

Вдоль стены выстроились в ряд семь небольших деревянных ящиков, каждый из которых был снабжен откидывающейся сверху дверцей наподобие клеток, в которых деревенские жители содержат кур, да и размером они были примерно такие же. В каждом из ящиков находилось нечто, очертания которого мне не приходилось видеть даже в самом страшном сне.

Это были человеческие туловища, страшно изможденные длительным голоданием и покрытые коркой засохшей грязи, хотя на этом их сходство с человеческой природой, пожалуй, и заканчивалось. Книзу от плеч и поясицы свисали переплетающиеся друг с другом щупальца отвислой плоти — верхние из них оканчивались плоскими, лопатообразными плавниками, имеющими отдаленное сходство с ладонями, тогда как нижние завершались почти бесформенными обломками, смутно напоминающими ступни лишь тем, что каждый из них был увенчан бахромой свисающей сморщенной кожи.

Костлявые шеи поддерживали странно балансирующие карикатуры на лица — плоские, безносые, лишенные подбородков, с ужасными, скошенными наружу и внутрь глазами, растянутыми до невероятных пределов ртами, м — о ужас! — вытянутыми, разрезанными вдоль, выступающими сантиметров на десять языками, безжизненно мотающимися в тщетных усилиях вымолвить какое-то слово.

— Сатана, твой гений посрамлен! — воскликнул де Гранден, поднося свечу к листку бумаги, прикрепленному к одному из ящиков на манер табличек, которые вывешивают перед клетками зверей в зоопарке. — Смотрите! — дрожащим пальцем он указал в сторону этого листка.

Я отпрянул в ужасе. Это была фотография Элен Мунро — одной из пропавших девушки. Здесь же имелась и надпись — ее имя и фамилия.

Ниже нетвердой рукой было нацарапано: «Уплачено 12.5.97».

Как замороженные, мы двинулись вперед вдоль расположенных у стен ящиков. На каждом из них была фотография молодой симпатичной девушки и соответствующая подпись. И везде стояло слово «уплачено» и дата. Все девушки, о которых газеты сообщали как о пропавших без вести, присутствовали в этих ящиках.

Наконец мы подошли к ящику, который был меньше всех остальных и в котором находилось особо изуродованное тело. На нем была фотография Доры Ли. Дата «платежа» была выполнена ярко-красной краской.

— Черт побери, — шепотом, с оттенком истерики в голосе произнес де Гранден. — Мы же не можем вернуть этих несчастных людям: это было бы самым отвратительным проявлением жестокости. И все же я содрогаюсь при мысли о милосердии, о котором они наверняка стали бы молить нас, имея они возможность говорить.

— Пойдемте наверх, — стал упрашивать я. — Нам надо будет все это хорошенько обдумать, а кроме того, если я еще хоть на минуту задержусь здесь, то определенно упаду в обморок.

Де Гранден не стал возражать и пошел следом за мной из этой палаты ужасов.

— Да, нам действительно есть о чем подумать, — начал он, когда мы поднялись в холл. — Если мы сжались над этими несчастными и прикончим их, то тем самым вступим в конфликт с законом, а с другой стороны, разве возможно выставить их в таком виде перед людьми? Непростое решение придется нам принять, как вы находите, Траубридж?

Я кивнул.

— Черт побери, а ведь какой башковитый малый оказался, — продолжал де Гранден. — И какой хирург! Четырнадцать ампутаций рук, столько же ног — и каждый пациент остался жив! Жив, чтобы жить и страдать от пыток в этой дьявольской яме! Уму непостижимо! Лишь безумец мог сотворить подобное.

Нет, вы вспомните, Траубридж, вспомните и подумайте о том, как горевал этот доктор над телом умершего сына и как вынашивал он свою ненависть и жажду мести в отношении женщины, покинувшей его. И вот в его сознании ненависть к одной женщине трансформировалась в ненависть ко всем, которым было суждено ответить за грехи лишь одной. А месть-то какова! Как тщательно он должен был разработа-

тывать планы, чтобы завлечь их, сколько трудов было потрачено на то, чтобы сотворить это дьявольское сооружение, где хранились их бедные, несчастные, изувеченные тела, и каких высот достигло его хирургическое мастерство, когда он, даже будучи безумцем, смог превратить их некогда очаровательные лица и фигуры в олицетворение страшного кошмара, свидетелями которого мы только что явились. Это невероятно, ужасно! Извлечь из тела все эти кости, а жертвы продолжают жить!

Он встал и беспокойно заходил по холлу.

— Что же делать? Что же делать? — повторял он, ударяя себя ладонями по лбу.

Я следил за его передвижениями по комнате, но разум мой был настолько потрясен увиденными зверствами, что едва ли я был способен кто-то помочь ему найти ответ на этот вопрос.

Я безнадежно смотрел на него. Случайно взгляд мой упал на стену, в которую был встроен камин. Она медленно, очень медленно отклонялась от вертикали.

— Де Гранден, — закричал я, обрадовавшись тому, что что-то отвлекло меня от страшных мыслей, — стена, стена наклоняется!

— Стена? — повторил она. — О черт побери, и правда! Ну конечно, это дождь, он подмыл фундамент. Быстрее, быстрее, мой друг, в подвал, иначе эти несчастные существа погибнут!

Мы кинулись вниз по ступеням, но сразу же почувствовали, что вся земля набухла от влаги. Колодец, который вел к тайному хранилищу безумца, наполовину утопал в булькающей, липкой грязи.

— Святая Дева Мария! — воскликнул де Гранден. — Они погибли, как крысы в ловушке. Да упокой Господь их измученные души, — он повернулся, чтобы идти назад. — Пожалуй, так даже лучше. А сейчас, дружище Траубридж, скорее наверх, надо вынести отсюда то бедное дитя. Нужно спешить, если мы не хотим навечно остаться под руинами этого мерзкого дома!

Гроза наконец истощила все свои силы и над горизонтом появилось красноватое весеннее солнце, когда мы с де Гранденом подвели измученную, едва державшуюся на ногах девушку к моему дому.

— Драгоценнейшая, уложите ее в постель, — приказал де Гранден моей экономке Норе, которая вышла нас встречать, закутанная в невероятных размеров ночную рубашку и преисполненная благородного негодования. — Она уже достаточно настрадалась.

Мы прошли в мой кабинет. Он наполнил стакан виски и горячей водой, закурил свою вонючую французскую сигарету, потом посмотрел на меня.

— Так как же могло случиться, мой друг, что вы не знали про этот дом? — требовательным тоном спросил де Гранден.

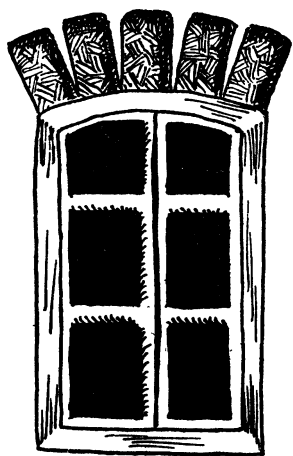
Я глуповато ухмыльнулся.

— Я свернул не там, где надо, и в итоге оказался на Эрбишир-роуд. Ее лишь недавно заасфальтировали, а прежде я ею не пользовался, потому что там практически было невозможно проехать. А поскольку я все время был уверен, что мы едем по Эндовер-пайк, мне и в голову не пришло увязать то место со старым поместьем Олмстед, мимо которого я проезжал сотни раз.

— О да, — задумчиво кивнул де Гранден, — небольшой поворот с нужной дороги и — бабах! — какой же путь нам пришлось пройти назад!

— А как же быть с этой девушкой? — начал было я, но он взмахом руки остановил меня.

— Этот безумец уже начал творить свое дьявольское дело, — проговорил он, — а я, Жюль де Гранден, прооперирую ей глаза и сделаю с ними все, что положено. Кстати, не плеснете ли мне еще немного виски, дружище, а то мой стакан уже опустел.

Убей меня
нежно!

ГРОЗА

Макнайт Малмер

Она вставила ключ в замочную скважину, повернула ручку. Порыв мартовского ветра вырвал дверь из ее рук и с силой ударил о стену. Ей пришлось преодолевать сопротивление воздушного вихря, с шумом бросавшего в спину водяные брызги, швырявшего их на оконное стекло. Она даже не слышала, как заурчал мотор такси и машина отъехала от дома.

Из груди вырвался вздох благодарного облегчения — наконец-то она дома, и притом вовремя. В такую непогоду перекрестки обычно заливают, и через каких-нибудь полчаса они бы наверняка застряли, а другой дороги не было.

В доме было темно. Значит, Бен еще не пришел. Нажав кнопку выключателя стоявшей рядом с диваном лампы, она почувствовала облегчение. Всю дорогу домой — надо было навестить сестру — ей виделась картина: она входит в освещенный дом и идет к Бену, сидящему с газетой в руках у камина. Она не без удовольствия представляла его приятное изумление видеть ее на неделю раньше запланированного срока и знала, как радостно переменится выражение его круглого лица, заблестят за очками глаза, как он обнимет ее за плечи и станет рассматривать, стараясь найти происшедшие за месяц разлуки перемены, после чего звонко, подобно французскому генералу, производящему процедуру награждения, расцелует в обе щеки. Затем она приготовит кофе, достанет кусок торта, они усядутся у камина и заведут разговор.

Но Бена все не было. Она взглянула на каминные часы — уже около десяти. А вдруг, не зная про ее приезд, он вообще не придет сегодня ночевать — он и раньше, еще до ее отъезда, нередко оставался на ночь в городе, из-за дел не поспевая на последний поезд. В общем, если вскоре он не появится, значит, уже не придет.

Мысль эта ее не обрадовала. Буря за окном становилась все сильнее, она слышала дикое хлестание ветвей и свист ветра, огибающего углы их маленького дома. Впервые за все это время она пожалела, что они поселились в такой глуши. Поначалу у них были соседи, которые жили в четверти мили по дороге, однако вот уже семь месяцев, как те переехали, и теперь они пребывали в полном уединении.

Ее не донимали мысли об одиночестве: жизнь для двоих

здесь была просто изумительна. Ей доставляло такое удовольствие заниматься домом, ставшим родным, ухаживать за ним, что кроме Бена ей, в сущности, никто не был нужен. Но сейчас, когда она осталась наедине с рвавшейся внутрь грозой, ей стало страшно от того, что рядом никого не было. В этой стороне дороги, узкой лентой петлявшей между фермерскими полями и углублявшейся через милю в густые дебри леса, никто кроме них не жил.

Уложив последние локоны, она отвернулась от зеркала; плечи чуть опустились, и вообще было в ней что-то от маленькой, нуждающейся в покровительстве девочки, что-то незрелое и, при всей своей простоте, очень трогательное. Между тем ей шел тридцать второй год, и хотя поженились они лишь полтора года назад, ей до сих пор казалось чудом, что она вообще вышла замуж.

Она пошла по дому, всему зажигая свет. Бен в относительном порядке оставил внутреннее убранство помещения, и она смогла обнаружить лишь незначительные следы неаккуратного мужского присутствия: в конце концов, ее супруг был достаточно опрятным человеком. Наконец она почувствовала, что в доме холодно. Бен, конечно же, ослабил подачу тепла — в подобных вещах он был особенно внимателен и не терпел лишних трат.

Она посмотрела на термометр: шестнадцать градусов. Понятно, откуда же быть теплу? Повернула рычажок на отметку «двадцать пять», и мотор в подвале тут же отозвался неожиданным и гулким воем, так что она даже вздрогнула.

Потом прошла на кухню и приготовила себе кофе. В ожидании, когда горячая жидкость стечет через фильтр, она стала бродить по нижнему этажу. Ее охватила странная неугомонность, никак не удавалось расслабиться. И все же как хорошо было снова оказаться среди близких тебе вещей, в своем собственном доме. Она окинула гостиную свежим взглядом. Что и говорить, приятное помещение, хотя и маленькое. Светлый мебельный ситец в цветочек, украшавший и окна, казался таким милым и прелестным, а стоявший прямо по центру длинной стены небольшой комод на низких ножках, казалось, был просто создан для этого места. А вот цветы ее, браво выстроившиеся вдоль подоконника, засохли — вопреки всем строгим указаниям Бен все же забывал их поливать, и сейчас они поникли, съжились и побледнели, стоя в горшках с иссохшей землей. Вид их лишь усилил чувство депрессии, начавшее охватывать ее несмотря на все удовольствие от возвращения домой.

Она вернулась на кухню и налила себе кофе, не оставляя надежды на то, что Бен все же приедет и разделит с ней эту

скромную трапезу. Затем отнесла чашку в гостиную и поставила ее на маленький круглый столик рядом с креслом Бена. Мотор продолжал глухо урчать, посылая в дом все новые порции тепла, но ей почему-то стало даже холоднее, чем прежде. Она поежилась, взяла из шкафа старый вязаный жакет Бена, закуталась в него и села.

Ветер колотил в дверь, окна, и весь воздух вокруг казался наполненным звуками воды, сбегавшей по желобам, струившейся по водосточным трубам, шлепавшейся на крышу. Вслушиваясь в эти звуки, она страшно желала возвращения Бена. Никогда ей не было так одиноко. А с ним она ощущала себя в безопасности... И как он был добр, когда ей понадобилось поехать навестить заболевшую сестру. Предусмотрел буквально все и под конец посадил ее, заваленную коробками с книгами, конфетами и фруктами, на поезд. Ей было известно, чего стоили ему все эти подарки, — он не любил сорить деньгами. Сказать по правде, он всегда был скуповат.

Но он был хорошим мужем. Она невольно вздохнула, сама не подозревая, что скучает по ушедшей юности и романтичности. Он был хорошим мужем, — повторила она про себя, поднося чашку к губам. Ну и что же, что на десять лет старше ее и немного консервативен, а подчас похож на диктатора, подверженного сменам настроения. Но он давал ей чувство безопасности и ощущение собственного дома, и даже если чувство это оказалось не столь сильным, как ей хотелось бы, она едва ли могла упрекать его за это.

Ее взгляд выхватил кусочек чего-то белого, вылезавшего из-под лежавшего на столике рядом журнала. Испытывая неловкость и нежелание делать это, она протянула руку и ухватила пальцами то, что, как она и ожидала, оказалось лишь очередным белым конвертом. Пусто, а на его поверхности, как и обычно, аккуратно отпечатано: «Бендж.Т.Уилсон, эксвайр, Уайлдвуд Роуд, Фэапорт, Коннектикут». На марке стоял штемпель: Нью-Йорк. В общем, все как всегда.

Сжимая конверт в руках, она почувствовала знакомое покалывание в сердце. Так ни разу не узнав, что было в этих конвертах, она хорошо помнила, какое воздействие они оказывали на Бена. Получив очередное письмо — а приходили они раз-два в месяц, — он очень сердился, подчас был просто взбешен. Тогда-то их совместная жизнь и дала трещину. Поначалу она пыталась расспрашивать его, как-то успокаивать, но потом заметила, что лишь еще больше распаляет его гнев, а потому перестала даже упоминать о них. После получения одного из таких писем оба в течение целой недели чувствовали себя за столом и в постели как чужие друг другу люди, храня молчание: он — мрачно-отчужденное, она — испуганное.

Конверт этот был проштемпелеван три дня назад. Если Бен придет сегодня, он будет явно не в духе и погода лишь усугубит его мрачность. И все же ей очень хотелось, чтобы он приехал.

Она порвала конверт на мелкие клочки и швырнула их в камин. Ветер обхватил дом своими ручищами, толстая ветка громыхнула о край крыши. Женщина подняла голову и неожиданно заметила какое-то движение за окном.

Едва дыша, она замерла, чуть наклонившись в сторону холодного камина и протянув к нему руку. Она была уверена в том, что белое размытое пятно, мелькнувшее за мокрыми стеклами, есть не что иное как лицо человека с глазами, глядевшими на нее.

Послышалось новое завывание ветра, угрожающее и, как ей показалось, угроза эта теперь уже была обращена — лично к ней. Она долго не могла пошевелинуться, а потому сидела и неотрывно смотрела на окно. Но там все оставалось неподвижным, не считая струившейся по стеклу воды, за которой чернела темнота — и больше ничего. Единственный доносившийся снаружи звук представлял из себя смесь шума хлеставших друг о друга ветвей деревьев, грохота стекавшей воды и зловещего подвывания ветра.

Она нашла в себе силы сделать вдох, выключила свет и подошла к окну. Темнота стояла стеной, непроницаемая и таинственная, а окружавшая чернота помещения словно приблизила грозу, превратив ее в скопище осаждающих дом волков. Она поспешила снова зажечь свет.

Наверное, ей просто пригрезились эти глаза. Да разве в такую ночь может кто-нибудь быть снаружи? Нет. И все же потрясение оставалось.

Если бы только Бен вернулся. Только бы не оставаться одной...

Она поежилась и, проклиная дурацкую разбушевавшуюся фантазию, плотнее запахнула жакет Бена. Одиночество становилось невыносимым. Уши начали различать крадущиеся звуки шагов за окном; она почти убедила себя в том, что слышит их — медленные и тяжелые.

Может ей удастся дозвониться до отеля, в котором Бен иногда останавливается? Сейчас ее уже не волновало, как бы он отнесся к ее неожиданному приезду — ей надо было услышать его голос. Она подошла к телефону и сняла трубку.

Гробовое молчание.

Разумеется, провода оборвало.

Она боролась с подступавшей паникой. Лицо за окном было лишь иллюзией, игрой света на покрытом потоками воды стекле; и точно такой же галлюцинацией были и звуки

шагов. Да разве можно в такую-то грозу расслышать настоящие шаги?! Кому вздумается выйти наружу в такую погоду? Так что ей ничто не угрожало. Гроза останется там, за стенами, а утром снова засветит солнце. Самое главное сейчас — устроиться как можно поудобнее и найти подходящую книгу. Спать ложиться не было смысла — заснуть все равно не удастся. Она будет лежать с открытыми глазами и думать о том лице за окном, и еще о шагах...

Надо только принести дров для камина. У входа в подвал она чуть замешкалась. Свет, когда она повернула выключатель, показался ей слишком блеклым, бетонные стены выглядели осклизлыми и отнюдь не приветливыми. Лодыжки холодила промозглый сквозняк; брызги дождевой воды хлестали внутрь помещения, потому что внешняя дверь в подвал была распахнута настежь.

Засов иногда соскакивал, она это знала. Если дверь как следует не захлопнуть, ветер мог его разболтать.

И все же откинутая створка вновь всколыхнула ее панику, словно намекая на нечто более одушевленное, зловещее, нежели бушующая гроза. Только спустя несколько секунд ей удалось заставить себя спуститься на несколько ступеней и потянуться в темноте к дверной ручке.

Лишь сейчас женщина почувствовала, что насквозь промокла. Бросив взгляд назад, она не смогла разглядеть ничего, кроме окружавших дом черных, обмякших под влагой ветвей клена. Ветер явно решил помочь ей, подтолкнув дверь, а затем шумно хлопнув ею. Она энергично двинула засов и еще несколько раз подергала, проверяя и убеждаясь в его надежности. Из глаз едва не брызнули слезы облегчения — настолько приятно было осознавать свою защищенность от возможного вторжения.

Она стояла, обтянутая промокшей, истекавшей водой одеждой, когда ее внезапно пронзила еще более леденящая мысль: а что, если просто предположить, что лицо за окном было настоящим?! Вдруг этому человеку удалось найти убежище, а им на протяжении четверти мили в округе мог оказаться только этот подвал?

Она едва не взлетела обратно по лестнице, но тут же заставила взять себя в руки. Нельзя так распускаться! И раньше, случалось, бывали грозы, но даже если сейчас она одна, это не значит, что нужно придавать значение всяким дурацким фантазиям. И все же ей не удалось окончательно сбросить с себя оковы этого беспричинного страха, хотя она и смогла частично освободиться от него. Снова до нее донесся звук крадущегося снаружи пришельца. Конечно, она знала, что все это лишь воображение, однако оно оставалось страш-

ным — хруст шагов по гравию дорожки, медленных, навязчивых, тяжелых, словно поступь часового.

А всего-то ей надо было набрать охапку дров; после этого у нее будет огонь, свет, тепло и комфорт, и она забудет про все эти ужасы.

В подвале стоял запах пыли и застарелой влаги. Лучи света путались в скопищах паутины, хотя источником его была лишь одна-единственная лампочка в углу помещения. По стене стекал одинокий ручеек, успевший, однако, образовать на полу внушительных размеров лужицу.

Поленница дров находилась в противоположном от света углу. Она остановилась и огляделась вокруг. Разве мог здесь кто-то находиться? Сплошь открытое пространство, а подпирающие снизу балки слишком тонки, чтобы за ними мог кто-то спрятаться.

Резко щелкнул отключившийся керосиновый обогреватель. До нее только сейчас дошло, что его медленное урчание было каким-то человеческим, даже сочувствующим; теперь же вокруг не оставалось ничего, кроме опутывающих тенет грозы.

Чуть ли не бегом она бросилась к кладке дров. Но что-то заставило ее задержаться, прежде чем прикоснуться к поленьям.

Что это было? Только не звук. Что-то, что она увидела, когда неслась по этому пыльному полу. Что-то странное...

Она поискала глазами, затем заметила вспышку света там, где ее вроде бы не должно было быть.

Неописуемый ужас сковал грудь женщины, глаза расширились, округлились, потемнели, словно у испуганного оленя. Сундук, ее старый сундук, стоявший у стены, был чуть приоткрыт, и из образовавшейся щели струился тот самый лучик света, который смущал своей яркостью мрачную мглу подвала.

Как загипнотизированная, она подошла ближе. Подумав, еще один ничего не значащий предмет, вроде того конверта на столе, видения лица в окне, открытой двери. Чего это ей так уж бояться?

Но она знала, более того — была уверена в том, что еще раньше накрепко захлопнула сундук, положив в него две или три шубы, тщательно завернув их в газеты, чтобы уберечь от моли.

А теперь крышка сундука оказалась приподнята примерно на два-три сантиметра. И свет поблескивал именно оттуда.

Она откинула крышку.

Долго не отрывала женщина взгляда от его содержимого, стараясь, чтобы каждая деталь увиденного запечатлелась в

мозгу подобно лучу света, отраженному от объекта и зафиксированному на фотопленке; чтобы все представшее взору оказалось отпечатанным навеки и никогда не подверглось забвению.

В тот момент она не могла пошевелить ни единым мускулом. Словно черным плащом окутал ужас, остановил дыхание, сковал все члены.

Затем ее лицо потеряло свои прежние очертания, растворилось в бесформии. Она грохнула крышку сундука и, как безумная, бросилась наверх по лестнице.

И снова ее грудь разрывали глубокие, душащие, вонзающиеся в легкие рыдания. Она захлопнула дверь со стуком, потрясшим все здание, затем повернула ключ. Задыхаясь, схватила один из крепких кленовых стульев, что стоял у кухонного стола, и непослушными руками подоткнула его под ручку двери.

Ветер вонзил в дом свои зубы и затряс его, как собака полудохлую крысу.

Первым ее желанием было бежать из этого дома. Но едва она приблизилась к входной двери, в памяти возник образ лица, увиденного в окне.

А вдруг оно не пригрезилось? Вдруг это был лицо убийцы — того самого убийцы, который поджидал ее в грозу, готовый наброситься из-за спины в темноте?

Она рухнула в кресло, все ее тело сотрясала дрожь. Она не могла оставаться в этом доме — не могла, покуда там лежит это. Но и не могла найти в себе сил уйти. Всем своим существом она звала Бена. Он придумает, что сделать в этой ситуации. Закрыла глаза, снова открыла, отчаянно потеряла их. И снова увиденная картина всплыла в сознании, словно отравленная кислотой. Волосы обмякли, распустились над лбом, рот неузнаваемо искривился от ужаса.

В ее сундуке лежало скрюченное тело женщины.

Лица она не видела — голова была загнута куда-то вниз, под мышку, поверх которой раскинулся веер белокурых волос. И кругом красное платье. Одна рука покоилась на краю сундука, средний палец украшал мужской перстень с печаткой: поднявшийся лев, сжимавший в передних лапах бриллиант.

Именно этот камень и отражал замеченный ею отблеск света; одинокий луч тусклой лампы в дальнем углу подвала высветил этот перл и заставил его светить наподобие маяка.

Никогда ей не забыть увиденного, не стереть в своей памяти того, как выглядела та женщина — бледную, почти свѣтящуюся плоть ее рук, согнутые в коленях, прижатые к краю сундука и покрытые мягко отсвечивающим тонким шелком ноги, закрывающие лицо пряди волос.

Она дрожала, словно в лихорадке, даже прикусила язык и теперь прижала ладонь к челюсти, чтобы хоть как-то остановить эту пляску зубов. Солоноватый привкус крови немного успокоил ее, она даже попыталась заставить себя действовать рационально, по какому-то плану, однако осознание того факта, что все это время она пребывает в заточении наедине с телом мертвой женщины, напроць сокрушало все попытки взять себя в руки.

Она плотнее запахнула жакет, стараясь избавиться от завладевшего ее телом ощущения могильного холода. Постепенно и очень медленно в ее мозгу стала зарождаться иная, отличная от осознания собственно смерти и убийства мысль. В голове возникало понимание того, что появлению тела в подвале предшествовала определенная цепь фактов, а значит...

Сюда прибудет полиция.

Поначалу эта мысль показалась ей успокоительной: крупные дюжие мужчины в синей форме извлекут этот предмет из подвала, унесут с собой, так что ей не будет никакой необходимости в дальнейшем вспоминать про его существование.

Но потом она поняла: ведь это же ее подвал — ее и Бена, а полицейские всегда так подозрительны и недоверчивы. Вдруг они подумают, что она убила ее? Сможет ли она убедить их в том, что никогда раньше не видела эту женщину?

Или подумают, что ее убил Бен? Увяжут друг с другом эти письма в белых конвертах, деловые отлучки Бена, ее отъезд к сестре, в организации которого Бен оказал такое активное содействие, и на основании всего этого сделают вывод о его двойной жизни? Станут настаивать на том, что женщина эта была отвергнутой любовницей Бена, всюду преследовавшей его и тем самым заставившей в порыве отчаяния убить ее? Что и говорить, фантастическая получалась версия, хотя полиция вполне может ухватиться и за нее.

Может, это точно.

Внезапно ее охватила новая волна паники. Надо убрать мертвую из подвала, спрятать где-нибудь. Полиция не должна найти какую-то связь между телом и этим домом.

Убитая женщина была очень крупной, так что ей не удалось бы даже сдвинуть ее с места.

Ее желание поскорее увидеть Бена переросло в отчаянную потребность. Ну когда же он придет домой?! Приходи и убери это тело, спрячь его где-нибудь, чтобы полиции не вздумалось искать связь между ним и их домом! У Бена хватит сил сделать это.

Но даже если бы она сама могла перенести тело, вряд ли

она осмелилась бы на подобный поступок. Ведь где-то снаружи бродит преступник — реальный или мнимый. Как знать, вдруг дверь подвала оказалась открытой не случайно. А если даже и так, кто знает, вдруг убийца посчитал это добрым знаком судьбы и воспользовался сложившейся ситуацией, чтобы взвалить вину за содеянное на невинные плечи Уилсонов.

Продолжая трястись, она присела на корточки. Ей казалось, что вокруг нее сомкнулись зубья громадной ловушки: на одной стороне гроза и безмолвный телефон, на другой — преступник и это застывшее, скрюченное тело в сундуке. А она сидит внутри дома, совершенно беспомощная...

Словно чтобы еще более усугубить это ее состояние, ветер с удвоенной яростью набросился на дом, и на дорогу с ужасающим грохотом свалилось сломанное дерево. До нее донесся звон разбиваемого стекла.

Ее дрожащее тело напряглось как натянутый лук. Может, это убийца пытается проникнуть внутрь? Она заставила себя встать и медленно обошла окна первого этажа, даже заглянула на второй — все они были целы и невредимы и стойко отражали яростные атаки дождя.

Никакая сила на свете не могла заставить ее сейчас спуститься в подвал и посмотреть, что там происходит.

Шум грозы заглушил все другие звуки, и все же она не могла отделаться от странного ощущения, будто слышит чьи-то ступающие по дому шаги, что чувствуетна себе чей-то внимательный взгляд.

Она опустила шторы на лоснящихся от влаги черных окнах, что вселило в нее чувство относительной безопасности, хотя разница оказалась совсем незначительной. Она твердо сказала себе, что звон стекла был ничем иным как звуком удара ветки о поверхность окна в подвале.

Впрочем, мысль эта оказалась малоутешительной и лишь напомнила, что той женщине, которая лежит внизу, сейчас уже совсем не страшно. Ее же саму не могло теперь успокоить ничто, кроме ощущения крепких плеч и рук Бена, сжимающих ее в своих объятиях, его сообразительного и прозорливого ума, способного придумать что-то, лишь бы убрать из подвала это тело.

Ее стала окутывать какая-то цепенящая отупелость, будто она потеряла даже способность бояться. Она вернулась к креслу, села, сжавшись в комочек, и стала беззвучно молиться скорейшему приходу Бена и наступлению утра.

Часы пробили половину первого.

Прошел еще один час, а она все так же сидела в своем кресле — съежившаяся, не шевелящаяся, даже ни о чем не

думающая — просто отрешенная от всего. На какое-то мгновение шум грозы утих, словно ветер решил устроить себе краткую передышку, и в наступившей тишине она различила звук шагов по дорожке — настоящих шагов, жестких и быстрых. В замке повернулся ключ, дверь распахнулась и в комнату вошел Бен.

Он насквозь промок, был весь в грязи и бледен от усталости. Но это был Бен. Едва убедившись в том, что это он, она бросилась к нему, тут же начав бессвязно пересказывать все, что имело отношение к ее находке.

Он легонько поцеловал ее в щеку и снял ее руки со своей шеи.

— Ну-ну, что ты, дорогая, ты же промокнуешь. На мне сухой нитки нет. — Он снял очки, протянул ей, и она тут же принялась протирать их. Он шурился от яркого света.

— Пришлось от самого перекрестка топать. Ну и ночка!

Он начал снимать пальто и туфли.

— Никогда тебе не понять, что это такое — найти место, в котором горит огонь. Бог мой, как все-таки приятно оказаться дома.

Она попыталась еще раз начать рассказ о пережитом и увиденном, но он и сейчас прервал ее.

— Ну подожди, дорогая. Я понимаю, ты чем-то расстроена. Но дай мне хоть переодеться во что-нибудь сухое, потом я спущусь и ты мне обо всем расскажешь. Почему бы тебе не приготовить кофе и тосты? Вымотался страшно — это был какой-то кошмар, я даже стал сомневаться, что вообще доберусь до дому. Несколько часов прошагал.

Бен заметно устал, озабоченно подумала она. Ну да ладно, теперь, когда он здесь, можно чуточку и подождать. Минувшие часы показались ей теперь просто кошмаром — ужасным, но, как ни странно, отнюдь не настоящим. Находясь в обществе Бена, такого надежного, будничного и веселого, она стала даже сомневаться, а был ли вообще этот кошмар? Была ли и та женщина в сундуке, хотя образ ее вполне отчетливо стоял перед ее взором. А что, если настоящей была лишь гроза?

Она прошла на кухню и занялась приготовлением свежего кофе. Стул, который все так же подпирал кухонную дверь, оставался напоминанием ее ужасов. С приходом Бена это показалось ей глупым, и она поставила его на прежнее место у стола.

Спустился он довольно скоро, даже кофе еще не был готов. Как приятно было снова видеть его в старом сером банном халате с руками, засунутыми глубоко в карманы. Каким естественным и здоровым казался он ей сейчас со своим раск-

расневшимся круглым лицом и торчавшими вокруг лысины маленькими стрелками влажных волос. Она почти испытывала стыд, когда рассказывала ему о лице в окне, об открытой двери и, наконец, о теле в сундуке. Теперь ей и самой казалось, что ничего из рассказанного попросту не могло произойти.

Ни секунды не колеблясь, Бен так прямо и сказал об этом. Потом подошел и обнял ее.

— Бедняжка ты моя. Гроза до смерти напугала тебя, впрочем, это и неудивительно. Она просто накачала тебя страхом.

Она нерешительно улыбнулась.

— Да, я и сама начинаю подумывать, что это было именно так. Сейчас, когда ты здесь, все кажется таким спокойным и безопасным. Но... но ты ведь посмотришь на этот сундук? Я должна убедиться. Я так отчетливо вижу ее. Как я могла вообразить подобное?

— Ну конечно же, — снисходительно проговорил он, — я взгляну на нее, если это принесет тебе облегчение. Причем сделаю это прямо сейчас. А после спокойно допью свой кофе.

Он прошел к двери в подвал, открыл ее и щелкнул выключателем. Сердце ее снова заколотилось как бешеное, уши наполнились оглушающим шумом. Раскрытая дверь подвала всколыхнула в сознании вереницу ужасающих мыслей: тело, полиция, подозрения в отношении ее самой и Бена, необходимость спрятать где-то это свидетельство чьего-то преступления.

Не могла она придумать всего этого; чудовищно было даже предположить, что ее разум выкинул с ней подобную злую шутку. И Бен сейчас сам все это поймет.

До нее донесся звук открываемой крышки сундука. Она вцепилась в спинку стула, ожидая, когда он что-то скажет. И он сказал — почти тотчас же.

Она не могла этому поверить. Голос его звучал столь же весело и обнадеживающе, как и прежде.

— Но здесь же ничего нет — только кучи какого-то тряпья! Посмотри сама.

Ничего!

Ноги едва несли ее, когда она снова спустилась в подвал.

Те же заплесневелые стены, покрытые свалявшейся паутиной. По одной из стен все так же сбегала струйка воды, хотя лужа под ней на сей раз оказалась уже гораздо больше. Тот же тусклый свет лампочки.

Все было так же, как она помнила, с той лишь разницей, что ветер со свистом прорывался в разбитое окно и капли дождя заливали осколки на полу. Лежащая поперек подоконника ветвь дерева смахнула с оконной рамы все остатки стекла, и теперь она выглядела совершенно чистой.

Бен стоял у распахнутого сундука и ждал, когда она подойдет. Его налитое тело чем-то походило на мощный надолб.

— Ну, сама видишь, здесь ничего нет. Только твои старые платья.

Она встала рядом с ним. Или разум покидает ее? Неужели она снова увидит то же самое искривленное тело, красное платье, чуть лоснящиеся колени, тогда как Бен ничего не замечает? И тот же перстень с бриллиантом, зажатый между лапами льва?

Словно через силу она заглянула в сундук. Ничего!

На дне сундука лежали какие-то вещи, аккуратно завернутые в старые газеты — она сама занималась их упаковкой, однако больше там ничего не было.

Значит, это тело лишь пригрезилось ей. Это открытие принесло ей желанное облегчение, хотя в глубине души все же оставались следы смущения и страха. Если ее рассудок способен выкидывать подобные фокусы, если она может в мельчайших деталях вообразить ужасные вещи, подобные тому, что увидела в сундуке, перспектива ее будущего оказывалась весьма мрачной. И когда же следует ожидать очередную подобную галлюцинацию?

Непосредственной физической угрозы как таковой не было — ни сейчас, ни раньше. Угрозы юридического преследования Бена, таким образом, основывались лишь на чистой фантазии.

— Мне все это приснилось, да, точно, — призналась она. — И все же все это было ужасно и, кроме того, я не спала. — Ее голос дрогнул. — Я думала... О, Бен, я думала...

— Что ты думала, моя дорогая? — голос его звучал странно, совсем не как обычно, в нем появились какие-то холодные, острые нотки. Он стоял не шелохнувшись и смотрел на нее, причем от его неподвижности она леденела даже сильнее, чем от холодного ветра, прорывавшегося через разбитое окно. Ей хотелось взглянуть в его лицо, но свет от лампочки оказался слишком слабым и лишь прочертил на нем глубокие борозды теней, отчего вид Бена показался ей сейчас неожиданно чужим, даже зловещим.

— Я... — начала было она, но тут же осеклась.

Он продолжал стоять неподвижно, но голос его стал тверже.

— Что ты подумала?

Она отшатнулась от него.

Бен шагнул к ней, одновременно вынимая руки из карманов и протягивая их в ее сторону, а она стояла и как завороченная смотрела перед собой, чувствуя как в горле собирается немой вопль ужаса.

Ей так и не суждено было узнать, намеревались ли эти руки заключить ее в свои объятия или же собирались сомкнуться на ее шее. Обернувшись, она опрометью пробила к лестнице, спотыкаясь и в отчаянной, безумной попытке стремясь достичь спасительной двери.

— Джанет! Джанет! — закричал он, и она услышала за спиной его тяжелые шаги. Споткнувшись о нижнюю ступеньку, он упал на колени и выругался.

Ужас придал ей новые силы, добавил скорости. Ошибки быть не могло. Хотя она видела это какие-то мгновения, но все же успела заметить, что на левом мизинце Бена красуется тот же самый перстень, который ранее был на руке убитой женщины.

Благословенный ветер ударился в дверь прямо перед ее носом и настежь распахнул ее, оставив женщину под черным покровом безопасной уже грозы.

ДОМ НАШЕЙ МЕЧТЫ

Далси Грей

Они сидели рядышком на диване в моем кабинете, и у меня мелькнула мысль, что я еще никогда не встречал столь неподходящих друг другу супругов. Ей было около пятидесяти, и поражала ее неумемная полнота. Он же, напротив, маленький и хрупкий, выглядел на несколько лет моложе. У нее было крупное, массивное лицо округлой формы, карие глаза и прямые черные волосы. Он был рыжеватый, сводянисто-серыми глазами. Она — ужасающе некрасива; он же воспринимался достаточно изящным и даже привлекательным. Она непрерывно говорила, а он большую часть времени хранил молчание.

Для женщины ее габаритов она казалась весьма подвижной. Разговаривая, дама размахивала своими красивыми руками, а когда улыбалась, что происходило достаточно часто, обнажала два ряда все еще великолепных зубов.

— Итак, вы понимаете, — наконец произнесла она, — мы решили, что нам надо обратиться к вам.

— Да, конечно, — вежливо проговорил я, — понимаю.

— Дело не в деньгах — их у меня предостаточно. Просто мой муж любит работать.

Муж невыразительно кивнул.

— Надо сказать, что он может долго работать на одном месте. Думаю, прежняя работа ему просто наскучила. Я права, Генри?

— Дорогая, но это не совсем так, — возразил Генри.

— Ну, не то чтобы наскучила, просто нам нравится путешествовать и мы действительно путешествует, не так ли, Генри?

— Да, моя дорогая, ты привыкла путешествовать.

— Да, — самодовольно произнесла она, — я люблю путешествовать. И делала это еще когда была девушкой. У моего отца для этого было достаточно денег. Возможно, именно поэтому я буквально чокнулась на путешествиях. Во время одной из таких поездок я и встретила Генри, не так ли, Генри?

— Да, дорогая.

— Знаете, это было в Австралии. Вы, наверное, и сами заметили по его акценту. Он хочет от него избавиться.

Я бросил взгляд на мужчину, но кроме легкого подраги-

вания рыжеватых ресниц его лицо в целом сохраняло бесстрастное выражение.

— Итак, — продолжала она, — чем вы можете нам помочь?

— Видите ли, — осторожно начал я, — ваша просьба несколько необычна, однако вы совершенно правы, дом сейчас пуст. Хотя я и понятия не имею, захочет ли лорд Драммонд его сдать. Но если вы хотите, можете оставить это дело мне, а я постараюсь выяснить, что здесь можно сделать.

— Хорошо, — она величественно встала. — Вы известите меня, как только что-нибудь узнаете?

— Конечно, — заверил я ее. — Я сделаю все возможное.

— Я в вас не сомневаюсь, — она озарила меня благосклонной улыбкой, накинула соболиную пелерину и натянула перчатки.

— Пошли, Генри, — сказала она, и оба удалились из комнаты.

Я сразу же позвонил лорду Драммонду; он, как мне показалось, в принципе не возражал против сдачи дома.

— Конечно, — добавил лорд, — мне был надо побольше разузнать о них, ознакомиться с рекомендательными письмами и прочее. Но в целом, как мне представляется, дело стоящее. Со смертью жены управляющего дом опустел. Хотя дом и находится в моем имении, расположен он достаточно изолированно, так что маловероятно, что они будут мне досажать. Кстати, вы не находите, что это буде неприятно им самим? Они ведь городские? В общем, думаю, нам надо установить какой-то испытательный срок, скажем, месяцев восемнадцать. И потом, мне бы очень хотелось выяснить, каким образом они вообще узнали про этот дом.

Я написал миссис Денчуорт и передал ей содержание разговора с лордом Драммондом, включая и его расспросы. Она ответила письмом, в котором сообщала, что оба супруга в восторге, особенно муж, который теперь связывает с этим домом все свои надежды. Будучи во время войны в Англии, он жил на постое в соседней деревне. Тогда-то он увидел этот дом и был буквально очарован им.

Чуть позднее пришли рекомендательные письма, и супруги встретились с лордом Драммондом, после чего он позвонил мне и сказал, что в любое удобное для меня время я могу приступить к выполнению всех необходимых формальностей.

— А странная все-таки пара, — заметил он. Она — совершенная образаина, тогда как он, кажется, вполне приличный парень. Во всяком случае, они показались мне платежеспособными. Оказывается, здесь, в Блейдоне ему предложили прекрасную работу инженера-контруктора (поэтому-то они

и хотят снять дом в этом месте), так что можно попробовать. В любом случае большую часть зимы меня в имении не будет и нам не придется слишком часто сталкиваться носами. Да и сумма, которую они намерены платить, тоже кажется мне весьма приличной.

Вплоть до рождественских праздников я не получал ни от Драммонда, ни от Денчуортов никаких известий. Наконец от супругов пришла открытка — очевидно, написал ее сам мистер Денчуорт, поскольку почерк отличался от предыдущего послания. Он писал: «Благодарим Вас за содействие в аренде помещения. Моя жена называет его «Домом нашей мечты», и я с ней абсолютно согласен. Мы оба живы и здоровы. С наилучшими пожеланиями. Мэрджори и Генри Денчуорт».

Я забросил открытку вместе с остальными рождественскими поздравлениями и вновь вспомнил про Денчуортов лишь во время случайного визита к лорду Драммонду, который нанес в тот же месяц по поводу других домов по окрестностям Брейдона. Освободившись ко времени вечернего чая, я решил навестить их.

Миссис Денчуорт явно была рада видеть меня, хотя супруг вел себя более сдержанно. Она грациозно налила мне чаю из серебрянного чайника, всем своим видом показывая, что является полноправной хозяйкой в доме. Своим мужем она помыкала как лакеем и даже отчитала его за то, что он первым налил молоко именно в свою чашку.

— Такой невнимательный, — заметила женщина.

Я тогда понял, что жена основательно действует ему на нервы, хотя он ничего и не сказал. Когда же она с пренебрежением отозвалась об Австралии и унизительно поправила его произношение, он побелел, а когда послала на кухню за другим чайником, и вовсе волком посмотрел на нее.

При этом, как мне показалось, она не обращала никакого внимания на подобные признаки напряженности и чувствовала себя возбужденной лишь оттого, что муж затеял какую-то перестройку в доме.

— Он абсолютно все делает своими собственными руками, — гордо заявляла женщина. — Строительные работы по дому — его хобби, причем у него получается просто великолепно.

По истечении восемнадцати месяцев я снова получил весточку от мистера Денчуорта.

«Решили с женой не продлевать контракт на аренду, — писал он. — Мы были здесь просто счастливы, а лорд Драммонд оказался великолепным хозяином, однако жена хочет попутешествовать. Зимний климат Англии для нее слишком суров, а она привыкла к солнцу, и поэтому через несколько недель мы отправляемся в Гонолулу».

Вскоре после этого я случайно встретил лорда Драммонда на Сент-Джеймс-стрит. После обычных приветствий я сообщил ему о планах Денчуортов и спросил, не хочет ли он снова сдать дом в аренду.

— Почему бы и нет, — сказал он. — Все было хорошо, и они меня совершенно не беспокоили. Так увлечены друг другом, везде и всюду вместе. Если по-честному, я это не вполне понимаю. Разумеется, у каждого свой вкус и прочее, однако она никак не соответствует моему представлению об идеальной спутнице жизни. Все говорит, говорит, говорит, каждый пенс контролирует, и к тому же на несколько лет старше его. Более того, она заставила его бросить работу ради путешествия на Гавайи, тогда как сам он очень понравился буквально всем в округе. И потом, потратили столько денег на переустройство дома, а теперь все это — выброшенные деньги. Я, разумеется, полностью доволен, жаловаться не на что. Мне говорили, что он первоклассный инженер-конструктор. Первоклассный! На все руки мастер.

На прощание он помахал мне зонтиком, и мы расстались.

После этого я видел Денчуорта только однажды. Меня послали в командировку на Ямайку, и там я однажды забрел в «Раунд-хилл» — один из самых роскошных отелей в мире. Там я и увидел Денчуорта — он выглядел великолепно: преуспевающий и счастливый человек. Мне показалось, что он удивился, увидев меня, однако был очень любезен и все расспрашивал о лорде Драммонде. Я рассказал, что его светлость чувствует себя хорошо и, что было вполне естественно, поинтересовался его супругой. Его лицо сразу же помрачнело.

— Она умерла, — печально произнес он. — Я очень тоскую по ней.

— Извините, — пробормотал я, — не знал.

— Да. И так неожиданно, так неожиданно. Таковую женщину, как она, мне уже никогда в жизни не встретить.

Не успел я задать ему следующий вопрос, как к нему подошла прелестная девушка, и они о чем-то заговорили. Я уже опаздывал на какую-то деловую встречу, так что откланялся и вскоре совершенно забыл о нем.

Больше я его никогда не встречал.

А недавно я получил от него письмо, как оказалось — посмертное. Вот о чем он писал:

«Дорогой Эндрюс! Дело это весьма деликатное и я не решился написать непосредственно лорду Драммонду, хотя, полагаю, ему следует знать о нем. Вы помните, как были добры, когда несколько лет назад помогли нам с женой снять тот дом, Милтон-хаус в Блейдоне? И его светлость тоже был очень добр и любезен по отношению к нам. Он оказался на-

столько учтив, что даже позволил мне осуществить кое-какие переделки в доме. Здание действительно нуждалось в обновлении, к тому же в нем не хватало ваннных комнат, и мы их построили за свой счет. Лорду Драммонду это пришлось по душе, чему я был искренне рад. Однако если он или кто другой вздумают осуществлять дальнейшие переделки в доме, их может весьма огорчить и расстроить то обстоятельство, что в стене между ванной комнатой и спальными апартаментами замуровано тело моей жены. (Моя супруга всегда говорила, что «спальные апартаменты» — это отвратительное выражение, однако я не нахожу более точного названия).

В брак со своей женой я вступил исключительно из-за ее денег, поскольку, как она совершенно правильно говорила, я всегда был очень ленив, работать не любил. Она беспрестанно пилила меня за это, хотя я не могу себе представить, за что же еще кроме денег, я или кто другой мог жениться на женщине ее возраста и внешности? После пяти лет почти невыносимой совместной жизни я наконец решил избавиться от нее. Как и любой другой убийца, я обдумывал пути и способы осуществления задуманного и был уже на грани отчаяния, потому как ничего толкового мне не приходило в голову. Неожиданно я получил письмо от одного английского друга, с которым познакомился в Англии во время войны, когда служил в военно-воздушных силах. Он предлагал мне работу на своей недавно открывшейся в Блейдоне фабрике, и я понял, что фортуна улыбнулась мне.

Видите ли, Милтон-хаус был идеальным местом для осуществления моего плана. Я хорошо знал его еще с тех пор, когда квартировал в тех местах, а кроме того, он был очень удобен с учетом перспективы работы на фабрике. Если обнаружится, что дом пустует, думал я, то мне наверняка удастся добиться исполнения моего сокровенного желания. Я написал своему другу и попросил его навести справки, и он сообщил, что мне повезло — дом действительно свободен. Поэтому я принял его предложение, ну а остальное вы знаете.

Мне не составило большого труда убедить жену зайти к вам еще до того, как она лично осмотрит дом. Более того, супруга была так рада снова оказаться в старой доброй Англии — она, как вам известно, была англичанкой. Кроме того, она обрадовалась этому в связи с тем обстоятельством, что я наконец решил осесть и начать сам зарабатывать на жизнь. Я же сказал ей, что влюбился в Милтон-хаус, что это именно то, что нужно, и к тому же прекрасное место для нее самой. что ж, так в действительности и оказалось.

Даже без согласия лорда Драммонда на проведение строительных переделок в Милтон-хаусе я наметил в нем немало других возможностей для осуществления задуманного, одна-

ко, когда было получено его разрешение, все пошло как по маслу. Еще с военных времен я хорошо запомнил потайной проем в стене огромного открытого камина в гостиной, проложенный еще в период гражданской войны.

В частности, я вспомнил, что располагавшийся в этом месте кирпичный дымоход образовывал большой выступ в стене главной спальни, и мне оставалось лишь намекнуть жене, что этот «орнамент» придает комнате особый колорит, чтобы она тут же энергично запротестовала и потребовала несмеленно его заделать. Что и говорить, дымоход действительно был довольно уродлив, и лорд Драммонд, с его тонким вкусом, быстро согласился с моим предложением: построить в спальне еще одну стену вровень с передним краем выступа дымохода, с тем чтобы за ней получилось как бы два отсека. Один из этих отсеков превращался в часть ванной комнаты, а второй... Во втором отсеке сейчас покоится тело моей жены.

Я не хочу утомлять вас деталями и скажу лишь, что когда пришло время, я заманил ее в этот закуток, ударил по голове тем, что обычно называют тупым предметом, и замуровал тело. Оно и сейчас все еще там.

Ее исчезновение осталось незамеченным, поскольку за несколько недель до убийства она приобрела очень дорогой дом в Гонолулу, который я, естественно, затем весьма удачно продал, а также потому, что я заранее распространил слухи о том, что жене на неделю раньше меня надо съездить в Лондон и купить там кое-что из платьев. Иными словами, в Блейдоне все знали, что я отвез ее в Лондон вместе со своим багажом, чтобы она могла отвести свою женскую душу, побродить по магазинам и сделать необходимые покупки. (Думаю, что багаж все еще находится на Пэддингтонском вокзале в отделении невостребованных вещей, разумеется, безо всяких бирок). Когда вы будете читать эти строки, я, увы буду уже находиться рядом со своей супругой «в той обители, ходу из которой нет никому» и т.д., что на цветистом языке, которым так любила изъясняться моя жена, означает лишь то, что меня не будет в живых. Последний год я тяжело болел, и доктора сказали, что я безнадежен.

Все это столько короткое время я вволю наслаждался жизнью на денешки своей бывшей супруги. Я был в состоянии оплатить бесчисленные маленькие «шалости» собственной персоны, поскольку банк, в котором жена хранила деньги, до сих пор пребывает в уверенности, что она еще жива — к счастью, ее почерк и роспись оказалось так легко подделать.

Доброта лорда Драммонда должна быть вознаграждена — потому я и пишу это письмо.

Искренне ваш —

Генри Денчуорт.

P.S. К мысли о том, чтобы замуровать свою жену в стену дома, я пришел более или менее случайно, и поскольку в своей исповеди перед вами я и так зашел достаточно далеко, думаю, что могу продвинуться еще дальше, а потому говорю вам, что это уже моя четвертая жертва.

Останки моей матери и сестры покоятся под цементным полом в доме, расположенном по адресу: Австралия, Мельбурн, Южная Ярра, Перегрин-плейс, 104. В то время я занимался ремонтом нашего дома, и он оказался идеальным местом для захоронения тел. Как и моя жена, обе они были властными женщинами, против которых я в конце концов решил восстать.

Третьей моей жертвой оказалась девушка, с которой я жил в гражданском браке (еще одно выражение, которое моя жена считала вульгарным). Это убийство было обнаружено, поскольку чтобы спрятать тело, я разрезал его на части и закопал их неподалеку от уединенной фермы, примерно в семидесяти милях от Сиднея. К сожалению, ее обезглавленное туловище, которое я засунул в коричневый бумажный мешок из-под муки, лежало слишком близко от поверхности земли, а владельца фермы, опять же, какая досада, за это преступление казнили, поскольку о моем присутствии в том районе в ту ночь ничего не было известно.

Теперь вы поймете, что когда дело дошло до убийства жены, я решил воспользоваться методом «А», который доказал свою высокую эффективность.

Должен признать, что при осуществлении последнего убийства произошел один неприятный инцидент, из-за которого я в течение нескольких дней немало поволновался. Я уже сказал вам, что ударил жену по голове тупым предметом, после чего замуровал ее. Так вот, выяснилось, что удар мой был недостаточно силен, в результате чего, находясь в своем заточении, жена ожила (вы только представьте себе это!) и в течение двух с половиной дней непрерывно вопила и колотила по стене, пытаясь выбраться оттуда. Все это время я испытывал, мягко выражаясь, определенное беспокойство, поскольку данная ситуация едва не нарушила все мои планы. Однако в конце концов все закончилось благополучно.

R.P.S. Постскрипумы моя жена всегда считала вульгарным и «бабским» занятием. У нее даже была своя теория на тот счет, что если человек хочет сказать что-то интересное, то он должен отразить это в самом письме.

Надеюсь, не слишком утомил вас.

Г.Д.»

СЛУЧАЙ В МЕТРО

Питер Ричи

Поезда не ходили. Пол почувствовал это сразу же, как только проснулся на лавке платформы лондонского метро «Лейчестер-сквер». На станции царил непроглядная темень, а сам он пребывал в полном одиночестве. Его окружала тишина. Лишь смесь запахов табачного дыма и блевотины напоминала о том, где он находится.

Он посмотрел на часы: половина четвертого. Неужели утра?! Или все же вечера? Может, последнее послеполуденное отключение электричества? Хотя не похоже. Пол начал вспоминать. Вечером он хорошенько наклюкался... несколько часов провел в пивной на Уордур-стрит, где впервые в жизни попробовал водку. Даже сейчас он, семнадцатилетний парень, ощущал себя приятно взрослым, а там, в баре, вообще казался самому себе настоящим мужчиной. Выходя оттуда, он источал истинно мужские запахи.

Это было в десять тридцать. Так, а потом что? А, стриптиз-бар, да не один!

Вот это девочки! Десять бумажек, но это только для вас, сэр. И все голенькие! Внутрь однако заходить не стал. На фотографиях их груди выглядели вызывающе большими, похожими на купола, что там, в России. Кроме того, он где-то читал, что стрип-клубы предназначены для мужчин, которые сами себе не могут найти подружку. Одна лишь мысль о том, что он может быть причастен к стаду лондонских «грязных стариков», оскорбляло его чувство собственного достоинства. Но что же он делал потом? Ничего особо потрясающего, иначе не забыл бы об этом так скоро. В общем, девственность его пока оставалась ненарушенной.

Наконец, к своему огорчению, он осознал, что так ничего толком и не совершил. Пришел на станцию, купил билет до Кенсингтона, спустился на платформу, уселся на скамейку и вот — спустя почти пять часов оказался на ней же.

Странно как-то получилось, что они закрыли станцию, даже не попытавшись разбудить его. Во сколько он обещал прийти домой? К двенадцати? Ну, теперь, когда заявится, достанется ему...

Достанется? Эта мысль камнем стукнула его по затылку: а попадет ли он вообще домой? Подобно человеку в ванной, когда отключают воду, он тупо уставился перед собой, замер

от страха. И этот холод — ему показалось, что его заперли в морозильник. Нет, пора отсюда выбираться.

Он встал, чуть качнулся и затем двинулся вдоль платформы, придерживаясь для ориентира рукой стены. Пальцы скользили по изорванным рекламным плакатам, обычно таким ярким и выразительным, а сейчас лишь бессильно невидимым. Пол чувствовал, что так до конца и не протрезвел, но это было ему даже приятно. Он знал, что где-то здесь должен быть эскалатор, ведущий вверх. Ну, а уж там-то он отыщет какое-нибудь окно или что-нибудь в этом роде.

Однако едва его пальцы коснулись холодной двери, отделявшей платформу от лестницы, он понял, что оказался в ловушке. Дверь была заперта, причем наглухо. «Служба безопасности лондонского метро». Пол забарабанил кулаками по двери, и звуки ударов подобно гонгу эхом отозвались в дальнем конце платформы, улетев затем в туннель. Это напугало его еще больше, и к тому же он сильно зашиб руку.

— Помогите! Выпустите меня отсюда! — завопил он на грани истерики, хотя и понимал, что надеяться на помощь нечего. «Помогите!» — так кричат в кино, на благотворительных плакатах или где-нибудь за границей, но никак не в метро. Да и потом он отлично знал, что никто не услышит его — над ним было несколько сотен футов земли.

Часы показывали 3.45. Смирившись со своей участью, он повернулся и медленно, все так же держась за стену, побрел назад к скамье, на которой ему суждено было провести остаток ночи.

— Лондонский метрополитен желает Полу Лансеру спокойной ночи и выражает надежду на то, что он найдет все необходимое для удобного ночлега, — почти пропел Пол, словно стараясь убедить себя в том, что все это действительно очень весело и вообще не что иное как очередное приключение. Однако его наигранное веселье улетучилось в один миг; сердце ожесточенно заколотилось — он был почти уверен в том, что только что услышал произнесенное в крошечной темноте слово «Что?». Он остановился и внимательно прислушался. Ни звука. «Все эта водка», — с радостью и облегчением подумал он.

Добравшись до скамейки, он плюхнулся на нее. Ничего, достаточно мягко, почти как на диване.

Скамья шевельнулась. Вздвогнув от ужаса, Пол резко выгнул спину и снова вскочил на ноги. «Да, ведь сколько бы ты ни пил, на Лейчестер-сквер никогда не было мягких скамеек», — пронеслось у него в мозгу — значит, он сел на какого-то другого человека.

Очнулся Пол, лишь когда пробежал в темноте добрую

половину платформы. Но ведь раньше он никого здесь не замечал... Он остановился, пытаясь отдышаться, и услышал эхо собственных шагов. Быстрых шагов. Но ведь он же стоит на месте, даже не шевелится, а шаги все слышатся — клик-клик-клик-клик. Кто-то идет за ним! Вспомнив один из комиксов про «зеленых беретов», он быстро скинул туфли и в одних носках побежал по платформе. Ну, теперь-то преследователь его потеряет, ему ни за что не узнать, где он есть.

Однако шаги — клик-клик-клик-клик — продолжались, причем теперь они были похожи на походку человека, опаздывающего на работу и все же не желающего переходить на бег. И звучали они как-то странно, словно существовали сами по себе, вне всякой связи с невидимым, но контролирующим их мозгом, будто шаги робота, отбившегося от рук создавшего его хозяина. Получается, совет «зеленых беретов» насчет носков не помог, комиксы оказались ерундой, ложью для сопляков. Полу же исполнилось семнадцать, он пил водку в Сохо, а комиксы — чушь собачья!

Левой лодыжкой он задел урну, стоявшую у края платформы. Страх кулем грохнулся куда-то вниз желудка, но сделал это совсем неслышно и не помешал Полу разобрать, что шаги продолжали приближаться. Оставался только один выход. Сунув туфли в карманы пиджака, он подошел к краю платформы и прыгнул на рельсы. Электричество давно отключили, так что бояться ему было нечего. Пробежав около сотни метров, он остановился и прислушался. Тишина.

Пол перевел дух и начал уже было поздравлять себя с победой, как вдруг где-то за его спиной раздался характерный стук; кто-то тоже прыгнул на рельсы. И вот угрожающие шаги теперь уже почти бегущего стали приближаться, спотыкаясь и на мгновение замирая в отдалении. Пол бросился вглубь туннеля, но преследовавшие его звуки нарастали с тревожащей быстротой.

По счастливой случайности Пол вспомнил, что в стенах туннеля имеются углубления, ниши, в которые могут становиться работники метро, когда мимо проходит поезд. Вот бы ему найти такое место, спрятаться в нем, и тогда эта надвигающаяся угроза, возможно, прошла бы мимо, не заметив его! Пол протянул руку в сторону и, не отрывая ее от стены, как и тогда, на платформе, быстро пошел вперед. Вот оно, это углубление, он все-таки отыскал его. Поднявшись на ступеньку, Пол втиснул свое тщедушное тело в нишу, вжав спину в стену. Не более метра в глубину и почти столько же в высоту, но все же лучше, чем ничего.

Пол ощущал движение воздуха в туннеле, легонько да-

вившее сейчас ему на грудь. Он старался сдерживать дыхание, стоять не шевельнувшись, чтобы, не дай Бог, не выдать себя неосторожным вздохом напрягшихся легких. Ноги заболели и, пошевелив пальцами, он почувствовал дырки в своих носках. И носил-то всего какую-то неделю, а ведь на этикетке обещали, что ими чуть ли не вечность можно пользоваться! Разумеется, это было весело, но Пола сейчас совсем не расшело. На всякий случай он осторожно вынул из кармана одну туфлю и стал нащупывать стальную подковку на каблучке.

Шаги зазвучали прямо напротив ниши. «Проходи! — беззвучно взмолился он. — Ну проходи же!....»

Эхо вернуло ему его же слова. Все! Он выдал себя, раскрылся. Теперь — конец, игра окончена. Он с силой вцепился в туфлю.

Шаги тут же замерли. Человек тихонько откашлялся и стал переминаться с ноги на ногу, явно раздумывая над тем, откуда же до него донесся этот голос. Пол совсем перестал дышать, но был уверен, что его с головой выдадут бешеные удары сердца, слышимые во всех концах туннеля. И ничего с ним не поделаешь: чем больше ты их сдерживаешь, тем сильнее они звучат.

Оба замерли, совершенно неподвижные. Патовая ситуация. «Если бы это было в кино, — подумал Пол, — здесь обязательно бы сделали перерыв, и мальчишки начали разносить мороженое». Он с нетерпением ждал, что услышит долгожданный голос: «А сейчас мы объявляем короткий...» Но нет, все было тихо. Ничто не нарушало тишины. Напитки и мороженое не предлагались.

Пол весь изошел и начал уже подумывать, не броситься ли ему из своего укрытия вперед и что есть сил садануть неизвестного туфлей по голове, телу, по чему попадет. Что угодно, только не это пассивное, изматывающее бездействие, ожидание неизвестно чего. Но странно — он не мог заставить себя пошевелить даже пальцем, тело отказалось подчиняться командам мозга. Он мысленно взирал на свои члены подобно командиру, окидывающему взглядом взбунтовавшееся войско: отчасти разгневанный фактом явного неподчинения, но и где-то умиротворенный тем обстоятельством, что перспектива скорой смерти чуть отодвинулась.

Краем глаза он скользнул по светящемуся циферблату часов: 4.30. Ноги Пола затекли и основательно замерзли, хотя мозг почти полностью отрешился от нависшей опасности, притаившейся за краем ниши. Иногда бывает, что страх парализует какие-то зоны сознания. Возможно, в этом заключалась одна из хитростей природы: подобным образом пред-

охранить рассудок в минуты кризиса от опасности помешательства.

Но вот человек на рельсах снова стал двигаться, медленно перемещаться туда-сюда, как бы ища что-то, оброшенное им на земле. Десяток шагов туда, столько же обратно, опять туда и снова обратно. Он явно не спешил. Вероятно, удовольствие для него заключалось не столько в осуществлении зловещего плана, сколько в его предвкушении. Если это так, то он явно растягивал это удовольствие. Он даже не предпринимал попыток отыскать Пола, заговорить с ним. Как обжора, ошивающийся возле праздничного стола, приноживающийся к стоящим на нем яствам и предвкушающий скорое пиршество.

Эти шаги ввергли Пола в состояние полутранса. Он предлся восторженно-отстраненным размышлениям о том, как выглядит этот человек, какой он: толстый или тонкий, молодой или старый? С бородой? Похож на бродягу?

Перестук шагов продолжался — частый и уверенный. Значит, молодой, во всяком случае, не старик. И озлобленный. Может, даже сумасшедший. Пол с трудом осознавал, что все это практически не имеет никакого значения. Его убежище было раскрыто. Тиканье часов на руке совпадало со стуком сердца и ритмом шагов по шпалам, образуя единый и зловещий оркестр, в котором ударные инструменты явно исполняли ведущую партию.

Но в 4.45 в мозгу Пола колыхнулась обнаженная мысль: ведь скоро рассвет, а значит, придут служители метро. Но самое главное — начнут ходить поезда. Вот бы только продержаться еще полчаса или около того, тогда от невидимого преследователя останется лишь кровавое месиво да лохмотья одежды. Эта надежда одновременно возбудила и ужаснула Пола — это будет чудовишно. Но ничего другого ему не остается. Если стоишь на пути летящего по рельсам поезда, этого не избежать.

Все чаще взгляд Поля возвращался к светящимся стрелкам часов. 4.50, 4.55, 5.00. Вот уже 5.10, 5.13... Точно в 5.15 он услышал звук, походивший на шипение поджариваемых сосисок. И вздох — резкий, короткий вздох, вслед за которым весь туннель разом озарился слабым светом. И Пол все увидел.

Прямо напротив него на рельсах стоял тощий мужчина лет сорока в потертом мешковатом костюме, который был ему явно велик на несколько размеров. Глубоко сидящие глаза, выглядывавшие из-под видавшего виды котелка, внимательно всматривались в стену над головой Пола; на лице застыло выражение возбуждения, рот слегка приоткрылся. В неярком желтоватом свете плафонов человек казался изможденным,

даже болезненным. У его ног лежал приоткрытый портфель из которого выглядывало блестящее лезвие ножа.

Неожиданно мужчина резко выгнул спину, повернулся на каблуках и прямо, как дерево, рухнул на землю. Вновь слышался шипящий звук, и Пол почувствовал запах горелого. Из-под живота упавшего человека выпорхнул язычок оранжевого пламени. За какие-то несколько секунд все его тело оказалось охваченным огнем, желтые струйки которого бросали неровные, размытые отблески на стены туннеля.

Пол съежился, застыл недвижимый, с трудом сдерживая подкатывающее чувство дурноты от обволакивающего запаха горелого мяса и дыма. Неожиданно человек на рельсах начал дергаться, извиваться, чуть ли не подпрыгивать. Вот он буквально сел, охваченный пламенем, потом опять упал, выгнув спину и ожесточенно откинув ногу. Пол бросил мимолетный взгляд на его лицо — сейчас глаза человека горели безумием, едва не вылезая из орбит, челюсти то открывались, то опять сжимались, как будто он медленно жевал большой жесткий кусок мяса. Кожа на лице вздувалась пузырями, которые, лопаясь, сочились мутной жидкостью. Затем тело еще раз дернулось и снова замерло. До Пола донесся хлопающий звук, словно внутри человека что-то лопнуло, не выдержав неимоверного напряжения. И действительно, живот человека расплылся кривой бороздой, выплеснув наружу остатки булькающей и мгновенно закипающей жижи. От одежды и верхних кожных покровов не осталось и следа, ребра торчали из груди наподобие зубьев гигантской расчески, которую кто-то поддел носком ботинка из густой грязи.

Пол не мог больше оставаться в своем убежище. Он нацепил туфли и побежал по шпалам в сторону станции. Где-то на полпути он неловко бросил кривой взгляд назад, к затихающему, почти домашнему пламени на рельсах, и почему-то вспомнил свою последнюю рождественскую елку, только запах сейчас никак не напоминал ему аромат жареной индейки.

А вот и станция — вся в огнях, в слепящем свете. Едва Пол выглянул из туннеля, ему в грудь ткнулась метла испуганного мусорщика.

— Так-так, голубчик, а что, если поезд пройдет, глупый мальчишка?! Тебя всего размажет по стенам, а мне потом оттирать!?

Пол вскочил на платформу. Служитель приблизился — он был старый и совсем лысый. Внимательно вглядываясь в лицо Пола, он сейчас явно намеревался извлечь максимум удовольствия из своего невысокого служебного поста.

— Минутку! Что за вид! Ботинки не чищены, волосы как копна сена. Да что здесь вообще происходит? Что ты там

делал? Или ты из этих, из наркоманов? Хиппуешь там, что ли?

Объяснять ему что-либо было бесполезно.

— Я уронил монету и полез, чтобы достать ее, — пробормотал Пол, хотя отчетливо понимал, что мусорщика он не убедил.

— Уронил какую-то чертову монету! И это в полшестого утра?! Да что это было-то? Золотой соверен?! — Пол бросился мимо старика и побежал к выходу, блокированному стальной дверью.

— Стой, чертов хулиган! Ты, мерзкий хипарь! Я с тобой еще не разобрался!...

Пол побежал по лестнице эскалатора. Сейчас ему обязательно надо было найти трезвомыслящего служащего станции, причем сделать это до того, как все помещение потонет в клубах дыма. Все произошло так быстро, словно в кошмаре. Сейчас он едва верил даже в собственное существование. А на станции все оставалось таким обычным. Можно ли было представить, что в каком-то километре отсюда, от всех этих реклам женского белья, сейчас лежит обгорелое человеческое тело?

Когда ноги наконец вынесли его на самый верх лестницы, Пол принял новое решение. Он ничего никому не скажет и вообще станет отрицать любую свою причастность к этому делу. Люди на станции скоро обнаружат тело, и вряд ли кто станет выслушивать старого мусорщика, что-то болтающего про какого-то «хиппи». Никто даже не узнает, что этой ночью он вообще был поблизости от «Лейчестер-сквер».

Пол незамеченным выскочил через боковую дверь. На улице все еще стоял полумрак и было довольно зябко. Он быстро пошел в сторону Кенсингтона, когда наконец за спиной услышал нарастающий вой сирены. Мимо него по улице пронеслась пожарная машина, а следом за ней скорая помощь. И обе в сторону метро.

«Пепельницу ему надо, а не скорую», — хмыкнул про себя Пол, но мысль эта вызвала у него не веселую улыбку, а почему-то слезы. Откуда их взялось столько, словно прорвало — они текли, лились по щекам подростка, а он никак не мог сдержать их. Ранние прохожие делали вид, что не замечают его. Какой-то пьяный идиот, думали, наверное, отнюдь не желая углубляться в существо проблемы.

Лишь подойдя к Лэмберт-бридж, Пол начал осознавать, что же произошло в туннеле. Шипящий звук происходил оттого, что в тот самый момент, когда работники метро включили рубильники, мощный электрический разряд пронзил стоящего на рельсах человека. Донесшийся до него резкий

вздох был не чем иным, как последним актом жизни парализованного током человека, а отсюда же и смертельная бледность его лица. Уже мертвого. По какой-то дикой случайности тело его пару секунд продолжало сохранять вертикальное положение, балансируя на негнувшихся ногах, и только после этого рухнуло на шпалы. Пол был уже готов пожалеть несчастного, когда ему вспомнился торчащий из портфеля нож. Какая же может быть жалость к человеку, собиравшемуся убить его?

К счастью для Пола, домой он пришел минут через пятнадцать после того, как отец отправился на работу. Дверь открыла мать.

— Мы с отцом до смерти перепугались, когда ты не пришел вчера домой. Всю ночь заснуть не могли. Тебе повезло, что разминулсЯ с отцом. Видел бы ты его лицо... А сам-то на кого похож?!

— Спасибо.

— Входи и умойся как следует. Весь черный какой-то. Даже представить не могу, чем ты занимался. Ладно, пока не стану спрашивать, где ты был. Полагаю, обычные штучки, которым увлекаются парни по ночам. По общению с твоим папочкой знаю. Впрочем, я никогда не любила совать нос не в свои дела...

Пропустив на скорую руку завтрак, Пол поспешил к себе в комнату и, едва успев скинуть одежду, бросился на кровать. Сон его был тревожным. Ему снилось очертание тела горящего человека; снова и снова перед ним представал открытый зев мужчины, слышался стук судорожно клацающих челюстей. И нож — там же, в самом центре сновидений — длинный, нацеленный на жертву.

Проснулся он только к полудню. Сбежал вниз к почтовому ящику, Пол вынул газеты и тут же набросился на них.

«ЧЕЛОВЕК СГОРЕЛ В ТУННЕЛЕ МЕТРО» — кричали первые полосы. Пол принялся жадно читать.

— Мистер Уордейл, сорока двух лет, — строки летели перед глазами, — обуглившиеся останки которого были найдены сегодня утром в туннеле метро неподалеку от станции «Лейчестер-сквер», был безработным и проживал в доме номер 13 по Кемпли-стрит. Предполагается, что огонь возник вследствие воспламенения от электротока бензина в зажигалке, найденной среди обугленных костей покойного.

«Я попросила его сходить и купить кухонный нож для бифштексов, — сообщила корреспондентам пятидесятилетняя хозяйка квартиры, которую снимал покойный. — А то старый мой совсем затупился и мне надоело его все время точить. Мистер Уордейл был очень одинок, а в последнее

время чувствовал себя особенно подавленно. Я думаю, это из-за потери работы. Очень его это угнетало. В дни вынужденного безделья он был буквально сам не свой, все ходил туда-сюда, места себе не находил. При этом он и сам не всегда ясно понимал, где находится и куда идет. Иногда мог часами ходить за каким-нибудь человеком. Он очень нуждался в общении. До сих пор не могу поверить в том, что его уже нет в живых. Такой добрый был, настоящий джентльмен, хотя и бедный, со странностями. Вчера вечером, перед тем как пойти за ножом, мы сидели с ним на кухне и он рассказал мне, что днем увидел на улице очень красивую девушку. Она улыбнулась ему и после этого спустилась в метро на станции «Лейчестер-сквер». Он сказал мне, что обязательно найдет ее там, пусть даже для этого ему придется прождать всю ночь. Я, правда, не очень-то верю в том, что такая девушка вообще существует, а если и так, то она скорее всего лишь подсмеивалась над его видом, а отнюдь не улыбалась ему. Действительно, он так смешно выглядел в своем костюме. А сам-то думал, что все так и заглядываются на него. Я же говорю, смешной был человек. Но ему всегда так хотелось с кем-нибудь подружиться».

БАССЕЙН

Эндрю Бенедикт

Джордж Реймон откручивал болты, которыми хромированная стальная лестница крепилась к кафельному борту бассейна. Бассейн был очень глубокий, но к этому моменту вода уже спустилась настолько, что показалась последняя ступенька короткой, длиной в два фута, лестницы. Вторую лестницу, с противоположного борта бассейна, Джордж уже снял и отнес в гараж.

— Эти ребята — сущие варвары, — сказал он Бет. — Бегут или ломают все, что попадется на глаза. Просто так, для развлечения. Поэтому я и постараюсь оставить им поменьше соблазнов.

— Ты думаешь, они не смогут забраться в дом? — спросила Бет. — Например, через эти большие окна.

— Придется нам рискнуть, — ответил Джордж. — Если ты не будешь больше купаться, Бет, я сниму лестницу.

— Подожди, дорогой, я еще чуточку поплаваю, если ты не возражаешь. Мне очень хочется попрощаться с моим чудным бассейном.

— Хорошо, Бет. Я пока оставляю лестницу. Может быть, когда упакуем все вещи, ты успеешь еще немного поплавать.

— У меня уже никогда не будет такого бассейна, — с грустью сказала Бет и попыталась улыбнуться. — Мы надолго уезжаем, Джордж?

— Не знаю. Во всяком случае, сюда мы не вернемся. Это уже решено.

— Да, я знаю.

Он взял ее под руку, и они пошли к невысокому дому, уютно примостившемуся в глубине тенистого ущелья.

— Давай быстренько укладывать вещи, — сказал он. — Мы должны быть в международном аэропорту не позднее пяти часов. И не забудь, ты можешь взять всего два чемодана. Только самое необходимое. Никаких безделушек, никаких вещей на память. Я не беру даже пишущую машинку. Мы путешествуем налегке.

— И почему-то очень спешим, — сказала она. — Ты не хочешь объяснить мне, в чем дело, дорогой? У меня такое ощущение, что мы не просто едем путешествовать, а поспешно убегаем. Только не пойму, от чего. Может быть, ты рас-

скажешь мне, чем тебя беспокоило письмо, которое ты получил сегодня утром? Оно от твоего агента?

— Я все расскажу тебе, Бет, когда мы будем уже в Испании, — терпеливо ответил он. — Сейчас это займет слишком много времени. Сейчас мы просто перелетные птицы, и мы улетаем.

Бет была озадачена и немного напугана, но больше ни о чем не спрашивала.

Часом позже старый автомобиль с откидным верхом выехал из-за поворота шоссе, проходившего по каньону. Почти сразу же за поворотом шоссе обрывалось, и начиналась грунтовая дорога. Здесь машина остановилась перед запертой на замок тяжелой цепью, натянутой между двумя столбами. На одном из столбов висела табличка: «Реймонд. Частное владение».

За рулем сидел толстый человек средних лет с красным от загара лицом. Он снял солнечные очки, посмотрел по сторонам, затем обернулся к своему молодому спутнику и сказал:

— Это здесь, Джо. Мы нашли Профессора.

— Он выбрал прекрасное местечко. Частная дорога. Железная цепь. Густые деревья до самого конца каньона. Здесь мало кто увидит его.

— На это он и рассчитывал, — сказал толстяк, вылезая из машины. — Дела у него сейчас идут хорошо. За последние три года — два бестселлера. Женитьба на красивой женщине. Между прочим, всего пару лет назад она входила в состав женской олимпийской сборной по прыжкам в воду.

Он подошел к железной цепи и осмотрел замок. Затем вынул из кармана связку каких-то инструментов, напоминающих лезвия, немного повозился, и цепь упала на дорогу.

— Чем они больше, тем их легче открыть.

Молодой человек пересел за руль и проехал через валявшуюся на дороге цепь. После чего толстяк снова пристроил цепь на место.

— Ну, поехали к дому, — сказал он, усаживаясь в машину. — Поздороваемся с хозяевами.

Вскоре автомобиль выехал на усыпанную гравием площадку около бассейна. Молодой человек и толстяк вышли из машины.

— О, здесь еще и бассейн имеется, — сказал толстяк. — Огромный. Наверное, для жены. Наконец-то, Джо, мы попали в приличное место. Недаром говорят, что жить стоит только в Калифорнии.

Джо огляделся вокруг.

— Смотри, — сказал он, показывая на машину Джорджа Реймонда с открытым багажником, стоявшую перед гара-

жом. — Похоже, мы успели вовремя. Чемоданы уже в машине. Хозяева собрались путешествовать.

— Да, мы успели вовремя, — сказал толстяк, направляясь к дому. — Вода так и манит. Надеюсь, у Профессора найдутся лишние плавки. Мы бы с тобой порезвились в бассейне. Разумеется, после того, как он нас радушно поприветствует.

Они пересекли двор и пошли в дом, даже не подумав позвонить.

В это время Бет Реймонд закрыла вторую сумку и крикнула в соседнюю комнату:

— Джордж, я готова.

Он взглянул на часы и, подойдя к двери, сказал:

— Хорошо, у нас в запасе час. Ты можешь немного поплавать, и у нас еще останется время, чтобы заехать в банк. Может, немного выпьем?

— Я сейчас принесу, — сказала Бет и направилась в гостиную.

Она уже вошла в комнату, когда вдруг увидела толстого краснолицего мужчину, сидевшего на стуле со стаканом бренди в руке.

— Привет, миссис Реймонд, — развязно обратился к ней толстяк. — Присоединяйтесь ко мне.

— Кто вы? — строго спросила Бет. — Что вы здесь делаете? И как вы вошли в дом? Я не слышала звонка.

— А я и не звонил. Вы можете звать меня Максом, — миссис Реймонд, — сказал толстяк, ухмыляясь. — У вас прекрасный бар. И вообще мне здесь очень нравится.

— Немедленно уходите отсюда. Или я позвоню в полицию.

— В самом деле? — захихикал толстяк. — Не думаю, что вам удастся это сделать.

— Сейчас вы это увидите.

Телефон стоял у нее за спиной. Она шагнула к нему и начала набирать номер. В этот момент кто-то подошел к ней сзади, обхватил мускулистой рукой и крепко прижал к телу, пахнущему потом. Бет сразу поняла, что мужчина настолько силен, что ей с ним не справиться, и заставила себя не сопротивляться. Она повернула голову и взглянула на человека, державшего ее. Он был молод, невысок, но атлетически сложен.

Наверное, он стоял в углу, у камина, где были развешены ее фотографии с олимпийских игр шестидесятого года, и она просто не заметила его.

— Послушай, куколка, — шепнул он ей в самое ухо, — ты хороша не только на этих фотографиях, обнимать тебя — одно удовольствие. У Профессора недурной вкус.

— Отпусти ее, Джо, — сказал Макс. — Мы не собираемся ссориться с хозяйкой дома. Не будем спешить.

— Ты прав, Макс, — согласился парень. — У нас еще будет время познакомиться поближе.

Он отпустил Бет. Сдерживая дрожь, она отступила на шаг и обернулась. Парень бесцеремонно разглядывал ее с ног до головы, не скрывая своего восхищения. Его взгляд оскорблял Бет.

— Я не понимаю, что все это значит, — сказала Бет, стараясь придать своему голосу как можно больше твердости. — Имейте в виду, местная полиция очень строго относится к тем, кто врывается в частные владения.

— А знаете ли вы, — сказал Макс, нагло улыбаясь, — что ваш муж едва ли захочет, чтобы вы звонили в полицию. Не правда ли, Профессор?

Бет обернулась. Джордж подошел к ней и, взяв ее за руку, сказал:

— Нет, Бет, мы не будем звонить в полицию.

— Ты знаешь этих людей?

— Я знаю Макса. Мы когда-то... жили в одной комнате... Макс хихикнул:

— Можно, конечно, и так сказать. Видите ли, миссис Реймонд...

— Я сам расскажу ей, Макс, — перебил Профессор. Толстяк пожал плечами.

— И все же пусть она узнает правду. Вообще-то женщины чересчур чувствительны к таким историям. Но миссис Реймонд, мне кажется, относится к другому типу.

— Джордж, о чем он говорит?

— Это то, о чем я хотел рассказать тебе в Испании, Бет. Именно из-за этой истории я никогда не рассказывал тебе о своем прошлом. Дело в том, что мы с Максом сидели в тюрьме, в Нью-Йорке, в одной камере. Восемь лет назад я сбежал...

— Не принимайте это слишком близко к сердцу, миссис Реймонд, — вмешался Макс, внимательно наблюдавший за ней во время разговора. — Дело было так. Профессор, то есть ваш муж, просто сидел в машине с парочкой хулиганов, которые решили ограбить бензоколонку. Случилось так, что служащий этой бензоколонки был убит. Ваш муж не имел к этому никакого отношения, но у него были кое-какие грешки в прошлом, и его отправили за решетку на двадцать лет.

— Мне очень жаль, Бет, — сказал Джордж, крепко сжав ее руку. — Мне жаль, что ты узнала об этом таким образом.

— Не волнуйся, Джордж. Все в порядке. Я же очень хорошо тебя знаю, лучше всех. Я знаю, что ты не способен на убийство.

— Спасибо, Бет... Макс, как вы здесь оказались?

Макс поднялся, не спеша подошел к бару и снова наполнил свой стакан.

— Выпьешь, Профессор, за старой времечко? А вы, миссис Реймонд? Не желаете? Ну потом не говорите, что я вам не предлагал.

Он вернулся к своему стулу и лениво растянулся на нем.

— Как мы здесь оказались? Видишь ли, Джордж. Я совершенно случайно прочитал твою последнюю книжку и узнал кое-что, о чем когда-то рассказывал тебе в камере 413. Меня разобрало любопытство. И когда меня освободили под честное слово, я решил найти автора этой книжки. Джо помогал мне. Тут выяснилось, что этот весьма популярный автор, Джордж Реймонд, — таинственная личность. Никто ничего не знает о нем. Фотографии его нигде не печатаются. И адрес его нигде не значится. Многие из его почитателей думают, что это такой прием, рассчитанный на публику. Но я все понял сразу. Я понял, что Джордж Реймонд — это Джордж Райс. То бишь, Профессор, мой старый приятель.

Он отхлебнул из стакана и облизнул губы.

— Я послал Джо поговорить с секретаршей твоего литературного агента. Джо умеет обращаться с женщинами, и ему удалось выудить у нее твой адрес. Мы купили старую машину и отправились на Запад. Я очень рад за тебя, Профессор. Живешь ты весьма недурно.

— Мой агент написал мне, — сухо сказал Джордж. — Секретарша в конце концов ему все рассказала. Давайте ближе к делу, Макс. Для чего вы искали меня? Что вы хотите? Денег?

— Денег? — переспросил Макс и снова захихикал.

Джо сидел около рояля и перебирал пальцами клавиши. По его лицу блуждала издевательская усмешка.

— Деньги мы сами умеем зарабатывать. Но Джо сейчас разыскивает полиция, а я нарушаю свое честное слово. Нам бы хотелось установить новые связи, а пока нам нужно тихое местечко. Пожалуй, мы поедem с вами.

— Нет, — невольно вскрикнула Бет. — Мы уезжаем за границу.

— Вы собирались уехать за границу, — поправил ее Макс. — Вы собирались смотаться до нашего появления здесь. Не так ли, Джордж?

Джордж нехотя кивнул и, повернувшись к Бет, сказал:

— Когда я сегодня утром получил письмо от Питера, я понял, что кто-то напал на мой след. Поэтому мы стали так поспешно собираться в поездку.

— Я думаю, мы здорово проведем время вчетвером, —

усмехнулся Макс. — Пока мы с тобой будем вспоминать было, Джо и твоя жена смогут потанцевать. Она, наверное, любит серьезную музыку, а он научит ее играть буги-вуги. Джо, продемонстрируй свои таланты.

— С удовольствием, — сказал Джо и повернулся к роялю.

Он довольно бойко сыграл блюз. Затем поднялся, раскла- нялся и церемонно произнес:

— Спасибо за внимание, ребята.

— Джо вполне мог бы зарабатывать на жизнь, играя в ночных клубах, — сказал Макс. — Собственно, так он и начинал, пока в один прекрасный день не понял, что за убийство платят гораздо больше.

Бет взглянула на улыбающегося Джо. У него было красивое мальчишеское лицо. Оно чем-то напоминало обиженного ребенка. Только глаза и губы придавали этому лицу какое-то иное, пугающее выражение.

— Что вы на меня так смотрите? Макс говорит сущую правду. Я действительно выбиваю людям мозги.

Он наставил на нее палец и быстро проговорил:

— Паф-паф-паф...

Так делают дети, изображая выстрел. Но Бет почему-то сделалось страшно. Она невольно вздрогнула и почувствовала, как Джордж крепче сжал ее руку.

— Вот так, — продолжал Джо. — В сердце, в глаз, в череп. Куда захочу. Я еще ни разу не промазал. И никогда не попался.

— Но в последний раз ты был близок к тому, — сказал Макс и добавил, обращаясь к Бет и Джорджу, — именно поэтому полиция сейчас очень интересуется Джо.

Он поднялся, налил себе еще и снова осушил стакан.

— Мы чертовски долго добирались сюда и буквально взмокли от жары. Джо, как ты относишься к тому, чтобы переодеться к ленчу, который организуют для нас наши друзья.

— Я бы хотел сначала поплавать в бассейне, — ухмыльнулся Джо. — Я ни разу в жизни не плавал в частном бассейне.

— О'кей. Профессор, надеюсь, у тебя найдутся лишние плавки?

— В комнате для гостей.

— Ну что, Джо, пойдем переоденемся. А Профессор с женой пока обсудят свои дела.

Они направились в комнату для гостей и закрыли дверь.

— Джордж, — начала Бет.

— Давай выйдем отсюда, — перебил он ее.

Они вышли во двор и остановились возле бассейна.

— Бет, — сказал Джордж. — Честное слово, я был уверен, что мне ничего не угрожает. Иначе бы никогда не женился на тебе. Теперь есть только один выход. Я остаюсь здесь, а ты сейчас сядешь в машину и уедешь. Куда угодно. Это не имеет значения. А потом ты разведешься со мной. Я очень прошу: забудь меня.

— Прежде чем решать за меня мое будущее, — ледяным тоном сказала Бет, — может быть, ты все же расскажешь мне немного о своем прошлом. Но на этот раз только правду.

— Честно говоря, это не очень красивая история. Я был беспризорным мальчишкой. И как-то само собой получилось — сделался воришкой. К двадцати годам я уже успел побывать в тюрьме. Там я много читал, и мне захотелось учиться. Но как только я оказался на свободе, меня затянула прежняя среда. И вскоре произошел этот случай с убийством на бензоколонке, о котором рассказал Макс. Это все правда. Я действительно разъезжал с двумя парнями, которые мне не слишком нравились. И в конце концов — доигрался. Посадили не их, а меня, так как я уже раньше отбывал наказание в тюрьме. Мне было тогда двадцать четыре года. Я снова стал ходить в тюремную библиотеку, и меня даже сделали помощником библиотекаря. Тогда же я получил эту кличку — Профессор. И писать я начал тоже в тюрьме — это были рассказы о людях, которых я знал. И вот однажды я сбежал. Все получилось неожиданно просто: я вышел вместе с группой врачей, которые инспектировали тюрьму. Затем уехал в Калифорнию. Долгое время жил в лачуге, скрываясь от посторонних глаз, и писал. Когда книги стали издавать и пришел успех, я не разрешил публиковать свои фотографии. Вообще я старался как можно меньше бывать на людях и общался только с несколькими преданными мне людьми. К тому моменту, когда мы с тобой познакомились, мне казалось, что и внешне я уже изменился настолько, что вряд ли меня сможет узнать кто-нибудь из прежних знакомых.

— Что же будет теперь? — спросила Бет.

— Теперь я во власти Макса. Если он сообщит обо мне в полицию, я снова окажусь в тюрьме. Но ты ничем не связана, Бет. Ты должна уехать. Пожалуйста, оставь меня.

— Покинуть тебя сейчас? За кого ты меня принимаешь? Я никогда не сделаю этого.

Он на мгновение замолчал, потом взволнованно проговорил:

— Спасибо, Бет. Большое спасибо.

— Но что же нам делать? — спросила она. — Я чувствую, что если они останутся, случится что-то страшное. Этот Джо, он ужасен. Я боюсь его. Он...

— Бет! Иди в полицию. Сейчас у меня есть деньги. Я смогу нанять адвокатов и надеюсь, что меня оправдают.

— Нет! — она схватила его за руку. А если тебе не удастся выиграть процесс? Нет, Джордж. Я не буду так рисковать. Я не могу. Я никому не отдам тебя.

Она оглянулась и увидела Макса и Джо, направлявшихся к бассейну. На Максе были красные плавки. А на Джо цветастые, с гавайским рисунком.

— Эй, — крикнул Джо, когда они подошли поближе. — Вода в бассейне опускается. В чем дело?

— Мы начали спускать воду, — ответил Джордж. — Мы ведь собирались уезжать.

— Теперь в этом нет нужды — перекрой воду. К тебе приехали друзья, и ты никуда не едешь.

— Хорошо.

Джордж подошел к клапанам: завернул выходной и отвернул входной.

Джо взглянул на Бет.

— Я показал тебе, как я играю на рояле, — с ухмылкой сказал он. — Надеюсь, теперь ты покажешь мне, как ты умеешь прыгать. Кажется, тут ты мастерица, куколка. Конечно, если здесь достаточно воды.

— Здесь достаточно воды, — сказала Бет. — Сейчас я надену купальник.

Она побежала в дом, и Джо проводил ее взглядом.

Макс, хихикая, обратился к Джорджу:

— Ну что, Профессор, поделился наконец с женушкой некоторыми подробностями своей прошлой жизни?

— Я рассказал ее все, — резко сказал Джордж.

— Прелестная куколка, — сказал Макс, продолжая хихикать. — Мы кое-что читали о ней: занималась музыкой, была бронзовым призером на Олимпиаде, давала концерты и даже сама сочиняла музыку. Я думаю, ты женился на ней, потому что был уверен, что ты уже в полной безопасности. Да, я должен признаться, ты совершенно не похож на того костлявого парня, с которым я когда-то сидел в одной камере. Я не узнал бы тебя, если бы не был уверен, что это ты.

— Чего же ты все-таки хочешь, Макс? — спросил Джордж. — Если тебе нужно только убежище, то на какое время?

— Посмотрим, посмотрим, — уклончиво ответил Макс. — Мне нужно время, чтобы установить связи с друзьями. После этого ты и твоя женушка будете свободны, как птицы. Ну и само собой разумеется, теперь, когда ты живешь припеваючи, тебе захочется кое-чем поделиться со старым приятелем.

— Шантаж?

— Ты к этому привыкнешь, Джордж. Да я и не слишком часто буду докучать тебе. Смотри, вон идет твоя прелестная жена. Знаешь, мне кажется, Джо начинает ей нравиться. Все женщины от него без ума. Послушайся моего совета, Джордж, — не ревнуй.

И они оба посмотрела на выбежавшую из дома Бет в купальнике и шлепанцах на деревянной подошве.

— Нет, Макс, — с яростью сказал Джордж. — Это все не для меня. Я сейчас же иду в полицию...

Он не успел договорить до конца, когда Макс быстрым неуловимым движением заломил ему руку за спину.

— Джо, — позвал Макс.

Джо подошел к ним и, лениво улыбаясь, залепил Джорджу две оглушительные пощечины. Затем с силой ударил его кулаком в челюсть. Джордж повис на руках у Макса. Тот опустил его на кафельный пол.

— Джордж, — вскрикнула Бет и опустилась на колени около мужа. — Вы ударили его. Он потерял сознание.

— Не волнуйся, куколка, — сказал Джо, не переставая улыбаться. — Это всего лишь маленький урок. Легкий нокаут. Скоро он придет в себя и будет как огурчик.

— Он собрался ехать в полицию, — объяснил Макс. — Я советовал бы вам поговорить с ним, когда он очнется. Если он не передумает, мы будем вынуждены действовать более решительно. Тогда бы я не позавидовал ни ему, ни вам. Может, даже скорее вам...

И он посмотрел на Бет долгим взглядом, от которого холодок пробежал у нее по спине.

— Нам бы не хотелось причинять неприятности такой красотке, делать ей больно и все прочее, — добавил Джо. — Пусть Профессор приходит в себя, а мы пока что проведем урок плавания, который ты мне обещала. Позже и я кое-чему тебя научу.

Он помолчал и снова ухмыльнулся:

— Может быть, играть буги-вуги.

Бет вздохнула и медленно поднялась с колен. Джордж был все еще без сознания, но дыхание стало ровным и спокойным.

— Ладно, — сказала Бет. — Похоже, у меня нет выбора.

Она подошла к вышке, скинула шлепанцы, взбежала вверх, замерла на мгновение на краю помоста и нырнула. Подплыв к бортику, она сказала:

— Ну, теперь вы убедились, что воды достаточно. Я думаю, около шести футов. Вообще глубина бассейна девять футов, так что нырять нужно не слишком глубоко, если, конечно, вы сможете.

— Я смогу все, что можешь ты, — ответил Джо, прыгнул с края борта и вынырнул рядом с ней. — Это занятие мне под душе. В бассейне я готов быть твоим учеником.

Он помахал рукой Максу и крикнул:

— Иди сюда, Макс. Здесь очень здорово.

— Ладно, — хихикнул Макс. — Поплаваю немножко, пока Профессор не очнулся. — Потом, надеюсь, нас все-таки покормят. А бассейн теперь в нашем распоряжении, и времени у нас предостаточно.

Он уселся на край бассейна, опустил ноги в воду, неловко спрыгнул и, вынырнув, долго пыхтел и отфыркивался.

— Да, Джо, малыш, — наконец проговорил он. — Вот это жизнь.

— Что надо, Макс. А? Как раз для нас.

— Сейчас я вам еще кое-что покажу, — прервала их восторги Бет.

Она подплыла к лесенке и выбралась из воды.

— Мы ждем, куколка, — сказал Джо. — Чем еще ты нас удивишь?

Бет наклонилась над водой, быстро вытащила болты, которые почти вывернул Джордж, вынула лестницу из воды и положила ее в нескольких футах от края бассейна.

— А теперь, — сказала она, — вы научите меня кое-чему. Например, как выбраться из бассейна, где нет мелких мест, нет ни одной лестницы и вода спустилась слишком низко.

— Эй, — крикнул Макс с внезапной тревогой. — Она вытащила лестницу, Джо, как мы выберемся отсюда? Здесь слишком высокие борта.

— Я тебе покажу, куколка, — со злостью сказал Джо. — Ты решила немного поразвлечься. Я научу тебя развлекаться.

Он быстро подплыл к борту, опустил глубоко под воду и резко выпрыгнул. Закругленный край бассейна был в трех футах над уровнем воды, но ему все же удалось кончиками пальцев зацепиться за борт, и он стал дюйм за дюймом медленно подтягиваться, пока голова его не поднялась чуть выше бортика.

Тогда Бет, внимательно наблюдавшая за ним, взяла один из своих шлепанцев на деревянной подошве и стукнула его по пальцам. Сильно, будто прихлопывая муху, она ударила его сначала по правой, затем по левой руке.

Джо вскрикнул от боли и упал обратно в бассейн. Он выплыл, задыхаясь и ловя ртом воздух.

— Ну смотри, — прохрипел он. — Ты очень пожалеешь об этом, куколка, когда я до тебя доберусь.

— В самом деле, Джо? — она наклонилась над водой и посмотрела ему прямо в лицо. Тогда выбирайся поскорей. Я

еще не видела человека, которому удалось бы вылезти из бассейна, где так мало воды и не за что ухватиться.

Она наклонилась еще ниже.

— Послушай, что я тебе расскажу. Несколько лет назад я оказалась в такой же ситуации, и мне пришлось проплавать три часа, пока мне не помогли выбраться. Но я хорошая пловчиха. А ты, Джо, сможешь проплавать три часа? А может быть, три дня. Я все время буду здесь, рядом. И всякий раз, когда ты захочешь вылезти, я буду бить тебя по рукам.

— Джо, — в отчаянии закричал Макс. Он был в панике, беспорядочно молотил руками по воде, захлебывался, с трудом пытаясь держать голову над водой. — Джо, мне нужно выбраться отсюда. Я очень нервничаю и почти выбился из сил.

— Ну ты, клоун, — зло огрызнулся Джо. — Ложись на спину и успокойся. Плавать можно очень долго. Это я тебе говорю.

Он быстро поплыл к противоположному борту, а Макс что-то жалобно кричал ему вслед. Джо снова попытался выпрыгнуть и еще раз сумел ухватиться пальцами за край. Скривившись от боли, он попытался подтянуться, но в это время подошла Бет и, встав над ним, спросила:

— Еще один урок, Джо?

И она вновь ударила его по рукам. Джо упал в воду, не пристойно ругаясь. Затем он немного отдохнул, чтобы восстановить дыхание, и опять поплыл к противоположному борту. Но Бет уже ждала его там.

Некоторое время он медленно плавал туда-сюда, не делая новых попыток выбраться. Он не спускал глаз с Бет. И она глядела на него с отвращением.

— Вы сами во всем виноваты, — сказала она. — Вы бесцеремонно проникли в наш дом, ударили моего мужа. Вы причиняли боль людям, убивали, но никто никогда не причинял боли вам, не так ли?

— У тебя ничего не выйдет, куколка, — прерывисто дыша, сказал Джо. — В любую минуту кто-нибудь может прийти.

— Сюда никто не приходит без приглашения, — спокойно сказала Бет. — И криков ваших никто не услышит. Мы живем слишком уединенно. Вы хотели уничтожить моего мужа и наше счастье, вместо этого сами попали в капкан. Неужели вы этого еще не поняли?

— Джо, — в отчаянии сказал Макс, — она говорит серьезно. Послушайте, миссис Реймонд, это была просто шутка. Понимаете, просто шутка. Мы вовсе не собирались оставаться у вас. Спустите нам лестницу, и мы сразу уйдем. И никогда больше не побеспокоим Профессора.

Голос у Макса был заискивающий, но Бет жестко ответила:
— Нет, Макс. Вы не шутили. Вы пришли сюда, чтобы остаться. И вы останетесь здесь. Там, где вы сейчас находитесь. В бассейне.

— Макс, — резко сказал Джо. — Плыви к одному борту, я — к другому. Она не сможет остановить нас обоих.

Макс с сомнением посмотрел на возвышающиеся над водой три фута гладкой стены и, чуть не плача, сказал:

— Бесполезно, Джо. У меня руки короткие. Я не смогу уцепиться за край. Ты высокий, а я — коротышка. Мне отсюда не выбраться.

— Ты уже сдаешься, Макс, — в голосе Бет прозвучала насмешка, — не слишком ли быстро. Вы такие сильные храбрые бандиты, вам все ни по чем. Все женщины, в вашем представлении, слабые и пугливые. Их вовсе не следует принимать во внимание. С ними можно делать все, что заблагорассудится. Теперь вы видите, что ошибались. Женщина на многое способна, если она за что-то борется. А я борюсь за свое счастье.

Она ходила по краю бортика, а двое мужчин с ненавистью наблюдали за ней.

— Твой план плохо продуман, куколка, — сказал Джо. — Рано или поздно здесь появится полиция, и твоего Профессора арестуют.

— Не думаю, — спокойно возразила Бет. — Когда вы станете плавать, мы отгоним вашу машину миль за тридцать-сорок в горы, здесь много ущелий... И если вас все же когда-нибудь найдут и опознают, ничто не будет связывать вас с моим мужем, ничто.

— Джо, — прохрипел Макс. — Я немного передохнул, но долго мне не продержаться. Даже не спине. Я очень слаб. Ты должен что-нибудь придумать, Джо.

— Не ной. Я уже придумал. — грубо сказал Джо. — Мой рост — шесть футов. Если ты встанешь ко мне на плечи, то легко выберешься из бассейна.

— Понятно, — радостно затараторил Макс. — Ты подплывешь к борту, я взбираюсь к тебе на плечи и вылезаю отсюда. И тогда мы ее схватим.

Бет предупреждающе подняла свои шлепанцы.

— Ты не забыл, что тебя ждет, Макс?

— Ха, — фыркнул Макс.

Он уже плыл к стенке бассейна вместе с Джо.

— Дай мне только добраться до тебя, куколка, я тебе все ноги переломаю. А, может, и хребет. А может, стащу тебя сюда, тогда посмотрим, что ты запоешь. Во всяком случае, от пары ударов я не умру.

Джо вынырнул из воды, и Макс неуклюже попытался взобраться ему на плечи. Первая попытка не удалась, но они начали снова. Бет, понаблюдав за ними с минуту, побежала в гараж, схватила шланг, которым они пользовались для мытья кафельной площади вокруг бассейна, и быстро вернулась назад. Джо уже выпрямился в воде, и голова Макса показалась над краем бассейна. Он упал грудью на кафель и, цепляясь за плитки и задыхаясь, дюйм за дюймом поднимался вверх. Бет торопливо привернула шланг к трубе и открыла кран. Со шлангом в руке она подбежала к бортику и остановилась в трех футах от Макса.

— Попробуй это, Макс, — крикнула она и направила на него шланг.

Сильная струя воды ударила Максу в лицо. Задыхаясь, он соскользнул с бортика, судорожно ловя ртом воздух. Он попытался сделать вдох, а вместо этого наглотался воды и плюхнулся в бассейн прямо на Джо. Пытаясь удержаться на поверхности, он схватил Джо за шею, и они оба ушли под воду.

— Отпусти меня, Макс, ты нас обоих утопишь, — с трудом прохрипел Джо, вынырнув на мгновение.

Макс не отпускал его, и они снова скрылись под водой. Через несколько секунд они в последний раз показались на поверхности, но лишь на секунду. Бет услышала последний отчаянный вопль Джо, и в это же время у нее за спиной тихо застонал Джордж.

Бет подбежала к нему и, опустившись на колени, прошептала:

— Джордж, дорогой.

Он глубоко вздохнул и, открыв глаза, осмотрелся. С трудом улыбнувшись, он спросил:

— С тобой все в порядке, Бет?

— Да. У меня все хорошо. А как ты себя чувствуешь?

— Как-то не очень здорово. Помоги мне подняться, пожалуйста.

Через несколько минут Джордж был в порядке и, как бы вспомнив случившееся, осмотрел бассейн и площадку вокруг него.

Бассейн был пуст, поверхность воды спокойна. На площадке тоже никого не было.

— Где они? — спросил Джордж. — В доме?

— Нет, — сказал Бет, крепко держа его за руку. — Их там нет.

Он недоуменно посмотрел на нее.

— Тогда где же они?

— Мы избавились от них. Я и мой бассейн. Я сразу поняла, что сделаю это, как только они захотели искупаться. Я знаю,

ты бы этого не позволил. Но это необходимо было сделать. Бандиты не пощадили бы нас. Я — женщина, Джордж, а женщина любой ценой защищает свое счастье. Никто не сможет разлучить нас, Джордж, никогда.

Она спрятала лицо у него на груди и разрыдалась.

Придя в себя, она объяснила Джорджу, что еще они должны сделать, чтобы уничтожить все следы происшествия.

Выглядела она совершенно спокойной и удовлетворенной.

Л.П.Хартли

Первая открытка пришла из Фортфара.

«Думаю, вам понравится этот пейзаж, ведь вас всегда интересовала Шотландия. Кстати, в этом одна из причин, почему я сам заинтересовался вами. Я в восторге от ваших книг, но скажите, приходилось вам когда-либо по-настоящему соприкоснуться с людьми. Лично я в этом сомневаюсь. Оставляю вам это раздумье вместо рукопожатия.

Ваш неизменный почитатель
В.С.»

Подобно многим другим писателям, Вальтер Стритер нередко получал письма от незнакомых людей. Обычно это были дружелюбные, теплые, реже — критические послания. Привычка все делать как следует заставляла его отвечать как на те, так и на другие. Подобная переписка, естественно, требовала уймы времени и сил, и поэтому сейчас Вальтер явно обрадовался: на открытке не было обратного адреса. Вид Фортфара оставил его равнодушным, и он с легкостью порвал этот кусочек картона. Однако критицизм анонимного корреспондента почему-то запомнился. Может, он действительно недостаточно глубоко вскрывает характеры своих персонажей? Что ж, не исключено. Он понимал, что в большинстве случаев они являлись либо проекцией его собственной личности, либо ее полной противоположностью. Это — Я, а это не Я. Очевидно, это и подметил В.С. А ведь давал, не раз давал он себе слово быть более объективным.

Дней через десять пришла еще одна открытка, на сей раз из Бервика-на-Твиде.

«Как вы относитесь на Бервику-на-Твиде? Пожалуй, в чем-то это местечко сродни вам — тоже находится рядом с границей. Лышу себя надеждой, что это не прозвучало грубо. Я и не думаю намекать на то, что ваша психика находится в пограничном состоянии. Ведь вам известно, как мне нравятся ваши произведения. Кое-кто даже говорит, что вы пишете их как бы из потустороннего мира. Думаю, вам следовало бы

определиться, какой из двух миров вы предпочитаете — этот или тот?

С очередным рукопожатием

В.С.»

Вальтер задумчиво посмотрел на открытку. Кто же ее отправитель? Мужчина или женщина? Почерк похож на мужской — деловой, без признаков застенчивости, да и критичность текста явно указывала на мужскую особь. Однако было здесь что-то и от женщины — осторожное прощупывание, смесь лести и стремления зародить сомнение в его особенностях. Он почувствовал некоторое любопытство к этому человеку, хотя вскоре выбросил все это из головы, ибо никогда не любил экспериментировать с новыми знакомствами. Да и странно было всерьез думать о неизвестном авторе открыток, оценивающем его творчество, размышляющем о его характере. И правда, как в постустороннем мире!

Стритер перечитал две последние главы своей новой книги. Возможно, его персонажи действительно не слишком прочно стоят на земле, а сам он, как и многие другие современные романисты, проявляет слишком поспешную готовность к бегству в мир двумысленностей, туда, где нормальные мысли изменяют свое естественное направление. Но так ли уж все это важно?

Открытка с видом Бервика-на-Твиде также полетела в огонь ноябрьского камина, а писатель вновь попытался сосредоточиться на бумаге, будто продираясь сквозь частокол его разыгравшейся самокритики.

Прошло несколько дней, но Вальтер продолжал ощущать смутное неудобство от некоей раздвоенности, как будто неведомая сила вцепилась в него и пытается разорвать на части. Обычный процесс творчества утерял свою прежнюю однородность; теперь в нем боролись два начала, противоположные друг другу и непримиримые друг с другом, и чем больше он пытался разобраться в собственных мыслях и чувствах, тем тяжелее ему работалось. «Ничего, — думал Стритер, — вероятно, просто попал в колею, а это отнюдь не всегда приятно. Но я найду новый источник вдохновения! Вот только удалось бы соединить эти два начала и сделать их конфликт плодотворным, как это удастся многим художникам».

Третья открытка изображала Йоркминстер.

«Я знаю, вы интересуетесь соборами. Не думаю, что это свидетельствует о вашей мании величия, но, на мой взгляд, маленькие церквушки часто приносят больше радости. Двигаясь на юг, я встречаю немало церквей. А вы сейчас погло-

щены написанием новой книги или ищите свежие идеи? Еще одно сердечное рукопожатие от вашего друга В.С.»

Вальтер действительно был неравнодушен к соборам. Например, собор Линкольна был объектом его юношеских восторгов и он уделил ему достаточное место в одной из своих книг. Правильной была и оценка его пристрастия к большим храмам, тогда как он явно обходил своим вниманием приходские церкви. Но откуда В.С. знает про все это? Может, это действительно мания величия? Да кто он такой, этот В.С., в конце-то концов?!

Впервые за все это время он заметил, что В.С. — это и его собственные инициалы. Впрочем, нет, не впервые. Он отмечал это и раньше, но ведь подобные буквосочетания так широко распространены. Миллионы людей имеют такие же инициалы. Однако сейчас это совпадение показалось ему странным. «А может, я сам пишу себе эти открытки? — подумалось ему. — Такое бывает, особенно у людей с раздвоенной личностью». Впрочем, он, конечно же, к их числу не принадлежит. И все же нельзя было не заметить в их числе определенные и труднообъяснимые изменения: дихотомия письма, отчего один абзац получался затянутым и рыхлым вследствие частого употребления точек с запятой и придаточных предложений, а другой — острым и колким благодаря выразительным глаголам и точкам.

Вальтер снова посмотрел на почерк. Самое воплощение обыденности, ничего особенного, все настолько заурядно, что едва ли не любой из нас мог писать подобным образом. Сейчас ему даже показалось, что он отмечает некоторое сходство со своим собственным почерком. Он хотел было поступить с этой открыткой так же, как и с двумя ей предшествующими, но затем изменил свое решение. «Покажу кому-нибудь», — подумал он.

— Дружище, здесь все совершенно ясно, — уверял его один из приятелей. — Это женщина, причем ненормальная. Очевидно, влюбилась в тебя и изо всех сил пытается привлечь твоё внимание. Я бы не стал принимать близко к сердцу всю эту чушь. Известные люди вообще часто получать письма от шизиков. Подобные любители писем всегда немного психопаты, и если замечают, что жертва клюнула, тогда их уже не остановить.

На какое то мгновение Вальтер успокоился. Женщина! Похожая на крысу и взлелеявшая его в своих мечтах! Было бы из-за чего беспокоиться. Но откуда-то из подсознания, словно жаждавшая помучить его, на костылях логики выпол-

зла одна мыслишка: хорошо, все эти открытие писал какой-то лунатик, ну а если ты сам пишешь их себе, то, значит, ты тоже лунатик.

Он попытался было отбросить эту мысль и опять сжечь открытку, но что-то необъяснимое настраивало его по-другому. Он осознал, что эта открытка стала частью его самого. И, уступая перед непреодолимой, наполняющей его благоговейным страхом силой, он сунул открытку за каминные часы — пусть полежит там. Он не видит ее, но знает, что она там.

Теперь он вынужден был признаться самому себе, что это дело с открытками стало едва ли не главным во всей его жизни. Оно породило новые мысли и чувства, впрочем, отнюдь не радостные. Он как бы оцепенел в ожидании новой открытки.

И все же, когда это наконец случилось, он оказался застигнутым врасплох и даже не нашел в себе сил взглянуть на фотографию.

«Я совсем близко от вас — уже добрался до замка Уорвик. Кто знает, может, мы действительно соприкоснемся друг с другом. Помните, я как-то советовал вам сделать то же самое в отношении своих персонажей? Дал ли я вам какие-нибудь новые идеи? Если это так, то принимаю вашу благодарность, поскольку в этом, как я понимаю, скрывается потаенное желание все писателей. Я перечитал ваши книги и, как говорится, пожил в них. Остаюсь искренне ваш, как и всегда

В.С.»

Волна паники захлестнула Вальтера. Как же он не обратил внимания на то, что все открытки отправлялись из мест, находившихся с каждым разом все ближе к его дому? «Я совсем близко от вас». Или его разум, подсознательно стремясь защититься, словно надел шоры? Если это так, то пора уже прозреть.

Он взял карту и проследил маршрут неизвестного В.С. Каждое место отправки открыток отделяло от предыдущего примерно миль восемьдесят, а город, где жил Вальтер, находился приблизительно на таком же расстоянии от Уорвика.

Показать разве открытку психиатру? Но что тот сможет сказать ему? Он же не знает того, что хотелось бы знать самому Вальтеру, и вообще, следует ли ему бояться этого В.С.?

Нет, лучше будет обратиться в полицию. Уж там-то имеют опыт общения с подобными посланиями. А если посмеются над его чудачествами, что ж, тем лучше.

Однако в полиции смеяться не стали. Просто сказали, что письма, вероятно, какая-то мистификация, шутка и ему едва ли придется встретиться с их автором. Затем спросили, есть ли у него враги? Вальтер ответил, что, насколько ему известно, врагов у него нет. Под конец также высказав предположение, что их автором является женщина, они порекомендовали ему не беспокоиться, но сообщить, если поступят новые открытки.

Несколько умиротворенный, Вальтер пришел домой. Разговор в полиции явно пошел ему на пользу, и сейчас он вновь перебирал в памяти все детали. Да, в полиции он сказал сущую правду — врагов у него нет. Сильные чувства, в общем-то, были ему недоступны, хотя подчас и занимали значительное место на страницах его книг. Там действительно попадались порядочные мерзавцы, хотя в последние годы не столь уж часто. «Плохие» мужчины и женщины перестали интересовать его как персонажи. Теперь ему казалось, что с моральной точки зрения писать о подонках безответственно, а с художественной — просто неубедительно. Ведь в каждом человеке обязательно есть что-то доброе, а образ Яго — это всего лишь миф. Если ему действительно надо было изобразить злодея, он представлял его в облике коммуниста или фашиста, то есть людей, которые умышленно вытравили из себя все человеческое. В молодости же, когда он был более склонен видеть все исключительно в черно-белых тонах, он пару раз позволил себе нарисовать такого «героя». Последние несколько недель он вообще не брал в руки перо, настолько выбила его из колеи эта дурацкая история с открытками.

Он не очень хорошо помнил персонажи своих старых книг, но не забыл, что в одного из них, описанного в «Изгое», по самую рукоять вонзил свой писательский нож. Он описал его со всей жадой отмщенья, словно это был живой человек, которого он намеревался выставить на всеобщее обозрение. Вальтер испытывал тогда странное удовольствие, наделяя его всеми пороками, которые когда-либо знало человечество, и не оставлял читателям ни малейшего сомнения в истинности этого существа. Ни разу не испытал он к нему жалости — даже тогда, когда отправлял его на виселицу. Создавая этот образ, Вальтер не раз сам испытывал смутный страх — настолько прочно сидела в нем эта темная личность, крадущаяся по тропе недоброжелательства и злобы.

Странно, но он начисто забыл имя того человека. Он подошел к книжным стеллажам, взял один из томов, полистал его. Даже сейчас эти страницы вызвали у него неприятные чувства. Вот он — Вильям... Вильям... Где-то ниже должна быть и фамилия. Вот — Вильям Стейнсфорт.

Его собственные инициалы!

Разумеется, это совпадение ничего не значило, но оно словно расцветило его сознание и ослабило способность сопротивляться наваждению. Он так неприятно чувствовал себя все последующие дни, что когда пришла очередная открытка, Вальтер испытал почти облегчение.

Он не смог удержаться, чтобы не взглянуть на сюжет открытки — великолепное строение центральной башни Глочестерского собора украшало панораму. Он уставился на картинку, словно она могла что-то сказать ему, но затем усилием воли заставил себя прочесть послание.

«Теперь я совсем рядом с вами. Мои передвижения, как вы, наверное, смогли заметить, не всегда подчиняются моему контролю. Тем не менее, если все будет в порядке, надеюсь в этот уик-энд встретиться с вами. Тогда-то мы сможем по-настоящему соприкоснуться друг с другом. Удивлюсь, если вы узнаете меня! Впрочем, вы уже не впервые оказываете мне гостеприимство.

Искренне жду встречи. Как всегда
ваш В.С.»

Не раздумывая, Вальтер направился в полицию, где попросил выделить ему охрану на уик-энд. Дежурный офицер с улыбкой встретил его и сказал, что не сомневается в том, что это какой-то розыгрыш, однако все же пообещал прислать кого-нибудь к дому писателя.

— Вы до сих пор не предполагаете, кто это может быть? — спросил он.

Вальтер покачал головой.

Был вторник. Вальтер Стритер располагал достаточным временем, чтобы подумать об уик-энде. Поначалу ему казалось, что он не доживет до конца недели, но, как ни странно, спустя некоторое время пессимизм и тревога уступили место твердой уверенности в собственных силах. Он заставил себя сесть за письменный стол, словно действительно был в состоянии работать, и, о чудо! — работа пошла. Несколько иначе, чем раньше, но, как ему показалось, даже лучше, гораздо лучше. Как будто нервное напряжение прошедших дней подобно кислоте разъело барьер отчуждения, стоявший между ним и его персонажами; он явно приблизился к ним, а они уже не просто подчинялись его режиссерским распоряжениям, а всей душой и существом своим встречали те испытания, которые он уготовил на их пути.

Так прошло несколько дней. Утро пятницы показалось

ему началом самого обычного дня, пока что-то не заставило его выйти из этого самопроизвольного транса и задаться вопросом: «А когда именно начинается уик-энд?»

Долгий уик-энд начинается в пятницу. И вновь паника охватила писателя. Он приоткрыл входную дверь и выглянул наружу. Он жил на окраине города, на малолюдной улице, застроенной похожими на его собственный дом особняками. Перед каждым строением стояли высокие воротные столбы, некоторые из них были увенчаны декоративными скобами, удерживающими фонарь. Большинство из них явно нуждалось в ремонте, поскольку обычно горели лишь два-три фонаря. По улице медленно проехала машина, какие-то люди перешли на другую сторону. Все как обычно.

В этот день он несколько раз подходил к двери, выглядывал наружу, но ничего подозрительного не замечал. Но вот наступила суббота, очередной открытки не было, и тревога Вальтера стала постепенно улетучиваться. Он даже хотел было позвонить в полицию и сказать, чтобы не присылали охранника.

В этом учреждении, однако, достаточно серьезно отнеслись к его словам и действительно решили прислать охрану. Между чаем и обедом, когда большинство гостей уже прибыли на уик-энд, Вальтер подошел к двери и увидел стоявшего между двумя неосвещенными воротными столбами одинокого полицейского — первого полицейского, которого он вообще когда-либо видел на улице Шарлотты. Зрелище это вызвало у него несказанное облегчение; только сейчас он понял, как напряжен был все эти дни. Он почувствовал себя как никогда в безопасности и даже ощутил укол стыда за то, что отрывает от дела эти и без того загруженных людей и создает им дополнительные трудности. Может, пойти, поговорить с незнакомым стражем, угостить его чаем или предложить чего-нибудь покрепче? Сейчас он с удовольствием выслушал бы даже дружелюбные насмешки по поводу своих былых фантазий.

Но уже через секунду он передумал. Нет, безопасность будет оказаться гораздо более надежной, если ее гарант останется для него инкогнито — в самом деле, разве какой-то «Питер Смит» звучит надежнее, чем «полицейская охрана»?

В окно верхнего этажа — дверь ему открывать не хотелось — он несколько раз видел, что полицейский стоит на прежнем месте. Желая еще раз удостовериться в этом, он попросил экономку выйти наружу и спросить полицейского о цели его прихода. Вернувшись, женщина обескуражила его, заявив, что не видела никакого полицейского. Правда, Вальтер знал, что она слаба глазами, и когда он несколько минут

спустя снова посмотрел на улицу, то совершенно отчетливо увидел, что полицейский стоит на прежнем месте. Скорее всего, он время от времени обходил дом по периметру и потому отсутствовал, когда выходила миссис Кендэл.

После обеда Вальтер обычно не работал, но сегодня решил изменить традиции, чувствуя небывалый прилив энергии. Им овладело возбуждение, слова буквально вылетали из-под пера! Было бы верхом глупости пожертвовать этим неожиданным приливом вдохновения ради пары часов послеобеденного сна. Вперед, вперед! Не зря, видимо, говорят, что по-настоящему человек работает лишь пару-тройку часов в сутки.

Теплая и спокойная атмосфера маленькой комнаты настолько поглотила все чувства Вальтера, что он даже не сразу услышал звонок у входной двери и очнулся лишь когда тот зазвонил снова.

Гость? В такой час?

Нетвердо ступая, он пошел открывать, хотя весьма смутно представлял, с кем ему сейчас предстоит встретиться. Тем более было понятно то облегчение, которое испытал писатель, увидев в дверном проеме высокую фигуру полицейского. Не дожидаясь обращения гостя, он воскликнул:

— Входите, входите же, дорогой друг! — Он протянул вошедшему руку, но тот, видимо, не заметил ее. — Вы, наверное, совсем замерзли? — Он бросил взгляд на плащ и фуражку полицейского, которые были покрыты снежными хлопьями. — А я и не заметил, что начался снег. Проходите же и погрейтесь.

— Благодарю, — ответил полицейский. — Не возражаю.

Вальтер был достаточно хорошо знаком со штампованным языком полицейских и потому не воспринял его фразу как выражение неохотного согласия.

— Сюда, пожалуйста, — пригласил он. — Я работаю у себя в кабинете. Черт, и правда, как холодно. Пойду прибавлю газу. А вы пока снимайте плащ и устраивайтесь. В общем, чувствуйте себя как дома.

— Я у вас не задержусь, — ответил полицейский. — Как вам известно, у меня дела.

— Ну да, конечно же. Такая глупая затея, сплошная синекура, — он осекся, подумав, что полицейский, возможно, не знает такого слова. — Я полагаю, вы наслышаны об этой истории с открытками?

Полицейский кивнул.

— Но пока вы со мной, мне ничего не угрожает. Я в такой же безопасности, как... как эти дома вокруг. Оставайтесь здесь сколько хотите. Напитки в вашем распоряжении.

— Я никогда не пью на службе, — заметил полицейский. Так и не сняв плащ и фуражку, он огляделся вокруг себя. — Так вот где вы работаете...

— Да, я, знаете ли, писал, когда вы позвонили. Что-то нашло...

— И опять какую-нибудь ерунду, так ведь?

— Ну почему?.. — Вальтера задел этот недружелюбный тон, и только сейчас он заметил, какой жесткий взгляд у этого полицейского.

— Почему? Сейчас объясню, — ответил гость, но в этот момент зазвонил телефон и Вальтер, извинившись, поспешил из комнаты.

— Говорят из полиции, — услышал он голос в трубке. — Это мистер Стритер?

Вальтер ответил утвердительно.

— Ну как, мистер Стритер, вы себя чувствуете? Надеюсь, все в порядке? Я вот почему звоню: к сожалению, мы не смогли выполнить вашу просьбу. Плохая скоординированность, извините уж...

— Но как же тк? — промолвил Вальтер. — Вы же кого-то прислали.

— Нет, мистер Стритер, вы ошибаетесь.

— А у меня сейчас, в эту самую минуту, в доме сидит полицейский.

Прошло несколько мгновений, потом тот же голос, но уже не таким беззаботным тоном, произнес:

— Это не наш человек. Вы не обратили внимания на номер его значка?

— Нет, не обратил.

Опять пауза.

— А вы и сейчас хотите, чтобы мы прислали к вам кого-нибудь?

— Да, п-пожалуйста...

— Хорошо, ждите, мы не задержимся.

Вальтер положил трубку. «И что теперь? — спросил он сам себя. — Забаррикадировать дверь? Или выбежать на улицу?». Пока он раздумывал, дверь распахнулась и на пороге появился полицейский.

— Все комнаты твои, раз в дом вошел, — произнес он. — Вы не забыли о том, что я был полицейским?

— Был? — Вальтер невольно отшатнулся от гостя. — Но вы же и есть полицейский.

— Мне удавались и другие роли — вор, бандит, вымогатель. Не говоря уже об убийце. Вы-то должны это знать.

Незнакомец медленно шел прямо на Вальтера, и тот внезапно с отчетливостью почувствовал значимость ма-

леньких расстояний — от буфета к столу, от одного стула к другому...

— Я не понимаю, о чем вы говорите. И почему в таком странном тоне? Я не сделал вам ничего плохого. Мы даже никогда не встречались.

— Так ли это? Как же, вы ведь думали и... — он повысил голос, — писали обо мне. Немало посмеялись, поиздевались надо мной, не так ли? Так вот, сейчас я хочу немного посмеяться над вами. Изобразили меня подонком дальше некуда и при этом считаете, что не сделали мне ничего плохого? Вы, наверное, даже не представили себе ни разу, что значит быть на моем месте, так ведь? И ни разу не попытались понять мое состояние, да? Ни капли жалости не испытали ко мне, так? Ну так вот, и у меня по отношению к вам нет никакой жалости.

— Но я же говорю, что никогда не знал вас! — пальцы Вальтера вцепились в край стола.

— Вы и сейчас утверждаете, что никогда не знали меня? Сделать такое и забыть?! Голос незнакомца стал каким-то скулящим, будто ему было очень жалко самого себя. — Вы забыли Вильяма Стейнсфорта?

— Вильяма Стейнсфорта?!

— Его самого. Забыли своего козла отпущения? Вы излили на меня все презрение к собственной личности. Какую же сладкую радость вы, должно быть, испытывали, сочиняя про меня все эти мерзости. Но, если говорить откровенно, каких действий сейчас один В.С. может ожидать от другого, в данном случае — от его литературного персонажа?

— Я... я не знаю, — выдавил из себя Вальтер.

— Не знаете? — ухмыльнулся Стейнсфорт. А должны бы знать. Ведь вы же стали мне чуть ли не нареченным отцом. А что бы стал делать настоящий Вильям Стейнсфорт, если бы он встретил где-нибудь в тихом местечке своего старого папашу — того самого, который отправил его на виселицу?

Пристальный взгляд — вот все, на что хватило сил у Вальтера.

— Нет, вы отлично знаете, что бы я сделал. Не хуже меня знаете, — продолжал Стейнсфорт. Неожиданно выражение его лица изменилось, и он резко проговорил:

— Хотя, впрочем, откуда вам знать? Вы же никогда по-настоящему не понимали меня. А я не такой уж черный, как вы меня изобразили.

Он сделал паузу, и в груди Вальтера затлела искорка надежды.

— Вы никогда, ни разу не давали мне ни малейшего шанса, ведь так? А вот я дам вам — один-единственный, но все

же шанс. Просто чтобы доказать, что вы никогда не понимали меня. Ведь это так?

Вальтер кивнул.

— И вы еще кое-что забыли.

— Что именно?

— То, что когда-то я был ребенком, — ответил бывший полицейский.

Вальтер молчал.

— Значит, признаете это? — угрюмо спросил Вильям Стейнсфорт. — Так вот, если вы назовете хотя бы одну добродетель, которую пусть даже подсознательно ощущали во мне, хотя бы одну добрую мысль, которая, по вашему мнению, теплилась во мне, одну-единственную искупающую благодать характера...

— Да... и что тогда? — голос Вальтера дрожал.

— Тогда я отпущу вас.

— А если я не смогу? — прошептал писатель.

— Что ж. Тогда плохо дело. Тогда мы по-настоящему соприкоснемся друг с другом, а вы ведь догадываетесь, что это значит. Вам удалось отнять у меня одну руку, но другая-то осталась. Стейнсфорт — «Стальная Рука», вы ведь так меня называли?

Вальтер стал задыхаться.

— Даю вам две минуты на воспоминания, — проговорил гость.

Оба посмотрели на часы. Поначалу незаметное передвижение минутной стрелки буквально приковало к себе внимание Вальтера. Он смотрел на Вильяма Стейнсфорта, вглядываясь в его жестокое, коварное лицо, которое всегда оставалось для него как бы в тени словно было чем-то таким, чего просто не мог коснуться луч света. Он в отчаянии копался в собственной памяти, стараясь из всех сил извлечь из слипшегося комка, в который она превратилась, хотя бы один спасительный факт. Но память его подвела.

«Я должен придумать хоть что-нибудь», — лихорадочно соображал он, и неожиданно его сознание прояснилось, высветив — как фотографию — последнюю страницу книги о Стейнсфорте. Потом с волшебной скоростью мечты одна за другой перед его мысленным взором промелькнули все ее страницы — так ясно они сейчас виделись! С отчаянной, роковой убежденностью он понял: то, что ему теперь нужно больше всего на свете, он в ней не найдет. В этом дьяволе никогда не было и намека на добродетель. С непонятной, странной восторженной силой Вальтер Стри-тер подумал о том, что если он и выдумает это единственное и спасительное для себя блага, то продаст дьяволу

другую вещь, дороже которой у него ничего на свете не было — свою веру в добро.

Мне нечего сказать тебе! — закричал он. — И из всего, что ты сотворил на земле, этот твой поступок — самый омерзительный! Посмотри, даже снежинки почернели от прикосновения к тебе. что же ты просишь сейчас, чтобы я заново создал твой образ, заново описал тебя? Но ведь однажды я уже сделал это! Сам Господь Бог запрещает мне произнести хотя бы одно доброе слово в твой адрес! Уж лучше умереть!

Вперед вылетела единственная рука Стейнсфорта.

— Умри!

Полиция обнаружила тело Вальтера Стритера распоротым на обеденном столе. Учитывая предысторию, они не исключали возможность убийства, хотя врач, производивший вскрытие, так и не смог сделать окончательного вывода о причине смерти.

Была, правда, одна ниточка, но, как показалось полиции, она вели в никуда. На столе и на одежде покойника лежали хлопья тающего снега; струйки воды стекали по лицу и шее трупа, впитываясь в белье. Они даже каким-то образом попали ему в желудок и, возможно, явились причиной смерти, ибо, как показала экспертиза, содержали яд. Не исключалась, впрочем, и версия самоубийства. Но что это было за вещество и откуда оно взялось, так и осталось тайной, поскольку, по отчетам, в день смерти писателя нигде во всей округе снег не шел.

СДАЕТСЯ КОМНАТА

Роальд Даль

Билли Уивер добирался из Лондона до Бата дневным поездом с пересадкой в Ридинге. На привокзальную площадь в Бате он вышел около девяти часов вечера, небо было густо усыпано звездами, и ярко светила луна. Морозный воздух проникал в легкие, и ледяной ветер резкими порывами обжигал щеки.

— Простите, — обратился Билли к носильщику, — нет ли здесь поблизости недорогой гостиницы?

— Попробуйте зайти в «Колокол и Дракон», может, у них есть свободные номера, — сказал носильщик. — Это недалеко, около четверти мили.

Билли поблагодарил его, подхватил свой чемодан и пошел в указанном направлении. Он впервые оказался в Бате, и знакомых у него здесь не было, но мистер Гринслейд из Главной конторы в Лондоне говорил ему, что Бат — великолепный город.

— Снимите квартиру, — посоветовал ему мистер Гринслейд, — и сразу же представьтесь управляющему местным отделением конторы.

Билли было семнадцать лет, и он впервые отправился в деловую поездку. Одет он был во все новое: синее пальто, коричневая фетровая шляпа, коричневый костюм. Помахивая чемоданом, он быстро шел вниз по улице и чувствовал себя превосходно. В последнее время он все старался делать быстро: наблюдая за важными персонами из Главной конторы, он пришел к выводу, что быстрота — основной отличительный признак преуспевающего бизнесмена.

На широкой улице, по которой шел Билли, не было магазинов. По обеим ее сторонам тянулись ряды высоких домов с одинаковыми колоннадами у парадных входов. Очевидно, когда-то это были роскошные дома. Но сегодня следы обветшания бросались в глаза даже в темноте: облупившаяся краска на дверях и окнах, трещины и пятна на некогда белоснежных фасадах. Типичные приметы заброшенности.

Вдруг в ярком свете уличного фонаря Билли заметил в окне первого этажа одного из ближайших домов приклеенный к стеклу лист бумаги. Подойдя к окну, он прочитал короткое объявление: «Ночлег и завтрак». Прямо под объявлением на подоконнике стояла ваза с высокими желтыми хризантемами, которые чудесно смотрелись на фоне зеленых бархатных

штор, обрамлявших окно. Билли захотелось заглянуть в комнату. Он прильнул к стеклу и сразу же увидел пылающий в камине огонь. На каминном коврике спала, свернувшись калачиком, очаровательная такса. Комната, насколько Билли мог рассмотреть в полутьме, была обставлена добротной мебелью: кабинетный рояль, массивный диван и несколько мягких кресел. В дальнем углу он разглядел клетку с большим попугаем. Билли подумал, что животные в доме — хорошая примета, наверняка это приличный дом и, пожалуй, он мог бы попытаться остановиться здесь. Возможно даже, здесь ему будет удобнее, чем в гостинице. Но, с другой стороны, гостиница все же предпочтительней пансиона, по вечерам можно выпить пива, поиграть в «дарте», пообщаться с другими постояльцами. Кроме того, гостиница наверняка обойдется дешевле. Один раз Билли останавливался на пару дней в гостинице, и ему очень понравилось, а вот в пансионах он еще никогда не жил и, честно говоря, немного побаивался.

Билли в раздумье потоптался еще несколько минут перед окном с хризантемами и, наконец, подумал, что не станет принимать окончательного решения, пока не посмотрит, что представляет собой «Колокол и Дракон».

Он отвернулся от окна и собрался было идти дальше, но тут с ним произошло что-то странное. Он резко обернулся и снова пробежал глазами объявление. «Ночлег и завтрак» — по-прежнему извещало оно. «Ночлег и завтрак»... Всего два слов, но ему вдруг показалось, что не слова вовсе, а два черных немигающих глаза уставились на него, не давая уйти от этого дома. Словно повинуясь их безмолвному приказу, Билли направился к входной двери, поднялся по ступенькам и нажал кнопку звонка. Он услышал, как где-то в глубине дома коротко продребезжал звонок, и тут же — именно тут же, потому что он не успел даже опустить руку — дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина лет сорока пяти — пятидесяти. Все это напоминало ему детскую игрушку: нажимаешь кнопку — из коробочки мгновенно выскакивает фигурка. Точно как эта дама. Билли чуть не подпрыгнул от неожиданности.

Увидев его, женщина тепло и радушно улыбнулась.

— Пожалуйста, входите, — сказала она.

Билли почувствовал неудержимое желание повиноваться этому приятному голосу, следовать за ним.

Она широко распахнула дверь и отступила в сторону.

— Я увидел объявление в вашем окне, — пробормотал Билли и сделал шаг назад.

— Да, я знаю.

— Я хотел бы снять комнату...

— Пожалуйста. У меня уже все приготовлено для вас, мой дорогой, — перебила его женщина.

— Я шел в «Колокол и Дракон», но по дороге увидел объявление в вашем окне, — зачем-то еще раз сказал Билли.

— Дорогой мой, что же вы стоите на холоде. Входите наконец!

— Могу я узнать, сколько вы берете за пансион? — спросил Билли, все еще оставаясь на крыльце.

— Пять шиллингов и шесть пенсов за ночь, вместе с завтраком.

Билли подумал, что ослышался: это было фантастически дешево, раза в два меньше, чем он предполагал.

По-видимому, неправильно истолковав его молчание, женщина поспешно сказала:

— Если для вас это слишком дорого, я могу немного снизить плату. Все дело в яйцах — они сейчас дорого стоят. Если вы можете обойтись без яйца на завтрак, ваш пансион будет стоить на шесть пенсов дешевле.

— Нет, нет, цена мне вполне подходит, — в свою очередь поспешно заверил ее Билли. — Я бы очень хотел здесь остановиться.

— Я не сомневаюсь в этом. Входите же.

Ее голубые глаза смотрели на него с искренней доброжелательностью. Она была очень похожа на гостеприимную и ласковую мать его школьного друга, у которого он часто проводил рождественские каникулы.

Билли снял шляпу и переступил порог дома.

— Положите, пожалуйста шляпу, и позвольте я помогу вам снять пальто.

Билли заметил, что в прихожей не было других шляп или пальто, не было также ни зонтов, ни тростей — ничего.

— Весь дом принадлежит нам, — будто предупреждая возможный вопрос, сказала она и ласково улыбнулась ему.

Поднимаясь вверх по лестнице, она продолжала:

— Видите ли, к моему великому огорчению, мне не слишком часто доводится принимать гостей в своем гнездышке.

И она снова одарила его улыбкой.

«Конечно, старушка немного не в себе, — подумал Билли, — но за пять шиллингов и шесть пенсов кто будет обращать на это внимание».

— Я думал, что претенденты буквально одолевают вас, — вежливо заметил он.

— О, да, дорогой мой, да, конечно! — пылко воскликнула она. — Но беда в том, что я чуточку привередлива в выборе. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Разумеется, да, — не слишком уверенно произнес Билли.

— Но зато в этом доме днем и ночью все готово к приему приятного гостя. Я имею в виду — подходящего, то есть молодого джентльмена вроде вас, дорогой мой. И это такое удовольствие, такое огромное удовольствие — увидеть, наконец, того, кто тебе точно подходит.

Она полуобернулась к нему, держась одной рукой за перила, и медленно, как бы ощупывая, оглядела с ног до головы. Ее бледные губы расплылись в довольной улыбке:

— Как вы, дорогой мой, — с чувством добавила она.

«Странная все же старушка», — еще раз подумал Билли.

На площадке третьего этажа она сказала:

— Этот этаж мой.

А еще через один пролет торжественно объявила:

— А этот — весь ваш. Надеюсь, вам здесь понравится. Вот ваша спальня.

Она щелкнула выключателем и продолжала:

— Утреннее солнце светит прямо в окно, мистер Перкинс. Ваша фамилия Перкинс, я угадала?

— Нет, мадам, моя фамилия — Уивер.

— Мистер Уивер. Очень мило. Я положила в постель бутылку с горячей водой, чтобы согреть простыни. Я хочу, чтобы вы сразу почувствовали себя здесь как дома. А если вам все же будет холодно, вы можете зажечь газ.

— Спасибо, — сказал Билли. — Большое спасибо.

Маленькая уютная спальня очень понравилась ему. Он заметил, что покрывало было снято с постели, а угол одеяла аккуратно отвернут. Похоже, здесь в самом деле ждали постояльца.

— Вы не представляете, как я рада, что вы, наконец, появились, — сказала она, серьезно и пристально глядя ему в лицо. — По правде сказать, я уже начала беспокоиться.

— Ну что вы, все в порядке, — весело сказал Билли, хотя ее слова смутили его. — Не беспокойтесь, пожалуйста, обо мне.

Он положил чемодан на стул и собрался его распаковать, но тут она спросила:

— Не хотите ли вы поужинать, мой дорогой? Я думаю, вряд ли вам удалось поесть перед тем, как вы попали сюда. Ну, что вы скажете?

— Спасибо. Я совсем не голоден, — сказал Билли. — Я бы хотел сразу лечь спать, потому что завтра рано утром мне надо быть в конторе.

— Ну хорошо, тогда я вас покидаю. Располагайтесь на ночлег, но прежде, будьте добры, спуститесь в гостиную на первом этаже и распишитесь в книге. Все постояльцы это делают, так предписывает закон. И мы с вами не будем нарушать его по пустякам. Не так ли?

Она помахала ему рукой, быстро вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь.

Теперь Билли не сомневался в том, что его хозяйка слегка не в себе, но это его совершенно не беспокоило. Он был уверен, что она абсолютно безвредная, да к тому же добрая и очень заботливая. Билли подумал, что может быть ее сын погиб на войне, и она так и не смогла оправиться от этого горя. Отсюда, наверное, и ее чрезмерное внимание к нему.

Через несколько минут, распаковав чемодан и умывшись, Билли сбегал по лестнице на первый этаж и вошел в гостиную. Хозяйки не было, но в камине по-прежнему горел огонь и маленькая такса все еще крепко спала, уткнувшись носом в живот. В гостиной было тепло и уютно. Билли с удовольствием потер руки и подумал, что ему здорово повезло, и он просто замечательно устроился.

Книга для гостей лежала на рояле. Билли вписал в нее свою фамилию и адрес и прочитал две предыдущие записи, оставленные на этой странице. Одного из гостей звали Кристофер Малхолланд из Кардиффа, другого — Грегори Темпл из Бристоля.

«Странно», — подумал вдруг Билли.

Ему показалось знакомым имя Кристофер Малхолланд. Он несомненно слышал прежде это необычное имя — Кристофер Малхолланд. Но где — он никак не мог вспомнить. Может, так звали его одноклассника? Нет, вроде нет. Или одного из многочисленных поклонников его сестры? Нет, нет. Это что-то другое. Он еще раз заглянул в книгу: Кристофер Малхолланд, 231, Соборная улица, Кардифф; Грегори Темпл, 27, Платановая аллея, Бристоль.

Теперь Билли померещилось, что и второй имя ему тоже знакомо.

— Грегори Темпл... — произнес он вслух, пытаюсь вспомнить. — Кристофер Малхолланд...

— Такие милые мальчики, — нежно пропел голос за его спиной.

Билли обернулся и увидел хозяйку с большим серебряным чайным подносом в руках.

— Знаете, мне показалось, что я уже где-то слышал эти имена. Или я видел их в какой-то газете?

— Правда? — живо отозвалась она. — Как интересно!

— Я почти уверен, что эти имена встречаются мне не впервые. Не были ли они чем-то знамениты? Может быть, это известные игроки в крикет или в футбол? Или что-то в этом роде? — продолжал он размышлять вслух.

Она поставила поднос с чаем на низкий столик перед диваном и с интересом посмотрела на Билли.

— Вы говорите — знамениты? — переспросила она. — О

нет, не думаю, зато уверяю вас, они оба были удивительно красивы.

Она посмотрела на него и добавила с улыбкой:

— Да, это были высокие и очень красивые молодые люди. Ну точно как вы, дорогой мой.

Билли еще раз взглянул в книгу.

— Вы так хорошо помните их. А ведь последний гость был здесь больше двух лет назад.

— Неужели?

— Да. А Кристофер Малхолланд — почти за год до того.

— Боже мой, — сказала она, покачивая головой, — как быстро летит время, не правда ли, мистер Уилкнис?

— Моя фамилия Уивер, — поправил ее билли. — У и в е р.

— Ах, ну конечно же! — вскрикнула она, усаживаясь на диван. — Простите меня, пожалуйста. У меня всегда так: в одно ухо влетает, из другого вылетает. Ничего не поделаешь, мистер Уивер: я вечно все путаю.

— Может, вы все же припомните что-то необычное, что связывает эти два имени? — спросил Билли.

— Нет, дорогой мой, я ничего такого не помню.

— Видите ли, у меня такое странное впечатление, что я не просто помню каждое из этих имен в отдельности, но мне кажется, что они каким-то непонятным образом связаны между собой. Знаете, как скажем... Черчилль и Рузвельт.

— Забавно, — сказала она. — Но, дорогой мой, стоит ли так мучить себя по пустякам. Иди-ка лучше сюда, садитесь рядышком и выпейте чашечку крепкого чая с имбирным печеньем прежде, чем отправитесь спать.

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Мне очень неловко, что я доставил вам столько хлопот.

Он все еще стоял возле рояля и видел, как она проворно расставляет чашки и блюда. Руки у нее были очень маленькие и белые с красными ноготками. Билли почти машинально наблюдал за ней, мучительно пытаясь припомнить что-то ускользающее, что вот-вот выплывет на поверхность и прольет свет на тайну двух фамилий. Он не хотел сдаваться и продолжал вслух вспоминать:

— Одну минуточку, сейчас, сейчас... Кристофер Малхолланд... может быть, это тот школьник из Итона, который путешествовал по Западной Германии, а затем вдруг...

— Молоко? — невпопад спросила она. — Сахар?

— Да, да, пожалуйста, молоко и сахар, — машинально ответил он. — Он путешествовал, а затем вдруг...

— Школьник из Итона? — включилась она в его размышления. — О нет, мой дорогой, мой мистер Малхолланд не был школьником из Итона, он учился в Кембридже на последнем

курсе. И перестаньте мучить себя. Идите-ка лучше сюда, сядьте рядом со мной и погрейтесь у огня. Ваш чай готов. Идите же.

Она похлопала маленькой ладошкой по дивану, словно показывая, где ему следует сесть. Билли в задумчивости медленно пересек комнату и присел на краешек дивана. Она тут же поставила перед ним чашку с чаем.

— Ну, вот и хорошо, — удовлетворенно сказала она. — Не правда ли, здесь очень мило и уютно.

Билли маленькими глотками отпил чай из своей чашки. Некоторое время они сидели молча, и Билли чувствовал на себе ее взгляд, она словно изучала его, подсматривая за ним из-за края чашки. Ему показалось, что от чая исходит какой-то необычный запах, не то что бы неприятный, нет, он просто никак не мог понять, что он ему напоминает: маринованные грецкие орехи? или свежесделанную кожу? или больничные коридоры?

Наконец она прервала молчание:

— Мистер Малхолланд был большим любителем чая. Никогда в жизни я не встречала никого, кто мог бы выпить столько чая, сколько милый, дорогой мистер Малхолланд.

— Он что, не так давно уехал отсюда? — спросил Билли.

Он был уже почти уверен, что видел оба этих имени в газетах, в газетных заголовках.

— Уехал? — переспросила она, слегка приподняв брови. — Но, мой дорогой мальчик, он никуда не уезжал отсюда. Он все еще здесь. И мистер Темпл тоже. Они оба на четвертом этаже.

Билли поставил чашку на стол и недоуменно уставился на хозяйку. Она улыбнулась ему и успокаивающе похлопала его по колену своей маленькой белой ручкой.

— Сколько вам лет, дорогой мой?

— Семнадцать.

— Семнадцать! — радостно вскрикнула она. — О, это прекрасный возраст! Мистеру Малхолланду тоже было семнадцать. Но мне кажется, он был немного ниже вас ростом. Да, я даже уверена в этом. И зубы у него были хуже, чем у вас. У вас изумительные зубы, мистер Уивер, говорил ли вам кто-нибудь об этом?

— Да нет, это только так кажется. В них полно пломб, — окончательно смутившись, пробормотал Билли.

Однако, она продолжала, не обращая внимания на его слова:

— Мистер Темпл, конечно, был постарше, ему было уже двадцать восемь. Я ни за что бы не подумала, если бы он сам не сказал мне. Ни за что в жизни! На его теле не было ни пятнышка.

— Ни... чего? — запинаясь, спросил Билли.

— У него кожа была как у младенца.

Наступило молчание. Билли взял свою чашку, отпил глоток и осторожно поставил чашку на блюде. Он ждал, когда она еще что-нибудь скажет, но она словно вдруг забыла о нем. Он сидел, уставившись в дальний угол комнаты, где стояла клетка с попугаем, и нервно покусывал нижнюю губу.

Наконец он сказал:

— Вы знаете, когда я через окно разглядывал вашего попугая, я ведь был абсолютно уверен, что он живой.

— Увы, уже нет.

— Потрясающе сделано! — сказал Билли. — даже вблизи он кажется живым. Кто это сделал?

— Я.

— Вы?

— Конечно, — сказала она. — А как вам мой маленький Бэзил?

И она нежно посмотрела на таксу, спящую перед камином. А Билли вдруг подумал, что собака ведет себя довольно странно: не лает и уже сколько времени лежит неподвижно в одной и той же позе. Осененный неожиданной догадкой, он осторожно прикоснулся к ее спине. Она была твердой и холодной. Он взъерошил пальцами шерсть и увидел сероватую сухую прекрасно сохранившуюся кожу.

— Это великолепно! — воскликнул Билли и с восхищением взглянул на маленькую женщину, сидящую рядом с ним. — Наверное, это очень трудно сделать? — с любопытством спросил он.

— Что вы, вовсе нет, — сказала она. — Я с удовольствием набиваю чучела своих любимцев, когда они умирают. Хотите еще чашечку чая?

— Нет, спасибо.

У чая был слабый привкус горького миндаля, и Билли совсем не хотелось больше пить.

— Вы уже записались в книгу, мой дорогой?

— Да.

— Прекрасно. Позже, если я забуду ваше имя, я в любой момент смогу спуститься сюда и посмотреть. Я почти каждый день смотрю, как их звали... э, мистер Малхолланд и мистер...

— Темпл, — подсказал Билли. — Грегори Темпл. Простите меня за назойливость, я хотел узнать, были ли у вас за последние два-три года другие постояльцы?

Слегка наклонив голову набок, она искоса посмотрела на него.

— Нет, мой дорогой. Только вы.

И она ласково улыбнулась ему.

ВКУС СМЕРТИ

Джек Ритчи

— Я считаю, что сосиски — одно из замечательнейших изобретений человечества, — сказал Чендлер, — а сосиска в сэндвиче к тому же и удобна. Можно есть и при этом, скажем, читать, наблюдать за кем-то или же держать в свободной руке пистолет.

Электрические часы на стене показывали пятнадцать минут первого — время ленча, и кроме меня и Чендлера в офисе никого не было. Он откусил кусочек сэндвича, медленно разжевал его и проглотил. Затем сказал, загадочно улыбаясь:

— Нет слов, доктор Дэвис, вы и моя жена были очень осторожны. Я бы даже сказал — исключительно осторожны. И тем самым как бы помогли мне. Я, разумеется, устрою все так, будто вы покончили жизнь самоубийством. Но даже если мне не удастся обмануть полицию, и они заподозрят, что совершено убийство, то окажутся в полной растерянности относительно мотива преступления. Ведь нас с вами связывало в этой жизни лишь то, что вы взяли меня на работу, меня и еще двадцать человек.

Я почувствовал, что у меня похолодели кончики пальцев.

— Ваша жена сразу все поймет и заявит в полицию, — сказал я.

— В самом деле? Лично я в этом сомневаюсь. Видите ли, женщина на многое способна ради своего любовника... когда он жив. Но если он умер, это сразу меняет дело. Женщины, мистер Дэвис, очень практичные существа. Кроме того, моя жена сможет лишь заподозрить, что это я вас убил. Достоверно она этого знать не будет. И эта неуверенность явится первым обстоятельством, которое заставит ее не обращаться в полицию. Далее, она совершенно разумно рассудит, что нет никаких причин придавать огласке ее роман с вами. И, наконец, вполне вероятно, что помимо меня еще кто-то желал вашей смерти.

Я попытался возразить ему, но в голосе моем, помимо воли, прозвучало отчаяние.

— Полиция будет проверять всех. И, разумеется, они сразу же обнаружат, что вы задержались в офисе, когда все ушли. Он споксйно покачал головой.

— Нет, мистер Дэвис. Никто не знает, что я здесь. Я ушел вместе со всеми и вернулся только тогда, когда понял, что кроме вас здесь никого нет.

С минуту он с удовольствием жевал свой сэндвич. Затем снова заговорил:

— Поразмыслив немного, я пришел к выводу, что ленч — самое подходящее время для убийства. полиции труднее обнаружить, кто где находится в этот час. Люди завтракают, заходят в магазины, время от времени возвращаются в офис; практически невозможно будет проверить так называемое алиби всех сотрудников.

Он вынул еще один сэндвич из моего пакета и продолжал:

— Обычно я ем в одном из многочисленных кафетериев рядом с офисом. Но я отношусь к тому типу людей, которые не привлекают к себе внимания. Так что вряд ли мое отсутствие будет кем-нибудь замечено. Я уже две недели ожидал такого благоприятного момента. И вот наконец сегодня вы задержались в офисе, когда все разошлись. Я еще утром заметил, что вы принесли завтрак с собой. Вы решили, что у вас не будет времени пойти куда-нибудь поесть, мистер Дэвис?

Он почти ласково посмотрел на меня и улыбнулся.

— Да, — с трудом произнес я и облизнул пересохшие губы.

Он вертел в руках сэндвич и внимательно рассматривал торчащие из него маленькие сосиски так, будто видел их впервые.

— Замечали вы когда-нибудь, мистер Дэвис, что человеческий организм неожиданным образом реагирует на различные ситуации. Скажем, в моменты стрессов, горя, страха, гнева человека часто мучает голод. Вот и я сейчас ужасно голоден.

Он снова улыбнулся.

— Может быть, вы тоже хотите сэндвич, мистер Дэвис? В концов, они ваши, а я ем уже второй.

Я ничего не ответил.

Он вытер губы моей бумажной салфеткой и снова заговорил:

— На настоящей стадии своего развития человек все еще не может отказаться от мяса. Вот и я питаю к нему пристрастие. Однако, будучи человеком чувствительным, я реагирую на всякие мелочи. Например, если в бифштексе мне попадетсся хоть один хрящик, я ни за что не смогу доестть его, как бы ни был голоден. Ни за что.

Он пристально посмотрел на меня.

— Возможно, мистер Дэвис, вам кажется, что я несколько эксцентричен, поскольку подробно обсуждаю с вами проблемы питания в такой неблагоприятный для вас момент?

Он пожал плечами и продолжал:

— По правде говоря, я и сам не знаю, почему до сих пор не выстрелил в вас. Может быть, хочу продлить некоторое наслаждение, которое испытываю в эти минуты? Или я боюсь?

Он снова пожал плечами.

— Но даже если я боюсь, уверяю вас, мистер Дэвис, что я это сделаю.

Я взял со стола пачку сигарет и спросил:

— Вы знаете, где сейчас Элен?

— Хотите попрощаться? Или заставить ее убедить меня не убивать вас? Очень сожалею, что ничем не смогу помочь вам, мистер Дэвис. В четверг Элен уехала на неделю к сестре.

Я глубоко затаился и неожиданно поперхнулся. Прокашлявшись, я довольно спокойно сказал:

— Мне не жалко умирать. Я дуаю, что я в расчете и с миром, и с людьми.

Он посмотрел на меня с недоумением.

А я продолжал говорить, не обращая на него внимания, словно самому себе:

— Это случалось со мной три раза. Три раза. До Элен была Беатриса. А до Беатрисы — Дороти.

Он, ухмыляясь, перебил меня:

— Хотите оттянуть время? Думаете, кто-нибудь вернется пораньше? Но я предусмотрел эту возможность и запер входную дверь. Я сомневаюсь, что кто-то вернется до часа. Но если это произойдет, то войти в офис все равно никому не удастся. Если же в дверь станут стучать или пытаться ее открыть, я тут же выстрелю в вас и уйду через черный ход.

От волнения у меня вспотели ладони, однако, пересилив себя, я заговорил снова:

— От любви до ненависти — один шаг, Чендлер. Я это хорошо знаю. Мне не раз случалось любить и ненавидеть одного и того же человека с одинаковой силой.

Я стряхнул пепел с сигареты и продолжал:

— Я любил Дороти и был уверен, что она тоже любит меня. Мы должны были пожениться. Во всяком случае, я этого очень хотел. Но она вдруг призналась, что не любит меня и никогда не любила.

Чендлер улыбнулся и откусил кусок сэндвича.

Я немного помолчал, прислушиваясь к уличному движению. Затем взглянул Чендлеру в глаза и сказал:

— Она больше не принадлежала мне, но и никому другому принадлежать не будет — решил я тогда. И убил ее.

Он посмотрел на меня с любопытством.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросил он. — Какое это имеет значение сейчас?

Я несколько раз не спеша затянулся.

— Я убил ее, но этого мне было недостаточно. Понимаете вы это, Чендлер? Недостаточно. Я ненавидел ее, не-на-ви-дел.

Я положил сигарету в пепельницу и как можно спокойнее проговорил:

— С помощью ножа и пилы я разрезал ее на куски, сложил их в мешок, добавил туда несколько камней для веса и бросил все в реку.

Чендлер побледнел. Я понял, что овладел ситуацией, и сделал большую паузу.

— Через два года я встретил Беатрису. Она была замужем, но тем не менее мы стали встречаться. Это продолжалось полгода, и я был уверен, что она любит меня так же, как я ее. Но когда я предложил ей развестись с мужем и уехать со мной, она рассмеялась мне в лицо.

Чендлер отступил на шаг. А я почувствовал, что у меня на лбу выступила испарина.

— В этот раз мне уже было недостаточно было пилы и ножа. Это меня не удовлетворило.

Я наклонился вперед и перешел на шепот.

— Когда я вышел из дома с мешком в руках, была ночь, светила луна. Мне было хорошо видно, как собаки, рыча, рвали зубами куски, ожидая новой порции.

Глаза Чендлера расширились от ужаса. Я встал, подошел к нему почти вплотную и приподнял верхний кусок хлеба на надкусанном сэндвиче, который он дрожащей рукой положил на край стола.

— Я полагаю, Чендлер, что вы знакомы с технологией изготовления сосисок, которые считаете лучшим изобретением человечества. Тогда вам должно быть известно, что оболочки для сосисок поставляют упакованными в картонную коробку. Пятьдесят пять футов оболочек за восемьдесят восемь центов.

Я положил сэндвич на место.

— Вам также должно быть известно, что автомат для набивки сосисок стоит всего тридцать пять долларов.

Я улыбнулся ему так же ласково, как всего каких-нибудь полчаса назад он улыбался мне, и доверительно сообщил:

— Сначала вы отделяете мясо от костей, затем сортируете его — постное, жирное, хрящи — и уже потом режете на подходящие куски.

Тут я посмотрел ему прямо в глаза:

— Ваша жена никогда не уйдет от вас, Чендлер. Она играла со мной. Я любил ее и ненавидал, ненавидал больше, чем кого-либо на свете. Меня буквально преследовала эта картина: собаки, при свете луны рвущие зубами...

Чендлер замер от ужаса.

Наслаждаясь произведенным эффектом, я вкрадчиво спросил, глядя ему прямо в глаза:

— Вы на самом деле полагаете, что Элен гостит у сестры?
И я протянул ему недоеденный сэндвич.

Когда после похорон мы остались с Элен одни в моей машине, она сказала:

— Я уверена, что Генри ничего не знал о нас. Ума не приложу, почему он покончил с собой в твоём офисе?

Я выехал из кладбищенских ворот и, улыбаясь, ответил:

— Не знаю, может быть, съел что-нибудь неподходящее...

АДВОКАТУ — ДВА МИЛЛИОНА

Гарольд Мейсер

С точки зрения обвинения суд проходил прекрасно. Улики, одна за другой, словно паутина опутывали обвиняемого Ллойда Эшли. Сейчас, ближе к вечеру пятого дня, окружной прокурор Геррику, образно говоря, собирался затянуть петлю на его шее. Шел допрос последнего свидетеля обвинения.

Это дело было на первых полосах газет. Жадная до сенсаций публика требовала все новых и новых подробностей, и газеты услужливо сообщали все, что удавалось отыскать. Такой повышенный интерес публики и прессы объяснялся тем, что все признаки скандального дела были налицо: красивая и неверная жена, отчаянный Казанова, в настоящее время — мертвый, и муж-миллионер, обвиняемый в убийстве.

За столом рядом с Эшли сидел его адвокат, Марк Робисон. Он производил впечатление человека, совершенно безразличного к драматическим событиям, разворачивающимся перед ним. Лицо его было расслабленно, и казалось, он полностью погружен в свои мысли. Однако это было обманчивое впечатление. На самом деле мозг Робисона напряженно отслеживал происходящее, подстерегая малейшую оплошность, которую мог совершить окружной прокурор. Адвокат был грозным противником, и прокурор прекрасно знал это — они были знакомы еще со школьной скамьи.

Робисон работал помощником прокурора при двух правительствах. В этой должности он был тверд и неумолим, и многое делал для того, чтобы тюрьма штата никогда не пустовала. Он любил свое дело и в зале суда чувствовал себя как рыба в воде. Обладая внешностью и голосом прирожденного актера, он умело использовал эти данные. Его быстрый и глубокий ум позволял ему блестяще вести перекрестные допросы. Кроме того, у него было особое чутье на присяжных: безошибочно выбирая наиболее впечатлительных, он успешно играл на их чувствах и предрассудках. А в тех случаях, когда доказательств в пользу защиты было недостаточно, ему удавалось повести дело так, что присяжные вообще не могли вынести вердикт. Но дело Эшли было гораздо более серьез-

ным — доводов в пользу подсудимого было не то что недостаточно, их просто не существовало.

Робисон сидел неподвижно, изучая последнего свидетеля обвинения. Джеймс Келлер, эксперт по баллистике из полицейского управления, был крупным флегматичным мужчиной с бледным лицом. Окружной прокурор Геррик уже провел предварительный допрос, представив свидетеля как эксперта, и теперь извлекал из него последнюю порцию свидетельских показаний, которые должны были отправить Ллойда Эшли в мир иной под аккомпанемент воющего звука тока высокой частоты.

Окружной прокурор взял в руки небольшой черный револьвер, принадлежность которого обвиняемому уже была установлена.

— А теперь, мистер Келлер, — сказал он, — я показываю вам вещественное доказательство. Можете вы сказать нам, что это за оружие?

— Да, сэр. Это кольт тридцать второго калибра, карманная модель.

— Видели ли вы это оружие раньше?

— Да, сэр, видел.

— При каких обстоятельствах?

— Оно было предъявлено мне при исполнении служебных обязанностей эксперта по баллистике. Я должен был определить, из него ли была выпущена роковая пуля.

— Вы провели экспертизу?

— Да.

— Расскажите присяжным, что вы обнаружили.

Келлер повернулся в сторону двенадцати присяжных заседателей, застывших в напряженном ожидании. Среди них не было ни одной женщины: Робисон сделал все возможное, чтобы на сей раз не допустить их в число присяжных. Он был твердо убежден, что мужчины гораздо снисходительнее к актам насилия, совершаемым обманутыми мужьями.

Келлер говорил монотонно, без всякого выражения:

— Я выстрелил из револьвера, чтобы сравнить пулю с той, которая была извлечена из тела убитого. Обе пули были длиной три десятых дюйма и весом семьдесят четыре грамма, что дает основание отнести их к тридцать второму калибру. Обе они имели характерные отпечатки, подтверждающие их принадлежность к револьверу типа кольт. Кроме того, в процессе использования каждый револьвер приобретает некоторые только ему присущие особенности. Рассмотрев обе пули под микроскопом...

Робисон прервал монолог Келлера небрежным жестом.

— Ваша честь, — обратился он к судье. — Я думаю, мы

можем обойтись без столь подробного трактата по баллистике. Защита допускает, что пуля, повлекшая смерть пострадавшего, выпущена из пистолета мистера Эшли.

Судья взглянул на прокурора Геррика:

— Обвинение не возражает?

Геррик ответил:

— Обвинение не имеет ни малейшего желания затягивать процесс дольше, чем это необходимо.

Однако в глубине души он был недоволен, так что предпочитал строить свое дело тщательно и методично, как строят дома. Сначала он закладывал фундамент, затем укреплял каждую деталь и наконец возводил крышу, чтобы не оставалось ни малейшей щели, то есть ни малейшей ошибки, дающей основание для обжалования приговора. Конечно, он должен был бы приветствовать уступку со стороны защиты, но в данном случае это настораживало — с Робисоном надо держать ухо востро.

После реплики Робисона Ллойд Эшли с беспокойством взглянул на него.

— Думаешь, это было разумно, Марк? — спросил он Робисона.

Жизнь Эшли была поставлена на карту, и ему казалось, что каждый пункт обвинения необходимо оспаривать.

— Вне всяких сомнений, — ответил Робисон и изобразил ободряющую улыбку.

Но посмотрев в лицо Эшли, он понял, что его улыбка не произвела никакого впечатления. «Как он изменился», — с сочувствием подумал Робисон. Действительно, не осталось и следа от самонадеянности Эшли. Исчез и его обычный сарказм. Сейчас он выглядел робким и неуверенным в себе. Даже его деньги, солидные, надежно вложенные капиталы, не помогали ему чувствовать себя в безопасности.

Робисон несомненно испытывал ответственность за трудное положение, в котором оказался Эшли. Они были знакомы много лет, их связывали и деловые, и личные отношения. Робисон помнил тот день, два месяца назад, когда Эшли, заподозривший свою жену в неверности, пришел к нему за советом, мрачный и подавленный.

— У тебя есть доказательства? — спросил Робисон.

— Мне не нужны доказательства! — гневно воскликнул Эшли. — Это то, что мужчина знает и так: она холодна со мной, до нее просто нельзя дотронуться.

— Ты хочешь развестись?

— Никогда. Я люблю Еву, — пылко возразил Эшли.

— Что я могу сделать для тебя, Ллойд?

— Мне нужен частный детектив. Я уверен, что ты знаешь

кого-нибудь, кому можно доверять. Я хочу, чтобы он следил за Евой, за каждым ее шагом. Если он сумеет выследить этого человека, я буду знать, что мне делать.

Да, Робисон знал надежного частного детектива — ему иногда приходилось прибегать к услугам хорошего сыщика, который, покоровшись в прошлом свидетелей обвинения, отыскивал некие подробности. Используя их, Робисон наилучшим образом выстраивал версию защиты.

Итак, Эшли нанял детектива, и уже через неделю получил его доклад. Детектив выследил Еву Эшли, когда она пришла в коктейль-бар в Виллидже на свидание к Тому Уорду, одному из соперников Эшли. По мнению детектива, обстановка в баре была весьма интимной, и поведение Евы и Тома вполне ей соответствовало.

Думая о случившемся, Робисон всякий раз вспоминал то чувство вины, которое пронзило его, когда позвонили из полиции и сообщили, что Эшли обвиняется в убийстве. Робисон был потрясен. Он не думал, что Эшли способен на это. Дело не в том, что он считал Эшли трусом — просто главным оружием Эшли всегда были слова, острые, язвительные, оскорбительные. Разумеется, Робисон осуждал себя за то, что не сумел предугадать такой трагический исход, однако он не принадлежал к тому типу людей, способных на длительное самобичевание. А когда Эшли, позвонив ему из тюрьмы, потребовал, чтобы Робисон защищал его в суде, он без колебаний согласился.

На предварительном слушании Робисон сразу же сделал попытку отвести предъявленное обвинение, искусно и со знанием дела представив версию, предложенную ему Эшли. Робисон заявил, что это был несчастный случай. Никакой преднамеренности, никакого злого умысла. Эшли просто пришел в офис Уорда и, размахивая револьвером, пытался взять того на испуг и вырвать обещание оставить Еву в покое. По заявлению Эшли, он тщательно проверил предохранитель перед тем, как пойти в офис. Однако все произошло не так, как предполагал Эшли. Уорд вовсе не испугался и не молил о пощаде, а напротив — впал в ярость, набросился на Эшли и попытался отнять у него револьвер. Эшли уверял, что в результате потасовки кольт упал на стол, и тут же раздался выстрел. Он в полной растерянности стоял над телом убитого, когда в офис вбежала секретарша Уорда.

Однако окружной прокурор поднял их на смех, назвав эту версию дерзкой выдумкой. Обвинение, заявил Геррик, может доказать существование мотива преступления, а также средства и возможности его осуществления. После такого заявления у судьи не оставалось выбора, и Ллойд Эшли по вердикту

большого жюри было предъявлено обвинение в убийстве первой степени.

Теперь, когда подходил к концу пятый день процесса под председательством судьи Феликса Кобба, прокурор Геррик стремился разрушить последние надежды Эшли. Он держал оружие так, чтобы и эксперту Келлеру и присяжным был хорошо виден этот небольшой револьвер, в мгновение ока лишивший человека жизни.

Прокурор задал очередной вопрос эксперту:

— Вы знакомы с действием этого оружия, мистер Келлер, не так ли?

— Да, разумеется.

— Как по-вашему, мог ли револьвер этого типа случайно выстрелить, если его предварительно поставили на предохранитель?

— Нет, сэр.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно уверен.

— Тогда скажите, мог ли он разрядиться, если его поставили на предохранитель, а он упал с высоты нескольких футов?

— Нет, сэр, не мог.

— А если его с силой швырнули на какую-нибудь твердую поверхность?

— Нет, сэр.

— Приходилось ли вам когда-либо слышать о подобном случае за время вашей двадцатилетней службы экспертом по баллистике?

— Никогда, сэр.

Геррик направился к своему месту. Он был вполне удовлетворен.

— Защита может приступать к перекрестному допросу.

Однако судья возразил:

— Сейчас уже без пяти четыре. Я думаю, на этом мы объявим перерыв.

Он повернулся к присяжным:

— Надеюсь, вы помните мои инструкции, джентльмены. Тем не менее, напоминаю еще раз: до тех пор, пока вы не выслушаете все свидетельские показания, вы не должны обсуждать это дело между собой или разрешать кому-либо обсуждать его в вашем присутствии, вы не должны также формировать и высказывать вслух свое мнение по процессу.

Судья поправил свою черную мантию и объявил:

— Слушание дела откладывается до завтра, до десяти часов утра.

После того, как судья покинул зал заседаний, остальные участники процесса оставались еще некоторое время на своих местах, пока помощник шерифа не вывел через боковую дверь присяжных. Затем конвоир подошел к Эшли и слегка тронул его за плечо.

Эшли вздрогнул и повернулся к Робисону. Лицо его было перекошено от напряжения. Он здорово изменился за эти несколько недель, выглядел усталым, похудевшим, дряблая кожа висела под подбородком, запавшие глаза покраснели, а правый висок нервно подергивался.

— Завтра ведь последний день, Марк? — спросил он.

— Вероятно, — уклончиво ответил Робисон.

Он сомневался в том, что защита займет больше одного заседания. Однако, чтобы успокоить Эшли, сказал:

— Думаю, что заключительная речь судьи и его напутствия присяжным прозвучат послезавтра.

— Идемте, мистер Эшли, — поторопил конвоир.

— Послушай, Марк, — не обращая внимания на конвоира, сказал Эшли, и в его голосе прозвучала неожиданная настойчивость. — Мне необходимо поговорить с тобой. Это жизненно важно для меня.

Робисон внимательно посмотрел на него.

— Хорошо, Ллойд. Я приду через пятнадцать минут.

Эшли и конвоир скрылись за дверью позади скамьи подсудимого. В зале осталось несколько зевак. Робисон собрал бумаги, сунул их в портфель и откинулся на спинку стула, массируя кончиками пальцев опущенные веки. Он все еще мысленно видел перед собой лицо Эшли.

«Несомненно, у него есть все основания для панического страха», — подумал Робисон.

Опыт Робисона подсказывал ему, что присяжные заседатели уже приняли решение несмотря на предупреждение судьи не делать этого до окончания процесса. К этому выводу он пришел, наблюдая за присяжными: например, как они молча выходили друг за другом из зала, стараясь не смотреть на подсудимого. Ведь на самом деле никто не испытывает радости, посылая человека на электрический стул. Эшли, должно быть, тоже понял, отсюда и возникшее в нем чувство обреченности.

Выйдя в коридор, Робисон увидел Еву Эшли. Она выглядела маленькой, потерянной и страшно испуганной. Робисон хотел подойти к ней, но она затерялась в толпе.

Реакция Евы на происходящее удивляла его. Она тяжело переживала случившееся, мучилась угрызениями совести и во всем винила себя. Он вспомнил ее первый визит к нему в офис сразу после убийства.

— Я знала, что он ревнив, — говорила она, но я не ожидала ничего подобного.

Она нервно сжимала и разжимала руки.

— О Марк, — воскликнула она с отчаянием. — Они отправят его на электрический стул. Я знаю, они это сделают. И виновата в этом я.

Он резко возразил ей:

— Слушай меня внимательно. Ты ни в чем не виновата. Ты должна держать себя в руках. Если ты потеряешь присутствие духа, это не поможет ни тебе, ни Ллойд. Тем более, что ничего нельзя знать наверняка. Приговор еще не вынесен.

Но она, казалось, не слышала его.

— Нет, это моя вина, — повторяла она, и губы ее дрожали. — Подумай только, что я наделала. Два человека... Том уже мертв, и Ллойда скоро...

— Прекрати сейчас же! — он схватил ее за плечи и резко потрянул.

— Ты должен спасти его! — в отчаянии крикнула она. — Прошу тебя, Марк, если ты не сделаешь это, я никогда не прощу себе.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Но он знал, что сделать это будет очень трудно, почти невозможно: обвинение подготовлено более чем основательно: мотив, средство и возможность...

Робисон спустился к выходу на Уайт-стрит, откуда можно было пройти в камеры. Выполнив обычные формальности, он получил пропуск, и уже через несколько минут они с Ллойдом Эшли сидели по разные стороны длинного стола в комнате для свиданий. Их разделяла лишь прозрачная перегородка.

— Ну, Марк, я хочу услышать правду. Как дела?

Крепко стиснутые руки Эшли, лежащие на столе, выдавали крайнюю степень возбуждения.

Робисон пожал плечами.

— Суд еще не кончился. Никто не может сказать, что решат присяжные...

— Перестань дурачить меня, Марк, — резко перебил его Эшли. — Я видел этих людей, видел их лица.

Робисон снова пожал плечами и замолчал.

— Послушай, Марк, ты уже давно работаешь у меня юристом. Мы много дел провернули вместе, и я прекрасно знаю, как ты умеешь работать. Ты энергичный, находчивый. Я очень верю в твои возможности. Но я...

Он замолчал, подыскивая нужные слова.

— Ты недоволен тем, как я веду защиту?

— Я этого не сказал, Марк.

— Разве тебе не кажется, что я использую малейшую возможность?

— В пределах закона, да. Но я видел раньше, как ты ведешь дела. Я видел, какую тонкую игру ты ведешь с присяжными, какие фокусы ты им показываешь. А в нашем деле ты так придерживаешься закона, что я просто не узнаю тебя. Почему, Марк? Что случилось?

— Понимаешь, Ллойд, я не могу найти ни одной лазейки — вот почему. У меня связаны руки.

— Развяжи их, — возбужденно сказал Эшли.

— Как? — спокойно спросил Робисон.

— Послушай, Марк, — воскликнул Эшли, схватившись руками за край стола. — Ты осведомлен о моих финансовых делах почти так же, как я сам. Ты знаешь, сколько денег я получил в наследство, сколько заработал. Сейчас я стою четыре миллиона долларов.

Он помрачнел еще больше и заговорил снова с нарастающим возбуждением:

— Я не знаю, может быть, именно поэтому Ева вышла за меня замуж. В любом случае — это немалые деньги. И, разумеется, мне бы хотелось самому ими попользоваться, но вряд ли у меня будет такая возможность, если они приговорят меня к смерти.

Эшли прервался на миг и судорожно облизнул губы.

— Если я умру, деньги мне больше не понадобятся. Если же я буду жить, то можно прекрасно обойтись и меньшей суммой, ни в чем при этом себе не отказывая. Марк, ты сам знаешь что помочь мне, даже на этой стадии, можешь только ты. Я не знаю, как. Но я это чувствую. Я уверен, что ты можешь что-нибудь придумать. У тебя такое прекрасное воображение. Я знаю, ты можешь меня вытащить.

Робисон почувствовал, что волнение Эшли передалось и ему.

Эшли подался вперед и хрипло прошептал:

— Делим все пополам. Делим поровну все, что у меня есть. Половина — тебе, половина — мне. Гонорар — два миллиона, Марк. Ты будешь обеспечен на всю жизнь. Только представь тебе! Марк, я хочу, чтобы меня оправдали. Они должны меня оправдать!

Робисон быстро сказал:

— Ты подпишешь то, что сейчас сказал, Ллойд?

— Конечно!

Робисон вынул из портфеля чистый лист бумаги, быстро, почти не останавливаясь, написал нужный текст и протянул Эшли. Тот подписал, почти не глядя, так как знал, что Робисон прекрасно владеет простыми и четкими юридическими

формулами. Робисон дрожащими руками сложил подписанный документ и убрал его в портфель.

— У тебя есть какие-нибудь идеи, Марк? — нетерпеливо спросил Эшли.

Он не сводил глаз с худого и бесстрастного лица Робисона, словно надеялся прочесть на нем ответ на мучивший его вопрос. Меж тем Робисон молчал. Разумеется, у него была идея — она посетила его еще три дня назад, ночью. Он вспомнил, что лежал в постели, пытаясь заснуть, когда внезапно его осенило. Идея понравилась ему, он немного посмаковал ее, обдумывая возможные последствия, взвесил все за и против, затем громко расхохотался в темноте. Она была остроумна, даже несколько жутковата. Однако тогда он решил, что осуществлять ее не станет. Теперь он передумал. Двухмиллионный гонорар оказался весьма убедительным аргументом, перечеркнувшим все его сомнения. Люди шли на более серьезные преступления, в том числе и убийства, за гораздо меньшие суммы. Робисон понимал, что его дерзкая идея не дает стопроцентной гарантии. Однако все будет зависеть от него, удастся ли ему использовать заложенные в ней возможности. Своей тонкой игрой он должен суметь переубедить каждого из двенадцати присяжных, уже принявших окончательное решение.

— Предоставь все мне, Ллойд, — сказал Робисон. — Ты должен расслабиться и попытаться заснуть.

Выйдя на улицу, он решил немного пройтись и обдумать детали своего плана. С точки зрения высокой морали едва ли его план можно было назвать безупречным, но Робисона такие соображения никогда не смущали. Он считал, что для достижения успеха хороши любые средства. А он привык к успеху. Помимо блестящего ума, Робисон обладал прекрасными актерскими данными. Его голос был его инструментом, он звучал то нежно и сочувственно, то презрительно и гневно. Особенно удавались Робисону перекрестные допросы, благодаря которым он выиграл не одно, казалось бы, безнадежное дело, работая в должности помощника окружного прокурора. Родственники многих подсудимых до сих пор шлют Робисону письма с угрозами. Поэтому он получил разрешение на ношение оружия.

На Центральной улице, недалеко от полицейского управления, Робисон зашел в маленький магазинчик, где торговали оружием, и купил кольт тридцать второго калибра, карманную модель, и коробку с патронами. Проверив его разрешение, владелец магазинчика завернул покупку.

Выйдя из магазина, Робисон поймал такси и поехал в свой офис. Его секретарша, мисс Грэхем, протянула ему листок с

записями телефонных звонков. Робисон рассеянно взглянул и молча прошел в свой кабинет.

На стене кабинета, прямо напротив стола, висела картина. Робисон не без сарказма подумал, что девяти судьям Верховного суда США, изображенным на картине, вряд ли когда-либо доводилось видеть то, что сейчас должно было произойти у него на глазах. Он развернул свою покупку, с минуту, как бы взвешивая, подержал в руке кольт, затем быстро вставил в обойму три пули, приставил револьвер к левой руке, чуть выше локтя, и, стиснув зубы, нажал на курок.

Руку словно обожгло раскаленным железом. Робисон невольно вскрикнул, но, пересиливая боль, все же успел поставить револьвер на предохранитель, прежде чем в кабинет вбежала встревоженная мисс Грэхем. Увидев бледного Робисона с окровавленной рукой, она испугалась еще больше.

— Ничего страшного, — хрипло сказал Робисон. — Произошел несчастный случай. Не стойте здесь с разинутым ртом. Вызовите врача. Он должен быть внизу.

Мисс Грэхем выбежала из кабинета и вскоре вернулась в сопровождении врача.

— Ну, — сказал врач, быстро оценив ситуацию. — Что у нас случилось? Еще один несчастный случай из серии «я не знал, что он заряжен»?

— Не совсем так, — сухо ответил Робисон.

— Ну хорошо. Давайте для начала снимем пальто.

Врач помог адвокату раздеться, затем разорвал рукав рубашки от манжета до плеча и осмотрел рану.

— Ничего страшного, — сказал он. — Рана неглубокая. Мышцы и артерии не повреждены. Задет лишь кожный покров. Считайте, что вам повезло.

Перевязав рану, врач сказал:

— Ну а теперь я должен вызвать полицию. Вы знаете закон лучше меня, адвокат. Раз мы имеем дело с огнестрельной раной — у меня просто нет выбора.

Робисон сдержал улыбку. Если бы врач не знал закон, он тут же просветил бы его — ведь именно присутствие полиции было самым важным для него в этой ситуации.

Робисон представил себе заголовки вечерних газет: «Адвокат Робисон ранен в результате несчастного случая», «Экспертиза адвоката» — и статьи, рассказывающие, как он умышленно бросил револьвер на стол, пытаясь воспроизвести случившееся в офисе Тома Уорда.

На следующий день, ровно в десять часов утра, служащий суда произнес обычные слова: «Встать. Суд идет». В зал стремительной походкой вошел судья Кобб в черной развевающейся мантии. Заняв свое место, он с любопытством посмот-

рел на раненую руку Робисона, поддерживаемую черной шелковой повязкой.

— Пригласите свидетеля, — сказал судья.

Джеймс Келлер был снова приведен к присяге и занял свое место в свидетельском кресле. Двенадцать присяжных наклонились вперед в предвкушении чего-то необычного. Окружной прокурор Геррик настороженно посматривал на Робисона. Адвокат хмыкнул, вспомнив, как прокурор утром едва поздоровался с ним. Возможно, он что-то и заподозрил, но теперь это уже не имело никакого значения.

— Защита может приступать к перекрестному допросу, — сказал судья Кобб.

Робисон встал и повернулся так, чтобы в зале могли видеть его раненую руку. По рядам пронесся шепот. В первом ряду он увидел Еву Эшли. Она смотрела на него умоляющими глазами. Робисон подошел к столу и поднял револьвер Эшли. Затем повернулся к Келлеру и спросил:

— Итак, мистер Келлер. Если я правильно запомнил, вы вчера свидетельствовали, что во время экспертизы вами из этого револьвера была выпущена пуля, не так ли?

— Да, сэр, — сказал Келлер.

— Таким образом вы хотели доказать, что именно из этого оружия была выпущена пуля, явившаяся причиной смерти потерпевшего.

— Так, сэр, — сказал Келлер.

— Я полагаю, что вы сняли предохранитель, прежде чем провести экспертизу.

— Разумеется. В противном случае я до сих пор бы стоял в своей лаборатории, нажимая на курок.

В зале кто-то хихикнул, а один из помощников Геррика ухмыльнулся. Это придало уверенности несколько растерявшемуся Келлеру. Но Робисон тут же сурово одернул его.

— Мне кажется, мистер Келлер, что сейчас не самое подходящее время для шуток. Надеюсь, вы отдадите себе отчет в том, что ваши показания могут отправить на электрический стул ни в чем не повинного человека.

Геррик поднял руку.

— Я считаю, что последнее замечание следует изъять из протокола, — сказал он.

— Согласен, — сказал судья. — И присяжные не должны принимать его во внимание.

Робисон продолжал:

— Итак, для того, чтобы это оружие выстрелило, необходимо снять предохранитель. Вы абсолютно уверены в этом, мистер Келлер?

— Несомненно.

— Вы также совершенно уверены, что предохранитель на револьверах данного типа не может соскочить ни при каких обстоятельствах.

Келлер немного заколебался:

— Ну, насколько мне известно, нет.

— Вы когда-нибудь производили подобную экспертизу?

— Что вы имеете в виду?

— Пытались ли вы зарядить это оружие, являющееся вещественным доказательством преступления, и бросить его на твердую поверхность?

— Нет, сэр.

— Хотя вы прекрасно знали, что это будет основным доводом защиты?

Келлер поежился, словно ему стало холодно, и вопросительно взглянул на Геррика, но лицо окружного прокурора было бесстрастным.

— Прошу вас ответить на мой вопрос, — настойчиво сказал Робисон.

— Нет, сэр, я не пытался этого сделать.

— Но почему, мистер Келлер? Почему вы не провели такую экспертизу? Не кажется ли вам, что это было очевидно? Или вы боялись, что таким образом может подтвердиться версия подзащитного?

— Нет, сэр, об этом я не думал.

— Тогда почему?

— Это просто не пришло мне в голову, — запинаясь, сказал Келлер.

— Это не пришло вам в голову. Понятно, — почти ласково сказал Робисон. — Человека обвиняют в убийстве первой степени, на карту поставлена его жизнь, он может закончить ее на электрическом стуле, а вам не пришло в голову провести простейшую экспертизу, чтобы выяснить, говорит ли он правду.

Краска залила лицо и шею Келлера. Он молча ерзал в свидетельском кресле, низко опустив голову.

— Пусть в протоколе отметят, что свидетель не ответил на поставленный вопрос, — сказал Робисон и снова обратился к Келлеру. — Вчера вы заявили, мистер Келлер, что оружие данного типа не может разрядиться, будучи брошенным на твердую поверхность. Не так ли?

— Если поставлено на предохранитель, — едва слышно сказал Келлер.

— Разумеется.

— Я... Да, мне кажется, я так сказал.

— У вас нет сомнений в этом?

Келлер затравленно посмотрел на перевязанную руку Робисона и, сглотнув слюну, ответил:

— Н-нет, сэр.

— Ну что ж, посмотрим, — многозначительно сказал Робисон.

Он осторожно переложил револьвер из правой руки в слегка опухшую, поддерживаемую повязкой левую, вынул из кармана патрон и зарядил револьвер, затем подошел к свидетелю и подал ему оружие. Но в этот момент он внезапно скривился от боли и едва успел подхватить правой рукой падающий кольт. Со стороны все, что делал Робисон, выглядело очень эффектно. Зал взволнованно загудел.

Протянув Келлеру револьвер, Робисон произнес, чеканя каждое слово:

— А теперь, мистер Келлер, будьте любезны, взгляните на вещественное доказательство преступления и скажите суду, как специалист, правильно ли оставлен предохранитель.

— Да, сэр.

— Тогда встаньте, пожалуйста, мистер Келлер, я бы хотел, чтобы вы доказали Его чести и двенадцати присяжным, а также всем присутствующим в зале суда, что вышеназванное оружие не может разрядиться, будучи брошенным на твердую поверхность. Будьте добры, бросьте его на стол судьи.

Гул в зале усилился. Прокурор Геррик вскочил, его лицо было перекошено от гнева:

— Я протестую, Ваша честь. Это совершенно не по правилам, дешевая игра на публику. Да к тому же, опасная для всех...

Тут он внезапно замолчал, словно поперхнулся своими собственными словами. Еще не договорив до конца, он понял, что, поддавшись эмоциям, невольно сыграл на руку Робисону, допустив вероятность того, что оружие все-таки может выстрелить.

Робисон невозмутимо продолжал:

— Высокий суд, я всего лишь прошу свидетеля доказать на деле то, что он заявил нам под присягой как опытный эксперт.

Судья Кобб сказал:

— Протест обвинения отклоняется.

— Пожалуйста, мистер Келлер, — вкрадчиво сказал Робисон. — Продемонстрируйте суду и присяжным, что вещественное доказательство преступления не может выстрелить при обстоятельствах, изложенных подзащитным.

Келлер встал, неуверенно и с опаской поднял руку с револьвером. Зал затаил дыхание. Робисон не сводил глаз с Келлера. Судья, стараясь не привлекать к себе внимания, начал медленно и неловко сползать со стула.

— Мы ждем, — спокойно произнес Робисон.

На висках Келлера выступили капли пота. Его рука напряженно подергивалась.

— Прошу вас, продолжайте, — теперь уже резко сказал Робисон. — Суд не может так долго ждать.

Их глаза встретились, и Робисон, как бы невзначай, поправил повязку.

Келлер глубоко вздохнул и, не произнеся ни слова, вернулся на свое место.

По залу суда пронесся вздох облегчения. Робисон понял, что выиграл. Он произнес блестящую заключительную речь и был вполне доволен собой.

Судья почти не оставил выбора присяжным, призывая их отнестись с разумной долей сомнения к доказательствам, представленным обвинением. Присяжные отсутствовали менее часа и вынесли вердикт: «Не виновен».

Ллойд Эшли выслушал решение суда с полным безразличием. Напряжение последних недель привело его на грань нервного истощения. Робисон дотронулся до его плеча.

— Все хорошо, Ллойд. Все кончено. Ты свободен. Поедем ко мне. Нам есть о чем поговорить.

Эшли поднялся.

— Да, конечно, — сказал он, едва улыбнувшись.

Они с трудом пробрались через толпу и вышли на улицу. Заключительные речи и выступление судьи заняли почти весь день. Поэтому, когда они приехали в офис Робисона, был уже вечер. Они выпили по рюмке коньяка и выкурили по длинной тонкой сигаре.

— Ну, Марк, — наконец сказал Эшли. — Я знал, что ты сделаешь это. Ты сдержал слово. Теперь дело за мной. Есть у тебя чистый чек?

Робисон сделал протестующий жест, но Эшли остановил его.

— Мы ведь заключили сделку, Марк, не так ли? Давай завершим наше дело.

Робисон вышел в приемную. Он знал, что где-то в офисе должны быть чистые чеки. Он держал их для тех клиентов, которые нуждались в его услугах, но не имели при себе достаточной суммы денег. Когда он вернулся в кабинет, Ллойд сидел за его столом. Не моргнув глазом, он выписал Робисону чек на два миллиона долларов.

— Я сказал пополам, Марк, может, тебе и больше перепадет. Это мы узнаем, когда бухгалтер просмотрит свои книги.

Робисон не мог оторвать взгляд от чека, его вывел из оцепенения голос Эшли.

— Да, Марк, — сказал он. — Тебе еще кое-что причитается. Возможно, ты узнаешь об этом прямо сейчас.

Робисон удивленно взглянул на Эшли и увидел у него в руке кольт тридцать второго калибра. Палец он держал на курке.

— Я нашел его в твоем столе, — сказал он. — Наверное, это тот самый пистолет... Это ирония судьбы, Марк. Теперь у тебя есть то, что ты ценишь больше всего на свете, — деньги, но ты не сможешь потратить из них ни пенни.

Робисон насторожился.

— О чем ты говоришь, Ллойд? Я не понимаю.

— Помнишь частного детектива, которого ты порекомендовал мне. Я совершенно забыл о нем после того, что случилось. Но, поскольку я не отказался от его услуг, он следил за Евой все это время. И два дня назад принес мне доклад. Я думаю, мне не надо рассказывать тебе, с кем она встречается и кто на самом деле тот, другой.

Робисон побелел.

— Ты, Марк, почти так же виновен в смерти Уорда, как и я. Ведь это ты убедил Еву использовать его в качестве прикрытия. Сама она никогда бы до этого не додумалась.

Пот заливал лицо Робисона. Он прошептал едва слышно:

— Подожди, Ллойд. Послушай меня.

— Нет, — сказал Эшли. — Я не буду тебя слушать — ты слишком хорошо умеешь добиваться своего. Сегодня в суде я еще раз убедился в этом. Я думал, что смогу осуществить свое намерение через пару дней, но случайно нашел в твоем столе кольт — и в этом есть какая-то справедливость. Чем раньше я это сделаю, тем лучше. Ты вынудил меня убить невиновного. Теперь ничто не мешает мне убить того, кто виноват во всем.

Из прозвучавших двух выстрелов Марк Робисон услышал только первый.

УБЕЙ МЕНЯ НЕЖНО

К.Б.Гилфорд

Когда Уинт Маршалл слышал отдаленный, очень слабый звук, он знал, что это был выстрел. Ждал ли он его? Надеялся, что он прозвучит?

— Уинт, что это? — спросила его жена Вивиан, спокойно и безмятежно восседавшая с другой стороны длинного обеденного стола.

— Не знаю.

Он лгал. Ему это было известно. Это был выстрел.

— Но, дорогой, этот звук был так похож на выстрел. — Ее серые глаза поблескивали в свете горевших свечей. — Фил, Хэрриет, а вам не показалось, что это выстрел? — Она повернулась к Дженнингсам — супружеской паре, пришедшей к ним в гости.

Он знал, что это был выстрел, знал, откуда он раздался.

— Уинт, дорогой, кажется, это было со стороны Листеров. — Ее губы, одни лишь губы, улыбались. — Может, они устроили пальбу друг по другу?

Он закрыл глаза, ощущая тяжелый комок страха где-то в области желудка. Перед ним предстала картина происшедшего...

До начала его романа с Дианой Листер она уже почти год проживала в просторном бунгало по соседству с ними. У Листером был бассейн, и летом Диана проводила в нем или возле него большую часть времени. Иногда они устраивали вечеринки рядом с бассейном, и тогда оттуда доносился шум и смех, а пару раз их с Вивиан тоже приглашали принять в них участие. Ему нравилось, как выглядела Диана и то, какими прямыми взглядами одаривала его. Ему пришло в голову, что было бы интересно попробовать выяснить значение этих взглядов.

Но, пожалуй, самым важным моментом всей этой истории было то обстоятельство, что Диана жила рядом с ними. Для него стало своеобразным спортом ускользать из поля зрения Вивиан, обманывать ее, просто наслаждаться своей хитростью.

Все началось с телефонного звонка в одну дождливую субботу. В солнечные субботние дни он обычно играл в гольф.

Возможно, Диана уже успела изучить его привычки. Не исключено, что ей было известно и о том, что Вивиан только что уехала из дома. позвонив, она, однако, попросила к телефону Вивиан.

— Моя жена уехала за покупками, — ответил он.

Воцарилось молчание.

— Кажется, сегодня мы оба брошенные, — наконец проговорила она. — Говард тоже сегодня утром умчался в Калифорнию.

Он улыбнулся, мысленно поздравляя себя, его терпение было вознаграждено. Она взяла инициативу в свои руки. Он же продолжал выжидать, желая, чтобы она прямо пригласила его.

— Не хотелось бы вам выпить чашку кофе? — спросила она.

— Неплохая мысль, — беззаботным тоном откликнулся он.

— Кофе как раз варится. Может, зайдете?

— Хорошо.

— Лучше пройти через гараж — так короче.

Он вышел из дома через маленькую дверь гаража. При этом обратил внимание, что деревья и кусты почти полностью скрывают его от посторонних глаз. Он юркнул в небольшое отверстие в изгороди. Мокрые листья немного намочили его пиджак. Еще несколько шагов — надо же, как плотно растут деревья у Листеров, — и он оказался перед маленькой дверью теперь уже их гаража.

Задержавшись в нерешительности перед ней и предвкушая соблазнительное рискованное приключение, он наконец вошел внутрь.

Диана была на кухне. На ней были брюки и прелестная, изящная блуза, едва ли подходившая для каждодневной кофейной процедуры.

Они расположились на диване в гостиной, и как-то само собой их беседа приобрела доверительный характер.

— А что, Вивиан всегда такая занятая, да? — начала Диана.

— Да, она активистка женского клуба.

— То есть не стремится целиком посвящать себя дому?

— С этим вполне справляется прислуга.

— Похоже, она прекрасно подошла бы Говарду.

— В каком смысле?

— Его часто не бывает дома. Уезжает из города. В общем-то он довольно нетребователен.

Они обменялись долгим, откровенным взглядом. Понадобилось лишь некоторое время, определенные приготовления,

подходящая ситуация — в конце концов, они оба были достаточно воспитанными людьми...

— Уинт, дорогой, — произнесла через стол Вивиан, — разве тебя совсем не интересует, что там случилось?

— Нет!

Ответ прозвучал слишком поспешно. Брови Вивиан чуть приподнялись. Не находя в себе сил встретиться с ней взглядом, он вонзил нож в лежавшую перед ним на тарелке отбивную и принялся отчаянно ее резать. Руки его дрожали, и Вивиан наверняка заметила это. Она всегда все замечала. Сейчас-то ему уж никак нельзя выдать себя — после всех этих месяцев столь успешного обмана жены.

— Вивиан ничего не знает о нас? — спросила Диана. Этот вопрос она задавала не впервые. Диана проявляла почти болезненное любопытство ко всему, что было связано с Вивиан.

— Я же тебе говорил, — сказал он, стараясь сдерживать себя, — что Вивиан слишком занята своими собственными делами.

Они обедали «У Леона» — в небольшом ресторанчике, который никогда не посещали ни Вивиан, ни ее друзья. Говард в тот день благополучно пребывал в Чикаго. В общем-то обстановка была очень уютной, жаловаться было не на что. Только бы Диана прекратила разговор на эту тему. Он ведь никогда не изводил ее расспросами о Говарде.

— Я просто не понимаю, — продолжала Диана, — как женщина может жить с неверным мужем и не чувствовать этого, не догадываться, по крайней мере.

— А Говард что, всегда хранит тебе верность во время своих долгих отсуствий?

— Разумеется, — сказала она, как отрезала.

— Откуда такая уверенность?

Она пожала своими почти голыми плечами.

— Он любит меня.

Диана медленно потягивала свой martini. Вид у не был обворожительный. Белокурые волосы медового оттенка, нежная, холеная кожа без единого намека на морщинки, вся такая свежая, ароматная.

В то же время, думал он, она, в сущности, была ограниченным человеком, подчас даже глупым. Это он понял довольно скоро. Впрочем, много ли есть женщин, привлекательных внешне, которые к тому же и умны? Вот Вивиан действительно была умной, интеллигентной.

Говард Листер, очевидно, действительно любил свою оча-

ровательную жену. В общем-то он был тьюфом. Старательный, честолобивый, туповатый, но способный отдавать Диане всю свою любовь и преданность, глупо полагая, что она отвечает ему тем же.

— Когда ты расскажешь обо всем Вивиан? — неожиданно спросила Диана.

— О чем обо всем?

— Ну, о нас с тобой.

Он почувствовал, как от неловкости по телу побежали мурашки.

— Я вообще не намеревался ей ни о чем говорить.

— Но ты должен это сделать, любовь моя. Об этом я и собиралась с тобой поговорить. Потому что мне хотелось одновременно рассказать все Говарду...

Он сжал ее руку, желая остановить.

— По правде говоря, я не вижу причин делать это, — искренне проговорил он. — Зачем нам кому-то об этом рассказывать?

— Но мы должны.

— Почему?

— Но ведь когда-то нам придется же заниматься разводом?

— Разводом?!

— Конечно, ведь так не может продолжаться вечно?

Он в замешательстве смотрел на нее. Нет, он и в мыслях не допускал, что подобная ситуация будет длиться вечно. Просто было приятно, пока все это было.

— Так вот, если Вивиан так ни о чем и не догадывается, тебе надо будет самому рассказать ей.

— Диана, пожалуйста, выслушай меня. — Он подвинулся к ней ближе, их плечи и колени коснулись друг друга. Страстно и обнадеживающе обнимая ее одной рукой, другой он нежно поглаживал ее обнаженную руку. — Дорогая, ты разве не понимаешь, в каком положении я нахожусь?

Она искренне покачала головой.

— Моя работа... мой бизнес... Я всем обязан семейным связям Вивиан.

— А какое это имеет значение?

— Какое значение! Если я разведусь с Вивиан, то обреку себя на голод. Мы будем голодать.

Она смотрела на него теплым, любящим взглядом. Придвинувшись ближе, она чуть пощекотала ему щеку своими губами.

— Уинт, дорогой, меня это не волнует. Как прелестно будет голодать вместе с тобой!

Если у него и оставались некоторые сомнения насчет ее

ограниченности и глупости, то в этот момент они полностью исчезли.

— А ты разве не хочешь жениться на мне, Уинт?

— Ну конечно хочу. Но не думаешь ли ты, что... — Он предпринял еще одну, последнюю отчаянную попытку. — Не кажется ли тебе, что будет гораздо лучше, если все останется так, как есть? В конце концов, таким образом мы имеем одни плюсы и никаких минусов.

Выражение ее глаз ничуть не изменилось: они по-прежнему отражали безграничную любовь и твердую решимость. В этот момент он с сожалением подумал о том, что конец настал.

Вивиан внимательно наблюдала за ним со своего конца стола.

— Уинт, ты не намерен что-то предпринять?

— А что я должен предпринять?

— Ну, сходить к соседям, посмотреть, что там.

Он пытался как-то сориентироваться в настоящем, стряхнуть с себя оковы прошлого. Сколько времени прошло с момента выстрела? Минута? Полторы?

— Чтобы так ни произошло, теперь уже все кончено, — проговорил он.

— Все кончено, — сказал он Диане.

Какое-то время она неотрывно смотрела на него, не прикасаясь к своему бокалу. Ее глаза стали безжизненными и были лишены какого-либо выражения — одна лишь имитация человеческих глаз. Все ее существо словно погрузилось в какую-то бездну, как можно дальше от того, что причиняло боль.

Но Уинт не отступал.

— Все кончено, — повторил он.

Она никак не отреагировала на его слова, не стала задавать вопросов. Естественно, для нее это было страшным ударом, так что он не ждал многословия. Однако молчание ему не нравилось. Было в нем что-то зловещее.

— Видишь ли, Диана, все это с самого начала не могло быть чем-то серьезным. Нам обоим было скучно, и в обществе друг друга мы нашли избавление от скуки. На нас с тобой просто что-то нашло. Ты влюбилась в меня, ну и я, конечно же, тоже влюбился в тебя. — Он гал ей, ничуть при этом не колеблясь. — Но если я попытаюсь развестись с Вивиан, для меня это будет означать конец всему. Мне тридцать шесть лет. Мы не можем вечно развлекаться лишь потому, что влюблены друг в друга. Поэтому будет трудно, но со временем мы поймем, что это было самое разумное решение.

Он умолк, потому что понял: слова его не достигают цели. Она продолжала сидеть, глядя на него и молча качая головой.

— Я не могу отпустить тебя, Уинт, — слова прозвучали неожиданно тихо и пугающе. — Я не смогу жить без тебя. Я люблю тебя, Уинт.

— Знаю, дорогая. Я тоже люблю тебя, и пусть то, что мы знаем о нашей любви друг к другу, поможет нам преодолеть боль расставания.

— Хорошо, я не настаиваю на том, чтобы ты сейчас же разводился с Вивиан. Мы как-нибудь устроим все это, до тех пор, пока мы любил друг друга и пока...

— Нет! Диана, разрыв должен быть полным и окончательным. Раз и навсегда.

Дело наконец дошло до слез.

— Я покончу с собой!

И вот сейчас, пока они с Вивиан развлекают чету Дженнингсов за спокойным обедом, где-то в доме Листеров прозвучал выстрел.

Его охватила паника. Вивиан едко заметила, что Листеры, мол, вздумали перестрелять друг друга, но он прекрасно знал, что Говарда дома нет — он где-то в очередной поездке. Диану он не видел почти месяц, но продолжал поглядывать на ее дом. Она не пыталась звонить ему или писать писем. Он даже начал надеяться, что ему удалось избавиться от нее и благополучно выбраться из этой истории.

Так неужели она оказалась такой глупой, такой дурой, чтобы стреляться? Не то чтобы он очень уж возражал против подобного исхода дела. Если она умрет, то он окончательно избавится от нее, все будет так, словно их романа вовсе не было. Оставался лишь один ужасный вопрос: удастся ли ему чистым выйти из этой передраги?

Его рассудок, затуманенный на протяжении последних минут воспоминаниями о том, как он влип в это дело, постепенно стал возвращаться к мрачному настоящему. Если Диана умерла, если она застрелилась, что может указывать на ее связь с ним? Есть там за что зацепиться?

Его фотография! С ужасом он вспомнил, что как-то уступил ее романтическому желанию иметь его фото. «Чтобы носить у сердца, когда тебя нет со мной», — сказала она тогда. Его самолюбие было польщено подобным проявлением обожания. Он подарил ей маленькую карточку, любительский снимок размером с тот, что вставляют бумажник или наклеивают на паспорт. Она была так рада, даже поцеловала ее, прежде чем положить к себе в сумочку. Где сейчас эта фотография?

Как только он начал думать об опасностях, они стали множиться в его мозгу. Не оставила ли Диана записку? Самоубийцы часто так поступают. А вдруг она назвала его имя? И как на все это посмотрят у него на работе, как отнесется к этому Вивиан?

А что... а что если попытка самоубийства не удалась? Его мысленному взору представились газетные полосы, шепот окружающих — попытка самоубийства очаровательной блондинки, обвинившей в случившемся распутного соседа, — и Диана с крошечной ранкой на руке, истерично пересказывающая свой неудавшийся роман с Уинтом Маршаллом.

— Уинт!

— Да? — Он застыл, поняв, что встал из-за стола и куда-то пошел из комнаты.

— Куда ты собрался?

— Хочу посмотреть, что произошло у Листеров.

Он бросился наружу, воспользовавшись кратчайшим путем — через гараж. Дождь не переставал. Он припомнил, что моросить начало вскоре после прихода Дженингов. Но он опаздывал, уже безнадежно опаздывал, поэтому и решил воспользоваться этим путем. На грязь он не обращал внимания и, поскользнувшись, чуть было не упал.

В нескольких комнатах дома Листеров горел свет, хотя снаружи ничего не было видно — окна прикрывали плотные портьеры. В помещении царила тишина, словно так никого не было.

Он подошел к двери, собираясь позвонить или постучать, но вдруг ему пришло в голову, что в доме может находиться живой человек с пистолетом в руке — например, Говард, вознамерившийся отомстить ему, или сама Диана, которой захотелось взять любовника с собой. У него все еще оставался ключ от маленькой двери их гаража. Покопавшись в бумажнике, он нашел его, вставил в прорезь замка и открыл дверь.

В гараже было темно, но путь ему был хорошо известен, поэтому, передвигаясь вдоль стены, он довольно скоро достиг двери в кухню. Там тоже было темно, но и здесь ему было все знакомо. Он старался производить как можно меньше шума.

В гостиной горел свет, по крайней мере одна из ламп была зажжена. И вдруг он увидел Диану.

Одетая в черное вечернее платье, она сидела в самом центре дивана. На коленях у нее лежал пистолет, рукоятку которого она сжимала правой рукой, указательный палец был на спусковом крючке. В комнате ощущался слабый запах пороха. Значит, она стреляла. На ее левой руке возле плеча

зияла глубокая рана. Кровь, пропитав рукав платья, капала на сиденье дивана.

В изумлении он уставился на нее. Она явно похудела, черты лица заострились, щеки впали, Под глазами были темные припухшие круги, еще более заметные из-за мертвенной белизны лица, а глаза покраснели и опухли. Глаза эти глядели в никуда, и Уинт даже подумал: отдает ли она себе отчет в том, что убила себя, что вот-вот умрет?

В тот же момент его посетили более тяжелые мысли — мысли о том, в каком положении оказался он сам. Вести о случившемся, равно как и их интерпретация, неизбежно станут достоянием окружения. Дурная слава, обвинения, неверность, Вивиан станет объектом сожаления и осмеяния, и она этого не вынесет. Он будет изгнан, сокрушен и оставлен без малейшей надежды на возвращение.

Если бы эта глупая женщина навсегда замолчала!

Начиная с этого момента он начал действовать в полном соответствии с голосом инстинкта самосохранения. Времени на составление плана или раздумья не оставалось. Он осторожно обошел диван и приблизился к ней справа. Она не шевельнулась и поначалу, казалось, даже не замечала его присутствия. Он присел рядом с ней, но не слишком близко, стараясь не оказаться на одной линии с дулом пистолета.

— Уинт, я так скучала по тебе.

— Я тоже скучал потебе.

— Значит, ты вернулся? — В ее помертвевших глазах скользнул слабый лучик.

— Я здесь...

— Кажется, я не туда направила пистолет, он подпрыгнул. Но в следующий раз я не промахнусь, Уинт, если ты не останешься со мной...

Это уж точно, не промахнется. Она упрямая. Выбора у него не было.

— Дорогая, дай-ка пистолет. Я не хочу, чтобы ты поранилась.

Он накрыл пальцы Дианы своими, прижал ее указательный палец к спусковому крючку. Делал он все это медленно, очень осторожно. Она не сопротивлялась, полностью подчиняясь его движениям, даже не замечая того, что он делает, или, по крайней мере, не придавая этому значения.

Он приподнял ее руку, в которой все еще был зажат пистолет. Ему пришлось немного согнуть ее запястье, чтобы дуло оказалось прямо посередине груди. Полностью доверяя ему, она и здесь не сопротивлялась. Столь же осторожно, как и прежде, он спустил курок.

Выстрел прозвучал неожиданно громко. Голова Дианы

дернулась, и какую-то долю секунды женщина смотрела на него, обо всем догадываясь и все понимая. А затем голова ее откинулась назад. Он быстро отпустил пистолет и отскочил в сторону. Упав на диван, она тут же соскользнула с него и застыла на ковре маленьким жалким комочком.

Под трупом расплзлась лужа крови. Он увидел на ковре свои собственные грязные следы. На какое-то мгновение его охватила паника, но он тут же сообразил, что и не собирался скрывать факта своего присутствия в ее доме.

Однако ему придется поспешить. Оставшаяся за столом компания наверняка слышала и второй выстрел. Вивиан могла встревожиться за него, могла послать Фила Дженнингса посмотреть, в чем там дело, даже сама могла прийти. В любом случае каждую минуту здесь кто-то мог появиться.

Он не мог вести свои поиски, всюду оставляя эти грязные следы, поэтому он быстро разулся и скользнул в спальню Дианы. Внезапно остановившись, он громко выругался. Ну почему он не спросил ее, где фотография и не оставила ли она записку. И все было бы так просто!

И снова ему пришлось преодолеть собственную панику. В спальне горел свет, всюду царил беспорядок. Пора приступать к делу, сказал он себе.

Обычно самоубийцы не прячут предсмертных записок, хотят, чтобы их сразу нашли. Быстрым взглядом он определил, что записки, по крайней мере в этой спальне, нет. Оставалось найти фотографию. Когда он подарил ее Диане, она сразу же положила ее в сумочку. А может, она и сейчас еще там?

Передвигался он быстро, стирая носовым платком свои отпечатки всюду, где мог их оставить. В шкафу лежало с десяток сумочек. Фотографии нигде не было. Кошелек с деньгами на туалетном столике, кредитные и членские карточки, всякая ерунда — но фотографии нет. Гардероб с вещами Дианы — и здесь ничего! Шкатулка с драгоценностями...

Ну почему он не спросил ее, где она лежит?! Он метался повсюду, теряя силы, теряя время. Надо подумать.

Впрочем, думать было уже поздно — раздался звонок у входной двери. Надо открывать. Распахнув дверь, он увидел стоявшего перед ним Фила Дженнингса. Тот, казалось, облегченно вздохнул, увидев Уинта.

— Женщина застрелилась, — сказал Уинт. — Пойди позвони в полицию и вызови скорую помощь. — Фил попытался заглянуть через плечо Уинта — тот чуть посторонился, чтобы Фил мог лицезреть картину происшедшего, но одновременно загораживал ему дорогу втръ.

— Что ты собираешься делать?

— Я останусь здесь.

Фил понял, что сейчас не время для расспросов. Когда он исчез в темноте двора, Уинт захлопнул дверь.

Итак, у него есть еще несколько минут. Возможно, не более пяти — все зависит от того, как скоро Фил доберется до телефона. Он так и стоял, разутый, в одних носках. Затем стал зажигать свет в каждой комнате и осматривать их. Минуты через две он с удовлетворением обнаружил, что записки нигде нет. О муже Диана едва ли думала, а оставлять в этом месте записку для любовника явно не имело смысла. В этом он был почти уверен.

Оставалась лишь проблема с фотографией. Станет ли полиция обыскивать дом? Зачем им это надо? нет, Говард обязательно найдет ее, но позднее, и, возможно, где-то проболтается. Возможно...

Впрочем, искать было больше негде, разве что только перевернуть весь дом вверх дном. «А что если она потеряла ее?» — неожиданно подумал он. Да и мало ли что с ней вообще могло произойти!

Снова раздался звонок в дверь. Теперь ему не оставалось ничего, кроме как нагло изображать свою непричастность к происшедшему. Надежно скрывааемый плотными шторами, он быстро обулся. Открыв дверь, увидел двух мужчин в полицейской форме и стоявшую у тротуара машину.

— Мы обедали, когда услышали первый выстрел, — начал было он. — Я живу по соседству...

Однако полицейских совсем не интересовал его рассказ. Им надо было провести осмотр места происшествия и убедиться в том, что люди вроде него ничего не портили. Он наблюдал за тем, как они осматривают помещения и делают какие-то пометки.

Записи их предназначались для лейтенанта Бенджамина из отдела расследования убийств. Он был небольшого роста, говорил спокойно и ни разу не улыбнулся. Он оценивал ситуацию. Заглянув в записи, отдал несколько распоряжений. Затем повернулся к Уинту.

— Мы слышали звук этого выстрела, — сказал тот. — У нас были гости, и все мы сидели за столом. Несколько минут мы ничего не предпринимали, и моя жена сделала предположение, что это, мол, похоже на звук выстрела и что я должен сходить и посмотреть, что случилось. Ну я пошел, позвонил в дверь, но мне никто не ответил. В доме горел свет, и я подумал, что, может, кто-то ранен. Мне удалось проникнуть в дом через гараж, и я увидел Диану — миссис Листер, сидящую на диване с пистолетом в руке. Я подошел к ней и попросил отдать его мне но она лишь повела им в сторону и

сказала, чтобы я не приближался. Я хотел было заговорить с нею, но она, похоже, меня не слушала и ничего не отвечала...

— Короче говоря, она ничего не сказала, да?

— Только предупредила, чтобы я не подходил.

— Так, и что потом?

— Ну, все мои слова не возымели действия. Она застрелилась.

— Вы сами видели, как она сделала второй выстрел?

— Да.

— Вы пытались ее остановить?

Уинт заколебался. Ему было известно про парафиновые тесты, с помощью которых можно определить, стрелял ли человек из пистолета.

— Видите ли, сейчас я не берусь точно утверждать, как все происходило. Когда я увидел, что она направила на себя пистолет, я подскочил к ней, чтобы остановить.

— Пытались вырвать его у нее из рук?

Уинт почувствовал, что руки его стали мокрые.

— Ну не то что... Мне показалось, я подскочил к ней именно в тот момент, когда она выстрелила, или сразу же после. Пистолет у нее я не вырывал. Да, она просто упала на диван, затем соскользнула на ковер.

«Неплохая получилась версия, хотя немного сбивчивая, но в моем положении это вполне естественно», — подумал он. Будучи очевидцем самоубийства, он и должен сейчас пребывать в состоянии, близком к шоку. В поседении лейтенанта Бенджамина не было заметно признаков ни сочувствия, ни подозрительности. Он лишь сказал Уинту, чтобы тот шел домой, а поговорят они с ним позже.

Вивиан и Дженнингсы ждали его. Вивиан была настолько потрясена тем, что оказалась соседкой самоубийцы, что о каком-либо подозрении с ее стороны не могло быть и речи.

— Как ты думаешь, — спросила она, — зачем Диана это сделала? Молодая, красивая, состоятельная. Может, какие-то проблемы с Говардом?

— Говард прояснит нам ситуацию.

Под благовидным предлогом он покинул их и прошел в ванную, где тщательно вымыл руки. Только сейчас он начал ощущать признаки потрясения, но не потому, что Диана умерла, и не потому, что он стал причиной ее смерти, а оттого лишь, что так сильно рисковал.

Дом Листеров по ту сторону забора был ярко освещен; парни Бенджамина рыскали повсюду. Что если они найдут фотографию? Тогда доселе очевидное самоубийство может предстать в новом свете.

Первый выстрел они услышали примерно в половине де-

вятого, а без четверти десять у дверей дома Маршаллов раздался звонок. Это был лейтенант Бенджамин. Уинт вышел из ванной, бледный и ослабевший.

Бенджамин спокойно задавал вопросы и получил подтверждение по крайней мере части рассказанной Уинтом истории. Было совершенно ясно, что первый выстрел раздался, когда все сидели за обеденным столом. Он убедился также в том, что Уинт Маршалл пошел узнать, что случилось, лишь по настоянию жены. Слушая беседу, Уинт все больше обретал уверенность в себе. У него было алиби.

И тогда лейтенант неожиданно преподнес маленький сюрприз.

— Речь идет об убийстве, — сказал он, — а мы привыкли серьезно относиться к подобному. Нам необходимо знать точно, что именно произошло. Мистер Дженнингс, мистер Маршалл, вы, надеюсь, не будете возражать, если мы возьмем ваши отпечатки пальцев?

— Отпечатки пальцев?! — воскликнул Фил.

Бенджамин кивнул.

— Мы сняли отпечатки с дверной ручки. Вероятно, ваши, мистер Дженнингс. А те, что на ключе в двери гаража, мистер Маршалл, скорее всего принадлежат вам.

Ключ! Ключ, который Диана дала ему специально для того, чтобы он мог приходить в любое время! Неужели он оставил его в замке?

— Кстати, мистер Маршалл, как вы нашли ключ от двери гаража? — Бенджамин не спеша закуривал, задавая этот вопрос.

Ответ Уинта прозвучал столь же спокойно:

— Теперь я припоминаю, что он был в замке. Да, я еще обрадовался, потому что не нужно было ничего разбивать или ломать...

Казалось, Бенджамина удовлетворил этот ответ. Он позвонил помощнику, и через пять минут у него уже были обе пары отпечатков.

— Мне надо установить, — пояснил он, — что в доме нет отпечатков пальцев посторонних лиц.

— Посторонних лиц? — переспросил Уинт.

— Вы сказали, мистер Маршалл, что никого не видели поблизости от дома Листеров, пока вы там находились, но, возможно, там кто-то был до вас. Видите ли, мы ведь еще не установили мотив преступления. Почему столь очаровательная молодая женщина как миссис Листер вздумала покончить с собой?

— Вы можете это узнать у ее мужа, — подсказала Вивиан.

— Я это и сделаю, когда он придет, — пообещал Бенджа-

мин. — Ему уже сообщили. И еще одна маленькая деталь, мистер Маршалл. Я уже говорил, что нам необходимо восстановить точную картину происшедшего. Вы сказали, что бросились к миссис Листер, когда она спустила курок. Мне хотелось бы знать, насколько вы приблизились к ней. Не могли бы вы проехать с нами в участок, чтобы сделать парафиновый тест? Это позволило бы нам установить, прикасались ли вы к оружию в тот момент, когда оно выстрелило.

Уинту не нравилось, как развивались события. Почему бы Бенджамину не удовлетвориться очевидными фактами? Впрочем, от теста уклоняться не следовало, и он поехал с лейтенантом в участок. Беседа по дороге носила отрывочный характер. Бенджамину хотелось побольше узнать о Диане Листер. Уинт изображал из себя человека, который едва знал ее.

В участке их ждал эксперт. Он наложил двойной слой парафина на обе руки Уинта, поскольку тот заявил, что точно не помнит, какой из них он схватился за пистолет, после чего поместил между ними ватную прослойку. Когда слепки были сняты, он смочил их какой-то жидкостью. Ждать пришлось минут двадцать. Наконец на слепке с правой руки появилось несколько, совсем немного, темно-синих вкраплений.

— Позитивная реакция, — сказал лейтенант. — Мистер Маршалл, ваша рука была в непосредственной близости от пистолета, а возможно, и прикасалась к нему.

— Но я ведь уже рассказывал вам.

— А мы теперь еще больше убедились.

Чувствовалось, что с лейтенантом Бенджамин могут возникнуть проблемы. Складывалось впечатление, будто он что-то знает, но не спешит об этом рассказывать, а стремится собрать все фрагменты картины полностью. А может, полиция нашла фотографию?

Полицейский отвез Уинта домой. Дженнингсы ждали его возвращения. Ему пришлось рассказать им и Вивиан все, что с ним было. После их ухода Вивиан выглядела задумчивой.

— Зачем тебе понадобилось вмешиваться во все это? — с вызовом спросила она.

— Ты же сама сказала, чтобы я пошел и посмотрел, что там и как.

— Посмотреть — это одно, а попытаться помешать Диане Листер застрелиться — это совсем другое.

— Ты считаешь, что я должен был просто стоять и спокойно наблюдать за происходящим?

Она холодно дернула плечами.

— Дорогой, а тебя это вообще как-то касалось?

На следующий день к Уинту в офис заглянул лейтенант

Бенджамин. Секретарша довольно неопределенно сообщила о его приходе: в газетах уже успели дать краткое изложение случившегося.

— Мне показалось, что вам хотелось бы быть в курсе всех новостей, — сказал лейтенант. — Утром я встречался с Говардом Листером.

— Ну и как, на пользу пошла встреча?

— Он в очень подавленном состоянии. По его словам, в последние несколько месяцев его жена постоянно пребывала в плохом настроении, стала замкнутой. «Была чем-то озабочена» — так он сказал. Месяц назад ее хандра усилилась, она впала в настоящую депрессию. Разумеется, ему и в голову не могло прийти, что она может покончить с собой. Но странное дело, мистер Листер, ее муж, человек, который жил с нею рядом и должен был бы понимать ее, не может никак объяснить причин ее озабоченности, депрессии и тем более самоубийства. Он неоднократно пытался заговорить с ней, но она неизменно отмалчивалась. Кроме того, он уверяет, что ни в коей мере не был причиной такого ее состояния. Регулярно приносил в дом деньги и вообще был хорошим мужем.

Уинт не стал комментировать его слова.

— Мы обнаружили четкий отпечаток пальца вашего друга Дженнингса на дверном звонке. А ваших отпечатков там нет. Вы ведь сказали, что звонили в дверь, не так ли? Это дало бы понять миссис Листер, что кто-то идет.

— Видимо, пальцы Дженнингса стерли мои отпечатки, — заметил Уинт. — Действительно, сначала я звонил в дверь.

— Ваши отпечатки мы нашли на ключе от дери гаража, благо вы оставили ее открытой и тем самым спасли от дождя. И пока никаких других отпечатков мы не обнаружили.

Уинт почувствовал некоторое облегчение. В своих поисках каких-либо признаков, дающих основание подозревать, что есть еще некое неизвестное лицо, полиции так и не удалось обнаружить следов его деятельности в квартире Дианы.

— Самоубийцы обычно предпочитают оставаться наедине с собой, — лейтенант задумчиво смотрел на Уинта, — однако миссис Листер совершила этот акт у вас на глазах.

— Бывает, что люди бросаются с крыши здания на глазах у зевак.

— Да, такое случается. Кстати, мистер Маршалл, сегодня утром мы попросили вашу жену дать нам ваши грязные туфли. Похоже, все следы как внутри, так и вне дома Листеров были оставлены именно вами. Таким образом, мое предположение не подтвердилось.

— А что это было за предположение?

Бенджамин тяжело опустился на стул, взгляд его был ус-

тремлен мимо Уинта — то ли в окно, то ли вообще в никуда. Выражение его лица было загадочным. И было в нем нечто, походившее на порыв, устремленность, что придавало ему явно угрожающий оттенок.

— Я искал таинственного человека. Сам он не нажимал на спусковой крючок пистолета миссис Листер, но он сделал так, что она нажала на него. Он был ее любовником.

Уинт сохранял спокойствие.

— С чего вы взяли, что у нее был любовник?

— Почувствовал. Кроме того, это мое предположение подкрепил рассказ Говарда Листера. Что скорее всего способно вызвать у женщины состояние депрессии? Разочарование в любви.

Уинт боролся с нараставшей тревогой. Если бы Бенджамин нашел фотографию, он так бы и сказал. Но и в этом случае смерть Дианы оставалась самоубийством, а не убийством.

— Да, действительно, эта бедная женщина застрелилась, — продолжал Бенджамин. — Мы сняли парафиновый тест с ее рук. Именно из ее рук выстрелило оружие. Но настоящий виновник ее смерти — человек, заставивший ее сделать это.

— И что вы сделаете с ним, даже если вам удастся его найти? — спросил Уинт с оттенком интереса в голосе, не более того.

— Это будет зависеть от того, насколько тесной окажется его связь с преступлением, — ответил Бенджамин.

Он встал, собравшись уходить.

— Листер убит горем. Говорит, что не может больше оставаться в этом доме. Уже переехал в отель. Так что если вы обнаружите кого-то подозрительного, кто станет околачиваться поблизости, в полицию звонить не стоит. Это и будет полиция.

Тело Дианы Листер было предано земле. Уинт и Вивиан присутствовали на похоронах. Вивиан не преминула высказаться по поводу бесстрастного выражения лица супруга покойной.

— Мог бы, по крайней мере, изобразить хоть какую-то скорбь, — проговорила она. — Ведь сам же довел ее до этого.

Уинт не стал вступать в спор — пусть думает, что хочет. И пусть все думают то же. Его это вполне устраивало.

Вся беда заключалась в том, что лейтенант Бенджамин думал иначе. Ему было что-то известно, и он не хотел, чтобы дело топталось на месте. У него была вполне четкая, последовательная версия, правоту которой он стремился доказать. Помочь ему в этом могло единственное — фотография.

Насколько тщательно полиция обыскала дом? Сказать наверняка было трудно. Впрочем, они до сих пор продолжали наведываться туда, что-то замыслили. И Говард в любой момент мог передумать и вернуться домой, начать собирать вещи Дианы или просто перебирать их...

И тогда Уинт Маршалл окажется замешанным в скандал, причем уже не по поводу какой-то любовной интрижки, а в связи с самоубийством. И неважно, сможет ли Бенджамин доказать его причастность к смерти Дианы или нет, вся его жизнь, его карьера рухнут как карточный домик. Он попросту превратится в мертвеца.

Таким образом, весь вопрос заключался в том, кто первым найдет эту фотографию. Сразу же после похорон Уинт решил рискнуть.

Говард подошел к Вивиан и Уинту. Его лицо практически ничего не выражало, хотя мускулы были напряжены и голос заметно охрип.

— Уинт, у меня не было возможности поблагодарить тебя.

— Я ничего не сделал.

— Но ты пытался. Я признателен тебе... Можешь оказать мне услугу? Я не хочу возвращаться в этот дом. Пожалуйста, пусть ключ останется у тебя на тот случай, если кому-нибудь понадобится войти.

— Ну конечно, Говард.

Он чуть ли не вырвал ключ у Говарда. Ну надо же, какая удача! Он надеялся, что ему удалось скрыть свое ликование от посторонних.

Однако прошла целая неделя, прежде чем представился удобный случай. Ему хотелось войти в дом Листеров днем, чтобы не зажигать свет. Однажды он разыграл расстройство желудка и остался дома, постоянно наблюдая из окна за происходящим вокруг. Парней из отдела Бенджамина не было уже несколько дней. Теперь туда наведывался только сам лейтенант и один из его сотрудников, обычно подвозивший его. Как правило, он приезжал ежедневно и оставался в доме около получаса, очевидно, пытаясь найти след любовника — недостающее звено в его версии. Затем они уезжали, и больше никто из полиции в этот день там не показывался.

Вивиан сделала все необходимое в порядке проявления заботы о супруге, но вскоре заспешила в косметический салон и за покупками. Из дома она уехала в девять. Лейтенант отбыл несколько минут спустя.

Уинт решил не терять времени. Он оделся, привычным маршрутом направился к дому Листеров и не мешкая вошел внутрь, отперев дверь ключом Говарда. В гостиной все оставалось так же, как было, когда он в последний раз заходил

сюда, за исключением одной детали — в ней не было Дианы. Лишь громадное рыжее пятно на ковре напоминало о происшедшем. Здесь же он обнаружил свои собственные грязные следы, перемежавшиеся со следами крови, — была драма словно окаменела, застыла в окружающем его пространстве.

Он прислонился к стене, потрясенный и обескураженный. Фотография — ужас неотступно преследовал его при одной мысли о том, что случится с ним, если этот маленький кусочек бумаги будет кем-то обнаружен. Найти эту проклятую фотографию! Найти во чтобы то ни стало, сколько бы времени на это ни ушло — весь день, вся ночь, даже если придется разнести этот дом по частям!

Он забрел в спальню Дианы и снова пересмотрел там все, так же как сделал в день убийства. Шкатулку с драгоценностями, сумки, ящики... Правда, на сей раз он уже не осторожничал. Его не волновало, в каком виде он оставит все. Главное было — найти снимок.

Но его нигде не было. Он разодрал на части шкатулку, вырвал подкладку сумочек, бросился к ящикам с одеждой, косметикой, вытряхнул их содержимое на пол. То же самое он проделал с полками гардероба, коробками со шляпами, упаковками с бельем, постелью, подушками, со всем...

Он рыскал за висевшими на стенах картинами, когда заметил стоявшего в дверях незнакомого мужчину в штатском. Несколько мгновений тот смотрел на него с усталой улыбкой, затем подошел к телефону, стоявшему рядом с кроватью Дианы, и набрал номер.

— Лейтенант, — сказал он, — он здесь.

— Кто-то явно был замешан в деле миссис Листер, — поговорил лейтенант Бенджамин. Он стоял в гостиной Листеров — руки в карманах, расслабленный, спокойный, даже не торжествующий. — Вы мне представлялись наиболее вероятным кандидатом.

Уинт Маршалл лихорадочно соображал, пытаясь собраться с мыслями.

— Мы поняли, что миссис Листер хотела покончить с собой. Она сделала первый выстрел. Но мы все также знаем, что этот выстрел оказался неудачным. И вот приходите вы — чтобы все «выяснить». Эпизод с ключом в замке гаража ни о чем определенном не говорил, но показался мне странным. Потом был парафиновый тест. И опять ничего определенного, ибо вы сами сказали, что пытались остановить ее. Зато ваши следы, мистер Маршалл, понравились мне гораздо больше.

Уинт судорожно дернулся:

— Что?

— На ковре мы обнаружили следы грязи, смешанной с кровью. Мы немного поколдовали над ними. Согласно вашим собственным словам, вы буквально прыгнули к миссис Листер, когда она спустила курок. Что ж, отпечатки на ковре не вполне соответствуют вашей версии. Мы обнаружили ваши следы рядом с диваном, а это означает, что вы сидели рядом с миссис Листер перед тем, как она выстрелила. Откуда мы знаем, что это было до, а не после выстрела? Дело в том, что кровь оказалась поверх ваших следов. Таким образом, вы сели рядом с ней тогда, когда она была еще жива. Совсем просто, не так ли?

Уинт устался на пятно на ковре. Ему казалось, что он видит начертанный на нем узор, но не был в этом уверен. Он ждал объяснений.

— Итак, мистер Маршалл, мы пришли к выводу, что вы вроде бы помогли миссис Листер совершить этот повторный выстрел.

Он слабо покачал головой.

— Я собирался сразу же арестовать вас, но тогда отсутствовал важный фактор всего дела — мотив. Почему вдруг живущий по соседству мужчина со всех ног бросился помогать этой несчастной женщине накладывать на себя руки? Ну конечно же, потому, что у него был с ней роман. А с чего бы ей вдруг захотелось покончить с собой, как не потому, что ее бросили. Зачем же ему надо было бросать ее — разумеется, потому, что она собиралась все обнародовать. Если у него действительно было что-то с этой женщиной, разве не попытался бы он сделать все возможное, лишь бы ликвидировать любые следы, указывающие на их связь? И вот мы решили соорудить небольшую ловушку. Сделали так, что мистер Листер передал вам ключи от дома. Затем прямо у вас на глазах — вы могли все видеть через окно — я ежедневно заходил в этот дом и выходил из него в сопровождении нашего сотрудника, правда, всякий раз это был не тот человек, с которым я входил. Иными словами, каждое утро я менял стражу. Таким образом, в доме постоянно кто-то оставался и ждал вас. И вы наконец пришли. Но фотографию вы так и не нашли, не правда ли?

Уинт резко вскочил на ноги, но был тут же остановлен двумя полицейскими.

— Значит, вы нашли ее! — вырвалось у него. — Где она была?

Лейтенант кивнул.

— Да, нашли. Маленькую, как для паспорта. У вас, наверное, есть и другие. Думаю, мы найдем их и сравним... для верности.

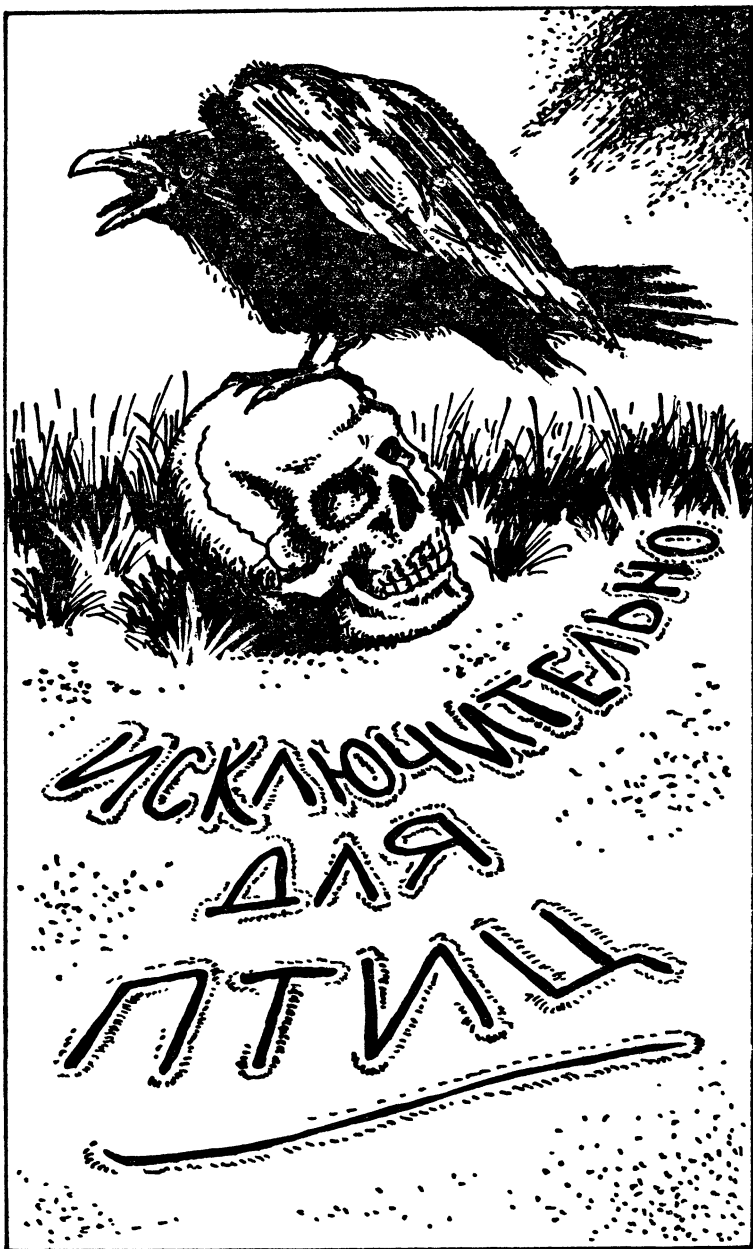
На сей раз Уинт смог выдать из себя лишь стон.

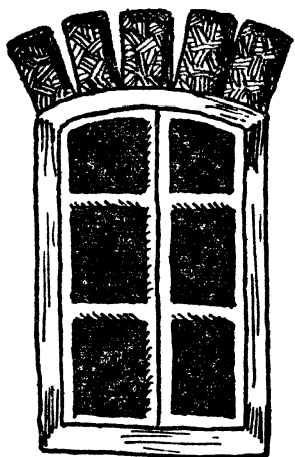
— Вы хотите сказать, что не опознали меня по этой фотографии?

— А как нам это удалось бы?

Лейтенант извлек из кармана маленький пакетик. Он развернул обертку, затем папиросную бумагу, и Уинт увидел маленький сморщенный кусочек глянцевой картонки со следами крови и дырой посередине. Лица на фотографии не было.

— Она находилась в медальоне, который был на Диане Листер, — проговорил лейтенант Бенджамин. — Пуля прошла как раз сквозь него.

ЖЕЛТЫЙ КОТ

Майкл Джозеф

Все началось с того, что однажды, когда Грей возвращался домой, за ним по непонятной причине увязался странного вида изголодавшийся желтый кот. Вид у животного был довольно тщедушный, а большие, напряженно глядящие, янтарного цвета глаза поблескивали в неярких лучах электрических фонарей на углу улицы. Именно там кот и стоял, когда Грей проходил мимо, удрученно насвистывая себе что-то под нос — сегодняшний визит к «Грэнни» не принес ему выигрыша ни за одним из столов, ему даже показалось, что животное, посмотрев на него, издало негромкий жалостливый звук. Дальше оно уже неотступно следовало за человеком, держась, однако, все время настороже, словно ожидая в любой момент пинка.

Грей и в самом деле сделал полуугрожающий замах ногой, когда, оглянувшись, заметил за спиной желтого кота.

— Если бы ты был черным, — пробормотал он, — я бы, пожалуй, взял тебя с собою, а так — убирайся!

Меланхоличные янтарные глаза слабо блеснули, однако кот не пошевелился, а затем все так же настойчиво побрел за Греем. Это могло бы основательно рассердить его, потому как настроение действительно было паршивое, однако он почувствовал какое-то жестокое удовлетворение в том, что судьба отказывала ему даже в такой пустяковой милости как добрая примета. Как и все азартные игроки он истово верил во всевозможные суеверия, хотя не раз уже убеждался в полной тщетности всех талисманов. Под подкладкой кармана его пиджака был зашит обезьяний коготь, и он никак не мог набраться смелости выбросить его. Но странно, этот жалкий желтый кот, которому полагалось бы быть черным, отнюдь не вызывал у него естественного в подобных ситуациях раздражения.

Он негромко рассмеялся: это был сдержанный, невеселый смех человека, ведущего борьбу с отчаянным невезением.

— Ну ладно, желтый дьявол, пошли, вместе поужинаем. — Он извлек руку из кармана плаща и поманил животное к себе, однако кот отреагировал на этот жест с таким же безразличием, как и на недавний замах ногой. Он лишь бесшумно скользнул вперед вдоль грязного тротуара, ни на сан-

тиметр не отклонившись от того незримо прочерченного курса, которым до этого столь уверенно следовал.

Вечер выдался сырой, туманный, отчаянно промозглый. Грей зябко поежился и, снова сунув ладони в чуть теплое убежище карманов, немного свел плечи, словно это могло спасти его от пронизывающего холода сумерек.

Он облегченно вздохнул, когда наконец свернул во внутренний дворик, отделявший ледяную улицу от лестничного пролета, который вел к его комнате. Неуклюже ковыляя по жесткому булыжнику двора, он неожиданно обнаружил, что кот у куда-то исчез.

Данное событие ничуть его не удивило, он даже толком не задумался над ним, однако уже через несколько минут, оказавшись на верхней площадке довольно обветшалой лестницы, в слабом мерцании одинокой лампочки под потолком разглядел это создание, которое сидело, а точнее, лежало прямо на пороге перед его дверью.

Он сделал неуверенный шаг назад и тихо пробормотал: — Странно.

Кот бесстрастно посмотрел на него своими печальными, почти задумчивыми глазами. Потянувшись над развалившимся на полу животным, он повернул ручку двери.

Желтый кот молча поднялся и вступил в сумрак комнаты. Было что-то неестественное, почти злое в его мягких, бесшумных движениях. Чуть подрагивающими пальцами Грей нащупал спичечный коробок и, закрыв за собой дверь, зажег единственную имевшуюся у него свечу.

Он жил в комнатке над проходным двором, который со временем приобрел даже некоторую популярность благодаря тому, что здесь поселилось немало некогда весьма благополучных и влиятельных, а ныне сраженных ударами немилосердной судьбы дельцов, промышлявших в районе завода Мэйфера; Грей даже научился с довольно ловкой напускной небрежностью называть свое жилье «квартирой», которая располагалась совсем рядом с «леди Сьюзен Тиррел».

По сути своей Грей был профессиональным игроком и шулером, хотя даже самому себе он едва ли признавался в этом. Однако и шулер нуждался в самом обычном человеческом везении. Один вечер сменялся другим, а он все наблюдал как деньги оседают в карманах всяких «пижонов», безнадежно наивных юных дилетантов и дуреющих старух, денег у которых и без того как снега зимой и которые по всем законам карточной игры должны неизменно проигрывать. И все же, играя с ними, Грей — человек, пользовавшихся уважением даже в кругах своей жалкой братии, полагавшейся в деле зарабатывания на жизнь исключительно на индивидуальное

мастерство и ум, — неизменно проигрывал сам. Он переходил к столам с рулеткой, но там, даже с соблюдением всех полагавшихся суеверных процедур, его поджидала неудача. Он исчерпал весь свой кредит, и Грэнни лично заявила, что считает его безнадежным неудачником. Сейчас же он замерз, проголодался и пребывал в отчаянии. Скоро даже одежда последнее сохранившееся у него личное имущество — перестанет давать ему возможность брать деньги в долг, чтобы с наступлением очередного вечера вступать в схватку с немилосердной фортуной.

В его комнате стояли деревянная кровать и стул, а между ними располагался расшатанный стол. Стул заменял Грею гардероб, на столе стояла свеча и валялись несколько обгоревших спичек, которыми он, лежа в ночи, прикуривал дешевые сигареты. Иногда в этих целях он пользовался свечой и очень досадовал, когда воск прилипал к кончику сигареты: вообще-то Грей был довольно привередливым человеком. Абсолютно голые стены, если не считать приставленного к одной из них старого буфета, пришпиленного календаря «Спортинг лайф», да нескольких журнальных репродукций. Ковра на полу не было, а от пустого камина к краю кровати тянулась полоска гладкого линолеума.

Поначалу Грей не увидел кота, но потом, когда пламя свечи разгорелось, его гротескная тень заколыхалась по стене. Животное устроилось в дальнем конце кровати.

Запалив от свечи одну из старых спичек, он поднес ее к маленькой газовой плитке — единственному предмету роскоши в комнате. Стоимость газа входила в те несколько шиллингов, которые он еженедельно платил за аренду помещения, и иногда Грей зажигал плитку, чтобы немного согреться. Для приготовления пищи он ею почти не пользовался, поскольку виски, которые он доставал по договоренности с одним из привратников Грэнни, хлеб и сыр, обычно входившие в его ежедневное меню, разогреть вообще не нужно.

Кот зашевелился и, бесшумно прыгнув на пол, осторожно приблизился к плите, после чего растянулся рядом с ней, выставив напоказ все свое тощее желтое тело, и принялся негромко, но как-то грустно мяукать.

Грей выругался, затем прошел к буфету и вынул из него кружку с отбитой ручкой. Переложив хлеб к себе на тарелку, он вылил из кружки немного остававшегося в ней молока на дно фаянсовой хлебницы.

Кот приступил к трапезе — не алчно, но с той яростной скоростью, которая выдает сильные голод и жажду. Грей лениво наблюдал за этой сценой, одновременно наливая себе в чашку виски. Выпил, налил еще. Затем он стал раздеваться,

соблюдая при этом максимум осторожности, стараясь хоть ненадолго продлить срок пользования своим изрядно поношенным смокингом.

Кот посмотрел на него. Снимая рубашку, под которой, с учетом того, что жилета не было, была надета еще одна, шерстяная, Грей испытал определенную неловкость, по-настоящему ощущая воздействие янтарных кошачьих глаз. Охваченный безумным порывом, он вылил виски из своей чашки в блюдце с молоком.

— Делиться так делиться, — едва не прокричал он. — Пей же, ты...

И тогда желтый кот зарычал на него : послышался мерзкий, зловещий звук, и Грей на какое-то мгновение даже испугался. Затем он рассмеялся, словно потешаясь над самим собой за эту сиюминутную потерю самообладания, и завершил процедуру раздевания, аккуратно складывая и развешивая одежду на стуле.

Кот вернулся на свое прежнее место в ногах кровати, не спуская с Грея настороженного взгляда. Хозяин каморки подавил неожиданно возникшее желание вышвырнуть кота наружу, после чего проворно забрался под одеяло, стараясь не выдернуть его тщательно заправленные под матрац края.

При дневном свете кот производил впечатление бесформенного, уродливого существа. Он даже не подумал слезать с кровати. Грей взирал на него с выражением любопытного презрения на лице.

Обычно по утрам он чувствовал себя подавленным и раздраженным, но сейчас его настроение, как ни странно, оказалось почти радостным.

Одевшись, он пересчитал оставшиеся в карманах деньги и пришел к выводу, что может позволить себе немного пошпиговать, отоварившись в располагавшемся неподалеку Уорвик-маркете, поставлявшем самым дорогим ресторанам района самую дешевую еду. Несмотря на это к столь известным персонам как Грей там относились весьма терпимо.

Кот продолжал возлежать на кровати и даже не предпринял попытки следовать за хозяином, так что тот с максимальной осторожностью, которую позволяли отчаянно скрипевшие петли, притворил за собой дверь, все время ощущая на себе взгляд незванного гостя.

В магазине он уступил возникшему импульсу купить какую-нибудь еду и для кота, в результате чего его расходы возросли на несколько пенсов, потраченных на порцию сырой рыбы. На обратном пути он проклинал себя за это решение и готов был уже выбросить начавший подтекать и пропиты-

ваться влагой сверток с рыбой, когда его внимание неожиданно привлек давно забытый голос.

— Грей! Ну надо же, именно тебя-то мне и хотелось сейчас видеть!

Грей довольно любезно откликнулся на произнесенное приветствие, хотя, если можно было судить по одежде, финансовое положение повстречавшегося мужчины было едва ли не более плачевным, чем его собственное. Когда-то в стародавние времена этот человек также являлся завсегдатаем Грэнни, однако затем с головой погрузился в бурные волны отчаянного невезения. Несмотря на свой весьма потрепанный вид, он повернулся к Грею и сказал:

— Не возражаешь против рюмочки, а, — после чего, заметив сомнение на лице экс-приятеля, добавил: — Я угощаю. Наконец-то схватил удачу за хвост.

Некоторое время спустя Грей вышел из пивной на углу, обогатившись пятью фунтами, принять которые приятель буквально заставил его, ссылаясь на некие давно забытые услуги, оказанные ему Греем в прошлом. Находясь в состоянии изрядного подпития, Грей не стал уточнять, что это были за услуги, однако, насколько он мог припомнить, отношение его к этому человеку никогда не отличалось особой учтивостью. Имени его он тоже не помнил.

Поднимаясь по ступеням, он продолжал терзать свою память, гадая, кто же все-таки это был. То, что они встречались, это точно — лица Грей запоминал хорошо. Лишь уставившись на желтого кота, он наконец вспомнил и имя.

Ну конечно же, это был Феликс Мортимер. Но Феликс Мортимер застрелился летом!

Поначалу Грей пытался уверить себя в том, что обознался: вопреки голосу разума он старался убедить себя, что этот человек попросту очень похож на Феликса Мортимера. Но где-то в подсознании блуждала мысль: ошибки не было.

Да и потом, пятифунтовая банкнота не вызвала сомнений в своей реальности.

Он неспеша выложил рыбу в кастрюлю и зажег плитку. Кот приступил к трапезе в той же степенной, размеренной манере, в которой накануне вечером пил молоко. По его изнуренной внешности можно было определенно судить, что животное проголодалось, однако оно методично поглощало рыбу, словно уверившись в том, что подобные подношения впредь станут регулярными.

Грей вертел в руке пятифунтовую бумажку и задавался вопросом, не мог ли этот кот как-то поспособствовать тому, чтобы фортуна снова улыбнулась ему. Но мысли все время возвращались к Феликсу Мортимеру...

События следующих нескольких дней не оставили у него на этот счет никаких сомнений. Уже в первый вечер, находясь у Грэнни, он заметил, что маятник судьбы определенно качнулся в его сторону. Он последовательно выигрывал. После рулетки он решил перейти к «девятке», но и там удача сопутствовала ему.

— Ты наверстываешь проигранное — да еще как, с лихвой! проговорил один из завсегдатаев этого довольно неприглядного, изрядно потертого салона.

— Именно — с лихвой, — эхом отозвался Грей и неожиданно умолк: суеверие прирожденного картежника заставило его задуматься над смыслом сказанного.

Заведение Грэнни он покинул, став богаче на двести фунтов.

Однако этот успех стал лишь прелюдией к тому «грандиозному куску удачи» — если следовать его собственной фразеологии, — который выпал на его долю в последующем. Играл он по-научному, не теряя головы, методично откладывая в банк каждое утро определенную часть выигрыша, планируя и рассчитывая в надежде наконец достичь той высокой отметки, за которой, как он сам считал со всей тщетностью азартного игрока, вообще отпадет необходимость подходить к карточному столу.

При этом он почему-то никак не мог заставить себя покинуть тронутые тленом нищеты «модные» трущобы: его сковывал страх, что подобный шаг может отпугнуть фортуна. Он без конца обновлял свою обстановку, совершенствовал комфорт, и, что характерно, первым делом купил для желтого кота корзину и мягкую подстилку.

В глубине сознания он не сомневался в том, что именно кот послужил истинной причиной поворота от нищеты к процветанию: его своеобразный, крайне суеверный рассудок подсказывал, что именно желтый кот стал счастливым талисманом.

Он регулярно приносил животному еду, стоя всякий раз юнцом, наподобие преданного слуги. Иногда рука машинально тянулась, чтобы приласкать кота, но тот лишь яростно огрызался, и он, напуганный, решил оставить животное в покое. Если кот когда-либо и покидал комнату, то сам Грей ни разу не был тому свидетелем: всякий раз, когда он приходил домой, кот неизменно оказывался на месте, поблескивая в его сторону янтарного цвета глазами.

Впрочем, отношение Грея к подобной ситуации было вполне философским. Он стал рассказывать коту про свою жизнь, делиться с ним планами на будущее, сообщать о новых знакомых деньги довольно скоро распахнули перед ним двери

гораздо более солидных заведений, нежели было у Грэнни, — и все это красноречие, основательно одобренное вином и одиночеством, вливалось в неподвижные уши кота, устроившегося в ногах его кровати. А однажды на ум пришло воспоминание, о котором Грей не решился даже обмолвиться: Феликс Мортимер и пять фунтов, ставшие поворотным пунктом в его судьбе.

Создание бесстрастно взирало на него, высокомерно безразличное как к его бредовой болтовне, так и к наступавшему молчанию. Однако мистическое везение продолжалось — Грею все время везло.

Шло время, и его стало одолевать честолюбие. Теперь ему оставался какой-то шаг до тех магических цифр и сумм, за которыми, как он сам определил, можно было бы прекратить столь сомнительное занятие. Он сказал себе, что с любых точек зрения обезопасил себя, и в конце концов решил перебраться в более подходящий и респектабельный район.

При этом Грей не забыл о том, чтобы купить для желтого кота новую и достаточно дорогую плетеную корзину, в которой он и перевез его с чердака в весьма роскошную квартиру. Обставлена она была с умопомрачительной безвкусицей, однако по контрасту с былыми трущобами смотрелась весьма прилично.

Кроме того, он стал здорово выпивать, во всяком случае, больше, чем полагалось бы человеку, которому следовало иметь свежую голову, по крайней мере, в течение некоторой части дня, а точнее — вечера.

Однажды ему выдалась возможность поздравить себя с приобретением нового жилья. Дело в том, что впервые за все тридцать с лишним лет жизни он повстречал женщину. К тому времени Грей привык подразделять всех женщин на две категории. К одной из них относились «чурки» — бездушные создания с куриными мозгами и лихорадочным азартом картежника, тогда как другие именовались «пижонками» — молодые, но чаще старше, дурочки, распускавшие свои идиотские, но весьма дорогие перышки, чтобы другие люди, вроде него, основательно пощипали их.

Однако Элиз Даер была другой. При виде ее сердце Грея начинало биться со странной, учащенной быстротой. у нее были необыкновенные, светлые, как пушок кукурузного початка, волосы, бледно-матовая кожа, а глубоко посаженные синие глаза и нежный карминно-красный рот ввергали его в состояние непривычного смущения.

Как-то раз вечером они заговорили о талисманах. Грей, который до этого не рассказывал про желтого кота ни единой душе, прошептал, что, если она не против, он мог бы показать

ей свой талисман, который и принес ему эту едва ли не вошедшую в поговорку Удачу. Девушка с неподдельным энтузиазмом откликнулась на его робкое приглашение зайти к нему домой, а он по своей страшной простоте с заиканием пробормотал, что тем самым она окажет ему честь. Он совсем забыл про то, что Элиз Даер воспринимала его не иначе как богатого человека.

Охваченный восторженным ликованием, он компенсировал ее проигрыш и заказал шампанское. Девушка умело потчевала его вином, так что к концу вечера он наклюкался, как никогда со времени начала эры его процветания.

Домой к нему они отправились на такси. Грей чувствовал, что наконец-то достиг вершин успеха. Жизнь была прекрасна, великолепна! Какое значение сейчас могла иметь вся остальная дребедень?

Он повернул выключатель, и девушка переступила порог квартиры. Отовсюду лился яркий свет, резкость которого несколько сглаживала богатая отделка комнаты. Разукрашенная, аляповатая обстановка явно говорила о немалых деньгах владельца жилища. Девушка не смогла сдержать восторженного вздоха.

Впервые за все время своего проживания здесь кот проявил признаки необычного поведения. Он медленно потянулся и встал на ноги, оглядывая вошедших яростно горящим взглядом.

Девушка вскрикнула.

— Ради Бога, убери его! — завопила она. — Иначе я не вынесу! Не хочу, чтобы он был где-то рядом. Убери куда-нибудь этого проклятого кота! — Она начала всхлипывать — жалобно, почти навзрыд, — и стала постепенно отходить назад к двери.

Видя это, Грей, похоже, совсем потерял голову и, исторгая громкие ругательства, заорал на приближающееся животное, после чего схватил его за глотку.

— Не надо.., не плачь, дорогая, — задыхаясь молвил Грей, сжимая шкуру кота. — Сейчас я разберусь с этим ублюдком. Подожди меня! — И он бросился к открытой двери.

Грей бежал по пустынным улицам. Повиснув в крепко сжатой ладони, кот постепенно успокоился и практически не шевелился, лишь едва заметно подрагивал его желтоватый мех. Грей сам толком не понимал, куда направляется. Больше всего ему сейчас хотелось как можно скорее избавиться от тирании омерзительного существа, свисавшего из его стиснутого кулака.

Наконец до него дошло, куда он все-таки идет. Непод-

алеку от нового жилища Грея располагался канал Принца — медленный проток, пролежавший вдоль фешенебельных кварталов в западном направлении. Именно к этому каналу он и бежал, а, достигнув цели, не колеблясь, швырнул кота в воду.

Уже на следующий день он понял, что натворил. Первым посетившим его чувством оказался страх, хотя где-то в глубине души продолжала таиться надежда на то, что этот приступ суеверия вскоре пройдет. Однако перед глазами, подобно образу из смутного забытья, вставала вполне живая картина...

— Да ты просто трус, — подначивала его Элиз. — Почему ты не можешь вести себя как настоящий мужчина. Иди в казино и сам убедись в том, что можешь выигрывать вопреки всем этим глупым кошачьим предрассудкам!

Поначалу он никак не хотел с этим согласиться, яростно сопротивляясь этой идее; однако постепенно она захватила его, поскольку именно в ней он видел единственный путь к спасению. Ему надо только один-единственный раз бросить судьбе перчатку и при этом выиграть, тогда его рассудок снова обретет прежнее спокойствие.

Его возвращение в клуб «Зеленое сукно» было воспринято громогласными приветствиями.

Получилось так, как он и ожидал. Одна неудача сменяла другую.

Неожиданно его сознание посетила одна идея. «А что, если кот все еще жив? Почему он раньше об этом не подумал? Ведь в самом деле, не зря же говорят, что у каждой кошки девять жизней! В конце концов, он вполне мог выбраться на противоположный берег и куда-нибудь убежать».

Лихорадочная догадка тут же воплотилась в конкретные действия. Он поспешно покинул клуб и резким жестом подзывал проходящее мимо такси.

Ему показалось, что машина плетется как черепаха, однако наконец она подвезла его к тому самому месту, где он столь безрассудно расстался с котом. Поверхность воды была абсолютно неподвижна, и это окончательно убедило его в том, что здесь искать что-либо совершенно бесполезно. Во всяком случае, не так надо было все это делать.

Одна и та же мысль продолжала терзать его разум все последующие дни. Докучливые расспросы и скрупулезные поиски кота не дали никаких результатов: ни малейших следов исчезнувшего кота.

Снова и снова он приходил в казино, соблазняемый безумной идеей о том, что всего лишь один-единственный выиг-

рыш сможет вернуть ему былое спокойствие и умиротворенность. Но выигрыш не шел в руки...

И потом случилось нечто странное. Как-то вечером, возвращаясь домой через пустынное пространство обезлюдившего парка, он испытал необычное и одновременно непреодолимое желание сойти с покрытой гравием тропинки и пойти по траве. Поначалу он попытался отбросить от себя эту мысль, отчаянно сопротивлялся ей: он замерз и порядком устал, а идти по дорожке было гораздо легче, чем плестись по влажной сумрачной траве. Однако наваждение это — подобно слепому, загадочному инстинкту — не исчезало, и в конце концов он к своему удивлению обнаружил, что бежит, путаясь ногами в набрякших стеблях мокрой травы.

Он не мог найти ответа на вопрос, почему с ним все это произошло.

На следующий день Грей поднялся с постели, когда солнце готово было уже клониться к закату.

В поисках халата он стал бродить по комнате и неожиданно увидел в стекле створки шкафа собственное отражение. Лишь тогда он обнаружил, что все это время ползал по ковру, пригнув голову низко к полу и далеко выбрасывая перед собой руки. С трудом поднявшись на ноги, он дрожащей рукой налил себе немного бренди.

Мучительная процедура одевания заняла почти два часа, и к тому времени, когда он наконец собрался, чтобы выйти из дому, за окном почти стемнело. Он брел по улице, магазины закрывались один за другим. Он практически не замечал их, пока не дошел до угла здания, где неожиданно остановился, почувствовав внезапный приступ голода. Прямо перед ним на холодном мраморе лежали весьма неаппетитные куски сырой рыбы. Его тело задрожало от едва сдерживаемого желания. Еще какое-то мгновение и, наверное, ничто не остановило бы его от того, чтобы схватить рыбу руками, но тут жалюзи из гофрированного железа с грохотом поползли вниз и отсеки от него мраморную витрину с вожденной едой.

Грей понимал: что-то случилось, он сильно болен. Сейчас, когда он не мог видеть перед собой образ желтого кота, его рассудок словно опутала бездонная пустота. Сам того не замечая, он повернул назад и вернулся домой.

Бутылка бренди стояла там, где он оставил Ее. Света он не включал, однако совершенно отчетливо видел все. Он поднес горлышко к губам.

Стекло выскользнуло из ладоней и с сильным стуком ударилось о пол, а сам Грей стал отчаянно глотать воздух, стараясь подавить приступ подступившей тошноты. Он чувствовал, что задыхается. С трудом взяв себя в руки, Грей обна-

ружил, что не в силах остановить страшный, подвывающий звук, прорывавшийся между его губ. Попытался было добраться до постели, но, почувствовав страшную слабость, рухнул на пол, где и замер в нечеловеческой позе.

Комнату залили слабые лучи рассвета, затем прошел день, когда лежащее на полу существо чуть пошевелилось. Его охватила странная ясность видения, обычно присущая голодающим людям. Он уставился на свои ладони.

Пальцы выглядели какими-то усохшими: ногти практически исчезли и их место заняли странной формы тонкие роговые пластины. Ему стоило громадных усилий добраться до окна. В свете догорающего заката ему удалось разглядеть тыльную сторону своих рук, которые сейчас покрывал тонкий, почти невидимый слой грубой желтоватой шерсти.

Его охватил безумный ужас. Он знал, что рассудок его повис на тоненьком багровом волоске, готовом вот-вот лопнуть. . .

Если только. .. Спасти его мог только желтый кот. Он уцепился за эту едва ли не последнюю человеческую мысль, содрогаясь от ужаса.

Не отдавая отчета в собственных движениях, он проворно выбрался на улицу, всматриваясь в окружающую темноту. Не останавливаясь, он брел к сохранившемуся в тайниках его памяти единственному месту, которое хранило секрет его непрекращающихся мучений.

Карабкаясь по парапету, он наконец достиг желанной цели и увидел неподвижную поверхность воды. Бледные лучи нового рассвета отбросили его тень, придав ей странные, гротескные очертания. У самой кромки берега канала он остановился, упершись ладонями в липкую, крошащуюся землю: голова подрагивала, а глаза в мучительной тоске и мольбе вглядывались в пучину замершей воды.

Он припал еще ниже к земле, и все всматривался, искал... И наконец заметил — там, в воде — желтого кота.

Вытянув вперед конечности, некогда являвшиеся его руками, Грей увидел, что кот повторил его движения, протянув лапы, чтобы обнять его в разбитом зеркале воды.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПТИЦ

Линдсей Стюарт

Меня зовут Мейсон. У меня двое детей и красавица жена. Точнее, была красавица. Была жена. Сейчас остались лишь дети. Слава Богу, они слишком малы, чтобы до конца осознать ужас всего того, что случилось в прошлое воскресенье в парке на северной окраине Лондона. Сейчас моя жена Элизабет лежит в больнице, в Эпсоме, и ее лицо искажено маской ужаса и отвращения. Врачи говорят, что она постоянно кричит, даже днем. А еще они говорят, что ей больше никогда не быть красивой.

Раньше мы жили фактически по соседству с Риджент-парком, но сейчас переехали подальше от Примроуз-хил — чтобы ни парка не было, ни всех этих птиц... Дети, конечно, так и не поняли толком, что именно произошло, во всяком случае, я надеюсь, что они не поняли.

Папочка, пойдем погуляем в парк, покачаемся на качелях, — просят они, но я ничего им не отвечаю.

Это из-за того дяди — спрашивают они, и я всякий раз даю какое-нибудь глупое объяснение, хотя они наверняка замечают, что от этих вопросов у меня на лбу выступают капли пота, и я всячески стараюсь избегать их взглядов. Как жаль, что в столь раннем возрасте им пришлось столкнуться лицом к лицу со злом.

Многие из нас идут по жизни, даже не подозревая, что это реальное зло действительно существует, пока сами не столкнутся с каким-нибудь отвратительным, жутким, не поддающимся осмыслению преступлением. Это как у Агаты Кристи: прочитали и забыли вплоть до того времени, пока зло не коснется вас лично, но уж тогда вам не будет ни минуты покоя. Я хочу рассказать о том, как моя жена потеряла рассудок, а сам я приобрел привычку спать с открытыми глазами.

Каждое воскресенье мы всей семьей выбирались на прогулку в Риджент-парк и медленно двигались по Фитцрой-авеню в сторону зоопарка. Совершив традиционный обход вольера со слонами, посетив бородатых козлов, которые охотно погрызли бы наши шляпы и перчатки, посмотрев на рысь и тигров, постояв, задрав головы, у клеток с орлами и пройдя по серпентарию, мы обычно отпускали ребятшек поиграть

в песочнице и покачаться на качелях у подножия Примроуз-хил.

Все вполне безобидно, подумаете вы. Кто бы мог подумать, что именно на поросшем крокусами Примроуз-хил каждое воскресенье во второй половине дня станет разыгрываться столь отвратительное действо? Возможно, вы с трудом поверите в то, что я вам расскажу, однако уверяю: все это чистая правда. Ведь я сам там был и потому знаю. Более того, я много раз наблюдал все это и даже радовался этому зрелищу, пока, наконец, не понял, не прозрел. Впрочем, я хочу подкинуть вам одну маленькую зацепку. Скажите, вы никогда не замечали, какие жирные и здоровые голуби живут на Примроуз-хил? Если замечали, то можете мысленно сделать маленькую отметку, поскольку теперь вам будет легче понять меня.

Мы уже раз десять, а то и больше бывали в этом парке и вот как-то на одной из его аллей заметили старика. Он сидел в кресле-каталке, которую толкал мужчина, очевидно, его слуга. Старик был укутан в толстые шерстяные пледы и одеяла, носил темные очки и необычные, странной формы пластиковые перчатки. Я еще подумал тогда, что он, видимо, страдает какой-то болезнью кожи и перчатки защищают его руки от воздействия солнца и ветра. Бледное морщинистое лицо сплошь было покрыто многочисленными щербинками, как у перенесшего оспу.

Моя жена сразу же обратила на него внимание. Каждое воскресенье ровно в три часа высокий, смуглый человек лет сорока вкатывал коляску в ворота парка. Обычно они отдыхали на одном и том же месте. Слуга неподвижно застыл за спиной хозяина, тогда как тот, держа в одной руке большой бумажный пакет, другой разбрасывал из него корм для птиц, с виду напоминавший крупные хлебные крошки, и едва слышно нашептывал что-то беззубым ртом. Через некоторое время и слуга присоединился к процедуре кормления.

Они также заметили нас с женой. Старик несколько раз пытался улыбнуться ребятишкам, при этом был виден его красный язык, робко дрожащий между сморщенными губами, словно пытающийся вытолкнуть застревающие слова.

— Бедняга, — заметила тогда Элизабет.

Несколько недель мы с грустью наблюдали эту молчаливую сцену, пока, наконец, не решились приблизиться к старику. Я уже тогда смутно почувствовал, что здесь что-то не так, хотя толком не мог понять, что именно. Я осторожно предупредил жену, чтобы она не подходила к старику, но Элизабет лишь беззаботно пожала плечами. Между тем слуга явно неодобрительно отнесся к нашей инициативе, выразив это ледяным молчанием. Элизабет заговорила со стариком о

погоде, и тот, приветливо улыбаясь, протянул ей белый бумажный пакет с кормом, жестом показывая, чтобы она тоже покормила толпившихся вокруг голубей. Элизабет взяла пригоршню крошек и бросила птицам те с неистовством кинулись на корм, тесня и отталкивая друг друга, стараясь подобрать даже самую маленькую крошку. С виду это птичье лакомство было зеленоватого цвета, мягкое и рассыпчатое, как несвежий сыр. Элизабет морщилась, прикасаясь к этим крошкам, которые, ко всему прочему, оказались липкими на ощупь.

Чуть приподняв брови, Элизабет спросила старика, чем он кормит птиц и почему они с такой яростью, почти остервенением набрасываются на пищу, но тот лишь возбужденно взмахнул затянутыми в перчатки руками и громко, радостно рассмеялся. Слуга же по-прежнему молчал. Затем, все так же не проронив ни слова, он резким движением развернул коляску и покатил ее к выходу из парка.

В следующее воскресенье мы все подключились к кормлению голубей, хотя, должен признаться, чувство неприязни и даже отвращения к этой процедуре ни на минуту не покидало меня. Не знаю, почему, но это действительно было так. Кроме того, я заметил, что за истекшее время старик странно съежился, словно немного усох, уменьшился в объеме. Старость? Скрытый недуг? Я не знал.

Однажды — это было в воскресенье в конце мая — я заметил, что край одеяла, укутывающего ноги старца, чуть сполз, и стало видно, что у него только одна нога.

— Несчастный старик, — сказала тогда Элизабет. — Наверное, это какая-то серьезная болезнь, раз даже пришлось ампутировать ногу.

Спустя несколько недель исчезла и вторая нога.

С этого времени мы стали наблюдать за странной парой уже с некоторого расстояния. Мы просто не могли спокойно взирать на то, как он постепенно угасает, отданный в жертву неведомому паразиту, медленно и неуклонно пожирающему рассудок и тело старика и сея смерть везде на своем пути. Возможно, дело было и в запахе, который исходил от его тела, — он продолжал висеть в воздухе даже после того, как мрачная пара покидала парк. Впрочем, я не исключаю, что это просто наше подсознание сигнализировало нам, что здесь что-то не так. Могло быть такое на самом деле? Не знаю.

Примерно через неделю после того, как мы узнали, что старик лишился ног, — это было в субботу — я проснулся ночью от стога Элизабет. Простыни под ней скрутились во влажный от пота жгут; слабо вскрикивая, она металась по постели. Я обнял жену, постарался успокоить, тогда как она, не переставая, бормотала что-то, отдаленно напоминавшее

«руки», часто повторяя это слово, будто пытаясь найти ответ на неведомый мне вопрос. Проснувшись Элизабет в четыре часа утра вся в слезах. Я нежно обнял ее, спросил, что случилось, и поцеловал. Она задрожала всем телом, покачала головой и вновь погрузилась в сон.

На следующий день мы снова увидели старика — Элизабет прямо-таки рвалась к нему. Приблизившись почти вплотную, она встала рядом и пристально рассматривала его лицо. Он сильно похудел и осунулся: потерял едва ли не половину своего веса. Неожиданно Элизабет заметила, что за темными стеклами очков, скрывавшими почти половину старческого лица, зияют черные пустые глазницы. Руки его, плотно обмотанные бинтами, были припеленуты к телу и укутаны пледом. На сей раз не было радостных вскриков и пощелкиваний пальцами, поскольку отсутствовали сами пальцы. В каталке сидело забинтованное, запеленутое с ног до головы безрукое, безногое, безглазое существо.

— Покормите их! — неожианно забормотал он надтреснутым, сбивчивым шепотом. — Покормите их!.. — Это были первые и единственные слова, которые Элизабет когда-либо слышала от старика.

— Уходите, — неожиданно резко сказал слуга, — Не вмешивайтесь. Разве вы не видите, что он сильно болен.

Элизабет опрометью бросилась ко мне, лишь один раз оглянувшись назад, — и именно в этот момент она увидела, как слуга откуда-то достал знакомый пакет со зловонными крошками и стал щедро разбрасывать их голубям. Птицы с обычным для них неистовством набросились на еду, отталкивая и подминая друг друга, кружа вокруг кресла, нацеливаясь на плечи и спину старика.

С этого дня Элизабет стала терять рассудок. Врач прописал ей какие-то таблетки и настоятельно рекомендовал полный покой. Она часами сидела в кресле в углу комнаты, беспрерывно теребя непослушными, нервными пальцами оборки лежавшей у нее на коленях подушки. Говорила она очень мало, лишь безразлично отвечала на мои вопросы.

Настало воскресенье, и я с детьми, как обычно, решил пойти в парк. Мне не хотелось брать Элизабет с собой, но она настояла. Дети затеяли привычные игры на качелях, тогда как Элизабет присела на скамейку, напряженно глядя в сторону ворот парка. Я молча развернул газету.

Подняв через несколько минут глаза, я увидел, что Элизабет стоит ярдах в пятидесяти от меня, по-прежнему не отрывая взгляда от входа в парк. Мне даже показалось, что она разговаривает сама с собой. Я посмотрел на часы, до трех оставалось несколько минут.

На этот раз у входа показался один лишь слуга. Ни кресла-каталки, ни старика. Только зонтик и пакет, правда, теперь он оказался гораздо больших размеров, чем прежде. Мне кажется, я уже тогда знал, что должно было произойти. Элизабет резко повернулась ко мне и издала дикий, истошный вопль. Слуга выронил пакет на траву, и из него веером во все стороны брызнули крупные, мягкие, мясистые зеленоватые крошки.

КАК ДВА БЕЛЫХ ПАУКА

Эдди Бертен

Заходите, святой отец, заходите, только дверь, пожалуйста, притворите за собой — знаете, здесь такие сквозняки. О, я вижу, вы и магнитофон прихватили, ах, так он уже работает... Прекрасно, прекрасно, именно этого я и хотел. Мне действительно хочется, чтобы вы знали правду, все — вы лично, доктор, в общем, весь свет. Как хорошо, что вы все же пришли.

Разумеется, я сам надумал пригласить вас. Нет, спасибо, не курю, хотя раньше дымил, как паровоз, знаете ли, и потому кончики пальцев у меня от никотина всегда были желтовато-коричневые. Только не надо так на меня смотреть... О, да, да, я понимаю.

Что? Почему это я против? Я отнюдь не против того, чтобы поговорить на эту тему. Отнюдь. Да и потом я уже как-то пообвык обходиться без них, иногда даже сам забываю, что когда-то... трудно во все это поверить, не так ли? А между тем это действительно так, где-то ближе к концу я почти перестал воспринимать их как часть самого себя. Да и принадлежали ли они когда-либо мне? Сомневаюсь. Но только прошу вас, сядьте, пожалуйста, ну да, хотя бы на кровать. А я постою — насиделся уже. Времени-то сколько прошло, да и места здесь не особенно много, чтобы рассиживаться двоим. Неплохая шутка: «Насиделся уже...» — и точно, и весьма символично!

Простите, что вы сказали? Еще и недели не прошло? А мне показалось, что не меньше месяца! Но вы не должны забывать, святой отец, что я долгое время пролежал в тюремной больнице, пока они наконец не смекнули, что к чему, и не перевели меня в этот дурдом.

А почему бы мне его так не называть? Ведь это же и в самом деле дурдом, психбольница, а я действительно психбольной, причем весьма опасный! А вы-то сами меня не боитесь? Впрочем, о чем это я? Разве я когда-нибудь мог причинить вам вред? Ну конечно, мог попробовать укусить вас, но зачем? Так что не стоит бросать испуганные взгляды в сторону двери, не надо меня пугаться. Ведь я же сам пригласил вас для того, чтобы все обстоятельно рассказать, разве не так?

Нет, не ваш Господь Бог, не рай и не ад и не что-то в этом роде, не путайте меня. И пожалуйста, не беспокойтесь, я все

равно ни в кого из них не верю. Ну хватит, хватит же, это действительно так, а потому не тратьте зря времени, ни моего, ни вашего. Если даже допустишь, что существует такая штука, как загробная жизнь, то и в этом случае моя душа спокойна. А главное — совесть чиста... Я в этом не сомневаюсь. Нет-нет, это отнюдь не тщеславие, просто я не сделал ничего такого, вы слышите? В жизни я никого не убивал! Что ж, возможно, в чем-то меня можно было бы упрекнуть за его смерть, и самому мне надо испытывать определенное чувство вины, однако еще раз вам повторяю : Говарда Бретнера я не убивал. Это они убили его, а потом, как и ожидалось, все свалили на меня. Впрочем, меня это не удивляет. Нет, вы скажите, приходилось вам встречаться с ситуацией вроде моей? Не хочу сказать, что точно такой же, ну, просто с похожим делом, которое оказалось бы столь же странным, необъяснимым. Невозможное в наше время отвергается буквально всеми, и если вы упираетесь в него, настаиваете на нем, то вас тут же начинают считать сумасшедшим. Такие простые вещи: самолеты, автомобили, атомная энергия, космические корабли а ведь в прошлые века и их бы нарекли «невозможными», какой-нибудь «безумной чушью». Но, надеюсь, наступит день, когда смогут объяснить то, что случилось со мной. Парапсихология, метафизика, телекинез... они постоянно узнают обо всем этом что-то новое, навешивают бирочки с длинными латинскими названиями, а потом прячут куда-нибудь подальше, чтобы не оскорбить чьих-то чувств. Но и в этих досе далеко не всегда находится место для сверхъестественного, поистине демонического. А вот скажите, святой отец, церковь ваша — разве она и в самом деле не знает ничего про белую и черную магию, про ведьм и колдунов? Разве сам Папа Римский, Григорий, как бишь его...а? Четырнадцатый ? Ну так вот, разве не он сам разработал всю процедуру изгнания дьявола? Впрочем, я не знаю, сейчас все это не так уж и важно, хотя, как знать, может, кое-что могло бы и спасти меня? А скажите, святой отец, вы сами-то верите во зло?

Нет, я не это имею в виду. Я подразумеваю ЗЛО, написанное прописными буквами, ЗЛО как некую персонификацию, реальную и весьма влиятельную субстанцию, обнаженное, рафинированное ЗЛО, деяния которого не нуждаются в особой мотивации. Нет, еще раз спасибо, я же сказал вам, что не курю, даже чтобы успокоиться, тем более, что в моем состоянии это едва ли возможно. А вы курите, курите, если хотите. Кстати, святой отец, вы сами-то наслышаны про мою историю? Нет, я не имею в виду ту чушь, о которой пишут в газетах, и не речь моего адвоката, с которой он выступал в

суде. Я имею в виду то, что сам рассказал этому адвокату, ту правду, в которую он отказался поверить, тогда как ему, чтобы спасти меня от виселицы, пришлось выдумывать свою собственную версию случившегося. Но я, святой отец, всегда понимал, что ваш разум лучше настроен на восприятие всего того, что действительно разумно, или, если хотите, душевно. Так позвольте рассказать вам всю правду.

Сначала я ознакомлю вас с тем, что принято называть «обстоятельствами дела». Полагаю, что до прихода сюда вы успели прочитать мое досье, однако, если я даже повторюсь, вам все равно представится возможность сравнить оба варианта.

Что и говорить, я действительно ненавидел Говарда Бретнера, даже не собираюсь отрицать данного факта. Впрочем, об этом знали все соседи. Он постоянно унижал меня, насмеялся, а однажды даже ударил. В тот вечер кто-то постучал в дверь его дома, Бретнер пошел открывать, затем его жена услышала приглушенный крик, толчки и удары короткой борьбы, сменившиеся ударом об пол тяжелого предмета. Или тела. Остальное вы знаете сами: его обнаружили задушенным, со сломанной шеей, а в нескольких метрах от него лежал я, истекая кровью. Теперь послушайте меня и вы узнаете, как все это было. Думаю, что сначала мне надо вернуться ко дням минувшим — к моему детству, поскольку именно там все и началось. Видите ли, всю свою жизнь я был довольно пугливым мальчиком. Это были не обычные детские страхи, ибо меня часто пугали такие вещи, которые не производили никакого впечатления на других.

Дело в том, что я видел и ощущал некоторые предметы, которые не могли разглядеть все остальные люди, в том числе и мои родители, считавшие, что все это происходит лишь в моем больном воображении. Я не мог осмелиться даже с родителями пройти по пустынной улице. Одиночество вызывало у меня состояние дикой, невообразимой паники. Вскоре друзья стали отворачиваться от меня, но это и неудивительно: представляю, каким я выглядел в их глазах! Стройный, похожий на цыганенка мальчик, с черными лоснящимися волосами и затравленным взглядом, устремленным в безбрежную даль, видящий нечто такое, чего не видел или не понимал никто другой. Говорят, что это называется некрофобией, и подразумевают некий болезненный, невротический страх перед темнотой и тем, что с нею связано.

Однако все оказалось гораздо более сложным, чем я мог себе представить. Вы не замечали, что если долгое время сосуществуете с чем-то бок о бок, то в конце концов привыкаете к этому и перестаете обращать внимание. Мир темноты,

так пугавший меня поначалу, постепенно превратился в нечто обыденное; я перестал бояться, у меня даже начало складываться впечатление, что... темнота как-то по-дружески настроена ко мне. Как знать, может, именно по этой причине остальные мальчишки перестали дружить со мной. Сам же я совершенно не замечал окружающую меня темную мглу, а они, вероятно, инстинктивно ощущали ее гнетущее присутствие, и их это очень пугало.

Мне было шесть лет, когда я почувствовал первые, тогда еще совсем умеренные симптомы лунатизма: в ночи полнолуния я имел обыкновение ходить во сне. Узнал я об этом совершенно случайно. В ту ночь неожиданно пошел дождь, и я проснулся. Я находился в саду позади нашего дома, босой и в одной пижаме. Уверяю вас, что тогда пережил настоящий шок! После этого я стал перебирать в памяти все те маленькие причуды, которые отмечались в моем поведении, и принялся давать им всевозможные названия, и все же это продолжало казаться мне каким-то чужим, даже враждебным. Следующим моим открытием было то, что я страдаю никталопией: подобно кошкам, я мог видеть в темноте. Я понимаю, что все это звучит довольно странно, но мне тогда казалось, что у меня в мозгу функционирует некий дополнительный орган чувств, настоящий орган, а не просто способность к особо острому «зрению».

Потом я стал обращать внимание на свои руки. Вы видели мои ладони? Нет? Даже после всех этих фотографий, которые они поместили в своих дешевых газетенках? Они сделали репродукцию с одного из моих старых школьных фотоснимков — ума не приложу, где они могли его раздобыть! Знаете, у меня действительно тогда были очень красивые руки, я до сих пор помню, как они выглядели в том возрасте. Изящные, очень белые, возможно, чуточку худые, почти костлявые, с узкими запястьями. Но мышцы на них были прочнее стали! И пальцы у меня были длинные, тонкие, чем-то похожие на вытянутые когти. Нет нет, отнюдь не зловещие, волосатые или, тем более, грязные. Очень симметрично расположенные когти, если можно так выразиться. Я старался, чтобы они всегда оставались чистыми, вот только ногти были слишком длинные и постоянно ломались, хотя я старался и за ними тщательно ухаживать. Я очень любил свои руки. Временами, когда они лежали передо мной на поверхности стола, я чуть шевелил пальцами, и ладони становились похожи на двух больших белух пауков. Меня это очень забавляло, и однажды я настолько увлекся этой невинной игрой, что совершенно не заметил, как в комнату вошла моя мать. Зрелище испугало ее, я сразу это заметил и с тех пор перестал забавляться с

руками в присутствии посторонних. Обычно я прятался в близлежащем лесу, на лугу или попросту запирался у себя в комнате. Именно там они впервые вздумали повести себя по-особому.

День тогда выдался жаркий, просто удушливый. Родители поехали по магазинам, так что я мог целиком предаться своей игре. Я сидел на стуле за большим столом в гостиной. Солнечный свет образовал на полированной поверхности стола ярко-белый круг, искрился на металлических прутьях птичьей клетки. Мои ладони слабо поигрывали в теплых лучах солнца, лениво двигаясь по столу, медленно шевеля пальцами и изредка прикасаясь мягкими подушечками к прохладному дереву. Указательный и средний пальцы были толкающими, тогда как мизинцы и безымянные вкупе с большими пальцами являлись своеобразными балансирами, придававшими движениям ладоней нужную направленность и стройность. Изрядно позабавившись этой игрой, я почувствовал, что начал уставать от нее, и потому решил прекратить развлечение. Но не смог!!! Руки отказывались подчиняться мне. Мозг посылал им приказ остановиться, а мышцы не желали выполнять его и продолжали двигаться, словно существовали и действовали сами по себе.

Ужас не сразу охватил меня. Поначалу я почувствовал сильное изумление, даже некую отрешенность — наверное, я бы испытывал то же самое, если бы передо мной неожиданно рухнуло дерево или заговорил стул, на котором я сидел. Эти руки — ведь это же были мои руки, так почему же они не подчиняются мне? А затем наступило чувство... независимости. Увидев, как они шевелятся, совершая свои мелкие, какие-то подленькие движения, подобно двум бледным скорпионам или толстобрюхим белым паукам, я внезапно ощутил, что они больше не принадлежат мне, что это не мои руки, а два существа, живущие отдельно от меня и все же каким-то образом со мною связанные.

Мое естество подсказывало, что все это не к добру. Ладони всегда были моими рабами и слугами, а сейчас явно выпали из привычной схемы, как если бы тело восстало против них, пожелало отторгнуть, как нечто чужеродное. Я уже знал, что они олицетворяют собой некое зло, ибо в них вселился... да, в самом деле, что в них вселилось? Я и сейчас этого толком не понимаю. Какая-то демоническая сила, вторгнувшаяся из потустороннего мира, нечто такое, что прорвалось, сокрушив все барьеры и завладев моими руками.

Но по-настоящему меня охватил ужас лишь тогда, когда я увидел, что произошло после. Руки стали подползать к клетке, в которой сидела одинокая канарейка. В общем-то я

всегда недолюбливал эту птицу, потому что она боялась людей и не хотела садиться мне на палец, чтобы спеть какую-нибудь песенку.

Пока я взирал на происходящее преисполненными ужаса глазами, левая рука стала уверенными движениями открывать дверцу клетки, после чего правая пробралась внутрь. Подобно гигантскому насекомому, она вытянулась вверх на всю свою длину и, опираясь на запястье, заметалась, перебирая тремя пальцами по металлическим прутьям. Мускулы обеих рук словно онемели, утратили малейшие остатки воли, целиком подчинившись требованиям ладони. Пальцы продолжали скользить вдоль прутьев, уподобившись выслеживающему дичь охотнику. Затем ладонь неожиданно прыгнула, и тут же во все стороны полетели маленькие перышки, когда птичка совершила последнюю отчаянную попытку отскочить в сторону. Я закрыл глаза, чтобы не видеть чудовищную картину происходящего, но, о, ужас! — я продолжал чувствовать все, что вытворяла моя рука. В ладони отчаянно билось крошечное сердечко пойманной канарейки, пока большой и указательный пальцы не зажали маленькую головку, после чего резко дернули ее вверх. Послышался слабый хрустящий звук, между пальцами зловещей руки потекла чуть теплая струйка какой-то жидкости, но убийце, похоже, всего этого было мало. Ладонь быстро выскользнула наружу и в паре со второй рукой принялась ногтями раздирать на части миниатюрное тельце, покрывая поверхность стола кусочками подрагивающей плоти и поломанных крыльев, которые образовывали зловещий орнамент из свежей крови и перепутанных тоненьких внутренностей. Кошмар этот продолжался более получаса, пока руки, наконец, не успокоились и, безжизненные, не опустились на стол. Зловещая сила пожрала сама себя, и они снова стали моими руками.

Последствия этого кошмара были тошнотворными. Мне предстояло сокрыть следы происшедшего и основательно вытереть стол, чтобы никто ничего не заметил. Позже я сказал родителям, что забыл запереть дверцу клетки и канарейка улетела — в общем, никто ни о чем так и не догадался.

Несколько недель я пребывал в непрерывном страхе перед собственными руками: когда же они снова оживут и начнут действовать по собственному усмотрению, совершая нечто такое, что самому мне ненавистно, но что я не в состоянии остановить? Ведь фактически я оставался их заложником, вынужденным и беспомощным наблюдателем...

Однако проходили годы, и ничего не случалось. Демоническая сила явно себя никак не проявляла. Постепенно я уже начал сомневаться, действительно ли все это происходило на

самом деле, и наконец, заставил себя поверить в то, что попросту заснул тогда, что птичка действительно улетела из клетки, а я все это только выдумал. Но однажды настала ночь, вернувшая мне весь этот кошмар...

Мне тогда уже шел третий десяток и я жил один — родители мои, к несчастью, погибли в автокатастрофе. Было довольно поздно, когда я возвращался домой после дружеской пирушки. Я бы покривил против истины, если сказал, что был тогда абсолютно трезв, хотя и не шатался, это уж точно. Я достаточно хлебнул джина, чтобы смотреть на все окружающее меня сквозь розовые очки. Навстречу мне шла девочка лет восьми или около того, одетая в тяжелое зимнее пальто и сжимавшая в руках хозяйственную сумку. Помню, что поймал тогда себя на мысли о том, сколь безрассудно поступают родители, позволяющие ребенку так поздно выходить из дому. Я и сам пару раз видел ее раньше — так, обыкновенная соплячка, без намека на воспитанность и уважение к старшим. Жили они совсем неподалеку от меня. Неожиданно руки утянули меня обратно в дом, и я застыл в дверном проеме, простояв так, покуда девочка не прошла мимо. Я еще не успел понять, что происходит, когда руки рванулись вперед и, изогнув пальцы, как напрягшиеся пружины, поволокли мое тело за собой. Затем они быстро сомкнулись на шее ребенка сзади, так что она не могла видеть нападавшего. Сумка упала на землю, девочка не успела даже закричать, поскольку пальцы уже успели вонзиться в ее плоть, в зародыше удушая любой намеренный вопль. Я чувствовал, как под давлением ладоней съежилась шелковистая кожа, тоненькое горло спазматически шевельнулось — она пыталась сделать хотя бы один-единственный вздох, но так и не смогла. Руки приподняли над землей сопротивляющееся тело: мне она тогда показалась просто большой куклой, отчаянно дергавшей своими деревянными ногами. Именно тогда я понял, что руки мои, как и все остальное тело, заметно подросли и тоже нуждались в пище, хотя и совершенно особого рода. Их питала сама смерть, и по мере того, как жизнь покидала судорожно подрагивающее тельце ребенка, усиливалась мощь и накапливалась безумная жажда крови моих рук.

Неожиданно очнулся мой оглушенный ужасом мозг, и я попытался было оказать сопротивление врожденной бесовской силе. Я приказал ладоням ослабить хватку, мобилизовав для этого всю свою волю, однако ничего этим не достиг. Несмотря на все мои старания, удушающие сатанинские лапы превосходили меня по силе. Пот градом катился по лбу, застилал глаза, мне казалось, что в любую секунду мой череп может лопнуть и брызнувшие мозги растекутся по стенам

дома. Затем с порожденной отчаянием решимостью я рванулся вперед, остервенело ударяя и маленькую жертву, и сжимавшие ее руки о твердь стены. Пальцы чуть расслабились, и я начал постепенно обретать прежний контроль над ними. Я вел эту безмолвную и такую горькую битву, и наконец почувствовал — столь же неожиданно, как все это и началось, — что чудовищная сила, наконец, покинула их. С глухим стоном я прислонился к холодной стене и стал с нетерпением дожидаться того момента, когда снова смогу полностью контролировать свое тело. Затем я нагнулся над ребенком. Девочка была без сознания, из раскрытого рта доносилось хриплое, прерывистое дыхание, язык был сморщен, губы посинели, на лбу ее появилась огромных размеров шишка, оставшаяся после удара головой о стену. Но, слава Богу, она была жива! Я положил ее на крыльцо дома, внутри которого все еще горел свет, позвонил в дверь и поспешил прочь.

На следующий день я прочитал в газетах, что полиция ведет поиски преступника. К счастью, ребенок выжил, а полицейским так и не удалось напасть на мой след.

В тот же самый день я устроил у себя в саду грандиозный костер, свалив в кучу всякий хлам и облив его бензином. Когда языки пламени взвились на достаточно большую высоту, я сунул в них свои ладони. Прежде, чем потерять сознание, я испытал дикую, невероятную боль. Очнулся я уже в больнице. Кисти рук сильно обгорели, на них образовались отвратительные рубцы и шрамы, но дьявольская сила все еще сидела в этих чудовищных творениях природы, и они каким-то чудом не погибли. Через несколько месяцев я попытался было сунуть их под лезвие циркулярной пилы, однако, наученные горьким опытом, они заблаговременно отдернулись.

И все же вплоть до прошлого года зловещая сила явно предпочитала сторониться меня, хотя и не позволяла мне причинить рукам сколько-нибудь серьезный вред. Но тут в наши края приехал этот Говард Бретнер. Не могу сказать, что сразу же возненавидел его, хотя следует признать, что он с первого взгляда показался мне довольно неприятным, даже отвратительным типом. Это был толстый, скорее даже жирный человек, экстравагантность внешности которого подчеркивалась тройным подбородком и прямо-таки пудовыми мешками сала, окружавшими его чуть запавшие пороссячьи глазки. У него были всегда влажные, вялые ладони и толстые, постоянно подрагивавшие губы. Мне он показался донельзя несимпатичным, даже отталкивающим, хотя настоящую ненависть к нему я почувствовал лишь позднее.

Все началось с обычных трений, которые так часто возни-

кают между соседями. Так, всякая всячина, мелочь, сама по себе не имеющая никакого значения, но оставляющая весьма горький осадок. Потом он стал наведываться в те же самые пивные и закусочные, которые давно облюбовал для себя я, и, пожалуй, именно тогда-то и начались серьезные неприятности. Бретнер явно принадлежал к тому типу людей, которые испытывают удовольствие и чувствуют себя значительными личностями лишь в том случае, если сами унижают других. Именно так он и стал вести себя по отношению ко мне: презрительные замечания, шуточки (кстати, весьма глупые) по тому или иному поводу, ну и все такое прочее. Я старался как можно реже попадаться ему на глаза, но вы же понимаете, что полностью такие ситуации исключить практически невозможно.

И вот однажды вечером наступил давно назревавший взрыв. Я выпил несколько кружек пива, а он снова принялся за свои обидные, унижающие меня подначки. Если мне не изменяет память, это было что-то насчет фасона моей стрижки, моих башмаков или другая аналогичная чушь. Какое-то время я старался не обращать внимания на его слова, пусть, мол, выболтается, но внезапно почувствовал, что не могу больше этого терпеть. Резко обернувшись, я ударил его по лицу. Он встал, посмотрел на следы крови, капавшей из разбитого рта ему на рубашку, и словно застыл, изумленный и не знающий, что же ему теперь делать.

Затем он неожиданно схватил пивную кружку и выплеснул ее содержимое мне в глаза. Пока я вытирал лицо, двое его дружков подскочили сзади и схватили меня за руки, после чего этот трусливый подонок несколько раз ударил меня в живот — меня, неспособного оказать ему какое-либо сопротивление. Мои же распрекрасные приятели просто стояли рядом и хлопали глазами, пока не дождались четвертого или пятого удара, после чего наконец-то бросились вперед и оттащили этого негодяя. Им пришлось проводить меня до дому, где я лег в постель, весь горя от боли и возмущения.

Разумеется, мне хотелось отомстить ему, вот только никак не выдавался удобный случай. В одиночку этот гнусный трус почти не ходил — всегда в компании дружков, словно опасался один появиться на улице. Целых три месяца во мне бродила бурлящая ненависть... наполнявшая собой в том числе и мои руки. А сидевший в них дьявол, столь же ужасный и уродливый, как и они сами, подпитывал мою ярость, одновременно накапливая собственные силы.

И вот однажды вечером они снова пришли в движение. Я собирался выйти во двор, чтобы взять что-то из сарая, когда руки заставили меня остановиться. Их снова охватило зна-

комое уже оцепенение, ладони ухватились за край двери сарая, после чего стали сползать вниз, к земле. Я делал все возможное, чтобы как-то унять, остановить их, упираясь коленями в деревянную стену, однако так ничего и не добился. Ладони продолжали свое зловещее передвижение по земле, пальцы зарывались в почву, оставляя на ней глубокие узкие борозды. Тело мое попросту волочилось за руками наподобие громоздкого, неуклюжего балласта. Наконец, до меня дошло, что они намеревались сделать. Все эти годы руки хранили спокойствие, а я обладал достаточной силой, чтобы совладать с ними, однако в конце концов моя накопившаяся ненависть к Бретнеру послужила для них своеобразным импульсом, и они смогли разорвать оковы. Они оказались злобными псами, кошмарными творениями, охваченными сверхъестественной, невероятной жизненной силой. И тогда я подумал, что они определенно убьют Бретнера, а я не смогу остановить их.

Не поймите меня превратно, святой отец, я действительно ненавидел Бретнера, причем так, как только один человек может ненавидеть другого, а известие о его смерти вызвало бы у меня лишь чувство громадного удовлетворения. Так что отнюдь не ради него самого я хотел остановить этих чудовищ: просто знал, что если они совершат еще одно убийство, то больше уже не остановятся. Они снова и снова станут сбрасывать с себя оковы контроля, а сам я превращусь в безвольное орудие их чудовищных деяний. Ведь я же не убийца и не психопат. Мне действительно хотелось, чтобы Бретнер умер, но не от этих рук, поскольку они воплощали в себе безграничную дьявольскую силу. Меня тянуло куда-то сквозь темноту, а перед глазами, как два белых пятна, мелькали мои ладони.

Наконец на них упал луч света от уличного фонаря. Это было уже довольно далеко от моего дома, и я понял, что эти ползущие монстры наконец-то добрались до изгороди сада Бретнера. Внезапно взгляд мой упал на косу. Она стояла у ограды — видимо, Бретнер позабыл ее там, — старая, поржавевшая коса, ненадежно прислоненная к деревянному столбу. Дьявольские руки как раз подползали под основание ее рукоятки, явно нацеливаясь проследовать дальше, к дому моего врага.

Я и сам сейчас не знаю, какая сила заставила меня сделать это, поскольку от момента зарождения идеи до ее осуществления прошла какая-то доля секунды. Если бы я позволил рукам ползти дальше, то кто бы мог сказать, скольких еще людей со временем настигла бы смерть — задушенных, разодранных в клочья, истерзанных вышедшими из-под контроля руками? Но разве мог я предположить, предвидеть, что

сохранившейся в них крови будет достаточно для того, чтобы...

Я сделал отчаянное движение всем телом, выбросив одну ногу вперед. Конечно, это был лишь один шанс из тысячи, но... он все же выпал мне.

Нога едва коснулась косы, та качнулась... упала. Ржавое, но все-таки отточенное, как бритва, лезвие обрушилось прямо на мои запястья. Мне и сейчас слышится мой собственный вопль от дикой боли, хотя едва ли кто-то меня услышал. Спотыкаясь и едва не теряя сознания от боли, я куда-то побрел, но затем снова рухнул на землю. Они переврали все — не так все это было потом. Некоторые фрагменты этих воспоминаний кажутся мне слишком ужасными и отвратительными, чтобы иметь место в действительности, а поэтому давайте лучше не говорить о них...

Вы знаете, они пишут, что сначала я убил Бретнера, а уже потом отсек себе кисти рук. Разве они не понимают, что подобная последовательность попросту невозможна? Я не видел ни тела Бретнера с вырванными глазами и сломанной шеей, ни двух обескровленных предметов, которые они нашли рядом с ним. Однако от одного из своих друзей, имени которого я здесь упоминать не буду, но который присутствовал на судебном дознании и имеет ко всему этому кое-какое отношение, мне стали известны определенные обстоятельства, сокрытые как от журналистов, так и от меня. Дело в том, что в каждой кисти руки врачи обнаружили... полный набор миниатюрных, почти микроскопических органов: настоящую нервную систему, отлично развитую мускулатуру, сердце, легкие, питающиеся от моего собственного тела, а также очень примитивный, но все же мозг. Через несколько часов все это превратилось в однообразную жижеподобную массу, но я-то знаю, что у них сохранились фотоснимки, которые они упрятали в одном из своих досье. Впрочем, я и без них могу сказать, что случилось потом.

Видите ли, святой отец, после того, как упала коса, но прежде, чем я очнулся в тюремной больнице, ко мне на очень короткое время вернулось сознание — возможно, это произошло от ужасной боли. Да, совсем ненадолго, но этого было вполне достаточно. Так вот, я увидел два кровавых следа, которые вели от ограды, где я лежал, к двери дома Бретнера. И еще до прихода полиции я прекрасно знал, что именно они обнаружат на теле Бретнера.

БЛУЖДАЮЩАЯ ОПУХОЛЬ

Эдгар Жепсон Джон Госворт

«**Н**емедленно приезжай. Предстоит операция. Возможно, уникальный шанс. Лучше спецрейсом, Линкольн, Кингс-Кросс, 9.30. Не подведи. Клэверинг».

Именно так была составлена телеграмма, которую я вторично перечитал, сидя в поезде, уносившем меня из Лондона.

Она показалась мне довольно странной. Я знал, что Клэверинг тоже был готов оказать мне любую услугу, поскольку все пять лет нашей совместной работы в больнице Святого Фомы нас связывала близкая дружба, и он прекрасно понимал, что гонорар за операцию в Линкольне окажется весьма кстати для хирурга, совсем недавно обосновавшегося на Харли-стрит*. Но что он имел в виду, когда упоминал про какой-то «уникальный шанс»? То, что клиент — какая-то местная шишка, с которого именно на севере может начаться его блистательная карьера? Впрочем, едва ли, поскольку там хватало и своих собственных хирургов. Но если не это, то что? Я ломал голову над различными вариантами, пока до меня неожиданно не дошло, что, поскольку все выяснится не позднее двенадцати часов дня, нелепо мучить себя поисками разгадки в пол-десятого, а потому развернул свой «Таймс» и присоединился к беседе пятерых любителей скачек, оказавшихся со мной в одном купе.

Спецрейсу везде давали зеленую улицу, так что уже в три минуты первого мы подкатили к перрону вокзала в Линкольне. Клэверинг встречал меня, и мы тотчас же бросились навстречу друг другу, продираясь сквозь мощный поток любителей конных состязаний. Я сразу же заметил, что вид у моего друга больной, даже очень больной.

— Поговорим по дороге, — сказал он, и мы направились в сторону его машины.

Дом, изумительный дом сельского врача, выстроенный в начале девятнадцатого века и стоявший на главной улице, ранее принадлежал его отцу и деду, тоже врачам, и изнутри выглядел столь же крепко и солидно, как и снаружи. Клэве-

* Улица в Лондоне, на которой расположены приемные наиболее престижных и дорогих врачей.

ринг пребывал в возбужденном состоянии и сразу же повел меня в операционную, немного старомодную на вид, но оснащенную всем необходимым современным оборудованием, после чего тотчас же перешел к делу, одновременно готовя мне коктейль из виски с содовой.

— Речь идет о моей девушке, — проговорил он, и я заметил, что моему другу словно не хватает воздуха, что само по себе произвело на меня определенное впечатление, ибо, насколько я помнил, особой сентиментальностью он никогда не отличался. — Сильвия Бэрд, чемпионка южной Франции по плаванию, девушка, с которой я помолвлен..., но помолвке этой долго не существовать, если не провести срочную операцию. Все это дело полностью выбило нас из колеи, и нет, кажется, ни одного приличного специалиста в округе, который бы не осмотрел ее.

Наконец, ему удалось взять себя в руки и рассказать мне эту историю во всех деталях.

Мисс Бэрд всегда отличалась завидным здоровьем и практически никогда не болела, если не считать кори в детском возрасте, прекрасно играла в гольф и теннис, иногда даже брала в руки хоккейную клюшку. В конце последнего спортивного сезона она поехала с группой на какие то сборы на Ривьеру, и примерно через полтора месяца после ее возвращения оттуда начались все эти неприятности. Связаны они были с брюшной полостью. Девушка довольно скоро обратила на это внимание, поскольку болеть не привыкла. Поначалу вроде бы ничто не вызывало особых опасений, но постепенно, хотя и медленно, ситуация стала меняться к худшему. Ни сам Клэверинг, ни приглашенные им для консультации специалисты не могли сказать ничего определенного, хотя, разумеется, предпринимали все необходимые меры. Ничего не помогало.

— Скажи, ты никогда не видел или не слышал про блуждающую опухоль? — Мне показалось, что его вопрос прозвучал, как крик боли.

— Нет, — ответил я со всей определенностью в голосе. Опухоль не может блуждать.

— А эта может. Посмотри на рентгеновские снимки. — Он выдвинул ящик стола и извлек целую пачку снимков, которые мы тут же принялись рассматривать. Зрелище было поразительное. Опухоль существовала, это точно — в зоне толстой кишки, чем-то похожая на спайку и, как заметил Клэверинг, больше напоминала исполненные черными чернилами рекламные рисунки, совершенно непохожие на другие рентгеновские снимки, которые мне когда-либо приходилось видеть. И не было двух таких снимков,

на которых она оставалась бы на одном и том же месте! В это не возможно было поверить — на некоторых снимках она оказывалась смещенной на добрых двадцать сантиметров.

— Черт побери, — воскликнул я, — почему же ты не оперируешь?

— Я оперировал! Мы оперировали! Операцию проводил Доулинг, а на всем севере нет более классного специалиста. Но когда он вскрыл кишечник, опухоли там не оказалось, и он так и не смог ее отыскать!

Я посмотрел ему в глаза.

— Именно поэтому я и послал за тобой — чтобы еще раз прооперировать ее. Хотя нельзя исключать, что мы и сейчас уже слишком запустили процесс, и она не перенесет повторную операцию. С нее хватило и одного раза. Но я не знаю второго такого хирурга, столь же быстро орудующего. Возможно, тебе удастся успеть.

— Да, да, — мягко проговорил я. — А ты еще написал в телеграмме: «Возможен уникальный шанс».

— Если у тебя получится, можешь считать, что на севере слава и успех тебе обеспечены, — глухим голосом проговорил мой друг.

— Что ж, мне ничего другого не остается. Веди меня к больной.

— Она готова к отправке в больницу, — сказал он. — Там созданы все необходимые условия.

— Правильно. Только, если не возражаешь, я бы съел бутерброд — позавтракать пришлось наспех, а это как-то настраивает на рабочий лад.

— Я позаботился и об этом, — заметил Клэверинг. Я перекусил бутербродами, и уже через десять минут сестра помогла мне надеть резиновые перчатки. Когда в операционную вкатили пациентку, я понял, что более гнетущего и измощенного выражения на некогда милом лице мне еще видеть не приходилось.

— Она что, голодает у вас?!

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — прежним бесцветным тоном проговорил Клэверинг. — Но причина не в этом.

— Ну так немедленно организуйте переливание крови, пока я закончу приготовления, — буркнул я и продолжил осмотр.

На впалом животе опухоль выпирала, как шишка, и я надавил на нее. Реакция на мое движение оказалась странной и походила на изворачивающееся мускулистое напряжение. Раньше мне никогда не приходилось наблюдать, чтобы опу-

холь реагировала подобным образом. Я кивнул анестезиологу, и вскоре надо было подключаться уже мне.

Я мысленно поставил перед собой задачу: сразу после вскрытия брюшной полости локализовать опухоль. Едва заметив ее, я взял большую иглу и, пронзив сгусток, буквально пригвоздил его к месту. Мне показалось, что опухоль снова отреагировала на мое действие, хотя остальная поверхность брюшной полости едва колыхнулась.

Я взял инструменты — обычно я начинаю работать тремя: одним действую, а два других зажаты между пальцами, что позволяет оперировать быстрее — и приступил к дальнейшей работе. Сделал надрез — более длинный, чем обычно, чтобы покрыть им почти всю поверхность опухоли, поскольку мне показалось, что она продолжает подрагивать, я вплотную подобрался к красновато-черной губчатой поверхности прямой кишки, слегка колыхавшейся под пронзившей ее иглой.

Прямо из середины этой извивающейся губки на меня смотрели два неподвижных, немигающих глаза.

Осьминог! Когда хирург делает операцию, он обычно готов к неожиданностям, но я должен признать, что эти два глаза — на какое-то мгновение они показались мне глазами самого дьявола — попросту ошеломили меня. В тот же самый момент до меня дошло, что тварь из всех сил пытается сорваться с удерживающей ее иглы, напрягая всю силу своих присосок, впившихся в стенки кишки, и если бы металл иглы не выдержал, толку от всех моих поисков и действий было бы мало. За десять последовавших за этим секунд я нанес скальпелем не менее пятидесяти отчаянных ударов по извивающейся губке.

Движение замерло. Я взял пинцет и извлек массу из тела. Сделать это оказалось совсем нетрудно: присоски уже не функционировали. Никогда я даже подумать не мог, что с такой быстротой справлюсь с подобной тварью.

— Вот твоя опухоль! — проговорил я и сбросил ее в эмалированный бикс.

Обмякшая и сваливавшаяся, словно из нее выпустили воздух, масса походила сейчас на кусок тряпки, застрявшей в водосточной трубе, или на отрезок бычьей кишки. И только глаза продолжали смотреть — так же тупо и неподвижно.

Клэверинг пытался было сдержать позыв к рвоте, но сдался — зрелище было действительно омерзительное. Я быстро промыл кишечник пациентки и за десять минут быстрее, чем когда-либо, наложил швы.

Сильвия Бэрд пошла на поправку, хотя на это, естественно, потребовалось определенное время. Впрочем, я был уве-

рен, что она полностью восстановит силы. В конце концов, она ведь замужем за Клэверингом.

«Возможен уникальный шанс». А что, разве не так? На следующее утро про случай с осьминогом писали уже все крупные газеты Англии, а к вечеру — и всего мира, так что мне грех жаловаться на судьбу.

Но, о Боже, что бы было, не успею я пронзить эту опухоль иглой прежде, чем приступить к самой операции!

ДОБЫЧА

Питер Флеминг

В холодном зале ожидания маленькой железнодорожной станции в Западной Англии сидели двое. Сидели они уже не меньше часа и, похоже, намеревались оставаться дольше. За окнами плавал густой туман; поезд явно опаздывал.

Зал ожидания представлял собой неприветливое зарешеченное помещение. Одинокая лампочка без абажура рассеивала мутный утомляющий свет. На камине красовалась грязноватая табличка «Не курить»; на противоположной стороне зала можно было увидеть похожее объявление. Тут же были развешены рекомендации по борьбе с эпидемией свиной лихорадки 1924 года. От камина исходил горячий удушливый запах, плотность которого нарастала с каждой минутой. Болезненно-белесый налет на давно не мытом оконном стекле пропускал свет из комнаты в клубы парившего снаружи тумана. Где-то сбоку с надсадной медлительностью монотонно капала вода, звонко ударявшаяся о лист железа.

И вот в этой застывшей, одеревенелой неподвижности комнаты сидели друг против друга двое мужчин. Их молчание длилось удручающе долго. Казалось, что продолжай они вести себя в том же духе, им суждено остаться незнакомыми друг с другом.

Один из них, тот, что помоложе, переживал отсутствие контакта гораздо острее, нежели недостаток комфорта, а его отношение к собеседнику колебалось от сочувственного понимания до нерешительной обиды. Впрочем, настроен он был философски — как и у многих других представителей его класса и возраста, повседневная и потому едва ли осознаваемая рутина чередующихся удовольствий, свойственных знатности и богатству, постепенно притупила способность чему-то удивляться.

В свои двадцать с небольшим лет он оценивал людей, не занимавших сколь-нибудь значительного места в его собственной жизни, примерно так же, как щеголь разглядывает прогуливающих по парку гостей — со сдержанным вызовом, хотя и без особого любопытства. Быстрый в своих провинциальных эмоциях, он относился к человечеству как к музею, исправно глаза на любой новый экспонат и с неразборчивым усердием изучая очередной образчик человеческой породы. К каждому новому магическому кругу индивидуаль-

ности он относился исключительно по касательной и вообще считал себя знатоком людей.

Сидевший напротив него субъект явно заслуживал внимания. Ниже среднего роста, он обладал той особой худобой, которая как бы замещает собой недостающие сантиметры длины тела. На нем было длинное, очень потертое черное пальто и забрызганные грязью ботинки. Бесцветное лицо, хотя оттенок его не производил впечатления бледности — кожа была скорее темно-желтоватой с примесью серого тона. Нос заострялся в точку, скулы косо торчали в разные стороны; глубокие вертикальные морщины, сбегавшие с высоких щек, складывались в некое подобие врожденной широкой улыбки, хотя глубоко посаженные медового цвета глаза отнюдь не подчеркивали этого сходства. Но самой поразительной чертой головы была какая-то нелепость, неуместность всего ее облика. Почти на затылке притулилась слегка заломленная набок шляпа с узкими полями — загнать ее туда могла, пожалуй, лишь упрямая привычка, и в итоге сейчас это худое вопрошающее лицо свирепо взирало на молодого человека.

Весь облик этого типа представлял собою не столько отчужденность, сколько непохожесть: даже неестественная манера носить шляпу — и та больше походила на ужимки и шалости дрессированного животного. Он как будто являлся частью иной, более древней плоти, на фоне которой обычный гомо сапиенс в шляпе-котелке выглядел чем-то вроде недавно перевернутой новой страницы истории. Сидел он спорбившись, глубоко засунув руки в карманы пальто, и неудобство, которое он, несомненно, испытывал, происходило не столько от того, что стул был жестким, сколько потому, что это вообще был стул.

Молодой человек считал его явно некомпанейским собеседником. Проявленные им самая живая симпатия и последовательные энергичные атаки с различных сторон так и не смогли вывести того из состояния угрюмого безмолвия. Сдержанная угодливость его реплик охлаждала пыл молодого человека даже больше, нежели это могла бы сделать прямая резкость или колкость. Взгляды их встречались, лишь когда молодой человек подолгу смотрел на своего визави. При этом глаза незнакомца иногда наполнялись беспредметным весельем, он даже улыбался, хотя видимых причин тому не было.

Мысленно окидывая взором проведенный час, молодой человек видел перед собой лишь сплошную вереницу бесплодных попыток сближения и отчаянных банальностей, валявшихся повсюду наподобие ненужной амуниции, брошенной отступающей армией. Однако решимость, любопытство и необходимость хоть как-то убить время взяли верх над сиюминутной готовностью признать свое поражение.

«Если он не заговорит, — подумал молодой человек, — тогда это сделаю я. В конце концов, какое имеет значение, кому начинать. Расскажу ему обо всем, что недавно со мной произошло. И правда ведь невероятная история! Постараюсь преподнести ему ее как можно лучше. Посмотрим, как онотреагирует, но уж равнодушным останется едва ли».

— Насколько я могу судить по вашему виду, — резко и энергично проговорил молодой человек, — вы путешественник и охотник?

Незнакомец быстро поднял на него свои медовые глаза, в которых блеснуло едва уловимое изумление. Так и не ответив, он снова опустил веки и начал разглядывать бисеринки влаги, покрывавшие полы его пальто. Однако через секунду он снова посмотрел на молодого человека.

— Да, я приехал сюда, чтобы поохотиться, — сказал он сильным голосом.

— В таком случае вы, должно быть, слышали о псарне лорда Флира — она расположена неподалеку отсюда.

— Я знаю ее.

— Так вот; — молодой человек явно оживился, не желая упускать инициативу беседы, — в его хозяйстве я жил. Лорд Флир — мой дядя.

Собеседник посмотрел на него, улыбнулся и кивнул головой с осторожной неуверенностью иностранца, который не до конца понимает, чего от него хотят.

— А не хотели бы вы, — продолжал молодой человек несколько более самоуверенным тоном, — послушать одну примечательную историю о моем дяде? Она произошла буквально два дня назад. Думаю, это не очень утомит вас.

Блеск светлых глаз незнакомца вполне мог бы заменить ответ.

— Пожалуй, — кивнул он.

Безликость его голоса могла бы послужить образчиком неискренности, слабо прикрывающей нежелание разочаровать рассказчика, хотя глаза весьма красноречиво подтверждали, что он действительно заинтересовался.

— Ну, так вот... — начал молодой человек, подвигая стул чуть ближе к огню.

— Вы, вероятно, знаете, что мой дядя, лорд Флир, в отставке, но ведет отнюдь не бездеятельную жизнь. Правда, многие считают его отшельником и вообще некомпанейским человеком. Некоторым, кто знал его лишь понаслышке, он, возможно, казался романтиком. Будучи человеком предельно простых вкусов и не обладая чрезмерным воображением, он не видел причин нарушать своих привычек, ставших со временем нормой его жизни. Живет дядя в фамильном замке,

который можно скорее назвать удобным, нежели шикарным, получает скромный доход от своих владений, иногда постреливает, много ездит верхом и время от времени выбирается в гости.

Дядя никогда не был женат. А я, единственный сын его родного брата, воспитывался как предполагаемый наследник дяди. Однако во время войны произошли непредвиденные перемены...

Дело в том, что в период этой национальной катастрофы дядя, если можно так выразиться, проявил некоторое отсутствие патриотического духа, продолжая как ни в чем не бывало кататься и охотиться в своих владениях. Под сдержанным, но упорным давлением своих более патриотично настроенных соседей, он в конце концов согласился отдать на военную службу двух слуг, умело помогавших ему на охоте. Однако это не успокоило воинственно настроенное местное дворянство, приславшее к нему грозную делегацию, которая заявила, что все ждут от него более существенной помощи родине, нежели одного лишь уничтожения лесных хищников, к тому же весьма ненадежным и довольно дорогим способом.

В этой ситуации дядя повел себя достаточно сдержанно и вполне разумно. На следующий же день он написал в Лондон и попросил выслать ему подписку на «Таймс» и предоставить одного бельгийского беженца на его, дядино, содержание.

Беженец оказался особой женского пола и к тому же глухонемой. Была ли одна из этих отличительных особенностей — или даже обе? — непременно условием, выдвинутым дядей, — никто не знает. Однако особа заняла свое место в замке. Это была довольно тяжеловесная, малосимпатичная девица лет двадцати пяти с лоснящимся лицом и полными, покрытыми маленькими черными волосами руками.

Ее жизнь в замке во многом напоминала мне существование жвачного животного, с той лишь разницей, что протекала она в основном не вне, а внутри дома. Ела она много, бессонницей не страдала и каждое воскресенье принимала ванну, игнорируя это столь полезное для здоровья занятие лишь тогда, когда заставляющий ее это делать старший дворецкий бывал в отъезде.

Нелепой и, на мой взгляд, досадной стороной патриотического жеста дяди было его постепенно нарастающее влечение к этому малосимпатичному созданию. К концу войны уже не могло быть и речи о ее возвращении на родину, в Бельгию, и как-то лет пять тому назад я с вполне понятным чувством горечи узнал, что дядя официально удочерил ее и изменил завещание во многом в ее пользу.

Время, однако, сгладило мои горестные чувства. Я продол-

жал регулярно, раз в год, навещать поместье дяди — в последний раз я приехал сюда ровно три дня назад и собирался задержаться минимум на неделю, но судьбе было угодно внести поправку в мои планы. Я застал дядю — высокого, отлично выглядевшего бородача — в обычном для него неуязвимо здоровом настроении. Бельгийка же, как всегда, произвела на меня впечатление существа, невосприимчивого к каким-либо болезням, эмоциям и другим проявлениям людских слабостей.

За ужином в день приезда я почувствовал, что в обычно резковатой, лаконичной манере речи дяди присутствуют незнакомые мне нотки, и понял, что он чем-то встревожен. После ужина он пригласил меня к себе в библиотеку, и в том, каким образом было сделано это приглашение, я почувствовал явный намек на предательское замешательство.

— Пол, — обратился ко мне дядя, как только я притворил за собой дверь, — я очень сильно встревожен.

Я вздохнул и изобразил на лице выражение симпатизирующей заинтересованности.

— Вчера, — продолжал дядя, — ко мне пришел один мой знакомый — у него поместье по соседству со мной. Пришел и сказал, что потерял двух овец. Причем он уверял меня в том, что никак не может понять, что же именно с ними произошло. Дело в том, что овцы, по его мнению, были убиты каким-то диким животным. — Дядя ненадолго умолк и мрачность его лица показалась мне поистине зловещей.

— Волки? — предположил я самый простой и очевидный вариант.

Дядя покачал головой.

— Этот сосед не раз видел овец, которых загрызли волки. Он говорит, что те всегда были сильно изранены — обкусанные ноги, изодранные тела, а сами загнаны в какой-нибудь угол. В общем, никак не чистая работа. Эти же две овцы были убиты совершенно иначе. Я сам пошел взглянуть на них. У обеих были разорваны глотки, но никаких следов побоев или укусов на теле. И обе погибли на открытом пространстве, а отнюдь не где-нибудь под забором. И сделало это, я уверен, какое-то сильное и очень хитрое животное.

— А может, какая-то тварь из зверинца или цирка сбежала и... — снова предположил я.

— Они не заезжают в наши края, — отрезал дядя. — Здесь не устраивают ярмарок.

На некоторое время в библиотеке воцарилась тишина. Я ждал, не столько встревоженный разговором, сколько озадаченный волнениями дяди. Ждал и гадал, что же это может быть, но ни одно из моих предположений не объясняло его крайнего огорчения.

— А еще одна овца была убита сегодня утром... — с явной неохотой добавил он. — Точно таким же способом.

За неимением лучших идей я предложил прочесать окрестности — дескать, может быть...

— Уже! — бросил дядя.

— И ничего не нашли?

— Ничего... Кроме нескольких следов.

— Чьих следов?

Дядя неожиданно отвел взгляд, а под конец и вовсе отвернулся.

— Это были следы человека, — медленно проговорил он и подбросил в камин еще одно полено.

Вновь воцарилось молчание. Мне показалось, что эта беседа причиняет ему больше боли, чем облегчения. Я решил, что хуже не будет, если честно и откровенно выскажу все, что думаю по этому поводу, но затем передумал и просто спросил, чего же именно он так опасается. Ну ладно, три овцы — это, конечно, определенная утрата, но не его же, в конце-то концов, а соседа, да и не всегда этим смертям оставаться тайной. Убийцу, кем бы он ни оказался, неизбежно схватят и прикончат. Смерть еще одной-двух овец — вот самое страшное, что может случиться в будущем.

Когда я наконец умолк, дядя бросил на меня тревожный, почти виноватый взгляд и я понял, что он собирается признаться еще в чем-то...

— Сядь, — проговорил он, — я хочу кое-что рассказать.

И вот что он мне поведал.

Лет двадцать пять тому назад моему дяде пришлось нанять новую экономку. Со смесью фатализма и лени, лежащих в основе отношения холостяка к проблеме выбора слуг, он согласился с первым же предложением. Это оказалась высокая темноволосая женщина с косыми глазами; лет ей было около тридцати, и никто толком не знал, откуда она родом. Дядя ничего не сказал о ее характере, но отметил, что «сила» в ней чувствовалась. Через несколько месяцев пребывания в замке дядя стал как-то по-особенному «замечать» ее, хотя, принимая во внимание ее внешность, скорее следовало бы ожидать обратного. Да и она оказалась явно не из тех, кто остается безразличным к подобного рода знакам внимания...

Однажды она пришла к дяде и сказала, что ждет от него ребенка. Дядя воспринял это сообщение достаточно спокойно, во всяком случае до тех пор, пока не понял, что она ожидает его женитьбы на ней.

Узнав про это, он буквально взбеленился, обозвал ее шлюхой и приказал покинуть его дом сразу же после родов.

С этого момента вместо ожидаемого с ее стороны отчаяния

или задумчивости слуги в доме стали замечать, что она начала что-то напевать себе под нос по-валлийски, одновременно искоса и с любопытством поглядывая на дядю. Это почему-то напугало его. Он распорядился переселить ее подальше от его комнат, в дальнее крыло замка, и нанял новую экономку.

Когда ребенок появился на свет, дяде сказали, что женщина умирает и просит его прийти. Испуганный и страдающий, он по длинным и малознакомым коридорам прошел в ее комнату. Увидев его, женщина начала что-то бессвязно бормотать, не отрывая взгляда от дяди. Казалось, будто она зубрит какой-то урок. Затем, остановившись, она потребовала, чтобы ему показали ребенка.

Это был мальчик. Сиделка — и дядя это заметил — держала его на вытянутых руках с брезгливостью, почти с отвращением.

— Это ваш наследник, — хриплым, дрожащим голосом проговорила роженица. — Я сказала ему, как надо себя вести. Он будет мне хорошим сыном и ревностно отстоит свое право на существование. — С этими словами она разразилась потоком диких ругательств, что-то кричала о проклятии, олицетворенном ее сыном и смертельном для всякого, кого дядя сделает своим наследником через его голову.

Наконец ее голос затих, она откинулась на подушки, обессиленная и измученная.

Дядя уже собирался было выйти из комнаты, когда сиделка шепнула ему, чтобы он посмотрел на руки младенца. Разжав пухлые беспомощные кулачки, она показала ему, что на каждой руке средний палец имел на одну фалангу больше, чем на соседних пальцах.

Здесь я не удержался и перебил дядю — вся эта история действовала на меня со странной силой, причина которой, видимо, крылась в настроении рассказчика. Дядя явно страшился, ненавидел то, о чем сейчас говорил.

— Ну и что все это значило? — нетерпеливо спросил я. — Эта лишняя фаланга?

— Мне понадобилось немало времени, чтобы разобраться в этом, — ответил дядя. — Мои собственные слуги, видя, что я не понимаю, почему-то не захотели мне ничего рассказывать. Но как-то я встретился с одним доктором, и тот сообщил мне, сославшись на старуху-знахарку, что... В общем, он сказал, что люди, родившиеся с такими руками, временами превращаются в оборотней. По крайней мере, — добавил дядя после некоторой паузы, — так считает большинство людей.

— А что это такое? — не отставал я, сам не замечая того, что мое легкое верие нарастает с поразительной быстротой.

— Оборотень, — сказал дядя, — это человеческое существ-

во... — Он снова загнулся, как бы не веря тому, что сам же говорит. — Человеческое существо, которое время от времени превращается в волка со всеми присущими ему повадками и желаниями. Превращение это, или так называемое преобразование, происходит ночью. Оборотень убивает людей, а при отсутствии таковых — животных, и пьет их кровь. В средние века, вплоть до XVII века, отмечалось много случаев, особенно во Франции, когда мужчин и женщин официально судили за действия, которые они совершили в образе животных. Как и ведьм, их нередко оправдывали, но в отличие от последних, они редко оказывались невиновными. — Дядя сделал паузу. — Я читал старые книги, где были описаны в том числе и такие случаи, и как-то раз попросил одного знакомого психиатра рассказать мне, можно ли верить всем этим рассказам. Ребенок же...

— Да, кстати, а что случилось с ребенком?

— Жена одного из моих слуг взяла его к себе. Это была добрая женщина с севера, которая с радостью воспользовалась этой возможностью, чтобы показать, как низко она ставит все подобные предрассудки. Мальчик жил с ними около десяти лет, а потом неожиданно сбежал. Я не слышал о нем ничего вплоть до... — Дядя почти виновато посмотрел на меня, — до вчерашнего дня.

С минуту мы сидели, не проронив ни слова. Воображение предательски обошлось с моей способностью мыслить логично и трезво, а кроме того, чего греха таить, я и сам немного испугался.

— Так вы думаете, что это ваш сын-оборотень убивает овец? — спросил я, не надеясь на положительный ответ.

— Да. Из хвастовства или ради предупреждения. А может — из-за неудачной охоты ночью.

— Неудачной охоты?..

— Именно, — кивнул дядя и с тревогой посмотрел на меня. — Я же сказал, что объект его главного интереса — отнюдь не овцы.

Впервые до меня дошел истинный смысл ругательств роженицы. Значит охота началась, и ее добычей являлся наследник замка Флир. Поняв это, я почувствовал заметное облегчение оттого, что меня самого давно уже лишили этого наследства.

— Вчера я сказал дочери, — дядя только так называл свою приемную бельгийку, — чтобы она ни под каким предлогом не покидала вечером пределов замка.

Должен признаться, ночь я провел не вполне спокойно. По правде говоря, воображение у меня всегда было развито достаточно хорошо, и как я ни старался, мне не удалось полностью вытеснить из своего сознания видение этого зловеще-

го, преобразующегося существа, бродящего в черно-серебристой ночи под моими окнами. Лежа в кровати, я поймал себя на мысли, что прислушиваюсь к затихающим, теряющимся где-то в окружающем замок лесе шагам...

Не знаю, приснилось ли мне или я действительно под утро услышал отголосок какого-то завывания, но, случайно выглянув в окно по пути на завтрак, я увидел незнакомого человека, который быстро удалялся по дороге от замка. Внешне он чем-то напоминал пастуха: у его ног вертелась одна из наших собак, и мне почему-то показалось, что вела она себя со странной неуверенностью и робостью.

За завтраком дядя сказал мне, что этой ночью была задумана еще одна овца — буквально под самым носом у сторожа. Голос дяди заметно подрагивал, когда он говорил об этом, глядя на свою приемную дочь. Та же спокойно поглощала овсяную кашу.

После завтрака мы решили еще раз организовать облаву. Не стану утомлять вас пересказом всех деталей этого мероприятия и его полного провала. Весь день тридцать человек вдоль и поперек прочесывали леса и верхом, и пешком. Как-то однажды неподалеку от места последнего убийства овцы собаки наткнулись на странный запах, который вели больше двух километров, но у шоссе он обрывался. Мы тогда решили, что это была, скорее всего, лиса или хорек.

Вскоре оказалось, что события этого дня не до конца еще истрепали наши нервы. К вечеру, когда мы собирались возвращаться домой, дядя по непонятной мне причине сильно встревожился. Погода стояла неважная, сумерки быстро смешивались с густыми облаками, а до Флира было еще далеко. Отдав последние инструкции насчет поисков, дядя распорядился повернуть лошадей к дому.

К замку мы подъехали по боковой дороге, которой редко пользовались. Это была сырая пустынная аллея, проходившая сквозь густой строй сосен и дубов. Из-под копыт лошадей слышался смягчаемый густым мхом перестук камней. Из их ноздрей вырывались тугие клубы пара, словно передававшие эстафету неподвижному воздуху.

Мы были, наверное, метрах в трехстах от ворот конюшни, когда лошади внезапно замерли как вкопанные. Их головы повернулись в сторону леса. В почудившемся нам неясном звуке слышались отвратительные, всхлипывающие, даже самодовольные завывания. Этот звук то усиливался, то замирал, как бы стараясь заполнить собою окружающие нас сумерки. Но через несколько минут стих, словно захлебнувшись в сладострастном, утробном бульканье.

Тишина тщетно пыталась совладать с этим звуком: его

грозное эхо продолжало носиться над нашими головами. Мы были уверены, что слышим, как по твердой и гулкой, как железо, дороге ступают ноги... Две ноги.

Дядя спрыгнул с лошади и скользнул в чашу. Я последовал за ним. Вскоре мы вышли на поляну. Единственная фигура, которую мы заметили на ней, была неподвижна...

«Дочь» дяди, скорчившись, лежала у самой дороги — массивное темное пятно на мерцавшей в лучах лунного света поверхности травы. Мы бросились вперед.

Для меня она всегда оставалась скорее нелепой, словно выдуманной личностью, нежели реальным человеком. И умерла она, как жила, поистине в животных традициях — с разорванным горлом.

Молодой человек откинулся на спинку стула, немного утомленный своим монологом и жаром, исходившим от камина. Он вновь почувствовал неудобство окружающей обстановки, о которой, увлеченный собственным рассказом, на время забыл. Наконец он вздохнул и как-то виновато улыбнулся незнакомцу.

— Дикая, невероятная история. Впрочем, я даже не рассчитываю, что вы всему в ней поверите. Возможно, для меня самого реальность случившегося несколько ускользает из-за нелепого и совершенно неожиданного поворота последовавших за ним событий. Как ни странно, но со смертью бельгийки я теперь стал наследником владельца замка Флир.

Незнакомец ответил ему долгой, задумчивой улыбкой. Его медового цвета глаза сияли, тело под длинным пальто резко напряглось словно в мучительном, сладостном ожидании. Он молча поднялся со стула.

Молодой человек почувствовал, как острый, холодный страх вонзается во все части его тела. Что-то непонятное, скрывавшееся за этими мерцающими глазами, пугало его своей ужасающей неизбежностью, подобно мечу, готовому в любой момент пронзить его сердце. Его прошиб пот, он был не в состоянии даже пошевелиться.

Теперь улыбка незнакомца показалась ему хищным, изголодавшимся оскалом, глаза кроваждно блестели. Слюна липкой каплей свисала с уголка рта.

Очень медленно он извлек из кармана пальто одну руку и приподнял шляпу. Пальцы крепко сжимали ее поля, и молодой человек увидел, что на среднем было на одну фалангу больше, чем на остальных.

КОТЕНОК

Пол и Карен Андерсон

Пламя бушевало повсю. Они стояли в стороне от дома, озаряемые красными, желтыми, голубыми фонтанами огня, чуть колыхавшимися от легкого ветерка и взметавшими к холодным ноябрьским звездам снопы искр. Их блеск поигрывал в пелене дыма, отсвечивал в соседних окнах, переливался на снегу, который покрывал газоны и сугробами лежал у ограды. Талая вода испарялась, стекая по стенам, а трава внизу даже кое-где обуглилась. Жар надвигался подобно приливу, у людей жгло глаза, и они были вынуждены немного отступить. А со всех сторон их окутывали густые клубы дыма.

Вертящийся фонарь на крыше машины начальника пожарной команды разбрасывал во все стороны блики света. Здесь же, рядом с машиной, стоял шеф полиции и наблюдал за действиями всех экипажей. Краска и металл поблескивали в темноте. Пожарные поливали здание из шлангов. Хриплые крики звучали отдаленно, их было почти не слышно из-за стоявшего кругом шума и грохота. Еще дальше столпились зеваки, темную массу которых справа и слева сдерживали несколько полицейских. А вся раскинувшаяся у подножия холма панорама со сливающимися в единый мирный поток лучами уличных фонарей Сенлака и светом из окон его домов, замерзшей речкой между ними и серо-белыми очертаниями сельскохозяйственных угодий вполне могла бы существовать где-то на планете, вращающейся в созвездии Ориона.

— Хуже не придумаешь, — сказал начальник пожарной команды. Каждое его слово сопровождалось как бы маленьким взрывом выдыхаемого пара, и в этом было что-то мистическое. — Только бы на другие дома не перекинулось. Впрочем, думаю, сдержим.

— Черт возьми, — проговорил шеф полиции, — ведь там же все улики сторят. — Он хлопнул себя ладонью по груди.

— Может, что-нибудь в пепле найдем, — заметил пожарный. — Хотя, думаю, то, что вам нужно, надо бы искать в другом месте.

— Не исключено, — кивнул полицейский, — хотя... Я не знаю. На первый взгляд все здесь предельно ясно. Но то, что я услышал сегодня — знаешь, Джон, я немало насмотрелся на своем веку всякой чертовщины, причем не только когда

служил в Чикаго, но и в нашем тихом, маленьком городке Среднего Запада. Но это просто не укладывается ни в какие рамки. Что-то здесь не так.

Пламя продолжало бушевать.

Оставляя супруга, жена Лео Тронена решила не устраивать сцен. За три года совместной жизни их было предостаточно, а точку всему поставила последняя, случившаяся накануне вечером. Он тогда ворвался в ее кабинет, схватил со стола незавершенную рукопись, потом снова метнулся в гостиную, швырнул бумаги в камин и поднес к ним горящую зажигалку. Поднявшись, мягко проговорил:

— Ну как, достаточно убедительно?

На мгновение Уна отшатнулась назад, из горла ее вырвался странный, надломленный звук. Она была маленькой, с хорошей фигурой, аккуратным овалом лица, большими голубыми глазами, чуть вздернутым носиком; губы всегда оставались немного приоткрыты, а лицо обрамляли волны белокурых волос. Тронен же являл собой верзилу под метр девяносто и всегда был звездой университетского футбола. Наконец она сжала кулачки, встала неподвижно и прошептала — почти с удивлением:

— Да, ты на такое способен. Это уж точно. Я молилась все это время, только бы нам разрешить все наши беды...

— Боже праведный, а я-то что, не пытался разве? — Голос его возвысился. — Да не меньше тысячи раз. Чуть ли не с первого дня, когда мы только познакомились, я говорил, что мне не нужна преподавательница, египтолог — Боже упаси! — мне нужна жена.

Она покачала головой.

— Нет. — По ее щекам стекали беззвучные слезы. — Тебе нужно... ты жаждешь символа своего положения. Тебе нужно зеркало.

Она резко повернулась и зашагала прочь. Лео слышал ее шаги по лестнице и едва сдерживаемые рыдания.

Обычно Тронен пил не больше, чем требовалось по службе, включая, конечно, определенное количество коктейлей при встречах и переговорах. На сей раз он изрядно хлебнул виски, после чего отправился спать, подумав при этом, сколь мудрое он принял решение, избрав для ночлега комнату для гостей. Пожалуй, это станет его отправной точкой, когда завтра он примется разгребать завалы в их взаимоотношениях. Ну, хотя бы так: «Давай только по-честному. Я считаю, что главной причиной наших трудностей в интимной сфере является твоя сохраняющаяся увлеченность этим типом, Куортерсом. Да-да, ты, естественно, и сама не отдаешь себе в этом отчета, но это действительно так. Допускаю, согласен, вы

встречались с ним еще в колледже, оба любите говорить о древних, давно ушедших народах и странах, ну а мой вчерашний поступок, пожалуй, был, как говорится, чересчур резким... Если это так, прошу прощения. Но ты должна понять, мне необходимо было что-то сделать, чтобы ты поняла: нельзя так со мной обращаться. Кто он вообще такой, этот Гарри Куортерс? Школьный учитель истории! И зачем тебе, нам эта твоя будущая ученая степень, если для ее получения приходится три раза в неделю совершать сорокакилометровые поездки? Моя дорогая, ты — жена делового человека, и нам надо пробраться на самый верх. Поедешь, поедешь ты к своим пирамидам — дай толико встать на ноги и помоги мне!»

Его будильник прозвонил, но жена не проснулась. Во всяком случае, дверь спальни оставалась закрытой. Сдерживая негодующее возмущение, он сам приготовил себе завтрак и направил машину в сизый, сумрачный туман. Он что, не сказал ей, что ему сегодня рано вставать? Ведь предстоит встретиться с этим парнем от Джона Дира, за которым стоит миллионный контракт, способный вытащить Лео Тронена из этой дыры!

Вообще-то он был обычным деревенским парнем, у которого перед глазами сияли огни Нью-Йорка. Управляющий завода назначил его начальником цеха штамповки в одном из филиалов Сенлака — земля там была пока достаточно дешевая.

— Прекрасное начало, особенно для такого молодого человека, как вы, — сказал он ему. Однако самому Лео за всем этим виделся тупик. Продвинуться можно, только если производить то, что люди будут покупать. Настоящие деньги, престиж и власть дает манипулирование самими людьми или контролирующими их поступки бумагами. Только бы ему удалось проявить себя здесь! А еще важнее — чтобы это заметили нужные люди, а уж он-то сам не промахнется.

Однако для этого была необходима соответствующая жена: привлекательная, расторопная, умная, обладающая навыками как хозяйки, так и гостыи. А он в Сенлак приехал сразу после развода. С Уной Ниборг он познакомился на вечеринке, куда заявился в одиночестве и, со своей рыжей гривой, хорошо подвешенным языком и неплохими манерами, сразу же приобрел некоторые шансы. Она тогда жила неподалеку от колледжа Холберг, где училась в аспирантуре и посещать который — уже после их женитьбы — он ей отнюдь не запрещал. Но он никак не мог предполагать, что все это затянется на столько месяцев. Он расписывал ей восхитительные места и потрясающих людей, которых им предстояло увидеть по всему свету. Сначала, когда Уна настояла на про-

должении учебы, это его раздосадовало, но не слишком, потом же, когда ее отлучки стали все чаще срывать те или иные его мероприятия, начал попросту сердиться.

В общем, пора было положить этому конец. Уна должна определиться и действовать с ним заодно. Эту идею он и решил обсудить с ней сегодня после работы.

Сгущались сумерки, когда он приехал домой. Фонарей в новом районе, где они жили, еще не навесили, а свет из окон кое-где выхватывал из темноты облезлые деревья. Снег поскрипывал под колесами его нового «кадиллака». Первый, сплошь застекленный этаж дома пребывал в полном мраке. Хозяйина приветствовала лишь резко вспыхнувшая лампочка, которая включилась от автоматически распахнувшихся дверей гаража. Автомобиль Уны отсутствовал.

Что за черт! Он прошел к главному входу в дом, по пути зажигая везде свет. Драпировка на стенах, густо голубые ковры, шведская мебель в стиле модерн, сложенный из грубого камня камин сбоку от декоративно отделанного окна — все это совсем не по-военному строго, как ему бы хотелось, однако даже такая гостиная казалась пустее гаража, даже холоднее, несмотря на бормотание под полом отопительной системы, напоминавшее чем-то голоса призраков и некогда посещавших дом важных гостей.

Может, Уна отправилась по магазинам? Время, конечно, неудобное, но она никогда не отличалась особой склонностью к порядку, а тем более сейчас, после вчерашней ссоры. Его внимание привлек конверт, прислоненный к настольной лампе. Он подошел посмотреть. «Лео», — было написано ее рукой. В страхе он схватил нож для разрезания бумаг и резким движением вскрыл конверт. Почерк был неровный, хуже, чем она обычно писала, в нескольких местах виднелись следы от мокрых разводов. Письмо пришлось прочитать дважды, прежде чем содержание дошло до его сознания.

«...не может продолжаться... пожалуй, все еще люблю тебя, но... никаких алиментов и вообще ничего... пожалуйста, не пытайся найти меня, я сама позвоню, чуть попозже, когда боль немного уляжется...»

— Но почему? Как она могла? — услышал он собственные слова. — После всего того, что я для нее сделал.

Он яростно смял записку и конверт, швырнул их в камин поверх того, что осталось от рукописи, прошел к бару, налил себе изрядную дозу, после чего рухнул на диван и закурил, глубоко затягиваясь.

Ну надо же, уйти именно сейчас! Где она может быть? Только не надо устраивать поспешных расспросов. Осторожность и благоразумие — вот что ему требовалось, а там и

сцена эта забудется, и время все незаметно подлечит. Но можно ли быть уверенным в том, что она не оставит его в дураках? Если бы она нашла приют у какой-нибудь подружки... Нет, это маловероятно. Скорее всего, поехала в город и под вымышленным именем поселилась в какой-нибудь гостинице. Она всегда была фантазерка, но не идиотка же; неуравновешенная (сначала Куортерс, а теперь вот это), но не предательница. Что она тогда сказала во время их последней ссоры? «Ты прячешь доброго человека, запертого под замком твоего же собственного «я». Мне это известно. Иногда ты выпускаешь его наружу, правда, только на цепи, но люблю я именно его. Лео, я прошу тебя, дай ему хотя бы какой-то шанс. Выпусти его на свободу». Да, что-то вроде этой белиберды. Вполне возможно, она действительно надеялась, что ее поступок приведет к примирению.

Свой первый стакан он сопровождал двумя сигаретами и, чуть более размякший, снова наполнил его, отпивая уже маленькими глотками. Она как-то рассказывала ему, что в древности — персы, что ли? — прежде чем принять важное решение, обсуждали его дважды: сначала на пьяную голову, а потом на трезвую. Он улыбнулся. Едва ли сам он намеревался последовать этому правилу, и все же... В общем-то, он не был чудовищным эгоистом или совсем уж ограниченным человеком. Он вполне отчетливо видел корни ее увлеченности, да и в нем самом, когда она что-то рассказывала, пробуждался интерес. Если бы только у него было время... Было бы несправедливо назвать ее неблагодарной, она и правда старалась, причем искренне, но стать полезной такому человеку, как он, было очень непростым делом. А может, он сам не проявлял должной терпимости, сам давал ей меньше, чем мог? Ведь будь он не так строг с ней, ему все равно бы удалось достичь желанных высот — конечно, не так быстро, но со временем, — тем более, что пока они еще достаточно молоды.

Пусть теперь она сделает первый шаг. Если кто спросит, он скажет, что жена поехала к кому-нибудь погостить, а когда она все же даст о себе знать, они тихо и спокойно все обсудят.

Да, и надо что-то поесть, а то совсем развезет. Тронен невесело ухмыльнулся и побрел на кухню. Посуду за ним она помыла, и это тронуло его. Почему? Он и сам толком не понимал, но это было именно так.

Отыскав банку с тушенкой, он неожиданно услышал какой-то шорох. И в окружающей тишине даже испугался. И вот снова, а потом — негромкое мяуканье... Бездомная кошка? Он пожал плечами. Потом еще один, уже третий звук. Надо проверить. За окном было темно.

Он открыл кухонную дверь, выходящую во внутренний

дворик — свет выплеснулся в сине-бурую мглу, и Лео увидел у порога маленького, съжившегося котенка. Ему было не больше трех месяцев от роду: комочек белой шерсти, нахохлившийся от окружавшей прохлады, розовый нос и два больших янтарных глаза. Он жалобно мяукнул и прошмыгнул мимо Лео в теплую комнату.

— Эй, подожди-ка, — воскликнул Тронен.

Котенок уселся на линолеум и спокойно взирал на него снизу вверх. Он не производил впечатления изголодавшегося или больного. Зачем же тогда он забрел к нему в дом?

Тронен наклонился, чтобы подхватить котенка и выпроводить обратно, но тот выскользнул из-под руки, метнулся в угол и затаился у камина, изредка бросая на Лео испуганные взгляды. С чего это кошке бояться человека? Тронен почувствовал, что приближается ночь, в спину неприятно подуло. Вздохнув, он поднялся и запер дверь. Наверное, бедное создание просто потерялось. На таких коротких ножках оно едва ли могло забежать далеко. Ну ладно, он приютит его, накормит, а потом постарается выяснить, откуда этот котенок взялся. Его соседи занимали солидные посты в Сенлаке, двое были какими-то функционерами, а один владел расширявшейся сетью бакалейных магазинов, так что внимание должно быть оценено по достоинству. Лео подозревал, что котенок явно домашний.

Несколько минут спустя, когда аромат разогретой еды проник в комнату, до него донеслось очередное мяуканье. Котенок робко подползал к нему, явно намекая на то, что тоже проголодался. Ну так что ж, в чем проблема? Словно подчиняясь импульсу, он стал разогревать молоко — ночь-то какая прохладная. Котенок жадно набросился на пищу, тогда как сам Тронен пристроился с краю стола. Чуть позже, определенно наевшись, животное стало тереться о его ногу. Лео наклонился и рассеянно пощекотал мягкую плоть. Котенка это явно привело в восторг. Тронен снова приступил к еде, и тут маленькое создание юркнуло к нему на колени, свернулось в комочек, и почти сразу же послышалось тихое урчание.

Завершив трапезу, он снова опустил животное на пол. Лео решил оставить котенка на кухне, где его бесконечные поиски и рыскания не принесли бы серьезного беспорядка, пока сам он будет звонить. Однако зверек оказался проворнее.

— Черт побери! — воскликнул Лео, погнавшись за ним в гостиную. Там котенок повернулся, кинулся в его сторону и стал кататься у ног, как бы приглашая поиграть с собой.

Гм-м, надо бы хоть пол его определить. Лео снова опустился на диван рядом со стоявшим на тумбочке телефоном — параллельные аппараты он установил также в спальне и сво-

ем кабинете. Котенок не противился осмотру. Мальчик. Продолжая левой рукой ласкать животное, он зажал трубку между плечом и подбородком и стал набирать номер. Прикутившись вдоль бедра, котенок лизал его пальцы, как заведенный двигая своим шершавым языком.

— ... так приятно, что вы позвонили, мистер Тронен, но мы не держим кошек. Вы не пробовали позвонить Де Ланси? У них есть, это точно.

— ... здесь и сейчас как раз рядом с нами. Но все равно большое вам спасибо за заботу. В наше время так редко можно встретить человеческую заботу.

— ... не наш. Кстати, почему бы вам с женой не зайти как-нибудь на пару коктейлей?

Ему стало жаль, когда список кончился. В доме снова воцарилась гнетущая тишина. Не было слышно даже тиканья часов — стоявший на камине электронный будильник работал на жидких кристаллах. Музыка? Нет, ему с детства медведь на ухо наступил: дорогая стереофоническая аппаратура являлась частью созданного им образа своей личности, и сейчас ему едва ли пришлось бы по нраву баллады и джазовые мелодии, доносящиеся из опустевшего кабинета Уны. Может быть, телевизор? Неожиданно ему на память пришла статья об одиноких старых людях в больших городах, которые от жуткого одиночества даже целовали телевизионные экраны. Он нервно повел плечами и стал бесцельно смотреть перед собой.

Котенок спал. А что, неплохая идея. Выпивки достаточно, таблетка снотворного, нет, лучше пара таблеток, потом восемь или даже девять часов крепкого сна, и он снова будет готов к работе вопреки всем проблемам. Так, а что с котенком? Ночью он обязательно где-нибудь сходит, а Лео никак не улыбалась мысль прибирать за ним перед утренним кофе. Но ведь если выгнать сейчас этого чертенка, он непременно замерзнет. Лео ухмыльнулся собственной нерешительности. Итак, проявим инженерные способности... В гараже стоял ящик из-под пива. Он вынул из него пустые бутылки, принес ящик в дом, постелил на дно чистые тряпки, поставил рядом с камином, перенес туда спящего, казалось, совсем бестелесного котенка и опустил крышку. Перед самым уходом вспомнил и налил в блюдце новую порцию молока.

Лежа наверху, он никак не мог заснуть — не помогли даже таблетки. Глупо, конечно, но его мысли то и дело уносились от жены, от контракта с Диром, вообще от всего реального, и замыкались на этом глупом маленьком животном. Может, объявление в газету дать? Но тогда ему на несколько дней не избавиться от этого создания... Отдать в питомник?.. Уна всег-

да хотела завести какое-нибудь животное, желательно кошку, но потом смирилась с наложенным им запретом. А что, если предложить его в качестве шага к примирению? Может, пока ее нет, попробовать самому, вдруг ему все это не покажется таким уж непереносимым?

Во сне он видел медленно подкрадывавшегося к нему леопарда.

Лео с трудом отреагировал на звонок будильника. Несколько секунд ему казалось, что предрассветную темноту наполняют неясные силуэты. Он протянул руку, ладонь нащупала волосы, почувствовала тепло. «Уна!» — мелькнуло в сознании, словно солнечный луч. А чему он вообще обрадовался?.. Нет-нет, подожди, она же ушла... Или вернулась ночью? Он протянул над головой руку и щелкнул выключателем настольной лампы. На подушке рядом с ним лежал котенок.

О, только не это!

Животное радостно смотрело на него, кидалось на грудь, пушистой лапой тянулось к щеке. Он резко сел, отшвырнул его от себя: уклоняясь от толчка, котенок оцарапал ему шею. Тронен снова откинул его от себя.

— Паразит проклятый!

Ясное дело, он забыл закрыть ящик. Бессонные часы давали о себе знать, все тело ломило. Казалось, что голова набита песком, который с хрустом высыпается через глаза. Вылезая из кровати, он заметил на покрывале и электрическом одеяле белесые пятна. Лео подозрительно принюхался. Так-так, вот оно! Вонючка наверняка опрокинул блюдце, которое он оставил на полу, и по всему дому оставил свои мокрые следы, тогда как на кухне, похоже, вообще целая лужа.

Котенок забился в дальний угол комнаты. По его взгляду казалось, что он испытывает боль, не физическую, а какую-то иную, жутковатую, почти человеческую. Впрочем, кошки всегда были загадочными существами, он их недолюбливал.

Спустившись вниз, он обнаружил, что оказался прав, и, прежде чем заняться собой, был вынужден несколько минут затирать следы. К счастью, испражнений не было — ну да, как же, что-то обязательно обнаружится потом, причем в самом неожиданном месте.

— Ну так, приятель, — сказал он, когда котенок наконец появился. — С тобой все ясно. — Зверек урчал и просился поиграть. Если накануне, в обстановке одиночества, эти движения и доставляли ему хотя бы какое-то, весьма слабое удовольствие, то сейчас они просто раздражали.

Кофе с бутербродом подняли его настроение. Выйдя нару-

жу к машине, он почувствовал окрепший за ночь холод. Тишина, казалось, даже похрустывала. Остовы деревьев, помнявшие цвет с серого на безжизненно-белый, резко контрастировали с темным небом, а еще дальше, на востоке, ландшафт поражал своей застывшей неподвижностью. На какое-то мгновение он поймал себя на мысли: а стоит ли в такую погоду выпроваживать котенка из дому.

Но где-то в глубинах подсознания все так же ухмылялся леопард из его сновидений.

Он поморщился, скорчил гримасу и призвал на подмогу весь свой гнев. Ну и что ему делать? Будь он проклят, если оставит в доме это грязное существо, а питомник тоже едва ли начинает работу раньше девяти, а то и десяти часов, ему же к этому времени уже надо будет как следует вникнуть в содержание документов, имеющих отношение к компании Дира... В конце концов, кто-нибудь заметит животное и подберет, а в крайнем случае — что, мало ли шляется по улицам бродячих собак и кошек?

Счастливый котенок сидел рядом с ним на переднем сиденье, пока через несколько миль от дома машина не остановилась и Лео, распахнув правую дверь, не скинул его на землю. Зверек упал на лапы, совсем не пострадав, только испуганно замыкал. В это холодное утро почва на обочине дороги наверняка была жесткой, заледеневшей. Впереди виднелся муниципальный парк, весь в снегу, с голыми ветвями деревьев и кустарников и напоминавшими окаменевших чудищ скамейками.

Котенок бросился назад к машине.

— Ну, нет, только не это, — ворчливо пробормотал Тронен. Он захлопнул дверцу, пристегнулся и резко взял с места. В зеркальце заднего вида ему был виден крошечный пушистый комочек на дороге, но вскоре все исчезло.

Да, неважный выдался день. Холод пробирал до костей. Все тепло от печки уходило куда-то за спину и грело не больше, чем первые лучи зимнего солнца.

«Вот так, крутишься на работе как заводной, жена ушла, и никому нет никакого дела, жив я или уже умер...»

«Нет, — сказал он себе, — перестань хныкать и не отрывайся от жизни. По крайней мере нескольким людям ты отнюдь небезразличен. Начальство хочет, чтобы ты занимался этим делом, одновременно пополняя их банковские счета, тогда как подчиненные хотят, чтобы ты поскорее освободил свое место и расчистил им путь для дальнейшего восхождения по служебной лестнице. И всегда на первом месте Она — Работа. Или Она — это Уна? Я-то думал, что нашел в ней оазис тепла, а на самом деле ей была необходима лишь под-

держка, чтобы иметь возможность сдуть пыль с трупов, пролежавших три тысячи лет под холодным саваном.

Ладно, черт с ней. Сегодня у нас что, среда? Можно потерпеть и до субботы. Нечего пороть горячку, тем более, что дел полно. В крайнем случае схожу в городе в массажный салон, ведь это так просто: ваш секс — мои деньги. Кажется, есть даже выражение такое: холодный, как сердце шлюхи. А почему бы нет? А когда в следующий раз стану жениться, надо будет повнимательнее выбирать».

Завод возвышался, как обрезанный со всех сторон кубической формы ледник, на стоянке припаркованы лишь несколько автомашин. Тронен поспешил к главному входу.

— Доброе утро, сэр, — проговорил ночной охранник, и Лео не мог не заметить непривычную холодность, столь отличную от обычного радушия.

«Что это такое с Джо? — на секунду подумал он. — Тоже какие-нибудь проблемы? Надо будет потом поинтересоваться. Хотя нет, какое мне до него дело?»

Его шаги гулким эхом отдавались в коридорах. Его обитый панелями и украшенный специально подобранными картинами кабинет раньше казался ему более приветливым, а сейчас почему-то поразила царившая в нем тишина и — совсем уж странно — висевшие за окном длинные сосульки. Он повернул ручку термостата в сторону увеличения обогрева. Усевшись за письменный стол, зашелестел лежавшими на нем бумагами, и на ум пришло неожиданное сравнение с замерзшими лужами, которые похрустывают под ногами.

— Доброе утро, мистер Тронен, — поприветствовала его пришедшая к девяти секретарша. — Бог ты мой! Да у вас здесь настоящие тропики!

— Что? — Он окинул взглядом ее стройную фигурку. — Да, мне так удобнее. — Впрочем, он был не вполне искренен, поскольку так и не снял пиджака, который обычно скидывал сразу же, оставаясь один в кабинете.

Она подошла к термометру.

— Тридцать два градуса. — И, перехватив его взгляд добавила: — Конечно, большую часть времени я нахожусь у вас за дверью, но, простите меня, мистер Тронен, с вами действительно все в порядке? У вас такой усталый вид.

— Да ладно, — буркнул он. — Вот, — он протянул ей папку с бумагами. — Подготовьте отчеты в соответствии с моими резолюциями. И пожалуйста, сделайте это к дневной почте.

— Слушаюсь, сэр. — Она крайне редко пользовалась столь почтительным обращением. Обиделась, что ли? Ну и Бог с ней...

В середине дня пришел начальник отдела деловых операций.

— Знаешь, Лео, только что звонил человек от Джона Дира — не Густафсон, а тот, который над ним стоит, Кручек его фамилия. Ну так вот, его интересовало, как у нас поставлен контроль за качеством... В общем, я сейчас прямо и не знаю, что и делать с этим контрактом, никак не знаю.

Еще позже объявился управляющий делами профсоюза.

— Мистер Тронен, вы объяснили мне, как при нынешних инфляционных процессах избежать серьезных проблем. Меня тогда удовлетворили ваши слова и я передал их своим парням. Но отопление в цехе остается никудышным и, если вы не сдержите свое обещание заменить всю систему, то, боюсь, что при нынешней собачьей зиме вам не избежать забастовки.

Между всем этим он выкроил время, чтобы перекусить принесенным из кафетерия бутербродом, а заодно посмотреть по телевизору новости. Какой-то государственный деятель сообщил, что страна уже находится в стадии спада деловой активности, и многие намекают на приближающуюся депрессию. Эксперты предсказывают нехватку топлива, так что события прошлого года покажутся всем отпуском на Гавайях в сравнении с тем, что их ждет сейчас.

Ведя в сумерках машину к дому, он вспомнил о котенке. За весь день это случилось в первый раз — слишком много было всяких проблем, не дававших возможности ни на минуту расслабиться и восстановить в памяти это нелепое проявление дружеских чувств. Впрочем, что там говорить о дружбе: друзей у него не было. «И тебе, киска, — думал он, — чтобы ни случилось за эти десять или двенадцать часов, живой ты вообще или уже мертвый, никогда не понять, что такое человеческое равнодушие».

Первым, кто поприветствовал его, был, как всегда, гараж с автоматическими дверями. Он прошел к парадному входу и сразу заметил лежащий на коврике белый пушистый комочек. Котенок.

— Что?! — Тронен даже отскочил от крыльца в снег, белевший под холодными звездами. У него сжалось сердце, перехватило дыхание, выступил пот. Нет, это было невероятно!

Через минуту, чуть отдышавшись, он смог, наконец, взять себя в руки. Разумеется, с какой стати ему чего-то бояться? Опасаться этого мерзкого, хныкающего куска жалкой плоти? Случись подобное — вот тогда действительно были бы какие-то основания для страха. Он подошел ближе. Лежавшее у его ног существо еле шелохнулось, чуть слышно мяукнуло. Он открыл дверь, пошарил рукой, нащупал выключатель и зажег

свет, при котором внимательнее разглядел животное. Да, тот же самый зверек, только крайне ослабевший от холода и голода, глаза замутились, шерсть и усы покрылись инеем.

Кошки часто возвращаются. Этот же явно обладал особенной силой, заставлявшей его цепляться за жизнь.

Тронен выпрямился. Ни при каких обстоятельствах не пустит он его внутрь, даже на одну-единственную ночь. Ему и самому не было понятно, откуда в нем подобная ненависть. Ведь сначала-то он отнюдь не возражал, а что касается грязи, то можно ведь было принять соответствующие меры предосторожности. И все же... О черт, наконец решил он, хватит с меня всего остального, что постоянно треплет нервы. Уна, конечно же, расчувствовалась бы, а он...

Сама мысль о том, что утром придется заниматься окочевевшим трупом, показалась Тронену омерзительной. Он набрался решимости: со всем этим надо кончать прямо сейчас.

В гараже он взял ведро и из крана во дворе налил в него воды. Леденящий холод металла заставил его вздрогнуть, грохот ударявшейся о дно струи в вечерних сумерках казался ревом водопада. Он сжал зубы, поставил ведро на крыльцо, снял пальто, пиджак и засучил рукава. Не вставая с того места, где лежал, котенок чуть шевельнулся, словно пыталсялизнуть его пальцы. Лео поспешно сунул крошечный комочек под воду.

Он даже не предполагал, что эти подводные подергивания продлятся так долго. Когда же наконец извлек неподвижное тельце, то показалось, что подрагивания продолжаются — может быть, уже у него в мозгу.

Что-то кружило, вертело, бурлило, словно водопад. Боже, как ему хочется выпить! Он опустил котенка на пол и выплеснул воду, почти не видя, куда льет, а только слышал шум. Неприятнее всего было теперь взять намокший предмет в руку, оттащить его в дальний конец гаража, бросить там в мусорный бак и захлопнуть крышку. Поставив ведро на место, он поспешил назад, в дом, к ванной, по ходу везде зажигая свет. Тщательно вымыл руки — воду пустил такую горячую, которую только могла вытерпеть кожа.

Что это он стал таким брезгливым? Раньше подобного за собой не замечал. В голове творилось нечто незнакомое, накатывала какая-то темнота, и его всего словно кружило в гигантском водовороте.

Впрочем, спал он действительно мало, а уход Уны, похоже, оказал более сильное воздействие, чем он предполагал. Так что там насчет выпивки?

Он подошел к бару. Звук булькавшего по кусочкам льда виски показался ему невыносимо громким. Тронен прошел

со стаканом к своему стулу. Он с такой силой сжимал стакан, что рука дрожала, льдинки бились друг о друга, а жидкость едва не выплескивалась через край. Вкус напитка показался ему неприятным и он испытал приступ безумного страха оттого, что виски попадет не в то горло и он захлебнется. «А может, зря я в свое время выступал против марихуаны, — подумал он. — Тоже расслабляет, и не жидкая»...

Пронзительно зазвонил телефон — он вздрогнул. Стакан выскользнул из пальцев, виски выплеснулись на ковер, за кусочками льда потянулись тоненькие ручейки влаги. Уна? Споткнувшись и едва не упав, он все-таки снял трубку.

— Алло, кто это?

— Это Гарри Куортерс, — проговорил мужской голос. — Привет, Лео, как дела?

Тронен сглотнул слюну и закашлялся. Он как бы говорил по видеофону: перед ним стоял молодой преподаватель, высокий, в очках, в мятой одежде, немного застенчивый, посадывающий трубку и такой мерзкий. Впрочем, видеофон явно барахлил: изображение казалось размытым, словно камень, лежащий на дне бурного потока.

— Лео, что-то не так?

Интересно, была ли эта участливость в голосе настоящей. Едва ли.

— Нет, ничего. — Лео удалось побороть подступивший спазм.

— Извини, я могу поговорить с Уной?

Загрохотал водопад.

— А зачем она тебе?

Явно обескураженный столь резким ответом, Куортерс даже стал заикаться:

— Ну..., ну, я хотел рассказать ей о книге, которую на прошлой неделе отыскал в городе... Она только что вышла, и я подумал, что Уне для работы было бы интересно...

— Ее нет дома, — отрезал Тронен. — Уехала погостить. Надолго.

— О..., — удивление в голосе Куортерса явно свидетельствовало о том, что он рассчитывал быть посвященным в ее планы. — Можно узнать, куда именно? И на сколько?

Тронен старался сохранить самообладание, он просто цеплялся за него, подобно потерпевшему кораблекрушение, ухватившемуся за обломок мачты.

— К родственникам. На несколько дней.

— А..., — и после паузы: — Слушай, раз уж мы оба осиротели, почему бы нам не провести вечер вместе? Я бы хотел пригласить тебя на обед. Один лишь Бог знает, сколько раз я пользовался твоим гостеприимством.

«Гостеприимством Уны», — подумал Тронен.

— Нет, я занят. Спасибо, — ответил он и с силой бросил трубку на рычаг.

Потом он на мгновение задумался, почему все-таки отверг это приглашение. Компания бы ему не помешала, более того, могла оказаться весьма полезной. Да и Куортерс был отнюдь не плохим парнем. В беседах он касался не только любимой Уной египтологии, но мог поговорить о политике, спорте, что гораздо больше интересовало Лео; причем если политика для Гарри всегда оставалась второстепенным делом, то по части спорта преуспел он гораздо больше, в средней школе играл подающим в бейсбол, да и сейчас время от времени принимал участие в молодежных матчах. Возможно, он действительно был влюблен в Уну, однако в практических действиях это никак не выражалось. Да и потом, если бы Тронену удалось достаточно умно вести беседу, возможно, ему бы удалось получить о ней какую-то полезную информацию... Нет, не получится у него умный разговор, когда в голове такой сумбур, когда все летит, кружится, сотрясается. Кроме того, ему была противна сама мысль о том, чтобы снова услышать этот мерзкий булькающий звук набираемого на диске номера...

Может, потом как-нибудь. А сейчас самое время вытереть эту лужу на ковре, пока она окончательно не впиталась. Пить он больше не хотел и на скорую руку приготовил поесть — консервы, разумеется. Ни газеты, ни телевизор его не интересовали, и самое удачное, что пришло ему в голову — это пораньше лечь спать. Но предварительно он принял три таблетки снотворного.

Его сознание словно по спирали опускалось в жидкую темноту. Какое-то время он вздрагивал, сопротивлялся, всплывал на поверхность, стараясь впустить в легкие новую порцию воздуха. Но волны снова и снова накатывали на него, и в конце концов он опустился на самое дно, сокрушенный громадной толщей океана и уже тысячу лет знающий, что давным-давно умер.

Проснувшись от звона будильника, он обнаружил, что пижама вся промокла от пота. Несмотря на это, в душ ему хотелось меньше всего на свете. Спотыкаясь, он вышел из спальни, сознание все еще путалось в клочьях ночного кошмара, и не без труда он сообразил, что помочь сейчас может только солидная порция кофе. Лестница каскадами падала с площадки — опасно: спускаясь вниз, он крепко держался за перила. Наконец добрался до кухни, ступил босыми ногами на холодный линолеум.

— Мяу, — раздалось за дверью, — мяу.

Может, рука его сама потянулась к ручке и повернула ее?

Безжалостный свет хлынул ему навстречу. На крыльце лежал котенок. Намокший мех настолько плотно облегал тело, что сейчас он больше напоминал крысу.

— Нет, — услышал Тронен свой же булькающий голос. — Нет, нет.

Он страшно боялся сойти с ума. Наверное он недостаточно долго держал это чудовище под водой, и вот оно ожило, согретое струившимся сверху теплым воздухом, да и крышку, похоже, неплотно закрыл, и потом, когда стемнело, котенок выкарабкался на поверхность мусора и приполз сюда, пока сам Лео, объятый тревожным сном, метался по постели...

Ну, на сей раз все будет иначе, теперь-то он постарается сделать все как следует.

Он наклонился, подхватил слабо сопротивляющееся создание и изо всех сил ударил его головой о край бетонной опоры. При этом он почувствовал и одновременно услышал характерный хруст. Затем опустил котенка на пол — тот лежал абсолютно недвижимый, лишь из розового носика и между крошечными зубами вытекали две струйки крови. Янтарного цвета глаза остекленели.

Тронен поднялся, шумно дыша и дрожа всем телом.

Но это от возбуждения, гнева, чувства облегчения. Иступления уже больше не было. Рассудок обрел прежнюю остроту и ясность. Катарсис? Да, кажется, это называется катарсис. Как бы там ни было, но теперь он снова свободен.

С радостным чувством он снова отнес тельце к мусорному баку и на сей раз с таким грохотом захлопнул крышку, что, наверное, мог бы разбудить даже Гарри Куортерса, жившего на другом конце города. Он затер кровь и прополоскал губку, испытывая при этом такое чувство, будто вновь обрел нечто, ранее принадлежавшее ему. Нет, он уже не ребенок, думал Лео, стоя под душем, принять который сейчас было одно удовольствие. Против самого котенка он, в общем-то, ничего не имел. Просто тот, как говорится, попал под горячую руку, не под настроение. Смятение чувств, яростная игра подсознательного в мозгу, прочая подобная ерунда превратили это существо в своеобразный символ. Ну, теперь со всем этим покончено. Он будет иметь дело с реальностью, с живыми людьми и теми силами, которые восстали против него. И дальше, о Боже, будут восставать! Кофе ему уже не хотелось. Сердце перекачивало по его жилам возбуждение, смешанное с яростью.

Он вывел машину на улицу. Его всегда раздражала необходимость сбрасывать скорость при въезде в густонаселенные районы, где полиция была начеку. Ну почему ответственный и сознательный гражданин общества, к тому же занимаю-

щийся вопросами, от решения которых зависело благосостояние многих, не имел права установить на крыше своей машины проблесковый фонарь, чтобы расчистить себе путь?

Заводской сторож угрюмо глянул на него. Уж он-то явно в душе симпатизирует механикам в их намерении объявить забастовку. Боже правый, ну как можно им объяснить причины, элементарные экономические соображения, лежащие в основе принимаемых руководством решений? Действительно, в цеху довольно холодно, но ведь они работают там лишь восемь часов (и, кстати, едва ли наработывают на половину этого времени), тогда как его собственный рабочий день часто вообще не имеет конца. И потом, почему бы им не одеться потеплее? Неужели они настолько слепы, чтобы не видеть, что их собственное благополучие тесно связано с процветанием всей компании? Нет, просто на самом деле все совсем не так. Если компания обанкротится, они все равно будут продолжать подпитывать себя, только на этот раз уже в форме получаемого пособия по безработице, которое формируется опять же из его собственных налогов.

Впрочем, менеджмент и капитал тоже не способствуют появлению на свете ангелов во плоти. Зайдя к себе в кабинет, Тронен принялся изучать лежавшие на столе бумаги, при этом яростно, до боли в пальцах стучал кулаком по гладкой поверхности. Что имеет в виду этот Кручек, когда выражает сомнение в качестве их продукции? А чего, черт побери, он вообще ожидал? У Густафсона никаких возражений не было. У Кручека должны быть какие-то свои, личные причины — если только Густафсон не водил его за нос, исходя из определенных соображений, разобраться в которых ему очень хотелось... Или это письмо регионального управляющего с его слегка завуалированными претензиями и требованиями: ну как Тронену отвечать на него, и вообще, сколько задниц надо расцеловать, чтобы хоть как-то пробыть в этой прогнившей системе? Чего же удивляться появлению всех этих радикалов и бунтарей! А власти все осторожничают, хотя давно ясно, что именно надо делать: пальнуть пару раз по всем этим демонстрантам.

Секретарша опоздала почти на час.

— Извините, машина никак не заводилась...

— А вам не пришло в голову взять такси, чтобы не опоздать на работу? Вы как-то заметили, что являетесь лютеранкой, да? Разумеется, как же теперь ожидать от вас протестантской морали в вопросах соблюдения трудовой дисциплины.

Он говорил подчеркнуто спокойно, ровно и в итоге довел ее до слез, вместо того, чтобы просто дать этой глупой корове пару раз по физиономии, чего она явно заслуживала.

В полдень он вызвал к себе управляющего делами. Их давно уже беспокоили акты вандализма малолетних правонарушителей, которых было в избытке в их достаточно изолированном районе: несколько раз кидались камнями по окнам, а совсем недавно написали на стене несколько хулиганских фраз.

— Я полагаю, что в ночное время, а также по праздникам и выходным нам надо усилить охрану территории, — сказал он. — И выдайте им оружие, причем пусть используют его не только как бутафорию.

— Что? — недоуменно спросил тот. — Вы что, шутите?

— Но ведь мы развесили предупредительные объявления. Думаю, если один лоботряс получит пулю в живот, другим неповадно будет развлекаться подобным образом.

— Лео, с вами все в порядке? Но мы же не можем использовать оружие, тем более против подростков, лишь для того, чтобы оградить себя от незначительной порчи. И потом, вы же сами выступали против в прошлый раз, когда мы предлагали соорудить вокруг завода сплошной забор, говорили, что это будет слишком дорого стоить. Вы представляете себе, во что обойдется содержание дополнительной охраны?

Тронен сдался. У него не было выбора. Однако не существовало еще закона, который запрещал бы ему посидеть полчаса и подумать о том, что еще можно сделать.

В дневном выпуске новостей сообщили, что арабы и израильтяне обменялись новой серией ударов, в результате чего вполне возможной стала очередная война между ними. Что ж, подумал он, самое время как можно быстрее вмешаться, поставить этих бедуинов на их искусанные блохами колени и обеспечить себе источники нефти. Русские, конечно, поднимут крик, но не посмеют вмешаться, если мы застигнем их врасплох и будем постоянно держать палец на ядерной кнопке. Ну, а если они настолько безумны, чтобы отчаяться на ответный шаг, все равно мы выиграем, по крайней мере, большинство из нас сможет спастись. А вот они не спасутся.

Середина дня ушла на переговоры с представителями фирмы, заинтересованной в реконструкции их отопительной системы. Несмотря ни на какие доводы, парень не соглашался привести расценки работ хотя бы в некоторое соответствие с предложениями Лео и тем самым объективно подрывал его позиции в компании. Алчный подонок, разумеется, он действует по поручению своих работодателей, однако сейчас Тронену приходилось с максимальной учтивостью смотреть в это жирное, самодовольное лицо, тогда как на самом деле ему больше всего хотелось бы дать ему по носу, а заодно и выбить пару зубов.

С работы он ушел рано. В желудке урчало, как в баке с кислотой, в который бросили цинковую чушку, да и дела совершенно не клеились. Было еще светло, когда он добрался до дома; походившее на кровавый сгусток солнце низко зависло над покрытыми снегом полями, придавая теням домов и деревьев отдаленное сходство с дубинками и клинками. Холод и тишина действовали, как зубная боль. Черт побери, как же пустынно в этом доме! Может, поесть где-нибудь? Но нет, выбрасывать деньги ради какой-то жирной жратвы и паршивого обслуживания?

Лучше расслабиться, хорошенько отдохнуть и провести вечер спокойно. Таблетка несколько ослабила резь в желудке, хотя лучше всего тело и душу успокоит стакан глинтвейна перед пылающим камином. Во всяком случае, он на это надеялся. Ведь приступы беспричинной ярости, когда он был готов наносить удары во что попало, легко могли обернуться и против него же самого. Только еще сердечного приступа ему недоставало! Нет, хотелось, хотелось...

Двигавшаяся с востока темнота быстро накрыла собою бледно-зеленые просторы на западе; он сходил в сарай и принес столько дров, сколько может понадобиться, как ему казалось. С шумом разминая газету, он бросил случайный взгляд на каминную решетку и увидел несколько клочков бумаги с рукописью Уны. С этими проблемами на работе, а потом из-за котенка, он совершенно забыл про ее существование. Оказывается, сгорело не все, сохранились, хотя сильно пожелтели и отчасти даже обуглились, целые страницы. Он машинально потянулся к камину и взял верхний листок. Может, если он процитирует ей какую-нибудь главу или стих, Уна сама поймет, какой ерундой занимается на самом деле — занимается в ущерб ему, хотя как основной добытчик в доме он вправе рассчитывать на внимание с ее стороны.

Он поднес бумагу к лампе, чтобы лучше разобраться в многочисленных правках черновика. На третьей странице говорилось: «...в то время как египетская религия, как и любая другая, своими корнями уходит в примитивные верования, она смогла породить изысканную утонченность, словно сопоставимую с творениями маймонидов или Фомы Аквинского. Монотеизм отнюдь не был изобретением Эхнатона, и у нас есть основания полагать, что он существовал в период правления Пятой династии, хотя по определенным и не до конца установленным причинам его проявление всегда было генотеистичным. Употребление в Книге мертвых множественного числа при упоминании «тел» и «душ» применительно к человеку характеризуется той же сложностью, как и взаимодействие составных элементов Святой Троицы. Даже ка,

имеющее внешнее сходство с идеей, обнаруживаемой в шаманизме и наивных мифологических системах, является скорее плодом пережитых сновидений: даже ка при ближайшем рассмотрении оказывается концепцией такой психологической глубины, что искушенный современник вполне может увидеть за всем этим символ определенной истины, тогда как последователи Юнга вполне серьезно полагают, что это нечто более глубокое, чем простой символизм. Автор не станет вдаваться в дополнительные подробности данной проблемы, однако, будучи последователем Юнга, в дальнейшем будет в своей работе следовать этой форме анализа...»

— Чушь собачья! — Тронен с трудом удержался, чтобы не разорвать листок. Нет, он сам прочитает ей эту писанину, пусть послушает и убедится не только в том, что это сплошная ерунда, но и что пишет она как самый заумный профессор. И уж, конечно, не преминет упомянуть про то влияние, которое оказал на нее бывший ухажер Гарри Куортерс... Он сунул ломкий бумажный листок в брючный карман и продолжал разводить огонь. Остальные записи, конечно же, можно было сжечь.

Совсем скоро в камине заплясали огоньки пламени, отражавшиеся в потемневших стеклах окон — красное на черном. Тронен постоял несколько минут, глядя на огонь, потирая согревающиеся руки, вдыхая аромат дыма. Дневное раздражение улеглось, однако решимость его лишь окрепла. Он еще покажет этому миру, взнуздает его, пришпорит как следует...

Зазвонил телефон.

Ну, что за тварь на сей раз? Он подошел к аппарату, резко снял трубку и рывкнул:

— Да.

Побелевшие пальцы сжались в кулак.

— Лео...

Голос Уны.

— Лео, я собиралась выждать еще некоторое время, но мне стало так одиноко.

Вот он — момент торжества!

— Ну и как, собралась назад? Пожалуй, нам есть о чем поговорить.

Гудящая тишина и затем (он почти видел, как поднимается ее белокурая головка):

— Поговорить. Да, конечно, надо поговорить. Я не считаю, что мы должны что-то утаивать друг от друга, а ты?

— Где ты находишься?

— А зачем тебе это? — Она перестала сопротивляться, голос стал каким-то невнятным. — Я что, слишком рано позвонила? Тебе надо еще время, чтобы... чтобы остыть? Мне

надо еще подумать, что мы станем делать?.. Извини за этот мой натиск, если надо, я подожду. Извини, Лео.

— Я спросил, где я смогу тебя найти, — чуть не по слогам произнес он.

— Я... знаешь, мне так не нравится эта комната, в которой я сейчас нахожусь. Завтра утром съезжаю отсюда, правда, пока не решила, куда именно. Надеялась, конечно, что смогу вернуться домой. Но только не сейчас, если вообще соберусь, хорошо?

— Вот и позвонишь тогда, — отрезал он, — когда тебе будет удобно, — и швырнул трубку на рычаг.

Вот так-то! Пусть теперь на коленях приползет.

Тронен заметил, что его бьет дрожь. От напряжения? Может, еще стакан глинтвейна? Он вынул из бара бутылку бренди и направился к кухне.

Войдя туда, он услышал еле различимое «мяу-мяу».

Бутылка выскользнула из ладони. Он стоял и целую минуту, показавшуюся ему безумно длинной, вслушивался в эти звуки, доносившиеся из ночи.

Наконец его ярость вспыхнула снова, неистово завопила.

— Хватит меня преследовать, слышишь?! Хватит ходить за мной! — Подобно солдату, сжимавшему в руках автомат, он прыгнул к двери и едва не вырвал ручку.

Свет выплеснулся наружу, внутрь хлынули холод и темнота. Котенок лежал в самом конце тонкой полоски крови. Абсолютно неподвижный, только часто и неглубоко дышавший. Однако, схватив его, Лео почувствовал под сломанными ребрами слабые толчки крохотного сердца.

Он с трудом переборол позыв рвоты. Скорее, скорее закончить с этим мерзким существом, раз и навсегда. Он снова вбежал в гостиную. Угольев в камине было еще мало, хотя пламя поднималось высоко, гудело, переливалось разноцветьем. В спешке он даже уронил защитный экран.

— Исчезни! — завопил он и швырнул котенка в огонь.

Животное стонало, ворочалось, пытаясь выползти наружу, хотя шкурка на нем вспыхнула почти мгновенно. Тронен схватил кочергу и со всей силой вжал котенка в угли, буквально пригвоздив его к месту.

— Умри, — чуть ли не нараспев проговорил он, — слышишь, умри, умри, умри!

Кожа покрывалась волдырями, краснела, потом стала чернеть. Глаза лопнули. То, что некогда было котенком, сейчас превратилось в молчаливую, неподвижную массу. От влаги, вытекавшей из тела животного, огонь шипел и медленно угасал. Запах гари и паленого мяса заставил Тронена отступить. Кочергу он держал, как меч-кладенец.

Ну наконец-то сдох, не было его уже. Но ведь задохнуться можно от этой вони. Лео отступил назад в кухню. Ладно, прогорит этот шашлык, можно будет открыть окна и двери и хорошенько все проветрить. А вот и бутылка, которую он выронил...

Сделав несколько больших глотков в сверкающей хромом и пластиком кухне, он подумал, что пора бы и перекусить. Подумал — и тут же почувствовал тошноту. Даже сам не понял, отчего именно. Ну, разумеется, мало удовольствия возиться с... этой мерзкой тварью, но ведь он должен, просто обязан был это сделать. Так что же он не радуется — с этим покончено.

Он сделал еще один большой глоток и почувствовал текущее по пищеводу тепло. Или что, нельзя радоваться таким вещам, так что ли? О нет, он не садист. И потом, ему пришлось натерпеться столько, что любой другой на его месте с ума бы сошел. Ведь если этот котенок был невинным, неразумным созданием, то разве нельзя этого же сказать про гремучую змею или крысу, разносящую повсюду чуму? Их вам убивать можно, и к тому же радоваться при этом, так ведь? В телефильмах про войну солдаты веселились и шутили, бросая свои бомбы, стреляя и сжигая нацистов. Неписанный закон гласил, что нет преступления и нет оснований терзаться муками совести мужу, убившему насильника собственной жены.

Или ее любовника.

Куортерс...

Откуда звонила Уна? Она, конечно, понимала, что прямой разговор засечь нельзя. Насколько он помнил, в прошлый понедельник они поссорились именно из-за того, что он дал соответствующую характеристику Куортерсу. Нет, постойка, он еще раньше принялся ворчать, что она совсем забросила работу по дому, потому что постоянно занята лишь обсуждением своей дурацкой диссертации с любимым учителем. Она тогда не рассердилась на его слова, и это окончательно взбесило Лео, заставило его тщательно подыскивать слова и называть Куортерса лентяем, идиотом, неудачником, который тянет ее за собой вниз и вешает ему, Тронену, камень на шею... Но почему ее так задела слова мужа? И что вообще было между ними?

Черт бы его побрал, думал Тронен, если он нагадил в моем гнезде... А вдруг она позвонила именно от него и по его совету — чтобы он, Лео, продолжал заботиться о ней, тогда как сам Куортерс спокойноенько стоял бы в сторонке и тихо ухмылялся...

Нет, это не могло быть правдой. Не могло быть такое правдой. А если действительно — правда?

Охватившая Тронена ярость отнюдь не походила на гнев, терзавший его днем. Тогда все оставалось в рамках контроля, было вполне законно, сопровождалось попытками понять причину. Теперь же его охватило пламя. Он был не в состоянии вынести эту пытку. И причиной всему был Куортерс. Спал ли он с Уной или нет, это он отравил ее сознание (да, отравил!), что было во много раз хуже чисто телесного соращения. Это было воровство, вторжение в его, Тронена, жизнь. И что же было позволено предпринять для самообороны? У замужней женщины могут быть друзья, так ведь? Даже если эти друзья — вампиры. Закон ей это позволяет. Прошли века с тех пор, когда закон вонзал в сердца вампиров колья и сжигал их.

Развод? Ха! Неважно, что там будет бормотать Уна — сохранила она мне в этот раз верность или нет, — мальчишлюбownik Куортерс потребует раздела имущества и алиментов и права распоряжаться всем этим. Не получится такой план — что ж, пусть Уна продолжает жить в браке, он сможет всегда рассчитывать на ее ласки и полностью контролировать ее сознание. Нет, не жить Лео спокойно, пока Куортерс ходит по этой земле. Как же повезло Куортерсу, что у Тронена не было в доме огнестрельного оружия. Огнестрельного...

Огонь — вот оружие.

Тронен выпил еще немного. Потом около часа сидел, погруженный в раздумья. Нет, его возмездие не должно быть раскрыто. У него хватит ума, чтобы разработать достаточно сложный план. Пылавший в ней огонь должен очистить его жизнь, а не уничтожить ее.

В гараже у него стояла канистра бензина, предназначавшегося для всяких нужд. Куортерс арендовал дом (а что ему, неженатому?!) — маленький, старый, из высохшего дерева, полный книг и всяких бумаг. Любитель проводить отпуск на природе, он отапливал свое помещение довольно примитивной печуркой — Уна как-то рассказывала об этом — и, разумеется, имел запас горючего. Вот и пускай обнаружат эту печурку рядом с его обгоревшим телом: всем покажется вполне естественным объяснение, что Куортерс попросту неправильно обращался с огнем.

Эта идея буквально клокотала в нем.

Впрочем, действовать надо осторожно. Свет он не погасил, оставил включенным телевизор — лишь на мгновение задержался, чтобы кончиком среднего пальца пощупать лежавший в потухшем очаге крошечный комок мяса и костей — и как можно тише вывел машину из гаража. Фары он так и не включил. Если кто позвонит или ненароком зайдет — что ж, поехал за покупками: он и в самом деле зайдет на обратном

пути в магазин и что-нибудь купит. Едва ли кто-нибудь станет замечать точное время, поскольку для окружающих они с Куортерсом всегда были друзьями. (Ага, сам себя перехитрил, башковитый Куортерс?) Ну, а если его отсутствие останется незамеченным, то тогда вообще никаких вопросов не возникнет.

Проехав достаточное расстояние лишь в свете бесчисленных звездных точек над головой, он наконец решил включить фары и так ехал — осторожно, не торопясь — вплоть до самой своей цели. В этом районе, что был явно победнее, дома стояли более скученно, хотя заборы и ограждения из вечнозеленых насаждений и здесь отбрасывали густую тень, так что в свете редких фонарей толком ничего нельзя было разобрать. Остановившись под раскидистой елью, он вынул из машины канистру и направился к нужному ему дому. Пересек небольшую лужайку. Проникавший в горло холод обжигал как пламя; снег под ногами попискивал совсем по-кошачьи.

За окнами горел яркий свет. Если Уна действительно там!..

Быстро подняв взгляд, он разглядел лишь одного Куортерса, развалившегося в кресле наедине с книгой. Отлично. Тронен вошел через заднюю дверь в гараж и вынул из кармана плаща фонарик. В темноте поблескивала огнем портативная печурка. Он подхватил ее той же рукой, которой сжимал ручку канистры с бензином, подошел к главному входу в дом и нажал на еле видневшуюся кнопку звонка. Тихо промяукал колокольчик.

Дверь распахнулась, и тепло окутало его с головы до ног.

— Лео, вот здорово, привет, — проговорил Куортерс. — Что это тебя принесло? — Он удивленно уставился на ношу Тронена, не сразу распознав в ней свою собственную печурку. — Ну, заходи.

Тронен пинком захлопнул дверь за собой.

— Надо кое в чем разобраться — мне и тебе.

Куортерс уставил на него через очки озабоченный взгляд.

— Насколько я понимаю, дело срочное? Речь идет об Уне?

— Да. — Тронен поставил печь на пол, продолжая держать канистру в руках и как-то дергаясь, нервничая, принялся отвинчивать ее крышку. — Она ушла. Это меня беспокоит. Поэтому я и не согласился вчера пойти с тобой. А сейчас мне хотелось бы знать, не располагаешь ли ты какой-то информацией относительно ее местонахождения.

— Боже праведный, ну конечно же, нет. Да что могло случиться-то? И потом, что за чушь ты вообще городишь?

— Значит ты, герой-любовник, так-таки и не знаешь, где она сейчас? — мягко пробормотал Тронен.

Куортерс вспыхнул.

— Ты о чем говоришь-то? Да ты что!.. Ради всего святого, ты намекаешь на то?

— Да.

— Нет! Уна? Да она самый чистый, самый благородный из живущих людей. Лео, ты что, с ума сошел?

Внутренний огонь запылал с новой силой и прорвался наружу. Тронен словно вспомнил, что лишь последний идиот станет попусту тратить время и тем самым предоставлять своему противнику дополнительные возможности для сопротивления. Он снял с канистры крышку и плеснул бензин на Куортерса. Тот издал резкий вопль, отшатнулся назад и стал стряхивать с лица жгучую жидкость. Тронен выплеснул остаток содержимого канистры на пол. Надо успеть покончить со всем этим, пока на крик не сбегутся соседи. Он вынул зажигалку.

— Гори, Куортерс, — проговорил он. — Гори. — Чиркнув колесиком о кремьень и выбив пламя, он пошел на соперника. Лео превосходил его и по весу, и по силе.

— Нет, пожалуйста, не надо! — Куортерс пытался увернуться, однако размеры комнаты не давали возможности для маневра. Тронен же своим телом закрывал отход к двери. Скоро он загонит его в угол. С каким-то подвыванием Тронен шел вперед.

Куортерс схватил со стоявшего рядом с креслом столика большую пепельницу — подарок Уны специально для его трубок, — и с силой бросил ее, словно это был бейсбольный мяч.

Тронен увидел, как отливающий янтарем стеклянный слиток летит к нему, переливаясь и поблескивая, подобно глазам кошки. Пепельница попала в цель: у Тронена вспыхнул перед глазами яркий свет, и он потерял сознание.

Падая, он непроизвольно прикоснулся огоньком зажигалки к разлитому по полу бензину. Резко взметнулось пламя.

Куортерс отважился на героический поступок. Сам облитый бензином, он не сразу бросился наружу. Сначала решил вытащить Тронена. А оказавшись на лужайке на безопасном расстоянии от дома, предупредительно связал маньяку руки и ноги, для чего воспользовался своим ремнем и галстуком. Только после этого он из соседнего дома позвонил в пожарную службу. Впрочем, когда машины прибыли, спасать уже было почти нечего.

Кабинет начальника полиции провинциального городка редко производит внушительное впечатление. Там стоял старый стол, пара расшатанных стульев, шкаф, пол между оштукатуренными стенами покрывал обтрепавшийся, истертый

ковер. В воздухе постоянно висел запах сигарных окурков. Вот только вид, открывавшийся из окна, был поистине чудесным. Оттепель сменили новые заморозки, и сейчас в лучах яркого зимнего солнечного света сосульки на кустах Риверсайд-парка сверкали, как сапфиры.

— ...понимаю ваше беспокойство, мистер Куортерс, — сказал он в телефонную трубку. — Пока нет никакой уверенности. Но доктор Мандельбаум, вы же знаете, это известный психиатр из университета, уже приезжал и осмотрел Тронена. По его словам, случай чрезвычайно редкий, однако он считает, что пациент определенно сошел с ума. Я хочу сказать, он неизлечим. Одержим мыслью об убийстве, никакого проблеска рассудка, должен до конца своих дней содержаться в лечебнице, вроде опасного зверя. — Шеф полиции поморщился. — Все время кричит, требует, чтобы вернулся какой-то котенок и... Сэр, у вас не возникает мысли о том, что все это может значить?.. Вот как, значит, нет.

Полицейский ненадолго умолк.

— Кстати, мистер Куортерс, возможно кое в чем вы нам поможете... Знаете, в кармане брюк Тронена мы нашли какую-то бумажку с записями. Странная писанина о каком-то э... ка, Бог его знает, что это такое. Я подумал, может быть, это даст какую-то зацепку...

А, статья, над которой работала его жена, так вы сказали? Скажите, а не могли бы вы объяснить... ведь что-то наверняка послужило толчком для этого срыва, вы не находите?

Вслушиваясь в трубку, он взял со стола бумагу, повертел ее, произнес:

— Гм-м, да, конечно, спасибо. Только прошу вас, послушайте, правильно ли я понял вашу мысль? Значит, египтяне считали, что у каждого человека несколько душ, причем одна из них, ка, может существовать и бродить где-то совершенно изолированно, обретя облик, скажем, какого-то животного. А потом она может вернуться и разговаривать с ним, когда он окажется в могиле, если только в действительности он в это время не будет уже на небесах... О черт, нет, все-таки сложновато для меня. Значит, получается, что ка было его духовным и нравственным началом. Давайте остановимся на этом — слишком уж все запутано, особенно для такой деревянной башки, как у меня, хорошо?.. Нет, боюсь, мне это ни о чем не говорит. Как вы сказали, все это — лишь научные изыскания миссис Тронен.

Шеф полиции глубоко вздохнул. Живя в этом маленьком городке, он слишком мало знал о его обитателях.

— Да, и еще одна просьба, мистер Куортерс. Как я понял, вы были другом семьи. Когда она узнает, что произошло, не

могли бы вы проявить о ней какую-то заботу? Помочь ей выбраться из всего этого? Да, и как это сказал психиатр — чтобы вы попробовали подсказать ей идею насчет развода. От него сейчас фактически осталось лишь одно тело, а ей надо начинать новую жизнь... О'кей, спасибо, мистер Куортерс. Большое спасибо. До свидания.

Он повесил трубку.

— Извините, — обратился он к сидевшему напротив начальнику пожарной охраны, — что вы говорили, когда он позвонил?

Пожарный пожал плечами.

— Да в общем-то, ничего особенного. Просто мы самым тщательным образом обследовали пепелище — дело-то действительно сенсационное по нашим масштабам, — однако не нашли ничего, что позволило бы усомниться в рассказе Куортерса.

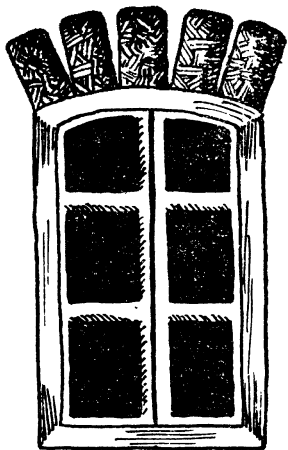
— Может, кости? — неожиданно спросил шеф полиции.

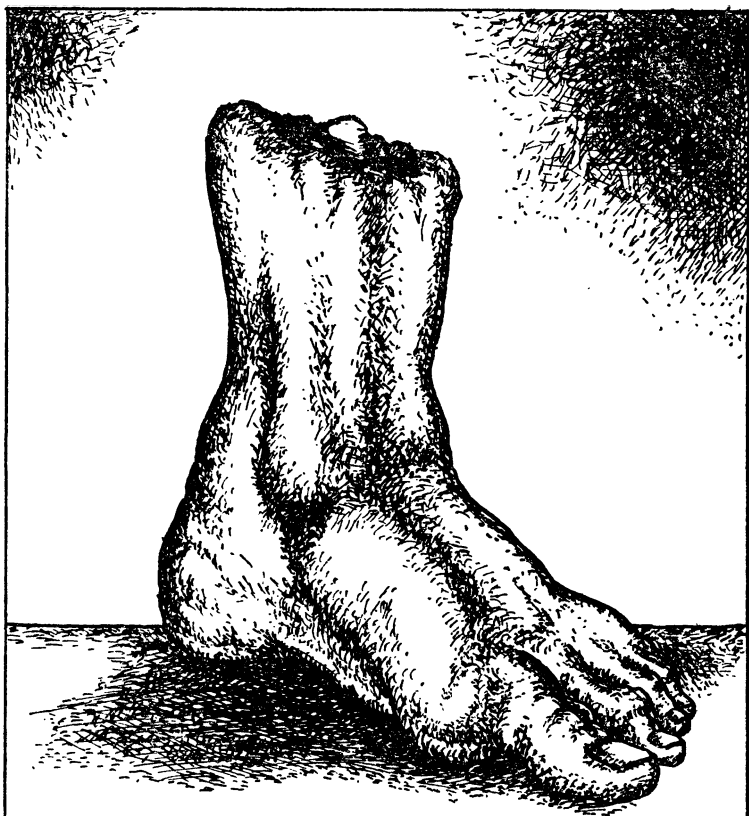
— Что? — Пожарный уставился на него. — Да, на кухне в пепле лежали куриные кости. А что здесь такого? — Возникла пауза и ему захотелось ее как-то заполнить. — Люди часто не понимают, как трудно сжечь дотла тело человека или животного. В крематориях используется жар, намного превосходящий тот, что возникает в обычных печках или каминах, но и там приходится останки костей дробить потом механическим способом. Вы знали об этом, Боб?

— Да.

— А чего же спрашивали?

— Даже и не знаю... Пожалуй, Тронен попросту свихнулся. — Шеф полиции посмотрел в окно. — Слушая его бред, я почему-то подумал, что, возможно, мы найдем какие-то улики в камине — я имею в виду дом Тронена. Но там оказались лишь обгорелые поленья да пепел от бумаги. И больше ничего.

Трязные
ноги

ПОЧИТАТЕЛЬ УЛИТОК

Патриция Хайсмит

Когда мистер Питер Кнопперт еще только начинал увлекаться наблюдением за улитками, он даже не мог подозревать, что горстка принадлежащих ему особей так быстро вырастет до сотен экземпляров. Спустя всего лишь два месяца с того момента, когда он принес в дом первых улиток, около тридцати разных резервуаров, баков и других кишаших улитками емкостей выстроились вдоль стен его кабинета, на письменном столе, на подоконнике и просто на полу. Миссис Кнопперт крайне неодобрительно относилась ко всему этому, а с некоторых пор вообще отказалась переступать порог комнаты. — Они дурно пахнут, — говорила она. Кроме того, женщина чувствовала, что никогда не сможет забыть того ужасного ощущения, охватившего ее, когда однажды она случайно наступила на улитку. Но чем больше жена и друзья осуждали его необычное и довольно отталкивающее увлечение, тем, казалось, большее удовольствие находил в нем сам мистер Кнопперт. — Раньше я был совершенно равнодушен к природе, — говаривал мистер Кнопперт. Он был одним из партнеров в брокерской фирме и всю жизнь посвятил миру финансов, — но улитки открыли мне глаза на красоту животного мира.

Когда его друзья замечали, что улитки не вполне животные, а их скользкие обиталища вряд ли могут быть отнесены к лучшим образцам красот природы, мистер Кнопперт с улыбкой превосходства заявлял, что им просто неизвестно все то, что он сам знает о них.

И это было правдой. Мистер Кнопперт стал свидетелем зрелища, не описанного, — во всяком случае, не описанного полностью — ни в одной энциклопедии или книги по зоологии, которые ему удалось разыскать. Как-то вечером мистер Кнопперт заглянул на кухню, чтобы чего-нибудь перекусить перед ужином, и обратил внимание на пару улиток в фарфоровой чаше, стоявшей на разделочном столике. Поведение их показалось ему весьма странным. Они покачивались друг перед другом, почти стоя на своих хвостах и забыв про все на свете, подобно паре змей, замороженных флейтой заклинателя. Мгновение спустя их крохотные мордочки соединились, словно в сладострастном поцелуе. Мистер Кнопперт, наклонившись, разглядывал их со всех сторон. Происходило и еще

что-то: с правой стороны головки каждой из улиток появился похожий на ухо отросток, и чутье подсказало наблюдателю, что он стал свидетелем некой сексуальной активности.

Вошла служанка и начала что-то говорить, однако мистер КнопPERT нетерпеливым взмахом руки прервал ее. Он не мог оторвать глаз от чаши с маленькими околдованными созданиями.

Когда похожие на ушки наросты точнейшим образом соединились, прильнув ободок к ободку, из одного ушка выско-чил маленький, похожий на щупальце, белый стерженек, который изогнулся в сторону аналогичного органа другой улитки. Первая догадка мистера КнопPERTа не подтвердилась, когда такой же отросток выскользнул и из ушка другой улитки. Весьма любопытно, подумал он. Оба отростка спря-тались, затем появились снова и, как бы достигнув невидимой границы, остановились. Мистер КнопPERT вгляделся еще при-стальнее. То же сделала и служанка.

— Вы когда-нибудь видели нечто подобное? — спросил мистер КнопPERT.

— Нет. Дерутся, должно быть. .. — равнодушно ответила служанка и вышла.

Впоследствии ему еще не раз предстояло столкнуться с проявлением невежества в области знаний об улитках.

Мистер КнопPERT продолжал наблюдать за тем, как пара улиток в течение часа смыкалась и снова расходилась, пока сначала ушки, а затем и щупальца не втянулись внутрь головок. Сами же улитки при этом полностью успокоились и перестали обращать внимание друг на друга. Однако к этому моменту уже другая пара улиток начала любовную игру и медленно подготавливалась к тому, чтобы занять позицию для поцелуя. Мистер КнопPERT сказал служанке, что сегодня на ужин подавать улиток не нужно. Он забрал чашу с ними к себе в кабинет. С тех пор улитки никогда не появлялись на обеденном столе в доме КнопPERTа.

Этим вечером он перерыл все энциклопедии и книги по естественным наукам, которые смог найти в доме, но в них не было ни слова о процессе размножения улиток, тогда как скучный и монотонный цикл воспроизводства устриц описывался во всех деталях. В конце концов через пару дней мистер КнопPERT пришел к выводу, что увиденное им вовсе не было ритуалом спаривания. Его жена Эдна заявила, чтобы он или ел улитки, или выбросил их, — как раз тогда она и наступила на одну из них, выползшую на пол. Наверное, мистер КнопPERT так бы и поступил, если бы не наткнулся на одно рассуждение в дарвиновском «Происхождении видов» в разделе, посвященном моллюскам.

Фраза была на Французском языке, которого Кнопперт не знал, но одно слово заставило его насторожиться, как ищейку, неожиданно взявшую след. В тот момент он находился в библиотеке и принялся старательно переводить фразу при помощи англо-французского словаря. В рассуждении оказалось менее сотни слов, и смысл его сводился к тому, что в брачном поведении улиток проявляется чувственность, не обнаруженная более нигде в животном царстве. И все. Это была выдержка из дневников Анри Фарба. Очевидно, Дарвин умышленно не стал переводить эту фразу для среднего читателя, оставив ее на языке оригинала для тех немногих ученых, которых она действительно могла заинтересовать. Теперь мистер Кнопперт стал считать себя одним из таких, и его круглое лицо озарила самодовольная улыбка.

Он узнал, что его улитки относились к пресноводным и откладывали яйца в песок или в землю, поэтому он положил в большой таз влажную землю, поставил блюдце воды и пересадил туда своих питомцев. Затем он стал ждать, что же будет дальше. Однако брачного поведения больше не отмечалось. Одну за другой он вынимал улиток и внимательно рассматривал их, не обнаруживая при этом ничего, что свидетельствовало бы о предстоящем появлении потомства. Но одну из улиток он не смог приподнять ее раковина прочно приклеилась к земле. Мистер Кнопперт подозревал, что улитка спрятала головку в землю, чтобы умереть.

Прошло еще два дня, а на утро третьего мистер Кнопперт обнаружил там, где была улитка, пятнышко взрыхленной земли. Сгорая от любопытства, он покопал в этом месте спичкой и к своему восхищению обнаружил ямку, полную новеньких лоснящихся яиц.

Мистер Кнопперт позвал жену и служанку посмотреть на них. Яйца были похожи на крупнозернистую икру, только белого цвета.

— Ну и что? Ничего особенного, должны же они как-то размножаться, — прокомментировала увиденное жена.

Такого отсутствия интереса с ее стороны мистер Кнопперт понять не мог. Сам он, когда бывал дома, чуть ли не через каждый час стремился взглянуть на яйца. Он рассматривал их по утрам, пытаясь определить, не произошли ли какие-нибудь изменения, и с мыслью о яйцах вечерами ложился спать. Вот еще одна улитка выкопала свою ямку. И еще одна пара совокупляется! Первая кладка яиц приобрела сероватую окраску, и с одной стороны каждого яйца стали различимыми узорные спирали раковин. Нетерпеливое ожидание мистера Кнопперта, достигло своего предела. Наконец, однажды ут-

ром — согласно скрупулезным подсчетам мистера Кнопперта это было восемнадцатое утро после откладывания яиц — он заглянул в ямку и увидел первую малюсенькую движущуюся головку, первую маленько антенну, опасливо исследовавшую свое гнездышко. Мистер Кнопперт почувствовал себя счастливым отцом. Столь же чудесным образом ожило каждое из семидесяти или более яиц. Итак, он увидел полный цикл воспроизводства, доведенный до успешного завершения, а тот факт, что ни один человек, — по крайней мере, — ни один известный ему человек, — не обладал даже крупицей открывшегося ему знания, придавал этому знанию волнующий трепет открытия, острую пикантность посвященности в тайну. Мистер Кнопперт вел записи, фиксируя последовательность спариваний и откладываний яиц. Он рассказывал о жизни улиток своим восхищенным, а чаще шокированным гостям и друзьям, пока его жена не начинала ерзать от смущения.

— Ну когда же это кончится, Питер? Если они и дальше будут размножаться такими темпами, то скоро заполонят весь дом! — говорила она ему после того, как вылупились улитки из пятнадцатой или двадцатой кладки.

— Природу нельзя остановить, — отвечал он, добродушно посмеиваясь. — Пока они заняли только кабинет, а комнат у нас полно.

Все новые и новые стеклянные баки и емкости появлялись в кабинете. Мистер Кнопперт сходил на рынок и выбрал несколько чрезвычайно живых на вид улиток, а также двух незаметно спаривающихся особей. Все больше и больше кладок появлялось на грязных донышках тазов и стеклянных емкостей, и из каждой кладки вылуплялось в конце концов от семидесяти до девяноста новорожденных улиток, прозрачных, как капельки росы.

Они скользили по стеблям салата, которые мистер Кнопперт тут же подставлял к каждой ямке в качестве съедобных лестниц для ползания. Спаривания происходили теперь уже столь часто, что он больше не стремился наблюдать за ними. Брачное поведение могло продолжаться круглые сутки. Однако возбуждение и трепет, охватывавшие его при наблюдении за тем, как белые икринки превращались в раковины и начинали двигаться, ничуть не ослабевали, как бы часто ни приходилось ему быть свидетелем этого зрелища.

Его коллеги по брокерской фирме заметили, что у Питера Кнопперта появился новый вкус к жизни. Он стал более смелым и решительным в своих действиях, более виртуозным в расчетах, даже в чем-то более безжалостным и постоянно приносил деньги своей фирме. В результате тайного голосо-

вания на правлении его оклад был повышен с сорока до шестидесяти тысяч в год. Когда все кругом поздравляли его с успехами, мистер Кнопперт склонен был считать это заслугой своих улиток и того благотворного состояния расслабленности, которое он испытывал, наблюдая за ними.

Все вечера он теперь проводил со своими питомцами: его комнату уже нельзя было назвать кабинетом, поскольку она скорее походила на некое подобие аквариума. Ему нравилось насыпать емкости листочками свежего салата, кусочками вареного картофеля и свеклы, затем включать разбрызгиватели, которые он подсоединил к резервуарам с улитками, чтобы воспроизводить природный дождик. После этого все животные приходили в возбуждение, начинали есть, совокупляться или просто с явным удовольствием ползать в мелкой воде. Мистер Кнопперт часто позволял улитке вскарабкаться на свой указательный палец — ему казалось, что та наслаждается подобным контактом с человеком, и часто кормил улиток листком салата прямо из рук, со всех сторон рассматривая создания и испытывая от этого не меньшее эстетическое наслаждение, чем иным людям приносит созерцание японских гравюр.

Теперь мистер Кнопперт уже никому не позволял заходить в свой кабинет: слишком много улиток приобрели привычку ползать по полу, спать, прилепившись к сиденью кресла и к корешкам книг на полках. На сон у улиток уходило много времени, особенно у тех, что постарше. Однако немало было и не столь пассивных особей, предпочитавших заниматься любовью. Мистер Кнопперт как-то подсчитал, что в каждый конкретный момент времени примерно дюжина пар сливается в поцелуе. И, разумеется, было множество новорожденных и совсем молодых улиток. Подсчитать их было просто невозможно. Но зато мистер Кнопперт сосчитал улиток, которые спали на потолке и ползали по нему: их оказалось где-то от одиннадцати до двенадцати сотен. В резервуарах, а также на нижних поверхностях стола и книжных полок находилось еще, по крайней мере, в пятьдесят раз больше. Мистер Кнопперт собирался как-нибудь однажды соскрести улиток с потолка: некоторые из них сидели там уже по нескольку недель, и он беспокоился, что они не получают достаточного питания. Однако последнее время он был очень занят и потому часто нуждался в отдыхе, который получал, просто сидя в своем любимом кресле.

Весь июнь он был завален работой, часто допоздна засиживался в офисе: к концу финансового года возрастало число всевозможных отчетов и докладов. Он сделал массу расчетов, сумев при этом обнаружить с полдюжины возможностей пол-

учить хорошую прибыль, и приберег наиболее смелые и нетривиальные варианты для своих частных операций. Через год, думал он, его состояние должно возрасти в три, а то и в четыре раза. Он видел, что счет в банке растет так же гладко и стремительно, как и его улитки. Он сказал об этом жене, и та была вне себя от радости. Она даже простила ему безнадежно разрушенный кабинет и тяжелый «рыбный» запах, пропитавший весь второй этаж дома.

— И все-таки я хочу, чтобы ты заглянул туда, Питер. Нужно проверить, не случилось ли чего, — сказала она ему однажды утром с явной тревогой в голосе. — Бак может перевернуться или еще что-нибудь произойдет, а мне бы не хотелось, чтобы испачкался ковер. Ты уже почти неделю не был в кабинете, так ведь?

На самом деле мистер Кнопперт не был в своем кабинете уже почти две недели. Он не сказал жене, что ковер уже безнадежно испорчен и от него мало что осталось. «Завтра загляну туда», — решил он про себя.

Однако прошло еще три дня, прежде чем он сумел выбрать время. Как-то вечером перед сном он зашел в кабинет и был крайне удивлен тем, что весь пол покрыт тремя или четырьмя слоями улиток. Нельзя было закрыть дверь без риска раздавить какую-нибудь из них. Плотные нагромождения в углах комнаты создавали ощущение, что она совершенно круглая, словно он стоял внутри какого-то огромного массивного камня. Мистер Кнопперт щелкал суставами пальцев и изумленно озирался. Улитки покрыли все имеющиеся поверхности, а тысячи их даже свисали с люстры в виде громадной нелепой грозди.

Чтобы обрести опору, мистер Кнопперт потянулся к спинке кресла, ощутив под рукой множество раковин. Он не смог сдержать легкую усмешку: забравшись друг на друга, улитки образовали на кресле комковатую подушку. С потолком действительно нужно было что-то делать, причем немедленно. Он взял из угла зонтик, стряхнул с него несколько улиток и расчистил место на столе, чтобы встать. Кончик зонта разорвал обои, и сразу же под весом налипших на него улиток длинный кусок бумаги свесился почти до пола. Мистер Кнопперт неожиданно почувствовал сильнейшую досаду и гнев. Разбрызгиватели должны были заставить их двигаться. Он потянул рукоятку на себя. Во всех баках заработали моторы, и комнату мгновенно охватила бурная активность. Скользя ногами по полу между падающих и стучащих подобно морской гальке раковин, мистер Кнопперт направил пару разбрызгивателей на потолок. И сразу понял, что совершил ошибку. Намокшая бумага начала рваться, и с трудом увер-

нувшись от одной падающей грозди, он тут же получил сильнейший удар по голове от другой колышущейся гирлянды улиток. Ошеломленный, он упал на одно колено. «Нужно открыть окно, — подумал он, — иначе здесь можно задохнуться». Улитки скользили по его ботинкам, лезли вверх по брюкам, и он раздраженно пытался стряхнуть их с себя. Как только он сделал шаг по направлению к двери, чтобы позвать кого-нибудь из прислуги на помощь, на него упала люстра. Мистер Кнопперт тяжело осел на пол. Теперь он видел, что вряд ли сможет открыть окно, поскольку улитки плотным слоем облепили весь подоконник. На мгновение он почувствовал, что не может встать и задыхается. Дело было не только в затхлом воздухе комнаты, но и в свисающих отовсюду кусках обоев, которые загораживали свет и создавали ощущение тюрьмы.

— Эдна! — позвал он и поразился глухому, сдавленному звучанию своего голоса. Комната не пропускала никаких звуков.

Он пополз к двери, уже совершенно не обращая внимания на массу улиток, которых давил руками и коленями. Открыть дверь он не смог: на ней налипла такая масса улиток, пересекавших дверную щель во всех направлениях, что они сводили на нет все его усилия.

— Эдна!

Улитка заползла ему в рот, и он с отвращением выплюнул ее. Мистер Кнопперт пытался было стряхнуть улиток со своих рук, но вместо каждой сотни, от которой ему удавалось избавиться, на него заползали, казалось, сотни четыре других и вновь облепляли его. Они словно специально стремились к нему, как к единственной относительно свободной от их же собратьев поверхности. Теперь улитки ползли даже по глазам. Затем, как только он попытался встать на ноги, что-то вновь ударило его — мистер Кнопперт даже не смог разобратъ, что это было. Он терял сознание. Так или иначе, но он вновь оказался на полу. Руки его были налиты свинцовой тяжестью, когда он попытался поднести их к ноздрям и глазам, чтобы освободиться от смертельно запечатавающих его улиточьих тел.

— Помогите! Он проглотил улитку. Давясь от удушья, широко раскрыл рот, судорожно хватая воздух, и почувствовал, как улитка переползла через его губу на язык. Это был сущий ад! Он чувствовал, как они скользят по ногам, перетекая через них тяжелой и клейкой рекой и приковывая его ноги к полу. Дыхание мистера Кнопперта стало конвульсивным, взор заволокла мгла, ужасающая своей волнообразной чернотой. Он уже совершенно не мог дышать, потому что был

не в силах освободить свои ноздри, не мог дотянуться до них, вообще не мог пошевелиться.

И тут сквозь едва приоткрытое веко он увидел прямо перед собой каучуковое растение, которое стояло в кадке рядом с дверью. Пара улиток занималась на нем любовью. А совсем рядом с ним малюсенькие улиточки, чистые, как капельки, росы вылуплялись из яиц и, подобно несметной армии, вступали в свой все более расширяющийся мир.

НЕ ЖЕНИТЕСЬ НА ВЕДЬМАХ

К.Б.Гилфорд

Том Партейн был сущим дьяволом в отношениях с женщинами. Он будто для того и родился на свет, чтобы заниматься любовью. И если успех в этом деле можно определять талантом, то Том, несомненно, был талантлив, что сулило ему в равной степени или преуспевание и богатство, или кучу неприятностей.

Том был высоким, широкоплечим, стройным парнем с большими и сильными руками. По-мужски твердые и резкие черты лица вместе с густыми светлокаштановыми волосами, непослушными прядями спадающими на лоб, как у мальчишки, придавали ему особое очарование.

Женщины так и льнули к нему. Они толпами вились в его магазине, и в этом не было ничего удивительного, ибо во всем мире большую часть покупателей составляют именно женщины. А в магазине «Партейн Эмпориум» для них было приготовлено все, что ни пожелается.

Многие задавались вопросом — что заставило Тома Партейна при его внешности и таланте, о которых мы уже упомянули, стать всего-навсего владельцем магазина? Все обстояло довольно банально. Первая причина заключалась в том, что Том получил это заведение в наследство от своего дяди, таким образом, одна из главных проблем — чем зарабатывать на жизнь, решалась для Тома как бы сама собой. Вторая причина была еще проще. Тут сыграли роль характер Тома, а точнее, его любовь к женщинам. Он прекрасно понимал, что никакая другая профессия не дает человеку возможность шесть дней в неделю непрерывно общаться с особами противоположного пола.

Итак, Том процветал. Большой выбор товаров позволял женщинам посещать его магазин так часто и оставаться там так долго, как им бы того хотелось. Словом, магазин всегда был полон женщин. Ожидая, пока он их обслужит, они задавали вопросы, болтали между собой, хихикали, стараясь привлечь к себе внимание владельца магазина. Эту идиллию нарушало лишь одно обстоятельство — у Тома Партейна была жена. Звали ее Мэг. У нее было приличное состояние, и она не была дурнушкой. Правда, иначе бы он на ней не же-

нился. Очевидцы рассказывали, что во время венчания Том выглядел довольно странно. Можно было подумать, что он выпил лишнего. Иногда он не отказывал себе в этом удовольствии. А может быть, так подействовали на него чары Мэг. Во всяком случае, не так выглядит на собственной свадьбе счастливый жених.

У Мэг были огненно-рыжие волосы, но она была довольно холодной женщиной. И не очень крепко держала Тома на привязи. Она прекрасно знала о флиртах в «Эмпориуме», но считала, что это идет на пользу делу. Поэтому ничуть не беспокоилась, вполне довольствуясь своим положением законной супруги.

Так продолжалось до тех пор, пока не появилась Одри Мэнс. Вообще-то она ниоткуда не появлялась. Она просто подросла, эта неуклюжая девчонка, жившая по соседству. Она частенько заходила в «Эмпориум» за покупками, изредка застенчиво обменивалась несколькими словами с Томом и, без сомнения, была в него по уши влюблена. И вдруг в один прекрасный день, как по мановению волшебной палочки, Одри превратилась в прелестную женщину, с блестящими черными волосами, гладкой нежной кожей и дивной фигуркой, лучше которой Тому видеть не доводилось.

Одри хотела, чтобы Том принадлежал ей полностью. Ее не удовлетворяли ни шутливые разговоры в торговом зале, ни страстные поцелуи в задней комнате. Том перестал замечать других покупательниц, для него существовала одна Одри, он не сводил с нее восхищенных глаз, и вскоре всем стало ясно, что вот-вот что-то случится. Быть может, беда. Только Том пребывал в блаженном неведении. Он всегда любил женщин, но не очень хорошо понимал их. И, естественно, никак не связывал с женскими кознями появление в магазине крысы.

Хотя сам по себе факт насторожил его. Станным было уже то, что это была одна-единственная крыса. И почему-то Тому казалось, что она не случайно забрела именно в его магазин. Поначалу он был озадачен, а вскоре и не на шутку обеспокоен. Нормальной крысе нечего было делать в его магазине, здесь не было ничего съестного — Том не торговал продуктами. Но крыса, между тем, пришла, причем среди бела дня, уселась посреди торгового зала и уставилась на Тома. Он был так поражен ее наглостью, что даже не предпринял попытки убить ее. Он почувствовал, что слабый холодок пробежал вдоль спины — это было похоже на страх. Крыса казалась необычной. Наверное, дело было в ее окраске: она была огненно-рыжей, и это напоминало Тому о... Однако он старался отогнать от себя нелепые мысли.

Когда крыса появилась в магазине впервые, они с Томом довольно долго, замерев, неотрывно глядели друг на друга, пока ее не спугнул звонок у входной двери. Это была миссис Харрингтон, она чуть не час выбирала пару туфель, и все это время Том замирал от страха. Он представлял себе, что будет, если миссис Харрингтон увидит крысу, и вполне отдавал себе отчет в том, что эта одна-единственная крыса может разорить его. Ведь его прелестные покупательницы больше всего на свете боятся именно крыс.

Том с ужасом думал о том, что если по городу пройдет слух, будто в «Эмпориуме» появилась крыса, ничто не поможет ему заманить в магазин покупательниц — ни любовь к нему женщин, ни его умение обращаться с ними. И тогда конец его бизнесу и всем удовольствиям, сопровождавшим его.

Однако миссис Харрингтон в конце концов благополучно покинула магазин. Том поискал глазами крысу, но ее нигде не было. Тогда Том стал уговаривать себя, что зря так разволновался — эта тварь, по-видимому, поняла, что здесь ей нечем поживиться и убралась восвояси.

В полдень, во время ленча, когда в магазине никого не было, к Тому забежала Одри Мэнс. Он стоял к ней спиной, а она, тихонько подкравшись сзади и привстав на цыпочки, слегка укусила его за правое ухо.

— Одри! — радостно воскликнул он и обнял ее, но тут же быстро огляделся вокруг и сказал, отстранив от себя девушку. — Мы не должны это делать здесь.

Тому самому было странно, что, стоя рядом с любимой, он вспомнил об этой проклятой крысе. Одри взглянула на него с недоумением.

— Но, Том, здесь же никого нет.

И она подарила ему долгий и страстный поцелуй.

— О, Том, я так люблю тебя, — сказала она, и ее черные глаза засияли от счастья. — У меня дыхание перехватывает, когда ты меня обнимаешь. А как ты меня ласкаешь и целуешь... Том, когда ты меня целуешь... Я больше не могу сдерживать себя, я вся твоя.

Вдруг выражение ее лица резко изменилось. Губы задрожали, она широко раскрыла глаза и в ужасе закричала:

— Крыса!

Том оглянулся через плечо. Крыса сидела на полке у него за спиной, обнажив маленькие острые зубы и сверкая черными глазками. Том схватил с прилавка стеклянное пресс-папье, со всего размаха швырнул в крысу и не промахнулся. Крыса запищала и побежала по полке, волоча правую переднюю лапу. Том и Одри, словно загипнотизированные, на-

блюдали за ней, пока она не спряталась за рулонами с тканью. Том волне мог бы залезть на стремянку и убить крысу голыми руками, но Одри все еще дрожала и всхлипывала. Поэтому он схватил ее за руку, потащил в заднюю комнату и закрыл дверь, оставив крысу в торговом зале. Одри не могла успокоиться даже в его объятиях. Теперь Том воочию убедился, что страшнее крыс для женщины ничего нет. С хорошенького личика Одри исчез румянец, а глаза метались по сторонам, как у сумасшедшей.

— Откуда взялась эта крыса? — спросила она шепотом.

— Я не знаю, у меня раньше никогда не было крыс.

— Пожалуйста, Том, я очень прошу тебя, постарайся избавиться от нее.

— Я постараюсь, постараюсь. Не волнуйся.

— Какой кошмар! Я так боюсь!

— Ну, в общем-то, ничего страшного.,

Он покрыл поцелуями ее бледное лицо.

— Крысы не нападают на людей. Успокойся, — добавил он и тут же пожалел, что произнес эти слова.

Откуда ему знать, на что способна крыса, если она не боится людей. А эта крыса была явно не из трусливых.

— Забудь о крысе. Я сделаю так, чтобы ты ее больше не видела, — убеждал Том девушку, но она никак не могла успокоиться и забыться в объятиях Тома.

— Нет, все же это не обычная крыса, — снова заговорила Одри.

Она уже перестала плакать, но в ее глазах застыл испуг.

— Что ты имеешь в виду?

— Она заколдованная, вот что.

«Да, подумал Том, такое может придумать только перепуганная до смерти женщина». Он снова попытался успокоить ее единственным доступным ему способом, но на сей раз она на позволила даже прикоснуться к себе. Тогда он попробовал отвлечь ее какими-то безделушками, но и это не помогло. Наконец, Одри ушла, и впервые после ухода любимой Том испытал облегчение.

Он вернулся в торговый зал и принялся искать крысу, осторожно передвигая товары на полках, заглядывая во все темные углы. Однако крысы нигде не было.

Возвращаясь вечером домой, Том с надеждой думал о том, что раненая крыса навсегда покинула его магазин и больше ему не придется гоняться за непрошеной гостьей. Он успокоился настолько, что даже выпил с друзьями пару пинт эля.

Вернувшись домой, он позвал Мэг, чтобы, как обычно, поцеловать ее, и вот тут пережил самое большое потрясение в своей жизни.

— Ты поранила руку, Мэг, — вскрикнул он, увидев, что ее правая рука забинтована, — Что случилось?

Он подошел поближе, но она остановила его.

— О, ничего страшного, — сказала она, пряча руку за спину.

Он выжидающе смотрел на нее. Она поняла, что должна что-то объяснить.

— Я полезла в шкаф за фруктами, и на меня свалился стеклянный кувшин.

«Стеклянный кувшин, стеклянное пресс-папье», — мелькнуло у Тома.

— Когда это случилось?

— Когда я... готовила себе ленч.

Значит, около полудня! В это время обычно к нему в магазин приходит Одри.

Том абсолютно не был склонен к мистическому восприятию мира, и слова Одри о том, что крыса заколдованная, приписал исключительно женской фантазии. И вдруг это странное совпадение. Выходило, что Мэг была одновременно в двух местах. Дома готовила себе ленч в своем обычном облике и в то же самое время, обернувшись крысой, подсматривала за ним и Одри в магазине. Том уже почти не сомневался, что это было именно так. Значит, он женат на ведьме.

В тот вечер Том старался не глядеть на Мэг и все время думал о случившемся. В его магазине появилась рыжая крыса, которая подсматривала за ним, когда он целовал Одри Мэнс, и если так можно сказать про крысу, была явно расстроена. На самом же деле это Мэг была расстроена. Недаром же все, что случилось с крысой, случилось и с Мэг. Вот и получается, что крыса — это Мэг, а Мэг — это крыса.

С этого момента Том думал лишь об одном. Он не желал, чтобы в его магазине были крысы, и для него не имело значения, обыкновенные ли это крысы или заколдованные, с рыжей шерстью. Он должен уничтожить эту крысу. У него нет выбора. Всю ночь Том думал о том, как осуществить свое намерение. Утром он встал раньше обычного и поспешил в магазин. Крысы нигде не было. Он подождал немного, но она так и не появилась. Однако Том не хотел терять время даром и приступил к делу. Первое, самое простое, что он сделал, — разложил по углам отравленную пищу. Ведь даже заколдованная крыса может проголодаться. Затем он достал ружье и пистолет и положил их так, чтобы в нужный момент они оказались под рукой. Кроме того, расставил по разным местам щетки, швабры, палки и, наконец, решил позаимствовать у Макферсонов их кота Фиделиса. Однако это последнее мероприятие кончилось полным провалом. Когда он принес в

магазин Фиделиса, огромного свирепого вида черного кота, тот выгнул спину и шипя направился к прилавку с товарами для кухни. Но сделав несколько осторожных шагов, он вздрогнул и остановился. Шерсть поднялась дыбом, он пронзительно мяукнул и выпрыгнул из дверей магазина на улицу. В этот момент Том Партейн понял, что ни один кот на свете никогда не поймает эту крысу.

— Но я должен избавиться от нее, — вслух произнес он.

Целую неделю Том пытался поймать крысу, но все его усилия были тщетны: отравленная еда оставалась нетронутой, ружья лежали наготове, он был готов прострелить стену в своем магазине, но крыса не появлялась, хотя Том ничуть не сомневался, что она все еще где-то здесь, в магазине. Он проводил бесконечные часы в напряженном ожидании, прислушиваясь к каждому шороху. Но за все это время в «Эмпориум» ни разу не зашла Одри. Том чувствовал себя одиноко, ему было обидно, что Одри этого не чувствует. Тем не менее он не искал встреч с ней ни на улице, ни у нее дома. Он боялся скандала, прекрасно понимая, что скандал может повредить его делу. Так же, как крыса, неожиданно поселившаяся в магазине.

Поэтому Том набрался терпения и ждал. Ровно через неделю он услышал тихий стук в дверь задней комнаты. Он бросился открывать, точно зная, что так могла постучать только Одри. Влюбленные кинулись в объятия друг другу.

— Том, — прошептала Одри, — Я так по тебе скучала.

— И я тоже, — признался он, покрывая поцелуями ее лицо и шею.

Они пробыли вместе довольно долго, и их ни разу не потревожил звонок у входной двери магазина.

Наконец, Одри спросила:

— Ты избавился от нее?

— От кого? — переспросил Том, сделав вид, что не понял.

— От крысы.

— Не знаю, — ответил он неопределенно.

Одри, почувствовав, что он пытается ее обмануть, взволнованно заговорила:

— О, Том, ты должен от нее избавиться! Ты понимаешь, почему, правда? Ответь мне — ты понимаешь?

Он отрицательно покачал головой.

— Она хочет укусить меня!

— Ну что ты, Одри, с чего ты взяла?

— Особенно мое лицо!

Том снова покачал головой, он даже слушать не желал такие ужасные вещи. Но от слов Одри знакомый уже холодок пробежал у него по спине. Конечно, он должен успокоить девушку, но что он может сказать ей? Что?

— Ну, что ты, Одри! Кому может взбрести в голову — кусать такое прекрасное личико. Только целовать, — неловко пошутил он и хотел поцеловать ее.

Но Одри отшатнулась.

— Ну, как ты не понимаешь? Она хочет изуродовать меня! Разорвать в кровавые клочья своими острыми зубами — чтобы ты никогда больше не взглянул на меня. Том, — трясла она его, — да это же твоя жена заколдовала эту крысу и подослала сюда. Она хочет вернуть тебя, а для этого ей нужно избавиться от меня.

Том все прекрасно понимал сам. Конечно, Мэг всегда прекрасно знала о его слабости к хорошеньким женщинам. В конце концов, это могло надоесть ей, а в случае с Одри он зашел слишком далеко. И не исключено, что Мэг хочет избавиться от соперницы таким страшным способом. Скорее всего, Одри права. Она не знает только одного — что это не просто крыса, заколдованная Мэг, а сама Мэг. Этого он бедной девушке говорить не стал, она и так перепугалась до смерти.

— Так ты не убил ее? — настаивала она.

— Я пытался это сделать. Все, что мог, перепробовал: яд, кота, оружие приготовил. Всю неделю я высматривал ее и прислушивался к каждому звуку. Но она ни разу не появилась. Может быть, ушла отсюда, — не очень уверенно добавил он.

Одри в отчаянии покачала головой.

— Нет, Том, она здесь! Она и сейчас смотрит на нас из укрытия: я ощущаю ее.

Том почувствовал, что она вся задрожала, и стал беспокойно оглядываться.

— Я не хочу, чтобы она меня изуродовала! Не хочу! Я боюсь... Мы больше не сможем встречаться, Том...

Тут она вскрикнула, как в тот раз, когда впервые увидела крысу, лицо ее исказила гримаса ужаса. Не в силах выговорить ни слова, она показывала пальцем куда-то в темноту за его спиной. Том резко обернулся и успел разглядеть рыжую крысу, прошмыгнувшую из угла в угол и скрывшуюся за каким-то бочонком.

Том ринулся за ней, готовый схватить эту тварь голыми руками. Он с остервенением расшвырял все бочонки и коробки, но крысы не было. Он в отчаянии обернулся:

— Одри!

Но дверь была распахнута настежь. Одри убежала, и он не стал ее догонять. Ему нечем было утешить ее.

Том остался один на один со своей проблемой. Ему все было ясно: пока жива эта крыса, он не сможет видеться с Одри. Она убежала и не вернется, пока он не обеспечит ей полную безопасность.

Впервые в своей жизни Том Партейн серьезно и надолго задумался. Вообще он не отличался большим умом и знал, что не за это нравятся женщинам. Кроме того, Том никогда еще не попадал в столь отчаянные обстоятельства. Желание выбраться из этой ситуации без потерь обострило его ум. Он проанализировал свои предшествующие шаги и пришел к выводу, что все делал неправильно. Теперь он знал, как должен поступить, и вместе с надеждой ощутил небывалый прилив энергии.

Покупателей в магазине не было, но если бы они и были, он выпроводил бы их под каким-нибудь благовидным предлогом. Заперев на ключ все двери в магазине, он приступил к сборам. Нашел на складе мешок, веревку, еще раз внимательно осмотрел все углы. Крысы не было видно, но они ни на миг не усомнились, что она где-то здесь, поблизости, притаилась между бочонками, ящиками, стеллажами. Ему даже казалось, что он чувствует на себе ее удивленный взгляд — куда это он собрался с таким снаряжением в столь раннее время дня и что у него на уме?

Он решительно направился к выходу, но около двери остановился и оглянулся.

— Ну, рыжая, — прошептал он, злобно улыбаясь, — берегись! Подожди немного и ты узнаешь, кто такой Том Партейн.

Том повесил на входную дверь магазина табличку: «Магазин закрыт» и пошел по главной улице города с мешком на плече, не думая о том, что кто-то может увидеть его. Затем он свернул направо, прошел дворами к полю, пересек его и углубился в лес.

Теперь он превратился в охотника. Ступая медленно и бесшумно, он весь обратился в слух, а глаза хищно высматривали добычу. Том долго бродил по лесу, уже солнце закатилось за вершины деревьев, а он все искал, уверенный в успехе. Вдруг от остановился и улыбнулся. Затаив дыхание, сделал еще несколько осторожных шагов, потом стремительно бросился вперед. Тому не сразу удалось запихнуть свою добычу в мешок, но все же он справился с этой задачей и быстро затянул мешок веревкой.

Возвращался Том окольным путем, минуя центр города. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь видел, как он в темноте с мешком за спиной, будто вор, пробирается в «Эмпориум». Открыв дверь, он бесшумно проскользнул в магазин, не зажигая света, развязал веревку и вытряхнул содержимое мешка на пол. Потом быстро выбежал на улицу. Здесь он остановился и улыбнулся, довольный собой. Он прислушался к тому, что творится за дверью, но оттуда не доносилось ни звука.

Однако это ничуть не смутило его. Он развернулся и весело зашагал домой.

Тома ничуть не удивило, что Мэг не оказалось дома. Ее не было ни на кухне, ни в комнатах, и вообще не было никаких следов ее пребывания. Чтобы окончательно убедиться в этом, Том тщательно обследовал все комнаты и даже заглянул в темный двор. Он тихонько, так, чтобы не услышали соседи, звал Мэг. Но ответа не было. Мэг исчезла. Испарилась, как будто ее никогда и не было...

Больше Том не мог сдерживать своих чувств. Радость победы переполняла его. Он добился желаемого. Он свободен. Он выскочил на улицу и вприпрыжку, пританцовывая и кружась, быстро направился к «Эмпориуму». Перед дверью его охватило такое волнение, что он никак не мог попасть ключом в замочную скважину. Войдя в магазин, он торопливо включил свет и почти сразу же споткнулся. Еще не глядя, он понял, что это. Она была длиной не меньше 7 футов, толщиной с его руку и тускло поблескивала переливами черного цвета.

Почувяв опасность, змея угрожающе вскинула голову, и ее раздвоенный красный язычок быстро задвигался туда-сюда. Это было довольно страшное зрелище, и Том подумал: «Хорошо, что Одри не видит этого». Сам же он смотрел на змею почти с нежностью — где-то в середине ее тела была заметна выпуклость, не слишком большая, но вполне достаточная, чтобы там могла поместиться крыса.

Вскоре весь город облетела весть об исчезновении Мэг Партейн. Происшествие взбудоражило всех, судачили, строили различные предположения. Но никто не знал, что же произошло на самом деле, даже Том мог лишь предполагать. В конце концов сошлись на том, что Мэг просто устала от бесконечных флиртов Тома и однажды ночью сбежала.

Конечно, Том изо всех сил старался изображать человека, потрясенного тяжелой утратой. Однако довольно скоро все заметили, что он начал оправляться от своего горя и уже в открытую ухаживал за Одри Мэнс. Это была довольно скандальная история, Но Том был хорошим парнем, в городе его любили, поэтому он по-прежнему успешно торговал в своем «Эмпориуме». А когда судебное разбирательство по делу об исчезновении Мэг Партейн за неимением каких-либо доказательств, не признавшее Мэг мертвой, все же дало Тому разрешение на развод, он тут же воспользовался этим и женился на Одри Мэнс.

Одри, как и Мэг, все время проводила дома, счастливая уже тем, что стала его законной женой. Том же несколько не изменился под влиянием всех предшествующих событий и продолжал свою любимую игру с особами женского пола,

целыми днями толпившимися в «Эмпориуме». Это была легкая, безопасная игра, но было совершенно очевидно, что рано или поздно вновь появится та, особенная, из-за которой он будет готов на все.

Ее звали Эллен Харди. Совсем юная, светловолосая и очень застенчивая девушка влюбилась в Тома без памяти. И в этом не было ничего удивительного. В том числе и для Тома. Поэтому он очень обрадовался, когда однажды она зашла в «Эмпориум» в полдень. В это время в магазине обычно бывало пусто, и Том сразу разгадал ее хитрость.

— Мистер Партейн, — начала она, заливаясь румянцем от смущения.

— Привет, Эллен.

— Мистер Партейн... я давно уже приглядывала вот эту нитку жемчуга. Можно мне ее померить? Я хочу посмотреть, идет ли она мне.

— Ну, конечно, Эллен. Почему бы и нет? Я помогу вам, — заговорил Том, возбужденно. — Знаете ли вы, Эллен Харди, что у вас самая хорошенькая, самая беленькая, самая мягкая шейка из всех, что я когда-либо видел...

Он наклонился, чтобы поцеловать ее в шею, но девушка вскрикнула. Ее глаза с ужасом смотрели в одну точку. Вздвигнув от какого-то страшного предчувствия, Том обернулся и увидел огромную черную блестящую змею, выползшую из-за коробок.

— Эллен, подожди, — окликнул Том, но девушка уже выбежала из магазина.

Он не стал догонять ее, вместо этого внимательно посмотрел на змею — маленькие сердитые глазки, невольное покачивание черных блестящих колец...

— Одри! — внезапно вскрикнул он.

Затем вышел из магазина и больше никто и никогда не видел Тома Партейна.

НЕКРОЛОГ

Пол Теридьон

Репортеру Бартоломью Шрайберу и редактору А.Т.Ропсу на роду было написано не поладить друг с другом. Я был заведующим отделом городских новостей и достаточно хорошо знал обоих: они были, как химические реактивы, безвредные порознь, но опасные вместе.

Шрайбер, специализировавшийся на общих новостях, был крупным, даже переросшим парнем, вечно хнычущим. Весьма развитый физически, он никак не мог похвастать, что достиг таких же высот развития в социальном отношении.

Временами мне удавалось добиться от него поистине выдающихся результатов, особенно когда я взывал к его чувству гордости. В конце концов, он был выпускником Йельского университета и считал свою профессиональную подготовку образцовой. Однако достижения его носили весьма непостоянный характер, хотя пару раз он оказывался на волосок от Пулитцеровской премии.

Газета наша средних масштабов, в редакционном штате, кроме меня, было четыре человека: три размахивающих ножницами редактора и возглавляющий их ответственный редактор отдела новостей, призванный оттачивать наши публикации — как собственные, так и полученные от других агентств, а также придумывать для них заголовки. Все шло в общем-то довольно неплохо вплоть до тех пор, пока один из редакторов не ушел на пенсию, поддавшись на скудные перспективы пенсионной программы нашего издателя.

В то время газеты закрывались одна за другой, так что нам было из кого выбирать, и в итоге выбор пал на Ропса, который ранее редактировал статьи в нескольких престижных ежедневных газетах и был до мозга костей выпускником Гарварда. Мы обращались к нему весьма фамильярно — А.Т., поскольку, как стало ясно из его личного дела, эти инициалы являлись попросту неким кодовым сокращением, которым наградили сына его эксцентричные родители, не признававшие обычных имен.

Это был сухощавый, хрупкий человек с неукротимой гривой волос, кустистыми бровями и совершенно дикими усами, закрывающими весь рот и большую часть подбородка. Он относился к языку, как к некоей кружевной ткани, и был

готов биться насмерть со всеми коварными происками авторов языковых искажений и приверженцев жаргонных словечек.

Когда Ропс влился в наш коллектив, он принес на работу свои ножницы. Подобных мне в жизни не приходилось видеть. Сорок пять сантиметров в длину, никелированные, выкованные из золингеновской стали. В ящичке Ропса на самом краю подковообразного редакционного стола лежал специальный брусочек, и каждое утро, прежде чем приступить к работе, он мастерскими движениями проводил им по режущей части лезвий.

Одной из стародавних традиций нашей редакции было то, что каждый автор, подготовивший статью, наклеивал ее на длинную бумажную простыню. Когда я передавал публикацию ответственному редактору отдела новостей, то всякий раз замечал, с каким нетерпением Ропс ожидал, когда же она окажется перед ним. Одной рукой он угрожающе размахивал своими громадными ножницами, подбрасывая в воздух бумажные обрезки, тогда как другая, вооруженная мягким химическим карандашом, яростно металась по рукописи, напоминая движения маэстро, дирижировавшего оркестром в сияющем концертном зале.

Когда Ропс первый раз орудовал над статьей Шрайбера, это вылилось в стычку между ними, которой суждено было вскоре перерасти в тотальную войну. Сюжет — кстати, отнюдь не из лучших в творчестве Шрайбера — представлял собой довольно слезливую зарисовку о слепой девочке, которая жила в маленькой деревушке неподалеку от города. Односельчане решили сброситься, чтобы отвезти ребенка к чародеям одной из известных клиник, где, как они надеялись, должно было произойти чудодейственное исцеление.

Шрайбер с опаской взирал на валик своей старенькой пишущей машинки, когда Ропс принял из рук ответственного редактора его статью.

— Ага! — воскликнул Ропс, и его маленькие черные глаза прямо-таки засияли в предвкушении корявой фразы. — «Общее единогласие мнений», да? — Его карандаш вычеркнул все, кроме «единогласия», чем заметно облегчил это тяжело-весное предложение. — «прижала куклу к своей левой груди»? — Карандаш исправил все таким образом, что девочка прижала куклу к левой стороне своей груди. Потом он покачал головой и пробормотал: — Бред какой-то! — и засверкал ножницами, отчего Шрайбер схватился за живот. Еще один неуместный абзац полетел в мусорную корзину, подобно тому, как отбрасывается в хирургический бикс отрезанный аппендикс.

Затем Ропс склонился над рукописью, его карандаш за-

дергался, заметался, заскользил по ней и, наконец, остановился.

— Ага! — снова воскликнул Ропс и похлопал отредактированное произведение.

Небрежным почерком он надписал ироничный заголовок, весьма подходивший к содержанию статьи.

После этого, как позднее писали газеты, наше здание буквально вздрогнуло, и то же самое произошло со Шрайбером. Когда помощник редактора передал ему его рукопись, репортер взглянул на свою усеченную до девяти строк мелкого шрифта публикацию и побледнел.

Он резко шагнул к столу Ропса. Тот явно пребывал в блаженном настроении от хорошо выполненной работы.

— Мерзкий мясник! — выкрикнул Шрайбер.

— Продажный писака! — парировал Ропс, беря ножницы на изготовку.

— Гарвардский змей! — продолжал Шрайбер, сжимая свои пухлые кулаки.

— Йельская скотина! — не уступал малышка.

Не вмешайся мы с ответственным редактором, неизбежная трагедия не заставила бы себя долго ждать. Лично я считаю, что статья Шрайбера от хирургического вмешательства Ропса лишь выиграла, но репортера приводило в ярость то садистское ликование, с которым редактор расправлялся с его творением.

Спустя некоторое время я обнаружил, что этот конфликт возымел и определенные позитивные последствия. Шрайбер стал явно усерднее относиться к своим служебным обязанностям. Прежде чем передавать статью редакторам, он просматривал ее на предмет поиска неточных выражений, грамматических и пунктуационных ошибок.

Что же касается Ропса, то его стремление к редакторскому совершенству явно вдохновило и других наших редакторов, возобновивших свою извечную борьбу с репортерами.

Трагедия разразилась именно в тот момент, когда и я, и ответственный редактор отдела новостей сидели в нашем за-трапезном, неказистого вида баре и попивали утренний кофе. Как потом мне рассказывали очевидцы, Шрайбер вынул из своего письменного стола коротенькую заметку, над текстом которой он старательно работал несколько недель и которую неизменно прятал при появлении любого из нас.

Все замерли, когда он вышел из-за стола и, держа статью в руках, подошел к Ропсу.

— Посмотрим, как ты покромсаешь это, — воинственно проговорил он, тогда как улыбающийся Ропс взял статью, в предвкушении уже щелкая ножницами.

Прочитав, Ропс перестал улыбаться и, держа ножницы как ружье в строевой стойке, повернулся к Шрайберу, а тот выхватил револьвер и в упор выстрелил в маленького человечка.

Охваченный яростью, Ропс успел вскочить со стула и с ножницами наперевес броситься на репортера. — Длинные лезвия пронзили сердце Швайбера, и два неприятеля рухнули на пол.

Кто же вышел победителем в этой трагической битве? Возможно, ответ на этот вопрос кроется в слабой улыбке, застывшей на губах Шрайбера, когда он ничком лежал на полу, пронзенный ножницами, оскпившими бесчисленное множество представителей его творческого братства.

А в руке Ропса был зажат лист с лаконичным сообщением: «А. Т. Ропс, сорока девяти лет, редактор газеты «Горн», был застрелен сегодня в половине одиннадцатого утра в редакционном офисе. Его убийца — репортер Бартоломью Шрайбер, сорока двух лет, в свою очередь был насмерть заколот редактором».

Заметка Шрайбера, к которой ответственный редактор отдела новостей подобрал соответствующий заголовок, прошла без каких-либо правок.

ЭЙ, ВЫ, ТАМ, ВНИЗУ!

Гарольд Рольсет

Кэлвин Спендер выпил чашку кофе, вытер рот тыльной стороной ладони и громко рыгнул. Вынув из кармана трубку, он набил ее крупно нарезанным табаком, зажег спичку о стол, шумно затянулся и выпустил изо рта клубы едкого дыма.

Дора Спендер сидела за столом напротив мужа, но почти ничего не ела. Когда он закурил, она тихо спросила:

— Ты сегодня будешь копать колодец, Кэлвин? — Он зло взглянул на нее маленькими красными глазками и недовольно пробурчал:

— Нечего задавать глупые вопросы. Живо принимайся за свои дела. И не вздумай опоздать к яме. — Кэлвин начал кашлять, кадык судорожно ходил под красными складками кожи. Не произнеся больше ни слова, он вышел из кухни, с силой пнув ногой рыжего кота, лежавшего на пороге.

Глядя ему вслед, Дора в тысячный раз подумала, что он мучительно напоминает ей какое-то животное. Вот только какое, она никак не могла понять. Порой ей казалось, что, как только она разгадает эту загадку, ей сразу станет легче жить.

Дора с тоской подумала о том, что сегодня снова будет надрываться, вытаскивая из ямы тяжеленные бадьи, наполненные землей. И если в колодце не появится, наконец, вода, то ничто не спасет ее от этой изнурительной и постылой работы. Из окна дома она наблюдала за Кэлвином, который, копошился возле ямы, вырытой на полпути между домом и сараем. Не дай ей Бог упустить тот момент, когда снизу раздастся приглушенный крик, означающий, что он уже наполнил бадью, — ей здорово достанется от него за опоздание.

Кэлвин подошел к краю колодца, поднялся на окружающую ее земляную насыпь и с отвращением посмотрел вниз. Только необходимость заставляла его спускаться в эту отвратительную сырую яму. У него не было выбора. Две недели назад высох его колодец, и с тех пор ежедневно он таскается за полмилю от дома на ферму Норда Фишера и возит оттуда все, чтобы напоить своих коров. Ему осточертело это дело, но еще больше злили гнусные намеки Норда, что не мешало бы, дескать, хоть сколько-нибудь заплатить за воду.

Кэлвин прикинул, что выкопал уже около пятидесяти или шестидесяти футов, это обычная глубина многих колодцев в округе, и он очень надеялся, что в яме вот-вот появится вода. Выбив трубку, он пробормотал проклятья и полез по веревочной лестнице вниз. Увидев это, Дора поспешила к яме.

Все шло, как обычно, воды в яме не было, и Доре лишь оставалось ждать той минуты, когда она поднимет десятую бадью. Будучи женщиной глубоко религиозной, она не позволяла себе надоедать Богу и потому решила молиться над каждой десятой бадьей, не чаще. А чтобы Богу не наскучили ее молитвы, она всякий раз меняла слова.

В это утро она зашептала:

— О, Господи, молю тебя, пусть что-нибудь случится. Пусть хоть что-нибудь случится, чтобы мне не пришлось больше надрываться...

Она не закончила еще свою молитву, как услышала дикий вопль, донесшийся снизу.

Испуганная Дора подползла к краю ямы и стала вглядываться в темноту. Ничего не разглядев, она окликнула Кэлвина:

— Кэлвин, у тебя все в порядке? — В этот момент он буквально вылетел из ямы. Дора не сразу узнала его. Обычно красное, будто обожженное лицо Кэлвина было сейчас желтовато-зеленым. Он весь дрожал и с трудом переводил дух.

«Наверное, это сердечный приступ», — подумала Дора, едва удерживая охватившую ее радость.

Однако Кэлвин довольно быстро пришел в себя и, вопреки своему обыкновению, заговорил с ней:

— Ты знаешь, что случилось? — спросил он дрожащим голосом. — Знаешь, что случилось там, внизу? Дно колодца вдруг провалилось, и я повис в воздухе, ухватившись за последнюю ступеньку лестницы... У ямы огромная глубина... Не меньше тысячи футов. А может, она бездонна...

Кэлвин продолжал бормотать что-то, но Дора его не слушала. Она была потрясена тем, что ее молитва дошла до Бога. Если яма действительно бездонна, то ей не придется больше таскать эти проклятые бадьи.

Кэлвин между тем подполз к краю ямы и свесился вниз.

— Что ты собираешься делать, Кэлвин? — робко спросила Дора.

— Я собираюсь выяснить, какая у нее глубина. Принеси фонарь из кухни. Когда она вернулась с фонарем, Кэлвин ждал ее, держа в руках большой моток шпагата. Он зажег фонарь, привязал его к концу шпагата и начал опускать в

яму. Он опускал фонарь все ниже и ниже, пока свет не исчез совсем, а огромный моток шпагата превратился в маленький клубок.

— Почти тысяча футов, — прошептал он с ужасом. — А дна еще нет. Можно поднимать фонарь.

Он потянул шпагат на себя, но тот не поддавался, будто зацепился за что-то. Кэлвин резко дернул его, и тут же, словно в ответ на это движение, снизу тоже дернули и с такой силой, что чуть не вырвали моток из его рук.

— Эй! — завопил Кэлвин. — Веревку... кто-то дернул!

— Но Кэлвин... — запротестовала Дора.

— Что, Кэлвин, Кэлвин, — передразнил он. — Говорю тебе, на том конце что-то есть.

Он потянул еще раз, и снова шпагат с силой дернулся вниз. Кэлвин привязал конец шпагата к столбу и уселся на землю. — Чушь какая-то, — принялся он размышлять вслух. — Что может быть под землей на глубине в тысячу футов? Чтобы проверить себя, он снова дернул шпагат, но ответного рывка не последовало. Кэлвин начал осторожно поднимать его. Вместо фонаря он вытянул из ямы небольшой белый мешочек, похожий на кожаный. Дрожащими руками он вытряхнул из него небольшой, но увесистый желтый слиток и сложенный вчетверо кусок пергаментной бумаги. Кэлвин достал из кармана складной нож и поцарапал металл концом лезвия.

— Золото, — сказал он прерывающимся голосом. — Должно быть, целый фунт... Л всего лишь за один паршивый фонарь. У них там, внизу, наверное, не все дома.

Он сунул слиток в карман и развернул клочок пергаментной бумаги. Одна ее сторона была покрыта мелкими письменами. Кэлвин вертел ее в руках и так, и эдак, но, ничего не разобрав, бросил пергамент на землю.

— Иностранцы, — сказал он. — Не удивительно, что они ничего не смыслят. Ясно одно — им нужны фонари.

— Но, Кэлвин, — возразила Дора. — Как они могли туда попасть? В этом районе нет никаких шахт.

Он посмотрел на нее с презрением:

— Ты что, никогда не слышала о секретных правительственных программах? Наверное, это одна из них. Я сейчас же еду в город за фонарями, раз они им так нужны. А ты присматривай за ямой и близко никого к ней не подпускай.

Кэлвин сел в свой издававший виды пикап и через минуту уже отъехал от дома.

«Все это довольно странно — подумала Дора. — Если это секретная правительственная программа, как сказал

Кэлвин, то почему в ней участвуют иностранцы и почему им так нужны фонари; что они платят за один целый состав?

Дора подобрала с земли клочок пергамента, который выбросил Кэлвин, но тоже ничего не смогла разобрать. Она подумала, что эти люди просто не знают, что здесь, наверху, говорят по-английски, и решила написать им записку. Она пошла в дом за карандашом и бумагой и, случайно найдя в столе Кэлвина маленький потрепанный словарь, обрадовалась. Дело в том, что она была не очень сильна в орфографии, а ей хотелось, чтобы в записке не было ошибок. Дора задала им всего несколько вопросов: кто они? что делают внизу? почему так много заплатили за старый фонарь? Пока она писала, ей пришло в голову, что, возможно, люди там, внизу, хотя и есть.

Она завернула в чистое кухонное полотенце буханку хлеба и большой кусок ветчины, затем, подумав, приписала еще несколько слов — что больше ей нечем их угостить и что на всякий случай она посылает им словарь.

Прошло довольно много времени, прежде чем Дора почувствовала, что натяжение шпагата ослабло. Это означало, что бадья, наконец, достигла дна ямы. Она подождала несколько минут, затем слегка потянула шпагат на себя. Однако внизу его довольно крепко держали. Дора села на землю и стала ждать. Солнце грело ей спину, и она наслаждалась тем, что сидит просто так, без дела. И никуда не спешит. И не боится, что вот-вот вернется Кэлвин. Она знала, что раз уж он попал в город, то непременно будет ходить из бара в бар, пока окончательно не потеряет счет времени. Во всяком случае, она несколько не удивится, если он вернется только к утру.

Посидев в полной расслабленности около получаса, Дора снова: потянула шпагат, но он не поддавался. Она снова опустилась на землю и вытянула ноги — не слишком часто ей выпадали часы такого покоя. Обычно, уезжая в город, Кэлвин оставлял множество поручений, да еще грозил побить ее, если она не управится со всеми делами к его возвращению.

Когда Дора снова потянула шпагат, в ответ его резко дернули вниз, и она поняла, что может поднимать бадью. Бадья была тяжелее, чем когда она ее опускала, ей даже пришлось два раза передохнуть, пока она вытащила ее наверх.

— О, господи, — пробормотала Дора, увидев около дюжины золотых слитков. — Наверное, они там здорово проголодались.

Сверху на слитках лежал кусок пергамента, но на сей раз

вместо непонятных знаков она увидела английские буквы, причем точно копирующие шрифт словаря.

Дора медленно прочитала записку вслух: «С помощью допотопной кодовой книги, посланной вами, нашим ученым удалось расшифровать ваш примитивный язык. Нам очень важно знать, как вы решили проблему жизни при смертоносном свете? Раньше только легенды рассказывали нам о существовании расы, живущей на поверхности земли, но теперь и аппаратура зафиксировала наличие смертоносного света через появившееся над нами отверстие. Прибор со смертоносным лучом, который попал к нам, показывает, на сколь низком уровне развития находится ваша раса. Он представляет для нас интерес лишь как свидетельство материальной культуры другой расы. Золото мы послали просто из любезности. Теперь о пище. То, что вы называете хлеб, не годится для нашей пищеварительной системы. А вот ветчина изумительна. Полагаем, что это плоть какого-то существа, и мы готовы щедро заплатить за подобную пищу. Немедленно пришлите еще! А также пошлите краткую историю вашей расы и устройте нам встречу с вашими лучшими учеными, какие уж они есть.

Глар, правитель».

— Боже мой, — сказала Дора. — Как они любят командовать. Я еще подумаю, посылать ли им что-нибудь. Во всяком случае, не ветчину, а то Кэлвин узнает, и мне здорово достанется от него. Дора зарыла золотые слитки в клумбе с петуниями. Она была так поглощена своими мыслями, что не сразу обратила внимание на шум мотора промчавшейся мимо дома машины, и только услышав истошное кудахтанье, поняла, что случилось. В отчаянии она выбежала на шоссе и увидела четырех белых легторнов, лежавших на дороге. Она обмерла от страха — теперь Кэлвин изобьет ее до потери сознания. Дора стала лихорадочно соображать, как бы сделать так, чтобы он ничего не заметил. И ее осенило — надо просто избавиться от тушек. Тогда он, может быть, подумает, что их съела лиса. Через некоторое время она опустила в яму бадью с четырьмя почищенными и разделанными курами. Прошел еще примерно час. Дора подергала шпагат, и снизу немедленно ответили. На сей раз у Доры даже закружилась голова от напряжения — такой тяжелой была бадья. И не мудрено: в ней оказалось несколько дюжин золотых слитков и короткая записка.

«Благодаря кодовой книге нам удалось устано вить, что плоть, которую вы нам послали, принадлежит существам, на вашем языке именуемым курами. Это превосходная пища! В знак одобрения посылаем вам дополнительную плату. Одна-

ко, как нам удалось установить, есть большие существа, подобные курам, именуемые индейками. Немедленно пришлите нам индейку! Я повторяю — немедленно пришлите нам индейку.»

«Боже мой, — подумала Дора. — Они, кажется, съели этих кур сырыми. Какие странные люди! Сколько можно командовать? Да и где я им возьму индейку?»

Кэлвин вернулся, как она и предполагала, на следующий день утром. Глаза его были налиты кровью, лицо покрыто багровыми пятнами, а кожа на шее обвисла еще больше. Глядя на эти складки, она снова подумала: «Боже мой, на кого же он похож?»

Когда Кэлвин вышел из машины, Дора сжалась от страха. Но он был слишком озабочен и не обращал на нее никакого внимания. Угрюмо осмотрев яму, он вернулся к машине, подогнал ее к самому краю и выгрузил из нее лебедку и барабан со стальным тросом.

— Дай мне что-нибудь поесть, — приказал он Доре. Она поспешила в дом и стала жарить яичницу с ветчиной. Кэлвин в это время возился возле ямы. Приготовив еду, Дора вышла во двор и окликнула его:

— Завтрак готов, Келвин.

— Заткнись, — ответил он, не оглянувшись. Он уже укрепил и подключил лебедку и теперь вытаскивал из машины коробки с фонарями.

— Тут их целая сотня, — бормотал он себе под нос. — Пятьдесят пять центов за штуку. Пустяки... На один слиток золота можно купить тысячи...

Он включил лебедку, и коробки с фонарями поползли вниз. Дора в страхе попятилась от ямы, она подумала, что сейчас произойдет что-то ужасное: ведь тем людям внизу совсем не нужны фонари.

Довольно скоро трос ослаб, и Кэлвин выключил лебедку.

— Я думаю, за час они успеют нагрузить золото, — сказал он и пошел на кухню завтракать. Дора была в состоянии шока. Она думала о том, что произойдет через час: Кэлвин вытащит из ямы свои никому не нужные фонари впридачу с оскорбительной запиской на английском языке. Возможно, в записке будет что-нибудь и о том золоте, которое она спрятала от него, и тогда он, скорее всего, убьет ее.

Время тянулось мучительно долго. Наконец, Кэлвин взглянул на часы и вышел из дома. Какая-то сила заставила Дору следовать за ним. Кэлвин включил лебедку, и на его лице застыла довольная ухмылка. Однако на смену ей пришло выражение полного недоумения, когда ящик оказался

наверху. Кэлвин подпрыгивал возле ящика, издавая монотонные нечленораздельные звуки. Затем вывалил все содержимое на землю, и Дора увидела грудку разбитых фонарей. Он стал с яростью расшвыривать их во все стороны. Один, с прикрепленной запиской, упал к ногам Доры.

Кэлвин подбежал к яме и закричал:

— Вы, там, внизу! Вы — жалкие свиньи, вы еще пожалеете, я до вас доберусь, я.., я...

Он бросился к дому, а Дора поспешно подобрала записку.

«Вы еще глупее, чем мы думали, — прочитала она. Мы уже писали вам, что ваши дурацкие смертоносные лучи не нужны нам. Мы хотим индейку! Немедленно пришлите нам индейку!

Глар, правитель».

Она едва успела скомкать записку, когда из дома выскочил Кэлвин с двустволкой наперевес. Ей вдруг показалось, что он все знает и собирается убить ее. ,

— Пожалуйста, Кэлвин... — сказала она.

— Заткнись, — прервал ее Кэлвин. — Ты видела, как я включал лебедку:

— Да, наверное, но что...

— Слушай ты, глупая корова, я спущусь вниз и разделаюсь с этими грязными иностранцами. Ты будешь включать и выключать лебедку, а если что-то сделаешь не так, я разделаюсь и с тобой.

Он схватил Дору за плечо, тряхнул ее с такой силой, что она еле устояла на ногах, и зло прошипел:

— Я с тобой обязательно разделаюсь. — Обмирая от страха, Дора молча кивнула.

Он забрался в ящик и сказал ей:

— За час я расправлюсь с этими грязными крысами, и ты поднимешь меня наверх. Нажимай.

Весь этот час она молила Бога, чтобы Кэлвин не нашел этих людей внизу и не стал убийцей. Ровно через час она включила лебедку. Мотор работал с большим напряжением, и трос натянулся так, что, казалось, вот-вот оборвется. У Доры перехватило дыхание, когда наверху показался ящик. Подбежав ближе, она заглянула внутрь, но Кэлвина там не было. В ящике горой лежали лишь золотые слитки, а на них — знакомый лист пергаментной бумаги.

— Боже мой, — прошептала она, почти с ужасом глядя на лежащие перед ней несметные богатства.

Она осторожно, двумя пальцами взяла записку и, замирая от волнения, прочитала.

«Вкус живой индейки, которую вы нам прислали, не под-

дается никакому сравнению. Правда, наше представление, об индейке, почерпнутое из кодовой книги, было совсем иное. Но это не имеет никакого значения. Она была восхитительна! Мы высылаем вам дополнительную плату и умоляем немедленно прислать нам еще индейку.

Глар, правитель».

Дора перечитала записку несколько раз, чтобы убедиться в том, что все правильно поняла.

— Вот это здорово! Конечно же, он был похож на индейку, воскликнула она и засмеялась.

ГРЯЗНЫЕ НОГИ

Мартин Уоддел

Прямо перед собой в вытянутой руке Ричард держал мужскую ногу — большим и указательным пальцами он сжимал кончик серого носка, и нога медленно поворачивалась вокруг своей оси.

Конечно, это была не вся нога, а одна лишь ступня, к тому же основательно подпорченная гниением, так что сочившаяся из нее жидкость успела промочить и испачкать сидевший на ней обычный серый носок. Держал ее Ричард подчеркнуто осторожно, даже бережно, опасаясь, что ткань носка может порваться, а потом аккуратно положил на стол перед собой и внимательно оглядел со всех сторон.

Понюхал, поскреб ногтем большого пальца, понюхал сам палец, а затем тщательно вытер его носовым платком.

С виду это действительно напоминало серый носок, надетый на... на... — вам когда-нибудь приходилось прочищать засорившуюся трубу под раковиной?.. Вот так все это примерно и выглядело — мягкое, вязкое, хотя отчасти и сохранившее форму, особенно в тех местах, где шерсть ткани срослось с кожей, или это ткань приросла к коже? Да, очень было похоже на носок, набитый сырой грязью вперемешку с костями, однако Ричард почти не сомневался в том, что это действительно нога.

Вот чья только? В общем-то резонный вопрос, хотя ответа на него у Ричарда не было. Если не считать лаконичной фабричной надписи «53/9/В», она не несла на себе никаких отличительных примет, которые позволили бы выделить эту ногу из массы других.

Может, это какая-то особая нога, например, нога джентльмена? Дорожного мастера или, скажем, хористки? Впрочем, для женской она была чуть великовата. Да, именно была великовата, поскольку сейчас производимое ее впечатление отличалось неопределенностью — просто носок был большой и когда-то, видимо, плотно облегал ее. Хотя так ли уж необходимо вдаваться во все эти малоприятные детали? Одним словом, сплюсшая тайна, загадка. И вот сейчас Ричард сидел за обеденным столом перед лежавшей в тарелке с супом человеческой ступней, изредка задумчиво поковыривая ее вилок, словно пробуя на мягкость.

Покончив с ужином, он налил себе чашку чая и прочитал главу из Пруста... У него был заведен особый порядок, предусматривавший ежедневное прочтение одной главы из Прус-

та. Затем он вымыл посуду и снова вернулся к ноге. Та чуть свесилась через край тарелки и капавшая с кончика носка жидкость уже оставила на скатерти довольно неприятного цвета пятно. Впрочем, теперь об этом было уже поздно говорить. Да и потом, разве поместится мягкая, чавкающая нога в обычной суповой тарелке? Сами попробуйте и увидите. Он перенес тарелку поближе к телефонному столику, поставил ее на сиденье нового голубого дивана и позвонил своей подружке Эмме.

— Привет, Эм, — сказал он. — Знаешь че?

— Че? — спросила Эмма. Вы, конечно, догадались уже, что Ричард был не особенно высокого мнения о своей подружке, хотя это и не всегда соответствовало действительности. Эмма, как ему казалось, не отличалась выдающейся смекалкой, тогда как сам о себе он был гораздо более высокого мнения. Познакомились они на танцах в Хэммерсмит-паласе; Ричард уже тогда заметил существовавшую между ними разницу в утонченности интеллекта и понял, что сможет крутить Эммой, как захочет. Она, правда, иногда выкидывала такие коленца, которые ее мамаша не только бы не одобрила, но едва ли вообще себе представляла, хотя в целом жила довольно сносно, в чем ей содействовали несколько ухажеров, к числу которых относился и Ричард. Матери Эммы он наверняка бы не понравился, поскольку та его считала человеком, оскандалившимся на весь Эктон и позволявшим себе такое, чего ее дочь себе бы никогда не позволила, хотя дочка и сама вытворяла кое-что похлеще, ну, в общем, вы меня поняли. Я просто хочу сказать, что лучше бы Эмме действительно не связываться с Ричардом, так что в этом смысле ее мать была абсолютно права, хотя и была уверена в том, что дочка работает на банановой фабрике.

— Эм, у меня для тебя кое-что есть, — проговорил Ричард, ленивым жестом стискивая ступню.

— Ууууу! — восторженно промычала Эмма.

— Но это сюрприз. В жизни не догадаешься. — Если на то пошло, догадываться Эмма вообще не собиралась, поскольку обычно все ее время уходило на всевозможные подсчеты. Когда речь заходила о подарках, мысли Эммы ограничивались тем, как бы их поскорее заполучить. Главным предметом ее гордости было умение обменять что-то на что угодно.

— И это снова поставит на ноги нашу дружбу, — сказал Ричард. . . Лихой он, в общем-то, был парень.

— Ой, Рич, не надо...

Хотя Эмма даже не предполагала, о чем идет речь, ей все же была свойственна некоторая реалистичность мышления. Действительно, не надо было Ричарду приносить домой эту ногу. Пусть бы лежала там, где он ее нашел, — в титане для

чая. Или, в крайнем случае, он мог бы отнести ее администрации, да еще и пожаловаться на обслуживание. Вот, мол, чай пахнет грязными ногами! Господь свидетель, он уже столько раз говорил им об этом, хотя вплоть до того самого момента, когда действительно выудил ногу, никак не мог предположить, что она там плавает и разлагается в окружении массы чайнок. Если бы все происходило так, как должно было происходить, то при очередной мойке бойлера ее попросту выбросили бы и никто бы ничего не заметил, однако старый серый носок каким-то образом зацепился за термостат и повис на нем наподобие громадного пакетика с чаем, добавляя к каждой чашке напитка свой непередаваемый аромат.

— Ну, так как, подойдешь? — интригуяще спросил Ричард.

— Лечу, — ответила Эмма и действительно полетела, поскольку ее мамаша снова ударилась в запой на припасенные для покупок питания деньги. Она кинулась в ванную, схватила вставную челюсть и принялась ее начищать, одновременно издавая какие-то булькающие звуки... Смешная она была девушка, потому что любила булькать. Она вставила зубы, натянула колготки, у нее были зеленые, с серебристыми колокольчиками, нацепила обтяжные сапожки из змеиной кожи и, легко сбежав по лестничным ступенькам и распахнув входную дверь, устремилась к автобусной остановке, где ей пришлось простоять полчаса в ожидании тридцать первого.

Что касается Ричарда, то он все это время пребывал отнюдь не в радостном настроении, а жаль, поскольку к тому моменту, когда он после звонка Эмме положил трубку, все вроде бы развивалось нормально.

— Это снова поставит на ноги нашу дружбу, — пробормотал он себе под нос, самодовольно ухмыляясь в висевшее в гостиной зеркало и думая о том, какая же все-таки старая кошелка эта Эмма. Впрочем, самодовольство его длилось недолго. Он стоял перед зеркалом и резкими движениями взъерошивал волосы.

Ричарду нравилось ходить с космами, они ему шли. Но тут его локоть случайно задел за тарелку, она перевернулась, выплескивая наружу и ногу, и то, что из нее натекло, прямо ему на брюки, оставляя на них большое, липкое, вонючее пятно. Не знаю, приходилось ли вам когда-нибудь оттирать губкой с пошитых из превосходной саржи брюк следы разложившейся ноги и прилипшие к ткани чайники, когда к вам с минуты на минуту должна прийти ваша подружка.

Про тридцать первый маршрут автобуса он тогда еще ничего не знал, но можете поверить мне на слово, что грязные ноги оттираются очень плохо. Это как жир, только еще хуже,

больше похоже на жратву для кошек, которую оставили гнить в миске, а потом швырнули туда пук свалявшейся паутины, хотя и это не совсем то. Если же вы всерьез заинтересуетесь и захотите лично все испробовать, спросите друзей, нет ли у них в долг такой ноги, или сами, как Ричард, попытайтесь найти где-нибудь такую ногу, хотя титан для чая, естественно, не самое подходящее место, где ее стоит искать. Да, титан для чая явно не то место, где надо искать ногу, хотя чай у Ричарда, и правда, имел такой привкус, словно в бак попала чья-то нога и медленно сочилась в него... А поскольку бойлер явно не то место, где можно скорее всего обнаружить ногу, возможно, именно поэтому она там и оказалась. А вдруг тот, кто ее туда опустил, собирался попозже зайти и забрать ногу назад, но потом забыл, куда ее спрятал, и попросту не смог найти? А может, и вообще ради шутки положил ее туда... Вы даете человеку ногу, и он опрометью бежит, куда глаза глядят... Или кто-нибудь сделал это из злого умысла в надежде, что управляющий станет кричать: «Эй, смотрите, у меня нога в чае!» — и уборщицу с тележкой уволят.

Не то, чтобы она не заслуживала увольнения, поскольку могла бы порегулярнее мыть бак изнутри вместо того, чтобы изредка извлекать из нижней его части отстойник с чайниками. Но вообще-то, я думаю, что кто-то из совершенно невинных соображений мог бы отнести ногу к себе домой. Может, это было для него чем-то вроде сувенира, напоминания о какой-нибудь хирургической операции... А потом машинально сунул ее в титан, чтобы она охладилась или согрелась, — это в зависимости от времени года, которого мы, естественно, не знаем по той простой причине, что Ричард никому не сказал, сколько времени нога там пролежала, прежде чем он ее нашел. Хотя он, конечно, мог бы прикинуть, как давно чай пахнет разлагающейся ногой, но вот, не побеспокоился сделать это. Единственное, что мы знаем наверняка, это то, что Ричард нашел ногу, которая каким-то образом попала в титан и придавала чаю особый аромат. Вместо того, чтобы поступить с ней подобающим образом: пожаловаться кому-нибудь или положить обратно, а потом молчать о случившемся, он сунул ее под джемпер, на негнущихся ногах вернулся к себе в кабинет, где переложил находку в портфель, поскольку подумал, что это будет чудесным и необычным подарком для Эммы.

В этом, кстати, заключалась одна из извечных Проблем Эммы. Она неизменно поощряла людей, делавших ей всевозможные подарки, и превратила их в источник средств к существованию.

Однако одновременно с этим она выработала у себя привычку распродавать все дары, так что ей постоянно требова-

лись новые подношения. Ее приятели, естественно, полагали, что она ни в чем не нуждается, и потому сталкивались с немалыми трудностями в поисках чего-то нового и оригинального, наилучшим образом отражающего их индивидуальность. Поэтому, возвращаясь в этот вечер домой на Дистрикт-лайн, Ричард поздравлял себя за проявленную смекалку, искренне полагая, что нога является лучшим вариантом решения данной проблемы. Но что, если она испачкает его рубашку, поскольку даже сейчас, находясь в портфеле, она изрядно подтекала, угрожая попортить его библиотечную книгу? Действительно, довольно необычное для него занятие, но зато Эмма поймет, что он за парень. Ведь наверняка никто еще не делал ей таких подарков. Да и потом, нога может ей пригодиться. Пригодиться — именно это слово пришло ему на ум, и это лишний раз подчеркивало, какой умница этот Ричард, свободно мыслящий и выдумщик. Но это же непροститительно! Это действительно должно стать для нее сюрпризом, чем-то новым, так ведь? Ожерелье из зубов, клок волос или кошелек, сделанный из уха. У них есть и такое — для изысканных особ, живущих в богатых районах, но разве когда-нибудь они получали в подарок ногу?

Нельзя сказать, что это был очень уж практичный подарок. Что с ней делать-то? В дверях поставить, к лампе пристроить или сделать из нее телефонную трубку? Но это только, если ваша нога достаточно жесткая, а та, что была у Ричарда, основательно обмякла. Бог знает, сколько времени его нога пролежала в титане для чая, и это было достаточно заметно.

— Привет, Эм, — сказал Ричард, открывая дверь.

— Привет, Рич, — ответила девушка. — Так что там у тебя с ногами?

Он мог бы, конечно, сказать ей, что это мокрая, осклизлая нога в сером носке очень хорошо подойдет к расцветке ее ковра, но не сказал. Вместо этого он заключил ее в страстные объятия, в результате чего в течение довольно длительного времени они не вели сколько-нибудь осмысленного и заслуживающего постороннего внимания диалога.

— Эм, у меня есть для тебя подарок, — сказал Ричард, когда они сели пить какао. Несмотря на то, что Ричард был парнем клевым и к тому же личностью, он по своей натуре оставался консерватором, а поскольку какао очень любил его отец, он также предпочитал этот напиток. Да и вообще, какао неплохо крепит.

— Ой, не надо было, — неубедительно проговорила Эмма. Можно было, конечно, сказать что-нибудь и поновее, но она не стала утруждать себя. Лучше придерживаться чего-нибудь апробированного. По сути своей она тоже была консервато-

ром, и, возможно, именно поэтому у них с Ричардом все так хорошо складывалось.

— Закрой глаза, Эм, — сказал он.

— О нет, я не могу, — промолвила она, очаровательно краснея, хотя теперь уже с явным опозданием.

— Ну давай, Эм.

— Ну хорошо, Ричард, закрываю. — Эмма сомкнула веки и стала с надеждой ждать — в этот момент ей на колени легло что-то мягкое и холодное.

— Можешь открывать, — сказал Ричард.

— Что это, Рич? — спросила она, глядя на аккуратно упакованный сверток. — Но я, правда, думаю, что не надо было...

— Открой, Эм, — с гордостью произнес он. Эмма дрожащими пальцами развязала красивую голубую ленту, разорвала бумагу и посмотрела на ногу, большую часть которой Ричард запихнул обратно в носок, естественно, предварительно отодрав его от ковра.

— Как это мило с твоей стороны, Рич, — машинально проговорила она.

— Это — нога, — с явным предвкушением чего-то произнес он.

— О-го-гооо! Нога! Ну, не надо было...

— И все же...

— Нога, — задумчиво проговорила Эмма. — Кажется, ноги у меня раньше не было.

— Не говори глупостей, Эм, у тебя и сейчас есть две штуки.

— Я знаю, но это же ведь особая какая-то, так ведь? — Ну конечно. Иначе бы я не стал тебе ее дарить. — Оба сидели и смотрели на ногу, которая, освободившись от упаковки, снова начала пропитывать носок.

— Рич, — спросила Эмма, — а что она делает?

— Эм, она ничего не делает, — ответил Ричард. — Это просто нога.

— А что ты с ней делаешь?

— Хожу на ней, — чуть нетерпеливым тоном произнес Ричард.

Эмма задержала на ноге взгляд.

— Мне бы лично не захотелось этого делать. Она же в туфлю не влезет.

— Можно надевать ее перед огнем, — подсказал Ричард, явно наводя ее на какую-то мысль.

— А ты сам пробовал?

— Ну, или надеть на нее шлепанец. Да ты с ней можешь перепробовать массу обуви. Ведь это уникальная вещь, Эм.

Ты сейчас — единственная девушка в Лондоне, у которой три ноги. Подумай только об этом.

— Я и думаю, — чуть с горечью отозвалась Эмма. Она ума не могла приложить, кому продать эту ногу и, тем более, определить, сколько могут за нее дать. Люди дарили ей разные, но обычно вполне банальные вещи — ювелирные изделия, меха, всякие милые безделушки, и она, практически не задумываясь, могла в любой момент избавиться от них. Но нога, и к тому же такая скользкая, подумала она, что с ней делать-то? К мяснику сходить... Нет. К токсидермисту... Ну, положим, он сделает из нее чучело, а дальше что? И потом, это будет дорого стоить. В больницу студентам, чтоб изучали. А что, неплохая идея!

— Большое тебе спасибо, Рич, — сказала Эмма, снова заворачивая ногу и слегка озадаченно хмуря бровь.

Вернувшись домой, Эмма решила не показывать ногу матери та могла бы захотеть оставить ее дома наподобие брошки или горжетки из чернобурки, хотя самой Эмме нога не особенно понравилась. Она согласилась с Ричардом насчет того, что это довольно необычный подарок, отражающий особенности его личности, но ей все же не хотелось, чтобы нога валялась где-нибудь в доме и собирала на себя пыль. В конце концов, это была всего лишь грязная вонючая нога, и ей хотелось от нее избавиться.

Ну что ж, скажете вы, можно сунуть ее в мусорное ведро или сжечь. Впрочем, сжечь ее было бы трудновато — дом, в котором проживала Эмма, был подключен к системе центрального отопления, однако в отношении мусорного бака таких препятствий не существовало. А потом она вполне могла бы сказать, что попросту должна была выбросить ее в бак — ведь сам-то Ричард держал ее в титане для чая. Но Эмма все же решила поступить иначе. На работе ей приходилось основательно вкалывать, чтобы зарабатывать на жизнь, как, впрочем, и остальным, хотя ее личный способ зарабатывать заключался в том, чтобы получать плату за что угодно, вне зависимости от того, что именно это было.

Итак, у нее оказалась одна левая нога в сером носке, а потому ей надо было продать ее. Кто-нибудь где-нибудь обязательно захотел бы купить ее — в этом у Эммы сомнений не возникало.

— Сколько дадите за это? — спросила она мистера Блэкберна, вываливая ногу на прилавок. Послышался отвратительный шлепающий звук, но мужчина, похоже, не обратил на него внимания.

— За что? — спросил он.

— Вот за это, — проговорила девушка, тыча пальцем в ногу.

— Носок неплохой, — заметил тот. — И много у вас таких?

— Только один.

— Одна пара? Вы что, дурить меня вздумали? Да если мне придет в голову идея заниматься покупкой носков по одной паре, то скоро я в трубу вылечу.

— У меня их не пара, а всего один.

— Один носок, — пробормотал он, недоверчиво крутя головой.

— Не носок один, а одна... — Все было бесполезно. Мистер Блэкберн прошел в свою маленькую заднюю каморку, где снова принялся за подсчет излишков армейских бронежилетов. Опечаленная Эмма взяла ногу и вышла из магазина.

Но ведь кому-то где-то должна понадобится одна левая нога?

Ей не хотелось заходить в больницу через главный вход, и она предпочла боковой, где нос к носу столкнулась с молодым ну милашка просто — парнем, толкавшим какую-то плетеную корзину.

— Извините, не подскажете, куда мне пройти? — спросила Эмма.

— С удовольствием, — бойко отозвался парень. Они пошли выпить по чашке кофе — это было знакомое ему маленькое заведение, расположенное неподалеку. Эмма тоже знала это место, но не подала виду. Всю дорогу она пыталась подвести разговор к теме о ноге, которая лежала у нее в хозяйственной сумке и отчаянно подтекала.

— Рекс, — проговорила она, так звали молодого человека. — Вы у себя в больнице не покупаете, ну, знаете... части людей?

— Вы что имеете в виду? — осторожно спросил он.

— Ну, представляете, у одного человека есть кусочек другого человека, и ему хотелось бы его продать. Они бы не согласились купить?

— Это как посмотреть, — заметил Рекс.

— А левую ногу? — с надеждой спросила Эмма.

— Вот насчет этого не знаю. Вообще-то ноги не моя специальность. Вот тело — это как раз по мне, — с некоторым вождением в голосе проговорил он, но Эмма, к счастью, этого не заметила — все ее внимание было уделено лежавшей в сумке ноге, которая начала подпитывать сверток с маслом.

— А мне вы ничего такого не могли бы подыскать? — спросила она.

— Знаете, давайте пройдем ко мне, там и поговорим, — одним словом, они опять вернулись к Рексу на работу, и

значительно позже он действительно нашел. Точнее говоря, это бедняжка Эмма подумала, что он что-то искал, однако та небольшая серая книжица, в которую он тыкал пальцем, называлась «Галльские войны Цезаря — часть III».

— И что там пишут, Рекси? — спросила она, подтягивая колготки. Эти колготки вечно морщились на талии, а все потому, что у нее были короткие ноги и толстый зад, который она сама называла несчастьем. Но это так, к слову сказать. Еще ни разу Эмме не удавалось купить себе колготки, которые были бы ей впору.

— Так ты действительно хочешь продать свои ноги? — спросил Рекси. Теперь он был уже Рекси, а не Рекс, который на самом деле оказался обычным привратником, и потому ему было трудно ухватить суть проблемы.

— Не ноги, — сказала она, — а ногу.

— Ха-ха, — Рекси подумал, что он подцепил веселую девицу. — Я бы на твоём месте так легко с ней не расставался. Подожди, пока не подберешь пару.

— Мне и одной слишком много, — не слишком правильно проговорила Эмма, хотя это вышло у нее довольно мило.

— Знаешь, ты мне действительно нравишься, — быстро пробормотал Рекси. — И ножки твои тоже, — добавил он, чуть подумав. Насколько он мог судить, глядя на ноги Эммы, с ними был полный порядок, причем, несмотря на все ее возражения, это была действительно пара ног, а не одна штука.

— Если бы только у меня была пара, — горестно повторила девушка.

— Привет, Эм, — сказал Ричард, позвонив ей в тот же день на работу. — Ну, как дела?

— Слушай, Рич, ты помнишь мою ногу?

— Прости, Эм?

— Ну, ноги помнишь... Они же всегда идут в паре. Ну две штуки, так?

— Не обязательно, Эм, — резонно заметил Ричард, одновременно стараясь смекнуть, в какую сторону будет развиваться разговор.

— О, Рич, — продолжала она, тяжело дыша и делая паузу, мне бы так хотелось раздобыть вторую.

— Ну, Эм...

— Ведь ты же найдешь ее для меня, Рич, обещаешь?

— Ну, Эм. . .

— Умоляю тебя, Рич.

— Ну, Эм..

— Мне так нравится эта моя нога, Рич.

— Видишь ли, Эм...

— Пожалуйста, Рич.

— Эм, мне тоже хотелось бы подыскать для тебя и правую, но, видишь ли...

— Угу-гуууу, Рич, ты такой пупсик! — воскликнула Эмма и быстро повесила трубку.

Вот так дилема! Дил-Эмма, подумал Ричард, он же остроумный парень, вы не забыли? Он сидел за письменным столом: задумчиво перебирая пальцами счета. Мысли его блуждали где то далеко-далеко. В словах Эммы была своя логика — обычно ноги, действительно, идут парами. Одна левая нога никому не нужна. Но где взять вторую? Он настолько углубился в эту проблему, что почти dokonчил пить чай, когда внезапно обнаружил, что он попахивает... грязными ногами.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы подойти к двери, сделать несколько шагов по коридору, проворно заглянуть за кухонную дверь, войти на кухню, снять крышку титана, всунуть в него руку и тут же нащупать пальцами второй набухший носок — и тоже с ногой внутри! Он с интересом отметил, что на ней еще сохранились ногти, хотя танин основательно их обесцветил.

Счастливый финал? Именно об этом Ричард и подумал. Он тут же с нарочным отправил ногу Эмме, а та сунула ее в сумку и отнесла пару к знакомому антиквару.

— Ноги покупаете? — спросила она.

— Если в цене сойдемся, — машинально ответил тот.

Она положила обе ноги на прилавок.

— Ючхпр-р-р-р! — слышалась естественная реакция антиквара. — Немедленно уберите!

Вид у Эммы стал очень обиженный, а ей очень шло, когда она обижалась.

— Да и потом, — добавил он, чтобы хоть как-то подсластить пилюлю, — вы же не станете отрицать, что видок у них неважнецкий. Да и, — он пригляделся повнимательнее, — это даже не пара!

— Ну что вы, конечно же пара! — воскликнула Эмма, хотя перед ней действительно лежали совершенно одинаковые ноги. Обе левые. Точнее, она видела три левые, а одна была правая, но парные были ее собственные.

— Привет, Эм, — проговорил Ричард, когда на следующее утро позвонил ей на работу. — Как дела?

Тем временем в чайном титане плавали две правые ноги. — Привет!

СОДЕРЖАНИЕ

О пользе страха	3
I. ОСТРОВ СТРАХА	7
Д.Кифовер	
Кали <i>пер. Н.Куликовой</i>	9
Дж.Ф.Элиот	
Медная чаша <i>пер. Н.Куликовой</i>	22
С.Х.Адамс	
Труп за столом <i>пер. Н.Куликовой</i>	34
А.Дерлет	
Рыбак с Соколиного мыса <i>пер. Н.Куликовой</i>	38
Э.Л.Уайт	
Лукунду <i>пер. Н.Куликовой</i>	43
У.Сэмброт	
Остров страха <i>пер. В.Полищук</i>	59
II. ДЕТСКИЕ ИГРЫ	67
Т.Стадт	
Мальчик, который замучил своего ужа <i>пер. Н.Куликовой</i>	69
А.Г.Дж.Раф	
Мед с дегтем <i>пер. Н.Куликовой</i>	81
И.Ллойд	
Специальная диета <i>пер. Н.Куликовой</i>	83
Д.Бурк	
Детские игры <i>пер. Н.Куликовой</i>	95
Р.М.Хилл	
Угадайка <i>пер. В.Полищук</i>	106
Р.Тимперли	
Гарри <i>пер. Н.Куликовой</i>	115
М.С.Уоддел	
Бледный мальчик <i>пер. Н.Куликовой</i>	125
III. ДОМ УЖАСОВ	131
С.Джей	
Паучиха <i>пер. Н.Куликовой</i>	133
М.Армстронг	
Тот, который курил трубку <i>пер. Н.Куликовой</i>	141
О.Кук	
По частям <i>пер. Н.Куликовой</i>	149
Х.Х.Эверс	
Казнь Дэмьена <i>пер. Н.Куликовой</i>	160

Р.Блох	
Второй дом	пер. Н.Куликовой 177
К.Клеменс	
Рассказ о девушке из провинции	
пер. Н.Куликовой	 185
С.Куин	
Дом ужасов	пер. Н.Куликовой 193
IV. УБЕЙ МЕНЯ НЕЖНО	 213
М.Малмер	
Гроза	пер. Н.Куликовой 215
Д.Грей	
Дом нашей мечты	пер. Н.Куликовой 228
П.Ричи	
Случай в метро	пер. Н.Куликовой 235
Э.Бенедикт	
Бассейн	пер. В.Полищук 244
Л.П.Хартли	
В.С.	пер. Н.Куликовой 258
Р.Даль	
Сдается комната	пер. В.Полищук 270
Д.Ритчи	
Вкус смерти	пер. Н.Переведенцевой 278
Г.Мейсер	
Адвокату — два миллиона	пер. В.Полищук 283
К.Б.Гилфорд	
Убей меня нежно	пер. Н.Куликовой 296
V. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПТИЦ	 317
М.Джозеф	
Желтый кот	пер. Н.Куликовой 319
Л.Стюарт	
Исключительно для птиц	пер. Н.Куликовой 330
Э.Бертен	
Как два белых паука	пер. Н.Куликовой 335
Э.Джепсон	
Д.Госворт	
Блуждающая опухоль	пер. Н.Куликовой 346
П.Флеминг	
Добыча	пер. Н.Куликовой 351
П.Андерсон	
К.Андерсон	
Котенок	пер. Н.Куликовой 361

VI. ГРЯЗНЫЕ НОГИ	387
П.Хайсмит	
Почитатель улиток <i>пер. Н.Куликовой</i>	389
К.Б.Гилфорд	
Не женитесь на ведьмах <i>пер. Н.Переведенцевой . .</i>	397
П.Теридьон	
Некролог <i>пер. Н.Куликовой</i>	407
Г.Рольсет	
Эй, вы, там внизу! <i>пер. Н.Переведенцевой</i>	411
М.Уоддел	
Грязные ноги <i>пер. Н.Куликовой</i>	419

Это очень увлекательная и очень страшная книга! Это первое в нашей стране столь богатое собрание переведенных с английского рассказов самого популярного сегодня жанра, представленного здесь во всем разнообразии тем и авторских стилей. Каждый читатель найдет на этих страницах чего бояться. И лишь одного может не бояться никто: скучно не будет!